

Роберт ГОВАРД

КРОВЬ БОГОВ

Сага мертвых песков

Роберт И. Говард

КРОВЬ БОГОВ

Сага
мертвых песков

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1998

УДК 820
ББК 84 (7США)
Г 57

Говард Р. И.

К 57 Кровь богов: Повести и рассказы. / Пер. с англ.—
СПб.: Северо-Запад, 1998.— 464 с.

ISBN 5-7906-0062-X.

Воины Востока издревле славились своей безжалостностью и отвагой, но ни один из них не мог сравниться с сыном Белого Волка, чье имя наводило ужас даже на дикие племена афгулов. Его звали Эль Борак...

Бессмертные творения Роберта И. Говарда распахнут перед читателем двери жестокого и таинственного Востока, в мир демонов и древних пророчеств, измен и кровавых схваток, в мир ненависти и любви.

Г 8200000000

ББК 84 (7США)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

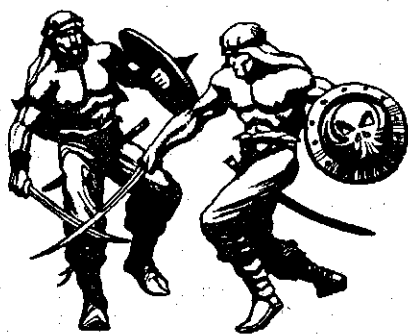
*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

ISBN 5-7906-0062-X

© Ken Kelly, 1988

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

КРОВЬ БОГОВ

КРОВЬ БОГОВ

Т

1

онкие губы Хокстона кривились в злобной усмешке. Опасные огоньки, мелькавшие в глазах англичанина, вызвали у Дирдара страшное подозрение, превратившееся в уверенность, когда он перевел взгляд на лица трех других европейцев. Ненасытная алчность искажала черты белых мужчин.

Араб беспокойно оглядел грязные стены, кляня себя за то, что согласился прийти в этот заброшенный дом на окраине

Эльзема. Стакан с бренди выпал у него из руки, смуглое лицо посерело.

— Лах! ¹ — вскричал он в отчаянии. — Вы обманули меня. Вы не друзья... вы привели меня сюда, чтобы убить...

Он попытался встать, но Хокстон, крепко схватив его за рубаху на груди, заставил снова сесть на стул. Араб отшатнулся, когда белый, резко наклонившись, приблизил к нему свое хищное лицо.

— Мы не причиним тебе вреда, Дирдар, — сказал англичанин, — если ты поделишься интересующими нас сведениями. Ты слышал мой вопрос. Где Аль Вазир?

Араб взглянул на Хокстона снизу вверх маленькими блестящими глазками и вдруг с силой рванулся всем своим жилистым телом. Уперев ноги в пол, он откинулся назад, опрокинул стул и упал вместе с ним. Оставив лоскут, оторванный от рубахи в руке у Хокстона, Дирдар вскочил на ноги и бросился в открытую дверь. Он нырнул под руку огромного датчанина Ван Брока, но, споткнувшись о подножку, подставленную Ортелли, растянулся, затем перекатился на спину, выхватил из-за пояса кривой нож, и ударил итальянца. Ортелли взвыл и отпрыгнул назад; кровь хлестала из раненой ноги. Но когда Дирдар снова вскочил, русский, Кракович, подбежал сзади и рукоятку револьвера сильно ударил беглеца по голове.

Оглушенный араб свалился на пол, а Хокстон вышиб нож из судорожно сжатой руки и схватил Дирдара за ворот шерстяной абы ².

¹ Лах — Аллах (арабск.).

² Аба — длинный плащ из верблюжьей шерсти с отверстиями для рук.

— Помоги мне поднять его, Ван Брок,— бросил он.

Дородный датчанин выполнил просьбу, и бесчужденного араба вновь водворили на стул. Его не стали связывать, но Кракович встал позади, приставив к затылку Дирдара дуло револьвера, а свободной рукой сжал плечо араба.

Хокстон наполнил стакан и поднес его к губам пленника. Дирдар машинально глотнул, взгляд его прояснился.

— Он пришел в себя,— сказал Хокстон.— Держи его хорошенько, Кракович. Заткнись, Ортелли! Завяжи ногу тряпкой и перестань ныть! Ну, Дирдар, ты в состоянии говорить?

Араб озирался, словно затравленное животное. Его худая грудь под разорванной рубашкой тяжело вздымалась. По свирепому выражению лиц окружающих он понял, что пощады не будет.

— Давайте поджарим наглуую тварь,— предложил Ортелли, накладывая себе повязку. Он зло взглянул на араба.— Дайте мне приложить раскаленный шомпол к его свинячьей...

Дирдар вздрогнул и впился взглядом в лицо англичанина. Он знал, что Хокстон превосходит всех этих бесчестных людей не только умом, но и сокрушительной тяжестью кулаков.

Араб облизнул пересохшие губы.

— Видит Аллах, я не знаю, где Аль Вазир!

— Лжешь,— проворчал англичанин.— Ведь ты был в отряде, сопровождавшем Аль Вазира в пустыню, откуда для него нет возврата. Нам известно, что тебе ведомо место, где его оставили. Ну, ты собираешься говорить?

— Эль Борак убьет меня,— пробормотал Дирдар.

— Кто это? — громко спросил Ван Брок.

— Американец, — раздраженно ответил Хокстон. — Авантюрист. Он вел караван, с которым Аль Вазир отправился в пустыню. Дирдар, тебе не нужно бояться Эль Борака. Мы защитим тебя.

В уклончивом взгляде араба мелькнуло новое выражение. К страху теперь примешивалась жадность.

— Я знаю, зачем вам понадобился Аль Вазир, — сказал он, хитро прищурившись. — Вы рассчитываете узнать о сокровищах, превосходящих ценностью все, что накоплено в Шахразаре. Хорошо, допустим, я проведу вас к Аль Вазиру и вы защитите меня от Эль Борака... Могу я рассчитывать на часть Крови Богов?

Хокстон нахмурился, а Ортелли выругался.

— Ничего не обещаю этой собаке! Поджарь лучше ему пятки!

— Отстань, — огрызнулся Хокстон. — Эй, кто-нибудь выгляните на улицу. Посмотрите, нет ли там чего подозрительного. Я видел, как старый дьявол Салим, еще до заката, шатался по переулкам.

Никто из европейцев не пошевелился. Они не поверили своему главарю, а тот не повторил приказа. Хокстон повернулся к Дирдару. Глаза араба поблескивали жадностью.

— Как я узнаю, что ты правильно ведешь нас? Ведь каждый, кто был в караване, поклялся, что никогда никому не расскажет, где скрывается Аль Вазир.

— Клятвы даются для того, чтобы их нарушать, — цинично ответил Дирдар. — Ради Крови Богов я отрекись даже от Магомета. Предположим, вы найдете Аль Вазира. Что дальше? Он не скажет, где сокровище.

— Известно немало способов, заставляющих человека говорить, — мрачно заверил его Хокстон. — Может быть, хочешь испробовать один из них на себе или все же скажешь, где Аль Вазир? — Он раздраженно посмотрел на араба. — Ты получишь часть сокровища. — Хокстон, разумеется, не собирався держать свое слово.

— Машалла! ¹ — воскликнул араб. — Аль Вазир живет один, но путь к нему далек и сложен. Когда я назову место, вы, эфенди ² Хокстон, конечно же, сразу поймете, где это. Я же могу провести вас более короткой дорогой, короче на целых два дня. А день, выигранный в пустыне, часто спасает от смерти.

— Аль Вазир живет в пещерах Эль Хоур... А-а-ах! — Голос араба сорвался на визг. Оскалив зубы, он поднял руки в смертельном ужасе. Тотчас раздался выстрел, громкий звук которого разнесся по хижине, и Дирдар, схватившись за грудь, упал со стула. Хокстон, резко обернувшись, заметил в окне черный дымящийся ствол пистолета и мрачное бордатовое лицо. Выстрелив в незнакомца, англичанин левой рукой сбил со стола подсвечник, и хижина погрузилась во мрак.

В то время как его компаньоны кричали и ругались, в поднявшейся суматохе натываясь друг на друга, Хокстон хладнокровно действовал. Он рванулся вперед, отшвырнув в сторону кого-то, попавшегося ему на пути, и распахнул дверь. Мелькнул силуэт мужчины, бегущего через дорогу под тень деревьев на противоположной стороне. Англичанин поднял револьвер и выстрелил. Хокстон уви-

¹ Машалла — прекрасно.

² Эфенди — господин (туркск.).

дел, как человек пошатнулся и упал. Черная тень скрыла тело незнакомца.

Хокстон на мгновение притаился у двери, в одной руке держа наготове револьвер, а другой сдерживая рвущихся наружу людей.

— Назад, будьте вы прокляты! Это старик Салим. Может быть, там, за деревьями, есть еще кто-нибудь.

Но ничего подозрительного не было видно; раздавались только стоны человека, быющего в агонии и катающегося по земле. Скоро и эти звуки смолкли, только шелест пальмовых листьев нарушал тишину. Хокстон осторожно вышел под свет звезд. Выстрелов не последовало. Он сразу же начал действовать и, вернувшись к товарищам, рявкнул:

— Ван Брок, Ортелли, ступайте и отыщите Салима. Я знаю, он ранен. Скорее всего, вы найдете его мертвым под пальмами. Если он еще жив, прикончите его. Он был слугой Аль Вазира. Я не хочу, чтобы старик донес о наших планах Гордону.

Англичанин в сопровождении Краковича ощупью пробрался в темную хижину, высек огонь и поднес свечу к телу, распростертому на полу: Хокстон увидел серое лицо араба, остекленевшие глаза и голую грудь, с зияющей круглой глубокой раной, из которой уже не сочилась кровь.

— Точно в сердце, — пробормотал Хокстон, сжав руку в кулак. — Салим, вероятно, видел араба с нами и следил за ним, догадываясь, что мы рано или поздно прижмем Дирдара к стенке. Старый дьявол убил его, опасаясь предательства, — но это уже неважно. Мне не нужен проводник, чтобы добраться до пещер Эль Хоур.

В это время вошли итальянец и датчанин.

— Мы не нашли старого пса, — сказал Ван Брок. — На траве видны пятна крови. Он, наверное, тяжело ранен.

— Пусть уходит, — буркнул Хокстон. — Он уполз, чтобы где-нибудь сдохнуть. До ближайшего жилья около мили. Ему туда не дойти — старик не проживет так долго. Пошли! Люди и верблюды готовы. Они за пальмами к югу от дома. Все готово для похода, как я и планировал.

Вскоре поскрипывание седел на верблюжьих горбах да звон колокольчиков послышались в ночи. Строй молчаливых всадников, подобно темным призракам, двинулся на запад и растворился в пустыне. Оставив спать в звездном свете плоские крыши Эль-Азема, затененные пальмовыми листьями, колеблемые легким бризом, дующим с Персидского залива.

2

Покачиваясь в седле и придерживая рукой висевший на поясе тяжелый револьвер, Гордон неторопливо ехал по пустынной дороге. Темное небо искрилось мириадами звезд, слабый свет которых едва освещал путь. Взгляд путника скользил по рядам пальм, тянувшихся по обеим сторонам дороги и томно колыхавших широкими перистыми листьями под дуновением легкого ветерка. Он знал, что ему не грозит нападение из засады: ни с кем из Эль-Азема у американца не было кровной вражды. А там впереди, совсем недалеко, виднеется дом его друга Ахмета ибн Миткаля, где Гордон жил как почетный гость. Но привычки очень живучи. В течение многих лет он имел обыкновение поступать

так, как считал нужным, и если сотни людей в Аравии гордились дружкой Эль Борака, то было и множество других, которые при одном упоминании этого имени скрежетали зубами.

Подъехав к воротам, Гордон позвал привратника. Когда створки ворот распахнулись, американец увидел крупную фигуру хозяина, спешившего навстречу.

— Аллах с вами, Эль Борак! Я уже стал опасаться, что на вас напали. Всего в трех днях пути отсюда люди, жаждущие свести с вами счеты, а вы едете ночью один.

Гордон спрыгнул на землю и передал поводья конюху, вышедшему вслед за хозяином из большого, обнесенного стеной двора. Американец был невысок, но широкоплеч и жилист. Мощный торс угадывался под свободными складками восточной одежды, а хладнокровное выражение лица не оставляло сомнений: человек этот обладает стальными нервами, закаленными в борьбе за выживание на диких окраинах мира. Черные глаза его сверкали таким же холодным блеском, как и у любого из неукротимых сынов пустыни.

— Думаю, мои враги решили дать мне умереть в старости и покое, — ответил он.

— Что это? — Ахмет ибн Миткаль замер, чутко прислушиваясь. У него не было недостатка и в собственных врагах. Через мгновение из-за угла слышались странные звуки. Они-то и заставили араба насторожиться.

Гордон, тоже услышавший эти звуки, обернулся с кошачьей стремительностью; револьвер, как по волшебству, мгновенно оказался в его руке. Он шагнул к стене... Из-за угла показался какой-то человек в разорванной, лохмотьями повисшей одежде

де. Надсадно дыша, он медленно полз, и при каждом движении из его груди вырывались хриплые стоны. Он упал к ногам американца, повернув залитое кровью лицо к звездному небу.

— Салим! — тихо воскликнул Гордон.

Одним прыжком он оказался за углом и, держа револьвер наготове, огляделся, но не заметил ничего подозрительного. Только голая пустынная земля, на которой шевелились тени от покачивающихся пальмовых листьев, простиралась вокруг.

Он вернулся к лежащему на песке человеку, над которым склонился Ахмет.

— Эфенди! — простонал старик. — Эль Борак!

Гордон опустился рядом с ним на колени. Салим в отчаянии сжал его руку костлявыми пальцами.

— Халима¹, быстро! — крикнул Гордон.

— Нет, — выдохнул Салим, — я умираю...

— Кто в тебя стрелял, Салим? — спросил Гордон. Он уже понял, что смертельная рана старика, пропитавшая кровью всю его абу, была пулевой.

— Англичанин Хокстон, — с трудом произнес Салим. — Я видел, как он... и трое негодяев с ним... обманом завлекли этого дурака Дирдара в заброшенный дом возле Мекметского источника. Я пошел за ними, потому что знал... они задумали недоброе. Дирдар собака. Он пил спиртное, как неверный. Эль Борак! Дирдар предал Аль Вазира! Он нарушил клятву. Я застрелил его... через окно... но опоздал. Он не сможет их провести... но он успел сказать Хокстону... о пещерах Эль Хоур. Я видел их караван... верблюды... семь слуг-арабов. Эль Борак! Они отправились... к пещерам... к пещерам Эль Хоур!

¹ Халим — лекарь, врач (арабск.).

— Пусть это тебя не беспокоит, Салим,— сказал Гордон, отвечая на настойчивый взгляд тускнеющих глаз преданного слуги.— Они пальцем не тронут Аль Вазира. Обещаю тебе.

— Аль хамуд Лиллах¹,— прошептал старый араб.

По его телу пробежала судорога, изо рта пошла кровавая пена. Суровое, изборожденное морщинами лицо застыло, и он умер прежде, чем Гордон опустил голову старика на землю.

Американец поднялся и посмотрел сверху вниз на неподвижное тело. Ахмет подошел к нему вплотную и, прикрыв рукавом рот, шепнул:

— Аль Вазир! Валлах!² Я думал, все забыли об этом человеке. Прошло больше года, как он исчез.

— Европейцы не забывают... когда поблизости чувствуют добычу,— со злобно-насмешливой улыбкой ответил Гордон.— Люди на всем побережье ищут Кровь Богов... те чудесные отборные рубины, которые были особой гордостью Аль Вазира. Камни исчезли вместе с ним, когда он оставил свет и удалился в пустыню, решив стать отшельником, в надежде медитациями и самоусовершенствованием открыть путь к истине.

Ахмед вздрогнул и посмотрел на запад за ствол пальм, где в смутной дали на огромное расстояние простиралась призрачная пустыня, сливаясь с дрожащим маревом звездной ночи.

— Тяжек путь к истине,— вздохнул Ахмет, который был большим любителем роскоши и удовольствий.

— Аль Вазир — странный человек,— заметил Гордон,— но слуги ему преданы. Вот, например старик Салим. Слава Богу, что Мекметский источ

¹ Аль хамуд Лиллах — слава Аллаху (арабск.).

² Валлах! — клянусь Аллахом! (арабск.)

ник в миле отсюда. Салим полз... полз всю дорогу с простреленной грудью. Он знал, что Хокстон будет пытаться Аль Вазира... а может быть, и убьет. Ахмет, прикажи седлать моего верхового верблюда.

— Я поеду с вами! — вскричал Ахмет. — Сколько человек нам понадобится? Вы слышали, что сказал Салим, — у Хокстона по меньшей мере одиннадцать человек.

— Мы не сможем его задержать в пути, — ответил Гордон. — Он сильно оторвался, у него отличные верховые верблюды. Я собираюсь поехать к пещерам Эль Хоур один!

— Но...

— Они поехали по караванной дороге, которая ведет к Рийядх. А я поеду к источнику Эмир Хана. Ахмет побледнел.

— Эмир Хан находится на земле Шалана ибн Мансура, который ненавидит вас так же, как имам ненавидит шайтана!

— Может быть, у источника никого из его племени и не окажется, — возразил Гордон. — Я единственный белый человек, знающий туда дорогу. Даже если Дирдар рассказал о ней Хокстону, англичанин не сможет найти оазис без проводника. Так мне удастся достичь пещеры на день раньше Хокстона. И я поеду один, одинокому всаднику легче проскользнуть мимо стоянки бедуинов, чем целому отряду. Сражаться с Хокстоном — по крайней мере, сейчас — я не буду. Необходимо просто предупредить Аль Вазира. Спрячемся с ним в пещерах, пока Хокстон не оставит эту затею и не вернется в Эль-Азем. А назад я отправлюсь по караванному пути.

Ахмет велел людям, столпившимся у ворот, седлать верблюда и готовить припасы в дорогу. Слуги бросились выполнять приказание.

— Вы, по крайней мере, переоденетесь? — спросил он.

— Нет, не стоит. В стране бедуинов и рувейла все равно мне не придется чувствовать себя в безопасности, а потому переодевание бесполезно. Они грабят и убивают чужеземцев, независимо от того, кто они, христиане или мусульмане.

Гордон проследил, как седлают и навьючивают его белого верблюда.

— Я поеду налегке, — сказал он. — Скорость — это все. Верблюду не потребуется вода до тех пор, пока не доберемся до источника. А оттуда переход до пещер недалог. Погрузите как можно меньше воды и провианта, лишь бы хватило до колодца.

Ни бурдюк с водой, ни мешок с провизией не оказались слишком тяжелы, когда хурджины перекинули на высокий горб верблюда. Это были припасы истинного сына пустыни. Коротко попрощавшись, Гордон уселся в седле, и под ударом бамбуковой палки животное встало на ноги. «Я-а-х-х!» — еще удар, и верблюд мерно двинулся к воротам. Слуги, широко раскрыв створки, встали по обе стороны ворот, провожая всадника удивленными взглядами. Глаза людей ярко блестели в свете факелов.

— Бисмиллах эль рахман эль раххим¹, — смиренно сказал Ахмет, поднял руку в благословляющем жесте, когда всадник на верблюде скрылся в ночи.

— Он поехал навстречу смерти, — пробормотал стоявший рядом бородатый араб.

— Если бы это был другой человек, я бы с тобой согласился. Но поехал туда Эль Борак. Даже Шалан

¹ Бисмиллах эль рахман эль раххим — во имя Аллаха милосердного (арабск.).

ибн Мансур, потеряв надежду справиться с Гордоном самостоятельно, готов дать табун кобылиц за его голову.

Солнце низко висело над пустыней. Золотисто-коричневое пространство каменистой земли и песка раскинулось до самого горизонта. Одиноким всадник был единственным видимым признаком жизни среди этой огромной равнины. Однако Гордон все равно был настороже. Позади остались дни и ночи тягостного пути. Сейчас он въезжал во владения рувейла, и каждый шаг увеличивал опасность. Рувейла, племя, родственное, как знал Гордон, могущественному племени руалла из Эль Хамада, слыли истинными сынами Исмaила — ястреба пустыни и не считали достойным жизни любого человека, не принадлежащего к их клану. Избегая встреч с воинственными бедуинами, караваны, идущие на запад, делали большой крюк, двигаясь в обход далеко на юг. Это была легкая дорога с колодцами, стоявшими на расстоянии дневного перехода друг от друга, и проходила всего в дне пути от Эль Хоур — катакомб, прорытых в горах, что отвесно поднимались над пустыней.

Немногие европейцы знали о существовании пещер, но Хокстону, очевидно, был известен этот старинный путь, ведущий к северу от источника Хосру на караванную дорогу. Хокстон будет вынужден добираться к источнику Эмир Хана, местонахождение которого бедуины тщательно скрывали.

В этом оазисе не было постоянных жилищ. Лишь несколько пальм, питаемых маленьким ручейком, да небольшой колодец, но отряды бедуинов часто разбивали там свои шатры. Гордон надеялся, что кочевники повели стада верблюдов далеко на се-

вер, в сердце своей страны; но, как настоящие хищники, руейла бродили повсюду, нападая на караваны и отдаленные деревни.

Следы, оставляемые верблюдом Гордона, были так слабы, что немногие могли бы их различить. Они неясно тянулись за ним, пока американец не вышел на каменистую равнину, с одной стороны ограниченную песчаными дюнами, а с другой — грядой невысоких гор. Он взглянул на солнце и открыл флягу, висевшую у седла. Там еще оставалось немного воды, поскольку путник ограничивал себя на протяжении всего пути, как бедуин или волк. Но через несколько часов он будет у колодца Эмир Хана и пополнит свои запасы. Гордон вздрогнул при мысли о встрече, что может ждать его в оазисе.

Как только он об этом подумал, на ближайшей песчаной дюне что-то ярко сверкнуло на солнце. Он инстинктивно наклонил голову. Тут же раздался выстрел, и Гордон услышал глухой звук, с которым пуля вонзилась в тело верблюда. Пораженное в сердце животное свалилось замертво, вытянув шею вперед в последнем усилии. Гордон соскочил с верблюда, как только тот упал, и спрятался за тушей, глядя на гребень дюны поверх ствола своей винтовки. Резкий визг приветствовал падение верблюда. Прозвучал второй выстрел. Пуля врезалась в песок у груди Гордона. Он выстрелил в ответ. Фонтанчик песчинок поднялся в воздух совсем близко от дула, поблескивающее на вершине дюны, что вызвало залп мрачных проклятий, произнесенных сдавленным голосом. Дуло исчезло, и тотчас раздался приглушенный стук копыт. Гордон увидел белую кафью¹,

¹ Кафья — тюрбан.

ныряющую среди дюн, и догадался, что собирается сделать бедуин. Этот человек явно намеревался, обогнув позицию Гордона, пересечь тропу в нескольких сотнях ярдов к западу от него и занять возвышенность позади американца, что позволило бы бедуину стрелять поверх мертвого верблюда, — он, видимо, рассчитывал, что Гордон будет продолжать укрываться за тушей животного. Но американец приподнялся, держа на прицеле тропу — открытое место, которое араб должен был непременно пересечь, прежде чем достигнет холмов.

В четверти мили вверх по тропе находилась скала из песчаника, возвышаясь над линией горизонта. Любой, пересекающий тропу между Гордоном и этой скалой, будет виден на ее светлом фоне как на ладони. Американец переложил винтовку на окостеневшие передние ноги верблюда, сосредоточился и прицелился, надеясь, что бедуин окажется не слишком далеко от засады, когда начнет перебираться через тропу.

Одетая в белое фигура внезапно появилась между дюнами. Низко пригнувшись и нахлестывая коня, всадник стремительно пересекал открытое место. Бедуин двигался на расстоянии большем, чем рассчитывал Гордон, но нервы американца не дрогнули. В тот самый момент, когда кочевник показался на фоне скалы, Эль Борак нажал на курок. В какой-то миг европейцу показалось, что он промазал, но вот всадник резко дернулся, вскинул руки, взметнулась ткань широких рукавов, и бедуин, как пьяный, повалился назад.

Перепутанный конь взвился на дыбы и сбросил седока. И вот, уже через мгновение, вместо одной слитной фигуры — всадника на лошади — виднеются среди равнины две отдельные: на земле непо-

движно распростерся человек в белых одеждах, а конь в испуге несется на юг.

Гордон, опасаясь обнаружить себя, некоторое время лежал неподвижно. Он знал, что араб мертв. Подобное падение с крупы лошади убило бы любого. Но могло статься, что преследователь не один и его люди затаились неподалеку в песках.

Солнце палило нещадно. В небе появились стервятники — черные точки, делающие большие круги и спускающиеся все ниже и ниже. А среди дюн и холмов не было и намека на движение.

Гордон поднялся и посмотрел на мертвого верблюда. Он стиснул зубы — это конец. Опытный путешественник, он прекрасно осознавал, что смерть верблюда в данной ситуации могла означать и его собственный конец. Американец посмотрел на запад, где струились горячие волны знойного воздуха. Ему предстоял длинный, долгий путь по раскаленным пескам пустыни.

Отвязав бурдюк и переметную суму, Гордон взвалил поклажу себе на плечи. Держа винтовку наготове, он двинулся вверх по тропе мерным ритмичным шагом, позволяющим, не устывая, час за часом покрывать многие мили.

Подойдя к телу, недвижно застывшему на песке, Борак, оперевшись на приклад винтовки, постоял немного. Бедуин, которого он убил, оказался из племени рувейла — это было совершенно ясно. Перед американцем лежал высокий, жилистый грабитель пустыни, с хищным лицом и волчьим сердцем. Пуля попала ему в грудь. Этот человек ехал на ненавьюченной лошади, а не на верблюде, и это означало, что где-то поблизости находится отряд его соплеменников. Гордон пожал плечами и двинулся далее по тропе, держа

винтовку на сгибе руки. Кровавый счет между ним и Шаланом ибн Мансуром был открыт давно. Ну что ж, у источника Эмир Хана вражда их закончится раз и навсегда.

Размеренно шагая по тропе, он думал о человеке, которого собирался предупредить об опасности. Арабы называли его Аль Вазиром, потому что когда-то он был султаном Омана. Однако на самом деле он был русским дворянином, скитавшимся по свету с какой-то таинственной целью, которую Гордон никак не мог уразуметь, хотя неумная жажда приключений и его гоняла по всей планете. Мечтательная душа славянина стремилась к чему-то большему, чем материальные блага. И положение, и богатство, и власть — все это как песок ушло сквозь пальцы у Аль Вазира. А он глубоко погрузился в изучение древних религий и философских доктрин, ища ответ, который помог бы разгадать смысл человеческого существования. Аль Вазира равно привлекали и мистицизм суфизма, и аскетические тайны индуизма, в то время как Гордона влекли к себе лишь опасность и риск.

Еще совсем недавно Аль Вазир был правителем Омана, самым богатым и могущественным человеком на Жемчужном побережье. Год назад он внезапно оставил двор и пропал. Только несколько избранных знали, что, раздав свое огромное богатство бедным и отказавшись от власти, он, подобно древним пророкам, удалился в пустыню, надеясь в аскезе и в медитациях получить ответ на вечную загадку жизни.

Гордон возглавлял отряд, состоявший из горстки верных слуг, — среди них бы и Салим, — которые знали о намерениях своего господина. Американец сопровождал Аль Вазира в этом путешествии,

ведь мечтательного философа и энергичного авантюриста связывали прочные узы дружбы.

Если бы не изменник и глупец Дирдар, никто бы не узнал, где находится Аль Вазир. Гордон знал, что как только бывший правитель исчезнет, рыцари удачи всех мастей начнут разыскивать одинокого отшельника, в надежде завладеть сокровищами, доставшимися этому русскому в дни его власти, — чудесной коллекцией отборных рубинов, известной под названием Кровь Богов, которая на протяжении пяти сотен лет оставляла зловещий след в истории Востока. Эти драгоценности не были розданы беднякам вместе с другими богатствами Аль Вазира. Гордон и сам не знал, куда славянин подевал камни. Но для американца это не имело значения. Жадность не входила в число его слабостей. Аль Вазир — его друг, и он сделает все возможное, чтобы предупредить мечтателя об опасности.

Горячее солнце катилось к горизонту. Белое пламя светила постепенно превращалось в расплавленную медь. Наконец красный диск коснулся края пустыни. На его фоне отчетливо выделялась медленно движущаяся черная маленькая фигурка. Гордон упорно шел вперед, безостановочно шагая в унылые просторы Руб-эль-Хали — великой Аравийской пустыни.

3

Четкие неподвижные силуэты показались там, где светлая полоса восхода возвестила о начале нового дня. Гордон увидел верхушки пальм, словно вырастающих из бледнеющей темноты ночи, — вер-

ную примету того, что вскоре он подойдет к источнику Эмир Хана.

Пройдя еще немного, он тихо выругался. Удача, ветренная баловница, изменила ему. Голубой дымок едва заметной лентой таял в бледнеющем небе. В оазисе находились люди.

Гордон облизнул сухие губы. Бурдюк, мотавшийся при каждом шаге за его спиной, был пуст. Расстояние, которое можно покрыть за считанные часы, следуя по пустыне на горбу не знающего усталости верблюда, ему пришлось преодолевать всю ночь напролет, хотя и пешком он двигался с такой скоростью, которая была под силу немногим сынам пустыни. Даже для Гордона, несмотря на ночной холод, переход оказался крайне утомительным, хотя его железные мускулы переносили усталость с волчьей выносливостью.

Далеко на востоке виднелась голубая волнистая полоса. Это была гряда холмов, где находились пещеры Эль Хоур. Он все же опередил Хокстона, который, вероятно, с трудом двигается по южному тракту. Однако англичанин с компаньонами нагоняет его с каждым шагом. Гордон мог пройти незамеченным мимо людей у источника и продолжить свой путь. Но идти пешком, неся за плечами пустой бурдюк? Это было бы самоубийством. Он никогда не доберется до пещер пешком и без воды. Его уже сейчас мучит дьявольская жажда.

В глазах американца полыхнуло красное пламя, его темное лицо приобрело жестокое выражение. Вода была жизнью в пустыне. Жизнью для него и Аль Вазира. А там, в оазисе, была вода, верблюды, пища. Люди, его враги, имели и то и другое. Если они останутся жить, Гордону придется умереть. Таков закон волчьей стаи, закон пустыни. Он скинул пус-

тые хурджины с плеч, взвел курок винтовки и пошел вперед, чтобы убить или быть убитым... не ради богатства, не ради женской любви, идеалов или грез, но ради воды... Воды в простом бурдюке из овечьей кожи.

Вади — лощина — открылась перед ним как на ладони. Своей излучиной она приближалась к оазису на расстоянии нескольких сот футов. Пользуясь малейшим прикрытием, Гордон пополз в его сторону. Когда он был в ста ярдах от источника, среди пальм показался человек на белом верблюде. В светлеющем воздухе рассвета он мгновенно обнаружил чужака. Араб вскрикнул и выстрелил. Пуля подняла облачко пыли в футах от колена американца, притаившегося на краю лощины. Гордон выстрелил в ответ. Араб заорал, выронил ружье, завалился набок и рухнул меж пальм.

В тот же момент Гордон прыгнул в лощину и осторожно двинулся вдоль нее к тому месту, где она проходила ближе всего от источника. Он заметил фигуры в белом, мечущиеся среди деревьев. Затем ожесточенно загрохотали выстрелы. Пули пели над лощиной. Люди стреляли поверх седел и тюков с товарами, нагроможденных в виде вала между стволов пальм. Оборону держали на восточном краю оазиса. На другой стороне Гордон заметил верблюдов, и если судить по их количеству, американец встретился с малочисленным отрядом кочевников.

Камень на краю лощины служил Бораку прикрытием. Американец положил ствол винтовки под выступ и стал наблюдать за движением среди пальм. Огонь усилился. Пули отскакивали от камня — зингт! Звуки выстрелов, теряя на расстоянии свою силу, были похожи на треск гремучей змеи. Когда Гор-

дон стал стрелять, ориентируясь по дымкам над дулами, в ответ послышался визг и вой.

Глаза его потемнели — он понимал, что сражение могло затянуться надолго. А осады ему не выдержать: не было в запасе ни воды, ни времени. Караван Хокстона неумолимо двигался на запад, и каждый шаг приближал англичанина к пещерам Эль Хоур, где Аль Вазир, не подозревая о грозящей опасности, предавался своим мечтам.

В нескольких сотнях футов от Гордона была вода, дающая жизнь, и верблюды, которые быстро доставили бы его к месту назначения, но оскалившиеся волки пустыни являлись преградой на пути к спасению. Град пуль заставил Гордона отступить, а громкие голоса обрушили на него бурю проклятий. По крикам бедуинов стало ясно, что они знают о том, что он один, пеший и, возможно, почти обезумел от жажды. Они выкрикивали насмешки и угрозы, но не обнаруживали себя. Кочевники самонадеянны, но осторожны, поскольку осмотрительность глубоко укоренилась в сознании арабов, благодаря суровой жизни в пустыне. Уверенные в победе, они не собирались рисковать.

Прошел час. Солнце взопло на востоке, и началась жара, сжигающая, ослепляющая жара южной пустыни. Уже с утра она была невыносима, а днем ничем не защищенная лощина станет сущим адом. Гордон облизнул пересохшие губы и решил поставить на карту свою жизнь и жизнь Аль Вазира.

Сознавая, как отчаянно он рискует, американец, стреляя, приподнялся достаточно высоко над краем камня, и стали видны его голова и плечо. Прозвучали одновременно три выстрела. Пули прожужжали рядом с его головой, а одна чиркнула по предплечью.

Гордон громко закричал, как будто получил тяжелую рану, и поднял руки над краем вади в конвульсивном движении, притворяясь, что смертельно поражен. Он отшвырнул винтовку, и она упала в десяти футах от его укрытия на виду у арабов.

На мгновение наступила тишина, а потом жаждающие крови волки подхватили его крик. Гордон не осмеливался приподняться, чтобы выглянуть, но слышал шлепанье ног, обутых в сандалии, и хриплое дыхание людей, движимых ненавистью. Они клонули на приманку. Почему бы и нет? Ловкий человек может притвориться раненым и упасть, но кто же умышленно откинет винтовку? Мысль о тяжелораненом американце, беспомощно лежащем на дне лощины, с беззащитным горлом, открытым для ножа, заставила бедуинов забыть об осторожности. Гордон крепко сжимал рукоять револьвера, пока противники не оказались в нескольких ярдах от него... и вдруг резко, как стальная пружина, выпрямился, держа в руке оружие.

В прыжке он снял одним выстрелом сразу трех арабов, упавших там, где стояли; в глазах мертвецов застыло изумление. Один человек метнулся американцу под ноги, но тотчас пал на кучу трупов с простреленной головой. Другой выстрелил от бедра, не целясь. Мгновение спустя кочевник лежал на земле с пулей в паху, а вторая прошла грудь, окрасив алым белые одежды. И снова Судьба занесла над Гордоном свою руку — Судьба в виде горсти песка, попавшей в затвор револьвера. Оружие отказало в тот самый миг, когда он собрался убить последнего араба.

У бедуина не оказалось винтовки, только длинный нож. С диким криком он развернулся и бросился бежать к пальмовой роще; его одежда разве-

валась на ветру, и Гордон погнался за ним, как голодный волк. Он не мог допустить, чтобы араб достиг деревьев, где у него могло быть припрятано ружье.

Бедуин бежал, как антилопа, но Гордон настигал его, они достигли деревьев почти одновременно, и у араба не осталось времени выхватить винтовку, лежавшую за валом из седел и тюков. Не зная, куда бежать, он обернулся, завывая, как бешеная собака, и выхватил длинный нож. Блеснувшее лезвие распорол рубашку Гордона, однако он успел увернуться и обрушил тяжелый револьвер на голову араба. Толстая кафья спасла череп бедуина, но колени его подогнулись, и араб, вцепившись обеими руками в Гордона, упал, увлекая противника за собой. Было слышно, как на другой стороне оазиса какой-то раненый обрушивал проклятия на голову Эль Борака, перемежая их стонами.

Двое мужчин катались по земле, терзая и раздирая друг друга, как дикие звери. Американец нанес еще один удар стволом револьвера, рассекший лицо араба от глаза до скулы, затем бросил бесполезное оружие и перехватил руку врага, сжимавшую нож. Он схватил левой рукой запястье кочевника, а другой рукой попытался дотянуться до горла. Смертельно бледное, перепачканное кровью лицо араба исказилось от страшного напряжения. Он знал о легендарной силе железных пальцев Эль Борака, знал, что если они сомкнутся на его горле, то не выпустят, пока не задушат.

Он отчаянно бросался из стороны в сторону, дергаясь и вырываясь. Сила его движений заставляла обоих мужчин кататься по земле, ударяясь о пальмовые стволы, седла и тюки. Один раз Гордон сильно ударился головой о дерево, но и это не

заставило его ослабить хватку, так же как и удар, который озлобленный араб нанес ему в пах. Бедуин яростно сопротивлялся, сведенный с ума пальцами, сжимавшими ему горло, и нависшим над ним смутным безжалостным лицом. Где-то недалеко раздался выстрел, но вместо свиста пули Гордон услышал рев верблюда.

С воплем раненой пантеры араб рванулся, весь превратившись в комок напряженных мускулов, и его рука, на которую он оперся, чтобы удержать равновесие, нащупала ствол отброшенного Гордоном револьвера. Он поднял оружие, и в тот момент, когда Борака вцепился в его горло, ударил американца по голове рукояткой со всей силой своих мускулов, умноженной страхом смерти. Дрожь пробежала по телу Эль Борака, и его голова склонилась вперед. В тот же миг бедуин вырвался из рук американца, как волк из капкана, оставив в ладони Гордона свой нож.

Еще до того, как американец окончательно пришел в себя, его натренированные мышцы инстинктивно среагировали. Он тряхнул головой и, сжимая нож в руке, медленно встал. Араб швырнул в него револьвер и схватил лежавшую у вала винтовку. Он вскинул ее и прицелился в голову своего врага, но, прежде чем прозвучал выстрел, Гордон отпрыгнул в сторону с молниеносной быстротой, благодаря которой он заслужил свое имя, и резко метнул нож, который вонзился в грудь араба и пригвоздил его к стволу пальмы. Бедуин вскрикнул, хрипло и удивленно, но смерть оборвала крик. Все еще стоя на ногах, он повис на ноже, потом колени его подогнулись, нож тяжестью тела вырвало из дерева, и клинок упал на песок рядом с хозяином.

Ожесточенная борьба заняла всего несколько мгновений. Утирая пот, заливавший глаза, Гордон повернулся, высматривая раненого, продолжавшего стрелять из револьвера на другой стороне оазиса. Оттуда доносился рев животных вперемежку с проклятиями.

Выругавшись, Гордон схватил винтовку и бросился сквозь рощу. Раненый лежал в тени пальм и, опершись на локоть, целился, но не в Эль Борака, а в последнего, еще живого, верблюда. Остальные лежали, истекая кровью. Замахнувшись прикладом винтовки, Гордон прыгнул на человека. Раздался выстрел: верблюд заревел и рухнул. В тот же миг удар Гордона переломил руку стрелявшего, как ветку. Дымящийся револьвер упал на песок, а бедуин повалился на спину, смеясь, как безумный.

— Теперь посмотрим, сможешь ли ты бежать отсюда, Эль Борак! — задыхаясь, произнес он. — Сегодня ночью или завтра утром всадники Шалана ибн Мансура вернутся к источнику! Ну что, ты будешь ждать их здесь или пойдешь пешком в пустыню, чтобы сдохнуть там, как собака? Они все равно выследят тебя, Забытый Богом! Они повесят твою кожу на пальме. Лаан'абук ¹...

С трудом приподнявшись, так, что кровавая пена разбрызгалась по его бороде, он плюнул в Гордона и засмеялся резким каркающим смехом. Затем упал на спину и умер, прежде чем его голова коснулась земли.

Гордон стоял неподвижно, как статуя, глядя на мертвого верблюда. Месть бедуина была характерна для его сурового народа. Подняв голову, Гордон долго смотрел на низкую голубую гряду, видневшуюся

¹ Лаан'абук — да будет проклят твой отец (арабск.).

юся на горизонте. Умиравший араб радостно предсказал, что ожидает чужеземца. Эль Бораку оставалось либо ждать в оазисе, пока не вернутся дикие всадники Шалана ибн Мансура и одолеют его численным превосходством, либо снова отправиться в пустыню, где тоже поджидает смерть. В любом случае Хокстон продолжает непреклонно двигаться на запад, сводя на нет преимущество, которое так дорого далось американцу.

Однако никаких сомнений относительно своего следующего шага у Гордона не было. Он напился из источника и собрал кое-что из еды, которую арабы приготовили себе на завтрак. Несколько сухих лепешек и головок сыра он положил в мешок, а бурдюк наполнил водой. Он нашел свою винтовку и высыпал песок из магазина, а затем пристегнул к поясу саблю, снятую с одного из убитых. Отправляясь из Эль-Азема в пустыню, Гордон не предполагал, что ему придется сражаться. Но теперь не избежать схватки с воинами Шалана ибн Мансура. И хотя сабля была дополнительной тяжестью, прикосновение к узкому кривому лезвию давало чувство безопасности.

Затем он повесил бурдюк и мешок с провизией на плечи, поднял винтовку и вышел из тенистой рощи в жгучий зной пустыни. Хотя Гордон не спал всю предыдущую ночь, короткий отдых у источника наполнил новой силой его выносливое тело, закаленное невероятно напряженной жизнью. Предстоял долгий, очень долгий переход к пещерам Эль Хоур под палящим солнцем. Теперь он не надеялся достичь холмов раньше Хокстона, если не произойдет какого-нибудь чуда. И прежде, чем новый восход солнца осветит пустыню, всадники Шалана ибн Мансура будут за его спиной. В этом случае... все,

то ему остается, так это просить Фортуну подарить удачу в бою.

Солнце проделало свой медленный мучительный путь в небесной вышине, а затем скатилось вниз. Опустились сумерки, и над пустыней замерцали звезды. Под ними брел человек, упорно преодолевавший безжалостную необъятность пустынного пространства и одиночества.

4

Пещеры Эль Хоур были высечены в стенах мрачной гряды холмов, которая возвышалась над каменистой пустыней, как гигантский позвоночник. Среди них струился только один родник, который брал начало в пещере наверху и спускался тонкой серебристой нитью по крутому каменистому склону, впадая в неглубокий бассейн у подножия горы. Солнце висело в небе, подобно кроваво-красному шару, когда Френсис Ксавье Гордон остановился у этого бассейна и оглядел налитыми кровью глазами ряды пещер, входы в которые были похожи на разверстые рты. Он облизнул почерневшие от жары губы сухим языком. У него все еще оставалось немного воды в бурдюке за спиной. Он экономил воду на протяжении всего тягостного пути с дикой бережливостью зверя, рожденного в пустыне.

Трудно было понять, как он достиг своей цели. Холмы Эль Хоур маячили перед ним за много миль, нереальные в колеблющемся воздухе, пока наконец не приблизились, как мираж — фантазия больного от жажды воображения. Солнце пустыни способно обмануть даже такого человека, как Гордон. Медленно, медленно холмы вырастали перед ним... А

теперь он стоял у подножия самой крайней, восточной скалы, хмуро оглядывая ряды пещер.

Всадники Шалана ибн Мансура не вынырнули из спустившейся на пустыню темноты, утром их тоже не было. Снова и снова в течение длинного жаркого дня Гордон останавливался и оглядывался, ожидая увидеть пыль, поднимаемую ногами верблюдов. Но равнина была пуста. Чудом было и то, что здесь не было никаких признаков пребывания Хокстона и его каравана. Может быть, они здесь были и ушли? Тогда, по крайней мере, люди напоили бы верблюдов из пруда; но по полному отсутствию следов Гордон понял, что в течение многих лун никто не ставил здесь лагерь и не поил животных. Нет, в пещерах их не было, хотя и непонятно почему. Что-то задержало Хокстона, и Гордон достиг пещер раньше него.

Американец зашел в пруд по пояс и, наклонившись, погрузил лицо в холодную воду. Подняв голову, он встряхнул волосы, как лев гриву, и неторопливо смыл пыль с лица и рук. Затем вышел из воды и направился к горе. Гордон не видел никаких признаков жизни, но знал, что в одной из этих пещер живет человек, которого он ищет. Американец крикнул, и голос его разнесся далеко среди холмов:

— Аль Вазир! Где ты, Аль Вазир?

— Вазир-р-р! — вторило эхо.

Другого ответа не было. Зловещая тишина повисла в воздухе. Держа винтовку в руке, Гордон пошел вверх по узкой тропке, которая шла по неровной поверхности горы. Поднявшись, он с интересом стал разглядывать пещеры. Они шли ярусом вдоль всего склона, располагаясь слишком упорядоченными рядами, чтобы оказаться случайной ра-

ботой природы. Это было дело рук человеческих. Тысячи лет назад, в туманной дали доисторического времени, они служили пристанищем какому-то племени. Эти люди прорубили свои пещеры в мягкой породе горы с удивительным мастерством — они явно не были дикарями. Гордон знал, что пещеры связаны друг с другом узкими ходами и что, только следуя по этой, похожей на лестницу тропке, можно добраться до них снизу. Тропа заканчивалась длинным карнизом, на который выходили все пещеры нижнего яруса. В самой большой из них поселился Аль Вазир.

Гордон позвал снова, но безрезультатно. Он шагнул в пещеру и остановился. Она была квадратной. В задней стене и двух боковых виднелись узкие отверстия, похожие на двери. Те, что были пробиты в боковых стенах, служили проходом в соседние пещеры, третья вела в маленькое закрытое помещение, где, как помнил Гордон, Аль Вазир хранил консервы и другие продукты, привезенные с собой. Кроме еды, у него ничего не было — ни мебели, ни оружия.

В одном углу большой пещеры лежала груда углей и пепла, там, видимо, разводился огонь. В другом углу он увидел шкуры — постель Аль Вазира. Рядом валялась единственная книга, которую Аль Вазир взял с собой, — «Бхагават-Гита». Но самого отшельника не было видно.

Гордон прошел в кладовую, зажег спичку и осмотрелся. Там находились консервы, хотя их количество значительно уменьшилось. Но банки не стояли у стены аккуратной горкой, в уложенной по приказу Аль Вазира. Они валялись, рассыпанные и разбросанные по всему полу. Среди банок попадались и раскрытые, и пустые. Это было совсем не

похоже на Аль Вазира, который высоко ценил аккуратность и порядок даже в незначительных вещах. Веревка, которую он взял с собой, чтобы исследовать пещеры, лежала в углу, свернутая кольцом.

Совершенно сбитый с толку, Гордон вернулся в большую квадратную пещеру. Он ожидал найти Аль Вазира сидящим в спокойной позе медитации или на карнизе, где тот мог отрешенно смотреть на пустыню во время захода солнца.

Где же он?

Совершенно ясно, что Аль Вазир не отправился в пустыню, — ведь он мог там погибнуть. У русского не было причин покидать пещеры. Если бы он просто устал от одинокой жизни и решил вернуться к людям, то непременно бы взял с собой книгу, которая лежала на полу, — свою постоянную спутницу. Нигде не было следов крови или чего-нибудь, указывающего на насильственную смерть отшельника. Гордон не верил, что какой-то араб или бедуин стал бы досаждать «святому». В случае, если кочевники захватили и увели с собой Аль Вазира, они взяли бы веревку и консервы. Гордон был также уверен, что, пока Хокстон не выведал у Дирдара тайну Аль Вазира, ни один белый человек, кроме него самого, не знал о местонахождении отшельника.

Осмотр нижнего яруса пещер не дал ничего. Солнце скрылось за холмами, длинные тени которых протянулись далеко на восток через пустыню, и густая тьма заполнила пещеры. Молчание и неизвестность начали действовать Гордону на нервы. Стало казаться, что чьи-то невидимые глаза неотступно следят за ним. У людей, живущих в постоянной опасности, развиваются инстинкты и ощущения, совершенно незнакомые тем, кто пользуется защитой «цивилизации». Когда Гордон проходил че-

рез пещеры, он постоянно испытывал побуждение резко обернуться и встретить взгляд глаз, буравящих ему спину. Наконец, когда он не выдержал напряжения и, держа палец на спусковом крючке винтовки, повернулся, пытаясь уловить в стущающемся сумраке малейшее движение, то оказалось, что темные пещеры и проходы по-прежнему пусты.

Проходя по отдаленному переходу, он вдруг услышал (и мог бы поклясться, что ему не помешалось) тихий звук, похожий на крадущийся шаг босого человека. Он приблизился к горлу туннеля и неуверенно позвал: «Это ты, Иван?». И вздрогнул от вновь наступившей гнетущей тишины. На самом деле он не верил, что это Аль Вазир. Он нащупывал дорогу в туннеле, держа винтовку перед собой, и через несколько ярдов наткнулся на стену: это был тупик, не имеющий другого выхода, кроме того проема, через который прошел Гордон. И вокруг никого не было, если не считать самого американца.

Чувствуя раздражение, он снова вернулся к выступу перед пещерами.

— Черт, неужели у меня стали сдавать нервы?

Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, заставила содрогнуться. Гордон вспомнил о поверье бедуинов: будто в древних пещерах скрывается джинн, пожирающий любого человека, имевшего глупость остаться здесь на ночь. Эта мысль вернулась к Эль Бораку вместе с размышлениями о мистических тайнах Востока, что на рациональном Западе часто служит предметом насмешек, но нередко разрешается страшной реальностью. Что, если сверхъестественное существо или какое-нибудь животное, живущее в пещерах, сожрало отшельника... Гордон почему-то представил огромного питона, живуще-

го веками в холмах... Это могло объяснить странное исчезновение Аль Вазира. Покачивая головой, он выругался:

— Черт возьми! Я дурак. В Аравии ведь нет таких змей. Эти пещеры действуют мне на нервы!

И это было действительно так. В давно покинутых пещерах скрывалась какая-то тайна, которая вызвала к кельтским суевериям Гордона и одновременно порождала в уме исследователя ряд вопросов. Какой народ обитал здесь много веков назад? Что за войны они вели? Какая сила заставила людей уйти? Какие жестокости и интриги? Какие дикие ритуалы неизвестного культа отпирывали в этих стенах? Что за боги требовали жертв? Гордон пожал плечами, не желая думать о человеческих жертвоприношениях. Слишком хорошо они вписывались в общую атмосферу этих мрачных катакомб.

Злясь на себя, он вернулся в большую пещеру, которую, помнится, арабы, непонятно по какой причине, называли Нисс'рош — Орлиное Гнездо. Он решил остаться в ней на ночь, отчасти желая перебороть свои суеверные страхи, а отчасти из боязни, что внизу его могут захватить врасплох люди подошедшего Хокстона или Шалана ибн Мансура. Еще одна загадка. Почему они еще не достигли пещер, поодиночке или вместе? Пустыня — место загадок, сумрачное царство фантазии. Аль Вазир, Хокстон, Шалан ибн Мансур... Может быть, сказочный джинн схватил их всех и улетел, оставив Эль Борака одного в этой необитаемой пустыне? Подобные капризы воображения проносились в его мозгу, когда он, слишком усталый, чтобы есть, готовился ко сну.

Он поставил на тропу большой камень, установив так, что тот покатится при малейшем прикосновении. Грохот падающего камня непременно раз-

будит спящего. Гордон вытянулся на груди шкур и подумал о том, насколько тяжел оказался этот долгий путь, который вымотал даже его железное тело. Американец мгновенно заснул, не ощущая неудобств своей жесткой постели. Он совершенно расслабился и не услышал приближения босых ног существа, что подкрадывалось к нему в темноте, и проснулся, лишь когда когтистые пальцы кровожадно сомкнулись на его горле и свирепое рычание раздалось над ухом.

Рефлексы Гордона были отточены во многих сражениях, поэтому он вступил в борьбу за свою жизнь, прежде чем успел окончательно проснуться, не размышляя, кто набросился на него: огромная змея или обезьяна. Сильные пальцы противника чуть не раздавили ему горло, но американец все-таки сумел напрячь шейные мускулы и этим ослабить железную хватку. Нападение было столь ошеломляющим, схватка такой стремительной, что, когда они катались по полу, Гордон терял драгоценные секунды, стараясь просто оторвать от себя руки странного существа. Затем, когда он окончательно пришел в себя, хотя красный туман все еще застилал его глаза, Гордон изменил тактику и ударил противника коленом в твердый мускулистый живот, подсунув большие пальцы под мизинцы рук, сдавивших ему шею. Никто не мог бы выдержать такого удара. Неизвестный подался назад, а Гордон тотчас двинул ему кулаком сбоку по голове и откатился, когда тяжелое тело, ослабев, рухнуло на пол. В пещере было темно, как в преисподней, так темно, что Гордон не видел своего противника.

Американец вскочил на ноги, на ходу вытаскивая саблю, и замер, напряженно вглядываясь в темноту. Гордон нанес удар, ориентируясь на звук.

Клинок рассек воздух. Послышался невнятный крик, шарканье ног, затем быстро удаляющийся топот. Кто бы это ни был, он бежал. Гордон пустился вдогонку. Он наткнулся на стену и стал шарить по ней свободной рукой, но к тому моменту, когда ему удалось обнаружить боковой проем, звуки торопливых шагов замерли. Американец зажег спичку и огляделся, впрочем не ожидая увидеть нечто такое, что давало бы ключ к разгадке. Так и получилось: на каменном полу никаких следов не обнаружилось.

Гордон не знал, что за существо напало на него. Тело его противника не было волосатым, как у обезьяны, хотя грива спутанных волос покрывала голову. Однако оно боролось не так, как это делает человек. Гордон чувствовал, как оно пускает в ход свои длинные когти и зубы. Трудно было поверить, что в человеческих мускулах может таиться подобная мощь. И звуки, которые издавало странное существо, не могли принадлежать человеку, какая бы дикая ярость ни охватила сражающихся в пылу схватки.

Подняв винтовку, Гордон вышел на карниз. По расположению звезд он определил, что время за полночь, и сел, прислонившись спиной к скале. Он не собирался спать, но, вопреки своему желанию, задремал. Но вскоре неожиданно проснулся и мгновенно оказался на ногах. Каждый нерв его был натянут, по коже пробежали мурашки в предчувствии страшной опасности, что затаилась совсем рядом.

Но ничто не нарушало безмолвия холмов Эль Хоура. Гордон решил, что причина его внезапного пробуждения — дурной сон, как вдруг заметил неясную тень, мелькнувшую в черном отверстии пе-

щеры неподалеку, и вскинул винтовку. Эхо выстрела полетело от скалы к скале. Он напряженно ждал, но по-прежнему ничего не видел и не слышал.

Положив винтовку на колени, Гордон снова сел, настороженно оглядывая все вокруг. Он понимал, насколько рискованно его положение. Он был похож на человека, высаженного на необитаемом острове. До караванного пути на юге — целый день тяжелого перехода. Конечно, он мог отправиться туда... если бы Хокстон отказался от своих намерений, что было невероятно. Отряд англичанина движется по этой дороге. А встретиться с головорезами Хокстона в одиночку, да к тому же пешим... Гордон не питал иллюзий относительно Хокстона. Однако ему грозила еще большая опасность — Шалан ибн Мансур. Он не знал, почему шейх не преследует его, но не сомневался, что Шалан прочешет всю пустыню в поисках человека, который убил его людей у источника Эмир Хана и в конечном итоге обязательно настигнет. И Гордону тем более не хотелось оказаться пешим при встрече с воинами Мансура. Здесь, под укрытием пещер, с запасом воды и пищи, у американца оставался пусть призрачный, но шанс отбиться. Если окажется, что Хокстон и Шалан приедут сюда в одно и то же время... это даст возможность спастись. Гордон был воином, который полагался на свой ум в той же степени, что и на оружие. Ему и прежде удавалось сталкивать своих врагов друг с другом. Но в данный момент непосредственную угрозу таили сами пещеры, угрозу, которая, как он чувствовал, была и решением загадки Аль Вазира. Эта опасность исчезнет только с приходом дня.

Гордон сидел, прислонившись спиной к камню, пока рассвет не окрасил небо на востоке сначала в

розовый, а затем в белый цвет. Как только стало светлеть, американец устремил взор на пустыню, ожидая увидеть вдалеке движущуюся линию точек, что означало людей или верблюдов. Но перед ним простиралась только пустынная светло-коричневая равнина и гряда холмов. Косые солнечные лучи проникли в проем пещеры, освещая то, что предыдущим вечером было скрыто в тени, и Гордон двинулся вслед за ними.

Пройдя в туннель, где он первый раз услышал звуки крадущихся шагов, он нашел объяснение одной из загадок: несколько ступеней, выбитых в каменной стене, вели через квадратное отверстие на потолке в верхнюю пещеру. Джинни пещер был в этом туннеле и убежал через проем наверх, выбрав по какой-то причине вместо сражения бегство.

Решив отдохнуть и немного утолить голод, Гордон прошел в Орлиное Гнездо, чтобы там подкрепиться, а затем продолжить исследование пещер. Он вошел в большую пещеру, освещенную ранними лучами солнца, которые проникали через входное отверстие... и остановился как вкопанный.

Согнутая фигура в дверях кладовой выпрямилась и повернулась к нему лицом. На какое-то мгновение они оба замерли. Гордон увидел не человека, а нечто едва напоминающее его — обнаженное существо со спутанной копной волос и бородой, над которой дико сверкали глаза. Перед американцем, казалось, очутился далекий пращур — пещерный человек, держащий по камню в каждой лапе. Однако высокий широкий лоб, наполовину скрытый под шапкой волос, не был скошенным, и лицо, заросшее косматой бородой, не было лицом дикаря.

— Иван! — воскликнул Гордон в ужасе.

Объяснение другой загадки открылось ему со всеми отвратительными последствиями. Аль Вазир сошел с ума.

Как будто подстегнутый звуком человеческого голоса, голый безумец вскочил и правой рукой гневно швырнул камень. Гордон увернулся, и камень разлетелся на мелкие осколки, ударившись о стену. Аль Вазир был выше американца и обладал великолепным торсом, бугристым от мускулов, а ярость сумасшествия, казалось, удесятерила его силы. Гордон, не сводя с русского глаз, положил винтовку у стены. Как только он это сделал, Аль Вазир неуклюже швырнул в него другой камень и одним прыжком через всю пещеру бросился следом, пена слетала с визжащего рта безумца.

Гордон столкнулся с ним лицом к лицу и напрягил сильные ноги, готовясь принять удар. Аль Вазир яростно зарычал, остановившись как вкопанный. Гордон схватил его за руки и стал выкручивать. Дикий крик вырвался из груди безумного, он вырывался и дергался, как пойманный зверь. Его мускулы были похожи на натянутую стальную проволоку, которая сгибалась и перекручивалась под хваткой Гордона. Его зубы по-звериному щелкнули у горла американца, а когда Борак инстинктивно отдернул голову, сумасшедший рывком освободился, схватил Гордона за руку и резко дернул вниз, а затем, нащупав рукоять сабли, выхватил лезвие из ножен. Он замахнулся, блеснула сталь, и Гордон, чуя смерть в поднятом клинке, ударил противника в челюсть. Короткий страшный хук достиг своей цели, на расстоянии чуть более фута, по силе превосходя удар лошадиного копыта.

Голова Аль Вазира качнулась, а затем безвольно опустилась на грудь. Ноги подогнулись. Гордон под-

хватил обмякшее тело и положил на каменный пол. Оставив безумца, американец быстро прошел в кладовую и взял там веревку. Вернувшись к бесчувственному человеку, он обмотал конец веревки вокруг его талии, затем приподнял и посадил, прислонив к каменному столбу в глубине пещеры. Потом обмотал веревку вокруг колонны, завязав сложным узлом на другой стороне. Веревка была достаточно крепка, чтобы выдержать рывки нечеловеческой силы. А повернуться и развязать ее Аль Вазир не сумел бы. Закончив, Гордон стал приводить отшельника в чувство. Это оказалось нелегкой задачей: будучи в смертельной опасности, американец ударил со всей силой своих стальных мускулов. Только густая борода спасла челюсть противника от перелома.

Вдруг глаза безумца открылись, зрачки дико заворачивались и, остановившись на лице Гордона, загорелись яростью. Руки с длинными ногтями на пальцах поднялись и потянулись к горлу Борака. Американец отшатнулся. Аль Вазир сделал судорожную попытку встать, откинулся назад и согнулся, уставившись немигающим взглядом на своего противника, его пальцы все время бесцельно стбились и разгибались. Гордон смотрел на сумасшедшего с болью в сердце. Что за жалкий и отвратительный конец мечтам и философским исканиям!

Аль Вазир пришел в пустыню в надежде найти покой и обрести истину, но нашел ужас и пустоту безумия. Гордон искал отшельника-философа, излучающего мудрость, а нашел грязного голого сумасшедшего.

Американец наполнил пустую жестянку водой и вместе с открытой банкой консервов поставил рядом с рукой Аль Вазира. И тут же отскочил в

сторону, когда безумный отшельник швырнул подношение, целясь в него что есть силы. Покачив головой, Гордон пошел в кладовую и подкрепился сам. Ему не хотелось есть рядом с тем, что осталось от его друга — некогда сильной и прекрасной личности. Он утолял голод, когда внезапный звук, возвестивший о приближении опасности, заставил американца вскочить на ноги.

5

Это было шумное падение камня, который Гордон оставил на тропе. Кто-то по ней поднимался! Схватив винтовку, Гордон крадучись двинулся по карнизу. Наконец-то явился один из его врагов!

Внизу наклонился к пруду усталый запыленный верблюд. На тропе, в нескольких футах от карниза, стоял высокий жилистый человек в покрытых пылью сапогах и бриджах; разорванная рубашка открывала загорелую мускулистую грудь.

— Гордон! — крикнул человек, изумленно глядя в черное дуло винтовки американца. — Какого дьявола вы здесь?

Его руки лежали на свалившемся камне, за который он ухватился, когда взбирался по тропе. Винтовка была за спиной, револьвер в кобуре и сабля в ножнах висели на поясе.

— Руки вверх, Хокстон, — приказал Гордон.

Англичанин подчинился.

— Что вы здесь делаете? — повторил он вопрос. — Вы ведь были в Эль-Аземе...

— Салим успел рассказать мне, что он видел в доме у Мекметского источника. Я пришел сюда дорогой, которую вы не знаете. Где ваши шакалы?

Хокстон страхнул капли пота со лба. Он был выше среднего роста, крепкий, загорелый до черноты. На темном хищном лице резко выступал орлиный нос, нависающий над тонкой полоской черных усов. Не признающий законов чести авантюрист. Его искрящиеся серые глаза отражали жестокую и безрассудную натуру. Как боец он был так же хорошо известен на Востоке, как и Гордон — впрочем, больше в Аравии, поскольку ареной самых великих подвигов Эль Борака являлся Афганистан.

— Мои люди? Я думаю, они сейчас мертвы. Бедуины руейла зажгли костры войны. Шалан ибн Мансур напал на нас у Сулейманова источника с полусотней своих всадников. Мы сделали загороди из седел среди пальм и сдерживали их целый день. Ван Брок и трое погонщиков верблюдов были убиты во время сражения, а Кракович ранен. Этой ночью я взял верблюда и бежал. Я знал, что упорствовать бесполезно.

— Вы свинья, — сказал Гордон спокойно.

Он не назвал Хокстона трусом, поскольку знал, что тот не труслив. Но циничная решимость англичанина спасти свою шкуру во что бы то ни стало и заставившая его бросить раненых, сидевших в осаде компаньонов, вызывала презрение.

— Какой смысл подставлять себя под пули, — резко ответил Хокстон. — Я убежден, что один человек всегда может ускользнуть в темноте, и я бежал. Они атаковали лагерь, как только я отъехал. И слышал, как они убивали остальных. Ортелли закричал, когда они перерезали ему горло... Я знал, что они догонят меня прежде, чем я доберусь до побережья. Мне было известно, что эти пещеры... на северо-западе пустыни, далеко от дороги и к югу от источника Хорсу. Это длинный безводный пере-

ход. Только по счастливой случайности мне удалось дойти. Теперь я могу опустить руки?

— Можете, — ответил Гордон. Винтовка у него в руках не дрогнула. — Через несколько секунд уже не будет иметь значения, где ваши руки.

Выражение лица Хокстона не изменилось. Он опустил руки, но держал их подальше от пояса.

— Вы собираетесь убить меня? — спокойно спросил он.

— Вы убили моего друга Салима и пришли сюда с намерением ограбить Аль Вазира. Вы убьете меня, если представится случай. Я не такой дурак, чтобы оставить вас в живых.

— Вы собираетесь хладнокровно меня застрелить.

— Нет. Поднимайтесь на карниз. Я предоставлю вам возможность отстоять свою жизнь.

Хокстон подчинился и спустя несколько мгновений стоял лицом к американцу. Наблюдатель нашел бы определенное сходство между ними. Похожи не чертами лица, нет. Но оба — загорелы, сухощавы и мускулисты, и у обоих было пронизательное ястребиное выражение лица, характерное для людей, живущих своим умом и обладающих сильным характером.

Хокстон стоял без оружия, а Гордон по-прежнему держал винтовку у бедра, нацелив в англичанина.

— Винтовки, револьверы или сабли? — спросил он. — Говорят, вы хорошо владеете клинком.

— Второе не для Аравии, — ответил Хокстон самоуверенно. — Но я вообще не собираюсь драться с вами, Гордон.

— Вам придется! — В черных глазах американца полыхнуло красное пламя. — Я знаю вас, Хок-

стон. Вы коварны, как змея. Мы выясним наши отношения здесь и сейчас. Выбирайте оружие, или, клянусь, я пристрелю вас на месте.

Хокстон молча покачал головой.

— Вы не застрелите человека просто так, Гордон. Я не буду с вами драться. Послушайте, на наших руках и так слишком много крови. Где Аль Вазир?

— Не ваше дело, — огрызнулся Гордон.

— Ладно, это не так уж и важно. Вы знаете, зачем я здесь. И я знаю, что вы прибыли сюда, чтобы меня остановить, если сможете. Но сейчас мы с вами в одной упряжке. За мной гонится Шалан ибн Мансур. Я ускользнул от него, но он взял мой след и преследует меня уже несколько часов. У него отличные верблюды. Он постепенно настигал меня всю дорогу. Когда я перевалил через самый высокий из южных холмов, я видел поднятую всадниками пыль. Через час они будут здесь. Он ненавидит вас так же сильно, как и меня. Мне нужна ваша помощь, а вам — моя. Вместе с Аль Вазиром мы, может быть, сможем удержать пещеры.

Гордон нахмурился. Все, что сказал Хокстон, звучало правдоподобно и объясняло, почему Шалан ибн Мансур не пошел по его горячему следу и почему англичанин раньше не добрался до пещер. Но Хокстон слишком коварен, и верить ему опасно. Безжалостный закон пустыни гласил, что он должен застрелить англичанина, взять его верблюда и, когда тот отдохнет, отправиться с Аль Вазиром на побережье.

Однако Хокстон верно оценил характер американца, сказав, что тот не сможет хладнокровно убить безоружного человека.

— Не двигайтесь, — предупредил его Гордон и, держа винтовку в одной руке, как револьвер, обездорожил Хокстона, а затем провел рукой по его одежде, проверяя, не спрятано ли под ней какое-нибудь оружие. Если уж его представления о чести не позволяют сейчас убить англичанина, то по крайней мере он не даст подонку убить себя. Насчет Хокстона у американца не было иллюзий.

— Чем вы докажете, что не лжете? — спросил он.

— Разве я приехал бы сюда на загнанном верблюде, если бы лгал? — сказал Хокстон, пожав плечами. — Нам лучше где-нибудь спрятать животное. Если мы вырвемся, нам будет на чем добраться до побережья. Черт возьми, Гордон, из-за ваших подозрений и колебаний нам обоим перережут глотки! Где Аль Вазир?

— Повернитесь и посмотрите в этой пещере, — мрачно ответил Гордон.

Хокстон, заподозрив неладное, обернулся. Когда его взгляд остановился на скорчившейся возле колонны фигуре в глубине пещеры, англичанин судорожно сглотнул.

— Аль Вазир! Господи, что с ним случилось?

— Одиночество его доконало, — усмехнулся Гордон. — Он сошел с ума и не сможет рассказать, где находится Кровь Богов, даже если вы будете пытаться его целыми днями.

— Что ж, сейчас это уже не имеет значения, — грубо проворчал Хокстон. — Нельзя думать о сокровищах, когда сама жизнь висит на волоске. Гордон, вы должны поверить мне! Нам нужно срочно готовиться к осаде, а не разговоры вести. Если Шалан ибн Мансур... Смотрите! — Он подскочил к краю карниза.

Гордон не подошел к нему, напротив, шагнул назад и встал так, чтобы видеть и Хокстона, и то, что тот разглядывал вдаль. Гряды холмов шла изломанной линией на юго-восток. На самом дальнем холме виднелась нить белых точек, которую сопровождало облачко пыли. Уменьшенный на расстоянии стройный ряд людей на верблюдах!

— Бедуины рувейла! — воскликнул Хокстон. — Не пройдет и часа, как они будут здесь!

— Это могут быть и ваши люди, — ответил Гордон, слишком осторожный, чтобы соглашаться, не имея на то достаточных оснований. — Хорошо, спрячем верблюда. Допустим, вы говорите правду. Идите впереди меня вниз по тропе.

Не обращая внимания на проклятия англичанина, Гордон погнал его вниз к пруду. Хокстон повел верблюда за собой на веревке, а Гордон, не спуская с него глаз, шел следом по пятам. Недалеко от пруда находилось узкое ущелье, глубоко извивающееся в изломе холмов. В этом ущелье Гордон показал расщелину в отвесной стене, скрытую за выступами. Через нее верблюд был втиснут в нишу, похожую на каменный мешок.

— Не знаю, известно ли арабам это место, — сказал Гордон. — Будем надеяться, что они не обнаружат верблюда.

Хокстон нервничал.

— Ради Бога, давайте вернемся в пещеры! Бедуины скачут, как ветер. Они перестреляют нас, как кроликов, если застанут на открытом месте.

Он бросился назад, и Гордон последовал за ним. Нервозность Хокстона была вполне оправданна. Они еще не достигли тропы, которая вела в пещеры, когда раздался топот копыт и из-за ближайшего холма показался одетый в белое всадник, потрясаю-

ций винтовкой. Увидев их, он резко крикнул, послал своего верблюда в галоп и вскинул ружье к плечу. Следовавшие за ним всадники, появляясь один за другим, приближались к гряде холмов... бедуины на белых верховых верблюдах.

— Давайте быстрее наверх, дружище! — Крикнул побледневший под загаром Хокстон.

Гордон помчался к тропе, а за ним, тяжело дыша и ругаясь, бежал англичанин. Пули уже стали задевать скалу. Вырвавшийся вперед всадник издал кровавый клич и поскакал за беглецами вслед. Стреляя из раскачивающегося седла, он посылал пули, ложившиеся все ближе и ближе к цели. Хокстон вскрикнул, задетый осколком камня, отщепленного пулей.

— Черт вас поberi, Гордон, — прохрипел он, — это вы виноваты. Из-за вашего проклятого упрямства он перебьет нас, как кроликов.

Всадник был в трехстах ярдах от подножия горы, а беглецы — в десяти футах. Вдруг Гордон обернулся, сдернул винтовку с плеча и сразу же выстрелил. Движение было таким стремительным, что, казалось, американцу ни за что не удастся бить прицельно. Но араб вылетел из седла, будто пораженный молнией. Даже не остановившись, чтобы увидеть результат своего выстрела, Гордон взбежал на тропу и вскоре уже был на карнизе. Хокстон следовал за ним по пятам.

— Самый замечательный выстрел, какой я видел! — воскликнул англичанин.

— Берите свою винтовку, — проворчал Гордон, ложась на краю выступа. — Вот они!

Арабы не остановились. Они встретили падение своего товарища яростными воплями и, подстегнув верблюдов, пустились во весь опор. Бедуины реши-

ли подъехать к началу тропы и напасть на них снизу. Отряд состоял по меньшей мере из пятидесяти человек. Однако двое белых, лежавших ничком на карнизе горы, не потеряли головы. Они прошли через горнило многих яростных сражений, поэтому хладнокровно ждали, когда всадники подскочат ближе. Тогда оба начали стрелять, не спеша и без промаха. И с каждым выстрелом один из всадников падал из седла или тяжело опускался на горбатую спину своего верблюда.

Даже бедуины не могли выдержать такой огонь. Они прекратили атаку и, повернув верблюдов назад, бросились врассыпную с такой же быстротой, как и при нападении. Пятеро из них нашли свою смерть у подножия горы. Когда остальные удирали, Хокстон снял одного из замыкающих пулей между лопаток.

Бедуины отступили за ближайший низкий каменистый холм. Хокстон погрозил им винтовкой и выругался с истинным мужским красноречием:

— Подонки пустыни! Суньтесь еще, хвастуны!

Гордон не тратил время и силы на слова. Теперь он знал, что Хокстон говорил правду и не нападет на него, по крайней мере пока они отбиваются от общего врага. Однако он был уверен, что, как только эта опасность минет, англичанин выстрелит ему в спину при первой возможности. Гордон понимал, что у них плохая позиция, но могло быть и хуже. Бедуины — бывалые воины, жестокие, как волки, а их вождь жаждет отомстить им обоим и ни за что не упустит случая захватить врагов в своих владениях.

Но у осаждаемых было преимущество укрытия, неиссякаемый запас воды, а еды столько, что можно продержаться несколько месяцев. Единственной

слабостью являлось ограниченное количество патронов.

Не сговариваясь, они заняли свои места на выступе. Хокстон — к северу от начала тропы, а Гордон на таком же расстоянии к югу от нее. Им не нужно было ничего обсуждать: каждый знал, что собирается делать другой. Они лежали ничком, спрятавшись за камнями, которые собрали и сложили перед собой, чтобы упрочить естественную защиту.

Вспышки выстрелов усеяли гряды холмов. Это бедуины, спешившись, залегли среди валунов и открыли огонь. Люди на уступе, не двигаясь, лежали под пулями, которые свистели вокруг и ударялись в камень возле их рук. В том положении, в каком они оказались, англичанин и американец понимали друг друга без слов. Они не тратили два патрона на одного и того же человека. Воображаемая линия, ведущая от начала тропы к гряде холмов, была разделена на два сектора. Когда голова в тюрбане показывалась из-за камня к северу от этой линии, пуля Хокстона поражала бедуина, и тот падал за валун, а когда кто-нибудь высовывался из своего укрытия и пытался перебежать ближе к горе, Хокстон прятался, а Гордон стрелял, и бегущий падал со всего маху на землю или катился кубарем, чтобы уже никогда не встать.

Из-за гряды послышался голос, звеневший от ярости.

— Это Шалан, черт его побери! — сказал Хокстон. — Можете вы разобрать, что он говорит?

— Он крикнул своим людям, чтобы они не высовывались и были осторожны... у них есть время, — ответил Гордон.

— Это верно, — вздохнул Хокстон. — У них есть время и еда, а воду они добудут. Подкрадутся к

пруду и наполнят свои бурдюки. Хотел бы я, чтобы кому-нибудь из нас удалось застрелить Шалана. Но он слишком хитер, чтобы соваться под пули. Я видел его, когда бедуины первый раз атаковали нас. Он стоял спиной к гряде, но слишком далеко — пуля бы его не достала.

— Стоит нам его убрать, остальных через минуту как ветром сдует, — сказал Гордон. — Бедуины боятся джинна-людоеда. Они верят, что он живет в этих холмах.

— Жаль, что они не видят Аль Вазира, — усмехнулся Хокстон. — Сколько у вас осталось патронов?

— Полная обойма в револьвере и еще дюжина винтовочных патронов.

Хокстон выругался.

— У меня самого не больше. Нам лучше бросить жребий и решить, кто из нас уйдет этой ночью, а кто останется и стрельбой будет отвлекать внимание псов пустыни. Тому, кто останется, достанутся винтовки и все боеприпасы.

— Нечего паниковать, — проворчал Гордон. — Мы уйдем все вместе, и Аль Вазир с нами, или никто не уйдет!

— Вы безумец! Думать об этом сумасшедшем в такую минуту!

— Пусть так, но, если вы вздумаете бежать, я пушу вам пулю в спину.

Хокстон бросил на американца злобный взгляд. Наступило молчание. Оба лежали, затаившись, и наблюдали за грядой холмов, которые подрагивали в волнах жары. Стрельба прекратилась. Но они видели, как время от времени среди расщелин и камней мелькала белая одежда, когда осаждающие передвигались среди валунов. На некотором расстоянии к югу Гордон увидел группу бедуинов, ползущих

вдоль тенистой расщелины, которая вела к подошве их горы. Он не стал тратить на них патроны, зная, что когда кочевники достигнут скалы, то окажутся не в самом лучшем положении — слишком далеко, чтобы достать обороняющихся пульей, а приблизиться можно только по тропе. Гордон принялся изучать гору, которая служила им крепостью.

Около тридцати пещер образовывали нижний ярус. Каждая из них была связана с другой узким проходом, и все ярусы соединялись между собой выбитыми в стенах лестницами, поднимавшимися из нижней пещеры через отверстия в каменном потолке наверх. Орлиное Гнездо, в котором сидел связанный Аль Вазир, укрытый от случайных пуль, было примерно в середине нижнего яруса, и тропа, пробитая в камне, вела от подножия горы прямо на карниз. Хокстон лежал перед третьей пещерой на севере, а Гордон — перед третьей пещерой на юге.

Арабы залегли полукругом, который начинался от холма в конце низкой гряды, тянулся вдоль ее хребта и упирался в другой конец. Только те бедуины, которые залегли среди валунов, оказались достаточно близко, чтобы представлять опасность. Глядя снизу вверх на карниз, они могли видеть лишь блестящие дула винтовок или заметить мелькание голов защитников горной крепости. Попасть в них было почти невозможно. Арабы и не пытались стрелять. Поэтому некоторое время царила тишина — не прозвучало ни одного выстрела.

Гордон задал себе вопрос, мог бы кто-нибудь, посмотрев вниз с гребня горы над пещерами, увидеть его и Хокстона. Он внимательно осмотрел каменную стену над собой. Она была почти отвесной. Другой, более узкий карниз, который шел вдоль второго яруса, и еще один, идущий вдоль верхнего,

заграждали вид сверху. Вспомнив отвесные склоны горы, Гордон решил, что бедуины, эти жители равнин, нигде не смогут на нее взобраться.

Он обдумывал, как бы ему незаметно пробраться в Орлиное Гнездо и покормить Аль Вазира, когда вдруг услышал слабый шорох, который заставил его напрячь внимание. Казалось, он исходил из пещер позади него. Гордон взглянул на англичанина. Тот тщательно целился, стараясь поймать на мушку кафью, которая мелькала среди валунов.

Гордон отполз от края уступа к отверстию ближайшей пещеры и скрылся из поля зрения людей, засевших внизу. В пещере он постоял, прислушиваясь. Шорох послышался снова... едва слышный, похожий на скольжение по камню босых ног. Он доносился из какой-то пещеры, расположенной на юге. Гордон крадучись двинулся в том направлении. Он прошел через соседнюю пещеру, потом в следующую... и столкнулся лицом к лицу с высоким бородатым бедуином, который взревел и взмахнул саблей. Другой, стоявший позади него человек со зверским, исполосованным шрамами лицом, вскинул винтовку. Еще несколько арабов вылезали из проема в полу.

Выстрелом от бедра Гордон предупредил удар сабли. Араб со шрамами палил из винтовки поверх падающего тела своего товарища, и Гордон почувствовал удар, вызвавший онемение рук и выбивший спусковой крючок у него из-под пальца. Пуля, врезавшись в затвор, разрушила механизм. Он услышал, как Хокстон яростно взревел на карнизе и начал отстреливаться, а также крики и выстрелы, доносившиеся из долины. Бедуины штурмовали скалу! И Хокстон вынужден был встречать их один, так как руки Гордона оказались пусты.

Все произошло в считанные секунды. Прежде чем бедуин выстрелил вновь, Гордон ударил его ногой в пах и, выдернув винтовку из рук другого араба, ударил прикладом по голове человека, который бросился на него с длинным ножом. У американца не было времени, чтобы выхватить револьвер или саблю. В узкой пещере началась рукопашная схватка: два бедуина набросились на Гордона, как волки, а остальные, выхватив ножи, со всем присутствующим арабам пылом присоединились к ним.

Никто не давал и не ждал пощады... сверкавшие в круговороте бешеного движения клинки звенели о ствол винтовки и вонзались в приклад, когда Гордон отражал удары... а потом мощный сокрушающий удар рушился на ближайшего, разбивая череп. Кочевник со шрамом поднялся, но, боясь стрелять из-за тесноты свалки, бросился на противника, используя свое ружье как дубинку. Гордон нырнул под нависший над ним приклад и стволом своей винтовки ударил в бородатое лицо, раздробив бедуину зубы и челюсть. Раненый опрокинулся в проем, увлекая за собой людей, которые вылезали оттуда.

Получив передышку, Гордон прыгнул к отверстию в полу, выхватывая на ходу револьвер. Бедуины, теснившиеся в проеме, замерев, смотрели на него снизу вверх, понимая, какая их ждет участь... Затем пещера наполнилась оглушительным грохотом большого револьвера, изрыгнувшего град пуль, превративших дикие лица в кровавые ошметки. Это было жестокое убийство: кровь и мозги забрызгали стены. Ослабевшие руки разжались, и тела заскользили вниз на дно шахты, превращаясь в кровавое месиво.

Гордон взглянул вниз, повернулся и выбежал на карниз. Вокруг него запели пули. Он увидел, что

Хокстон перезаряжает винтовку. В поле зрения не было ни одного живого араба. Полдюсятка тел между грядой и началом тропы указывали на то, чем закончился штурм горы.

Хокстон крикнул:

— Какого черта вы туда пошли?

— Они нашли лаз, ведущий наверх откуда-то снизу, — сказал Гордон. — Оставайтесь здесь. Я постараюсь его забить.

Не обращая внимания на пули, летевшие из-за камней, он отыскал большой валун и покатил к пещере. Он осторожно посмотрел вниз на источник. В сорока футах от него должен был находиться вход в ту шахту, через которую арабы проникли в пещеру, и там же должны теперь лежать их тела, упавшие сверху. Но он увидел только один труп, и, пока смотрел на него, тот задвигался, будто ожил, и пропал из виду. Люди за поворотом убирали мертвецов, расчищая место для нового нападения.

Гордон покатил валун к проему и толкнул. Тот полетел вниз и надежно застрял в отверстии. Он был уверен, что камень невозможно вытолкнуть снизу, и это подтвердил приглушенный хор проклятий, донесшийся из глубины.

Гордон знал, что этого лаза не было, когда он год назад впервые пришел в пещеры с Аль Вазиром. Поэтому неудивительно, что узкий ход в темном углу остался незамеченным, когда американец исследовал пещеры в поисках Аль Вазира прошлой ночью. Гордон вспомнил, что видел людей, крадущихся по долине на юг. Они обнаружили это ущелье, и, значит, нападение с двух сторон было хорошо запланировано. Но благодаря его острому слуху оно закончилось плачевно для нападавших. Правда,

у него разбита винтовка и кончились патроны в револьвере.

Гордон не удивился своей победе в этой яростной схватке. Он знал, что ему просто улыбнулась удача. А что будет дальше... Бог знает. Затем он отправился по нижнему ярусу, решив проверить, нет ли там еще одного лаза. Пройдя через Орлиное Гнездо, он взглянул на Аль Вазира, сидевшего у столба. Казалось, тот спал; его косматая голова склонилась на грудь, пальцы вцепились в веревку, которой он был связан. Гордон поставил рядом с ним жестянки с водой и едой.

Не найдя никаких других туннелей, Гордон вернулся на карниз, взяв консервы и бурдюк с водой, набранной в роднике, струившемся в одной из пещер. Вместе с Хокстоном они поели, лежа на камнях и не снимая пальцев с курков. Солнце миновало зенит. Они лежали, жарясь на солнце, как ящерицы на камнях, и смотрели на холмы. День убывал.

— У вас другая винтовка,— сказал Хокстон.

— Да, моя сломалась во время стычки в пещере. Эту я взял у убитого. В ней полный магазин, но у меня нет больше ни патрона. И мой пистолет пуст.

— У меня обойма только в винтовке,— пробормотал Хокстон.— Кажется, наша песенка спета. Они дождутся темноты, а потом нападут. Один из нас может бежать ночью, а другой останется здесь и отвлечет их. Но если вы не согласны, нам остается только сидеть и ждать, пока нам перережут горло.

— У нас есть один шанс,— сказал Гордон.— Если мы убьем Шалана, остальные уйдут. Ему самому не страшен ни человек, ни дьявол, но его люди боятся джинна.

Хокстон резко засмеялся:

— Ерунда! Шалан не даст нам такого шанса. Мы сдохнем здесь. Оба — только Аль Вазиру арабы не причинят вреда. Но они ничем и не помогут ему. Черт бы его побрал! Почему он сошел с ума?

— Да уж не очень-то деликатно с его стороны,— сказал Гордон с тонкой иронией.— Дурно с его стороны спрятать рубины и забыть... И никакие пытки не помогут ему вспомнить о тайнике.

— Не в первый раз из-за камешков пытаются человека,— отпарировал Хокстон.— Дружище, вы не представляете себе ценности этих камней. Я видел рубины только один раз, когда еще Аль Вазир был правителем Омана. Но и одного взгляда достаточно, чтобы сойти с ума. История этого сокровища звучит как сказка из «Тысячи и одной ночи». Только Господь знает, сколько женщин отдали свои души, а мужчин — жизни за Кровь Богов, с тех пор как Ала ад-дин Муххамед из Дели разрушил индуистский храм Сомнат и взял камни в качестве своей добычи. Это было в 1294 году. Рубины выжгли красную тропу в Азии. Где бы они ни появлялись, там проливалась кровь. Я отравил бы собственного брата, чтобы завладеть ими...— Дикое пламя в глазах англичанина не оставляло сомнений, что он готов на все.

Внезапно Гордона захлестнуло отвращение к этому человеку.

— Пойду-ка я накормлю Аль Вазира,— резко сказал он.

Стояла тишина, но они знали, что их враги ждут ночи с безграничным терпением сынов пустыни. Солнце склонялось над холмами, ущелья и горы обволакивались глубокими голубыми тенями. Далеко на западе в темной синеве дрожала и мерцала серебристая звездочка.

Гордон вошел в большую пещеру... и застыл на месте, пораженный видом пустого столба. Одним прыжком он достиг его и склонился над обтрепанными концами толстой веревки, которые говорили сами за себя. Аль Вазир нашел способ освободиться. Медленно, но упорно работая своими острыми ногтями целый день, безумный разорвал толстые волокна прочной веревки. И ушел.

6

Гордон вышел из Орлиного Гнезда и коротко сказал:

— Аль Вазир сбежал. Я пойду искать его в пещерах. Оставляйтесь на карнизе и наблюдайте.

— Зачем тратить последние минуты своей жизни, разыскивая лунатика по этим крысиным норам? — проворчал Хокстон. — Скоро стемнеет, и арабы нападут на нас...

— Вам не понять, — огрызнулся Гордон, отворачиваясь.

Мысль о задаче, стоявшей перед ним, не доставляла удовольствия. Искать сумасшедшего в темных пещерах — это еще полбеды, но необходимость опять силой усмирять своего друга вызывала отвращение. Однако это нужно было сделать. Убеджав в пещеры, Аль Вазир мог причинить вред не только себе самому, но им тоже. Кроме того, безумца могла сразить шальная пуля.

Поиски в нижнем ярусе оказались бесплодными, и Гордон поднялся по лестнице на второй ярус. Когда он полез через дыру в верхнюю пещеру, у него возникло неприятное чувство, что Аль Вазир подстерегает его на краю проема, чтобы ударить

камнем по голове. Однако его ожидали лишь пустота и безмолвие сумрачных пещер. Душу американца переполняло отчаяние. Аль Вазир мог притаиться в любом из сотен закоулков и ниш, а у Гордона было так мало времени.

Лестница, связывавшая второй ярус с третьим, была в этой же пещере, и, посмотрев снизу вверх через проем, Гордон поразился, увидев над собой круг голубой синевы с мерцающими звездами. И тотчас стал подниматься наверх.

Здесь Гордон обнаружил еще один, не замеченный ранее, выход из пещер. Лестница вилась по стене и проходила через круглое отверстие в своде самой верхней пещеры. Он полез наверх, как трубочист в дымоход, и вскоре его голова показалась над краем проема.

Он вылез на самую вершину горы. На востоке каменная стена резко поднималась вверх, загораживая вид, но зато на западе он увидел виднеющийся в сумерках почти отвесный склон. Он замер, услышав, как посыпалась галька, словно под чьей-то осторожной стопой. Мог Аль Вазир выбраться через этот лаз? Мог ли он быть там внизу, на темном отроге? Если это он, то, поскользнувшись, безумец может разбиться насмерть.

Пока американец пристально вглядывался в сгущающиеся тени, снизу донесся крик:

— Это я, Гордон! Бедуины готовятся напасть на нас! Я вижу, как они собираются среди камней!

С проклятием Гордон снова посмотрел вниз. Больше он ничего не мог поделать. С наступлением темноты Хокстон не сможет удерживать карниз один.

Американец осторожно спустился, но, прежде чем он дошел до карниза, наступила темнота; лишь

слабый свет звезд лился с неба, Англичанин, притаившийся на краю выступа, смотрел вниз, в мрачную бездну теней.

— Они идут, — шепнул он, прицеливаясь. — Слышите?

Стрельбы не было... только осторожный шорох обутых в сандалии ног по камням. Из ночного мрака появилась темная масса и подкатилась к подножию горы. Стали различимы отдельные фигуры, но не имело смысла тратить пули, стреляя по теням, — люди в белом выдержат огонь. Арабы были уже на тропе... они поднимались, и в руках у них поблескивали стальные стволы винтовок. Осажденные видели поблескивающие белки глаз смотревших снизу вверх бедуинов.

Гордон и Хокстон начали стрелять; темноту разорвали вспышки выстрелов. Свинец впивался в человеческую плоть. Бедуины закричали. Их тела скатывались с тропы и разбивались на камнях внизу. Где-то позади в темноте Шалан ибн Мансур криками подгонял своих подданных. Хитрый шейх не собирался рисковать своей шкурой, участвуя в нападении. Хокстон, безостановочно стреляя из винтовки, проклинал его.

— Тхибхахум, бисм эр расул! ¹ — раздался душе-раздирающий вопль, обезумевшие бедуины продолжали с боем продвигаться наверх, рыча, как бешеные псы, от ненависти и жажды разорвать неверных на куски.

Гордон спустил курок, но выстрела не последовало — кончились патроны. Он поднял винтовку, как дубинку, и шагнул к тропе. Белая фигура замаячила перед ним, устремившись к проходу на кар-

¹ Тхибхахум, бисм эр расул — пусть они сдохнут! (арабск.)

низ. Удар ружейного приклада разбил голову бедуина, как яичную скорлупу. Выстрел опалил брови Гордона, но приклад его винтовки разбил плечо еще одному врагу.

Хокстон выпустил последнюю пулю, отшвырнул винтовку и бросился в сторону американца с саблей в руке. Он зарубил бедуина, который забирался на край карниза с ножом в зубах. Арабы сбились в беспорядочную толпу под выступом, воя, как волки, и отступая под градом ударов приклада и сабли.

— Валлах! — завопил один из них. — Это дьяволы. Бежим, братья!

— Собаки! — кричал Шалан ибн Мансур жутким голосом из темноты. Он стоял на низком пригорке, скрытом во мраке ночи, и был невидим для людей на горе.

— Стоять! Их только двое! Они перестали стрелять, значит, у них нет патронов! Если вы не принесете мне их головы, я с вас с живых сдеру кожу! Они... а-ах! Йа Аллах!.. — Его голос поднялся до бесвязного вопля, а затем прервался ужасным хрипом. Затем последовало молчание. Арабы прижались к тропе и замерли, вытягивая шеи, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда исходил крик. Люди на карнизе, обрадованные передышкой, отерли пот со лба и стояли, прислушиваясь к звукам с таким же удивлением и интересом.

Кто-то крикнул:

— Охай, Шалан ибн Мансур! С тобой все в порядке?

Ответа не было. Один из арабов, спрыгнув с горы, побежал к холму, выкрикивая имя шейха. Люди на карнизе могли следить за его продвижениями по звуку его голоса.

— Почему шейх вскрикнул и замолчал? — крикнул человек на тропе. — Что случилось, Хадитха?

Четко донесся ответ Хадитхи:

— Я у холма, где он стоял... Но я не вижу... Валлах! Он мертв! Он убит, у него вырвано горло! Аллах! На помощь!

Араб закричал и выстрелил. Пламя выстрела осветило лицо, склонившееся над мертвым шейхом. Вернее, дико улыбающуюся рожу под спутанной копной волос, ужаснувшую араба морду дьявола. Он взвыл, как заблудшая душа, и побежал, пронзительно крича, а вслед ему понесся визгливый хохот.

— Бежим! Бежим! Я видел его! Это джинн пещер Эль Хоур!

Поднялся переполох. Люди посыпались с тропы, как переспевшие яблоки с ветки, крича: «Джинн убил Шалана ибн Мансура! Бежим, братья, бежим!» Ночь наполнилась дикими воплями. Арабы в панике бросились бежать, и вскоре до людей на карнизе донесся рев верблюдов. И это не было хитростью. Бедуины рувейла, охваченные суеверным ужасом, бежали, бросив тела своего вождя и своих убитых товарищей.

— Что за черт? — удивился Хокстон.

— Это, должно быть, Иван, — объяснил Гордон. — Вероятно, он каким-то образом спустился с горы на другой стороне холма... Бог мой, какой же это был спуск!

Они стояли на карнизе, настороженно прислушиваясь, но только топот копыт затихал вдали. Вскоре они спустились вниз, обходя валяющиеся на тропе трупы, застывшие во всевозможных позах. Больше всего их было на земле у подножия горы. Гордон взял винтовку, выпавшую из руки одного мертвеца, убедился, что она заряжена. После бегства арабов

перемирие между ним и Хокстоном должно закончиться. Их будущие отношения станут полностью зависеть от англичанина.

Через несколько минут они достигли пригорка, на котором совсем недавно стоял Шалан ибн Мансур. Вождь арабов лежал на спине в темной густой лужице крови. Труп был хорошо виден в свете спички, которую Гордон держал над ним. Горло у араба оказалось разорвано словно клыками дикого зверя.

Американец выпрямился и отбросил спичку. Он пристально вгляделся в окружающую темноту, а затем позвал: «Иван!». Ответа не было.

— Неужели его убил Аль Вазир? — недоверчиво спросил Хокстон.

— А кто еще мог это сделать? Должно быть, он набросился на Шалана сзади. Другой араб увидел его... Страх перед джином пещер заставил кочевников бежать без оглядки.

Какой каприз побудил Аль Вазира наброситься на вождя бедуинов? Какие бредовые идеи возникли в больном мозгу сумасшедшего? Можно только догадываться. Примитивный инстинкт убийства овладел безумным... Он подкрался в темноте, привлеченный одинокой фигурой кричавшего с холма человека... В конце концов, в этом не было ничего странного.

— Ну так пойдёмте поищем его, — сказал Хокстон. — Я знаю, что вы не вернетесь без него на побережье, поэтому давайте действовать, и чем скорее, тем лучше.

— Хорошо.

Гордон ничем не обнаружил удивления, которое испытывал. Он знал, что характер Хокстона и его цели не изменились от того, что им пришлось

вместе пережить. Этот человек был вероломен и непредсказуем, как волк. Повернувшись, Гордон направился к горе, держа свою винтовку наготове и внимательно наблюдая, чтобы англичанин не оказался позади него.

— Я хочу найти то место, откуда арабы поднялись наверх, — сказал Гордон. — Иван может там прятаться. Лаз должен находиться с западного края ущелья, вдоль которого они подкрадывались, когда я впервые их заметил.

Вскоре они уже продвигались по неглубокому ущелью, и там, где оно заканчивалось, у подножия горы, увидели узкую, как разрез, расщелину, но достаточно большую, чтобы пролез человек. Спутники притиснулись в лаз и двинулись по узкому туннелю. Вначале он шел в гору, затем резко сворачивал направо и заканчивался в маленькой пещере, которая, как Гордон предположил, находилась прямо под тем помещением, где ему пришлось сражаться с арабами. Его уверенность окрепла, когда они нашли ход, ведущий наверх. Спичка, поднесенная к стене, показала лаз, закрытый валуном.

— Мы знаем теперь, как бедуины проникли в пещеры, — проворчал Хокстон. — Но мы не нашли Аль Вазира. Его здесь нет.

— Нам стоит вернуться в Орлинное Гнездо, — ответил Гордон. — Он придет за едой, и тогда мы его схватим.

— А потом что? — требовательно спросил Хокстон.

— Разве не ясно? Выйдем на караванную дорогу. Иван на верблюде, мы пешком. Я думаю, что бедуины останутся только у палаток своего племени. Надеюсь, разум Ивана восстановится, когда он вернется в цивилизованный мир.

— А что вы решили насчет сокровища?

— Сокровище принадлежит Аль Вазиру, и он вправе распоряжаться им как захочет.

Хокстон промолчал. Казалось, он не замечал подозрительности Гордона. У англичанина не было винтовки, но Гордон знал, что револьвер, висевший у него на поясе, заряжен. Он старался идти так, чтобы Хокстон все время находился впереди. Они снова двинулись по туннелю и вышли затем под свет звезд. Он не знал, каковы намерения Хокстона, но был уверен, что рано или поздно ему придется сражаться с англичанином за свою жизнь. И скорее всего, это произойдет после того, как они найдут Аль Вазира.

Его очень интересовало, каким образом появился туннель и лаз, ведущий на вершину горы, которых не было год назад. Арабы, конечно, нашли ход совершенно случайно.

— Совсем необязательно обыскивать пещеры ночью,— сказал Хокстон, когда они поднялись на карниз.— Давайте будем спать по очереди. Вам первому сторожить, не так ли? Вы знаете, что я не спал прошлой ночью.

Гордон кивнул. Хокстон сгреб шкуры, лежащие в Орлином Гнезде, улегся на них и, привалившись к стене, заснул. Гордон сел неподалеку, положив винтовку на колени. Он слегка задремывал, просыпаясь каждый раз, когда спящий англичанин шевелился.

Он все еще сидел, когда заря зарделась на востоке.

Хокстон встал, потянулся и зевнул.

— Почему вы меня не разбудили? — спросил он.

— Вы чертовски хорошо знаете почему,— раздраженно ответил Гордон.— Не хотел, чтобы вы убили меня во сне.

— Вы терпеть меня не можете, Гордон, ведь так? — засмеялся Хокстон. Но улыбались только его губы, а в глазах полыхало пламя. — Знаете, это взаимное чувство. После того как мы доставим Аль Вазира в Эль-Азем, я собираюсь по-джентльменски разрешить наши разногласия — на саблях.

— Зачем ждать? — Гордон был уже на ногах, раздувая ноздри от еле сдерживаемой ярости.

Хокстон покачал головой, злобно улыбаясь:

— О нет, Эль Борак. Сейчас не будем драться. Нужно сначала выбраться отсюда.

— Хорошо, — проворчал американец недовольно. — Давайте есть, а потом начнем прочесывать пещеры.

В этот момент до них донесся слабый звук, и они оба обернулись. У выхода из пещеры стоял Аль Вазир, почесывая бороду длинными черными ногтями.

Его глаза утратили дикое звериное выражение и были затуманенными, жалобными, а лицо казалось скорее смущенным, чем угрожающим.

— Иван! — тихо сказал Гордон. Отложив винтовку, он двинулся к безумному человеку.

Аль Вазир не отступил, но и не проявил дружеского расположения. Вяло и тупо глядя на людей, он продолжал стоять и почесываться.

— Он сейчас в спокойном настроении, — шепнул Гордон. — Осторожно, Хокстон. Дайте мне воспользоваться этим. Думаю, он не будет сильно сопротивляться.

— В таком случае, — сказал Хокстон, — вы мне больше не нужны.

Гордон обернулся, глаза англичанина горели жадной убийства. Его рука легла на рукоять револьвера. Мгновение два человека стояли, напря-

женно глядя друг на друга. Хокстон сказал тихо, почти шепотом:

— Вы дурак, если думаете, что я дам вам шанс. Мне и одному по силам доставить безумца в Эль-Азем. Мой знакомый доктор восстановит его разум... и тогда я добьюсь, чтобы Аль Вазир открыл мне, где Кровь Богов...

Они одновременно выхватили оружие: один — револьвер, другой, саблю. Во время выстрела взметнулся клинок и вышиб револьвер из рук англичанина. Гордон почувствовал ветерок от пролетевшей пули, и сразу же стоявший позади него сумасшедший застонал и тяжело рухнул. Револьвер звякнул о каменный пол. С яростью во взгляде, Гордон обрушил клинок на голову Хокстона, но тот быстро отпрыгнул и выхватил свою саблю. Гордон краем глаза заметил, что Аль Вазир безжизненно лежит там, где упал, и кровь струится из его головы.

Сталь зазвенела, посыпались искры, когда Гордон и Хокстон сошлись в яростной схватке. Это были неукротимые натуры, и каждый из них желал смерти другого. Жажда убийства, нашедшая наконец выход, подкрепляла каждый выпад! Несколько минут удар следовал за ударом, и невозможно было уследить за стремительно мелькавшими клинками. Они бились с яростью, холодной как сталь, с неприужденностью, в которой, однако, не было ни горячности, ни беззаботности. Звон стали оглушал. Казалось чудом, что клинки, играющие над головами противников, не достигают цели. Мастерство обоих воинов было слишком хорошо отточено.

После первого урагана атак ход схватки переменился: она стала не менее яростной, но более искусной. Солнце пустыни, отражавшееся в клинках многих поколений бойцов, не видело более

великолепного зрелища воинского искусства, чем это — на высоком карнизе между солнцем и пустыней два чужестранца решали свою судьбу.

Вверх и вниз по карнизу... скольжение и перемещение быстрых ног... скольжение, но не топтание... звон и стук стали о сталь... горящие черные глаза, смотрящие в холодные серые... мелькающие лезвия, красные в лучах восходящего солнца.

Хокстон у себя на родине набил руку во владении прямым клинком. Он предпочитал колоть, а не рубить и пользовался острием с дьявольской ловкостью. Гордон учился искусству боя кривой саблей в тяжелой школе афганских горных войн; он бился без всяких правил. Его смертоносный клинок то метался, как язык змеи, то рубил с сокрушительной силой.

Все это не походило на церемонную дуэль с элегантными правилами и формальностями. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, жестокая и отчаянная. За десять минут оба применили столь изощренные фехтовальные приемы, что отправили бы на тот свет любого средневекового воина. Они не останавливались ни на секунду, только раздавался звон и скрежет клинка о клинок... Напав на Гордона, Хокстон не учел, что солнце будет бить ему в глаза; Гордон почти оттеснил Хокстона к краю пропасти, и англичанин, отпрыгнув в сторону, с трудом удержался от падения с горы.

Все кончилось внезапно. Хокстон, с залитым потом лицом, почувствовал, как начала проявляться страшная сила Эль Борака. Даже стальное запястье англичанина одеревенело под ударами, которые обрушивал на него Гордон. Считая, что превосходит противника в искусстве фехтования, Хокстон начал подготовку к сложному финту и притворил-

ся, что заносит меч над головой Гордона. Эль Борак понял, что это хитрость, и, сделав вид, что обманут, поднял саблю, как будто парируя удар противника. Острие сабли Хокстона коснулось его шеи. Англичанин сделал выпад, но тут же понял, что попался, а остановиться уже не смог. Лезвие его сабли скользнуло у плеча Гордона, когда тот стремительно уклонился, и клинок американца сверкнул на солнце белой стальной молнией. Смутное лицо Хокстона превратилось в кашу из крови и мозгов; его сабля громко звякнула о камень; он пошатнулся и упал; голова англичанина была расщелена до нижней челюсти.

Гордон утер пот с лица и посмотрел на распростертое тело, слишком опьяненный ненавистью и битвой, чтобы окончательно осознать, что враг мертв. Он вздрогнул и обернулся, когда сзади раздался слабый голос:

— Все тот же быстрый клинок, как всегда, Эль Борак!

Аль Вазир сидел, прислонившись к стене. Его глаза, больше не затуманенные и не налитые кровью, спокойно встретили взгляд Гордона. Несмотря на спутанные волосы и косматую бороду, он выглядел совершенно нормальным. В любом случае это был тот человек, которого Гордон давно знал.

— Иван! Живой! Но пуля Хокстона...

— А, вот что это было! — Аль Вазир поднес руку к голове, залитой кровью. — Но тем не менее я очень даже живой и в здравом уме — в первый раз за Бог знает какое время. А что случилось?

— В тебя попала пуля, которая предназначалась мне, — сказал Гордон. — Дай я осмотрю твою рану.

После короткого осмотра он объявил:

— Только царапина. Пуля скользнула по коже и оглушила тебя. Я промою и перевяжу. — Делая перевязку, он коротко сообщил:

— Хокстон взял твой след — из-за твоих рубинов. Я пытался его остановить, но тут нас поймал в ловушку Шалан ибн Мансур. Ты был не в своем уме, и я связал тебя. У нас была схватка с арабами. Мы их прогнали.

— Какой сейчас день? — спросил Аль Вазир. Услышав ответ Гордона, он воскликнул:

— Великие небеса! Прошло больше месяца с тех пор, как меня ударило по голове!

— Что? — изумился Гордон. — Я думал, одиночество...

Аль Вазир засмеялся:

— Нет, не одиночество, Эль Борак. Я тут занялся кое-какой работой... Обнаружил ход в одну из нижних пещер, ведущий вниз, в туннель. Входы в оба лаза были завалены камнями. Я стал их оттаскивать просто так, из любопытства. Потом я нашел еще один ход, ведущий из верхней пещеры на вершину горы и похожий на дымовую трубу. Когда я отодвигал каменную плиту, которая его закрывала, и убирал завал камней, это и произошло: одна из глыб свалилась и расшибла мне голову. С тех пор разум мой помутился. Иногда я ненадолго приходил в себя... но и тогда мои мысли оставались не очень ясными. Сейчас я вспоминаю их, как обрывки снов. Помню, что я жил в Орлином Гнезде, открывал консервы и пожирал еду... и старался вспомнить, кто я и почему здесь. Потом все опять исчезало:

В другом смутном воспоминании я был привязан к камню и видел, как ты и Хокстон лежали на карнизе и стреляли. Конечно, я не понимал, что это был ты. Я помню, как ты сказал, что, если кто-то будет

убит, другие уйдут. Стрельба и крики разозлили меня. Я хотел, чтобы все ушли и оставили меня в покое.

Не помню, как долго я опять ничего не соображал, но, придя в себя, я вспомнил про ход, который вел на вершину горы... Потом я полз и карабкался и вскоре увидел, как звезды сверкают надо мной, и почувствовал, что ветер дует мне в лицо... Небеса! Мне нужно было доползти до вершины, а затем спуститься вниз по уступам на другой стороне горы!

Потом я смутно помню, что бежал и полз сквозь темноту... испуганный стрельбой и шумом, и какой-то человек стоял один на пригорке и кричал...— Аль Вазир содрогнулся и покачал головой.— Когда я пытаюсь вспомнить, что произошло потом,— это какая-то круговерть огня и крови, как ночной кошмар. Мне казалось, что человек на холме виноват во всем этом шуме, который сводит меня с ума, и что, если он перестанет кричать, они все уйдут и оставят меня в покое. Но с этого момента все погрузилось в красный туман...

Гордон хранил молчание. Он понимал: виной всему было его замечание, нечаянно услышанное Аль Вазиром, о том, что, если Шалан ибн Мансур будет убит, арабы убегут. Подслушанные слова запечатлелись в затуманенном мозгу сумасшедшего... и в конце концов преобразовались в действие. Аль Вазир не помнил, что он убил шейха, и не было необходимости расстраивать его правдой.

— Помню, что потом я бежал,— прошептал Аль Вазир, сжимая голову.— Я ужасно испугался и хотел вернуться в пещеры. Помню, что полз опять — все время вверх. Я должен был забраться на гору, а потом спуститься в пещеру... но я не мог этого сделать, потому что ход оказался завален. Потом я услышал голоса. Они звучали как-то знакомо. Я

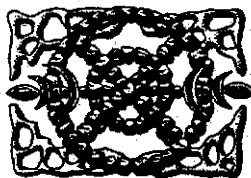
пошел на эти звуки... затем что-то ударило меня по голове. А когда я пришел в себя, то понял, что обрел все свои способности... И увидел, как ты и Хокстон бьетесь на саблях.

— Похоже, ты действительно пришел в себя,— сказал Гордон.— Этот удар заставил твой мозг снова работать нормально. Такое случалось и прежде.— Иван, у меня есть верблюд, спрятанный поблизости. Арабы, когда бежали, бросили тюки с сеном в своем лагере. Я покормлю и напою его, а затем... Ну, в общем, я собирался отвезти тебя на побережье, но после того, как ты восстановил свой разум, я думаю, может быть, ты...

— Я вернусь вместе с тобой,— сказал Аль Вазир.— Мои медитации не дали мне просветления, но я убедился... еще до того, как получил удар по голове... что наиболее достойной жизнью может быть служение людям или отдельной личности... Мечтаниями в этой пустыне я не помогу человечеству.— Он взглянул на тело, распростертое перед ними.— Прежде всего нам надо вырыть могилу. Бедняга, его угораздило стать последней жертвой Крови Богов.

— Что ты имеешь в виду?

— Кровь богов притягивает кровь человеческую,— ответил Аль Вазир.— Появившись в истории, рубины причинили столько страданий... Прежде чем уехать из Эль-Азема, я брошу их в море.

СТРАНА КИНЖАЛОВ

3

1

а дверью раздался крик, отчаянный, хриплый. Задыхающийся голос повторял какое-то имя. Стюарт Брент, не успев налить в стакан виски, взглянул на дверь, из-за которой доносился этот вопль. Кто-то выкрикивал, задыхаясь, его имя... Кто звал его с такой неистовой настойчивостью в полночь из холла его собственной квартиры?

Брент шагнул к двери, держа в руке граненую янтарную

бутылку. Повернув ручку, он вздрогнул: не оставалось сомнений, что снаружи идет борьба, — оттуда доносилось громкое шарканье ног, звуки ударов. Затем отчаянный голос послышался вновь. Brent толкнул дверь.

Богато отделанная прихожая была слабо освещена электрическими лампами, вставленными в пасти позолоченных драконов, извивавшихся по потолку. Дорогие красные ковры и бархатная обивка мебели, казалось, впитывали этот мягкий свет, усиливая эффект нереальности, однако борьба, происходящая перед его глазами, была так же реальна, как жизнь и смерть.

На темно-красном ковре виднелись яркие пятна крови. Перед дверью на спине лежал худощавый человек, бледное лицо которого казалось в тусклом свете восковой маской. На него навалился другой человек, уперев колено ему в грудь. Одной рукой он сжимал горло своей жертвы, а другой занес окровавленный нож.

Все произошло мгновенно. Нож опустился вниз, как только Brent шагнул в холл. Когда он замер на секунду в дверях, убийца бросил на него ненавидящий взгляд. В этот момент Brent увидел, что это был темнолицый иностранец, а его жертвой — белый человек. Древний инстинкт заставил его действовать, не раздумывая. Он со всей силы обрушил тяжелую бутылку на смуглое лицо. Раздался треск разбитого стекла, незнакомец опрокинулся на спину, а его нож отлетел далеко в сторону. Азиат моментально пришел в себя и со злобным рычанием вскочил на ноги; глаза его горели яростью, кровь и виски стекали по лицу.

На мгновение он пригнулся, будто хотел прыгнуть на Brenta. Затем его взгляд дрогнул, в нем

появилось что-то похожее на страх. Убийца резко повернулся и бросился бежать по лестнице. Брент изумленно посмотрел ему вслед. Все, что произошло, не укладывалось у него в голове. Он нарушил давно установленное для себя правило — никогда ни во что не вмешиваться, если это не касается его самого.

— Брент! — слабо позвал лежащий на полу раненый.

Брент наклонился к нему:

— Что произошло, старина? Разрази тебя гром! Стоктон!

— Затаци меня в комнату. Быстро! — просто-нап тот, со страхом глядя на лестницу. — Он может вернуться... вместе с другими!

Брент нагнулся и поднял его на руки. Стоктон был не слишком тяжелым, а Брент, несмотря на сложение, обладал мускулами атлета. Во всем здании было тихо. Очевидно, никто не слышал приглушенных звуков короткой борьбы. Брент перенес раненого в комнату и осторожно положил на диван. Когда он выпрямился, руки у него были в крови.

— Закрой дверь! — попросил Стоктон.

Брент подчинился. Затем, вернувшись назад, хмуро и озабоченно посмотрел на него. Стоктон, светловолосый, среднего роста, с заурядными чертами лица, искаженными сейчас гримасой боли, разительно отличался от Брента, высокого брюнета, самоуверенного, обладающего мужественной красотой. Но светлые глаза Стоктона сверкали огнем, который стирал различие между ними и придавал раненому что-то такое, чем не обладал Брент... что-то такое, что властвовало над всеми его чувствами.

— Тебе очень больно Дик? — Брент достал новую бутылку виски. — Ты весь изранен, дружище! Я позову врача и...

— Нет! — Стоктон слабой рукой оттолкнул стакан. — Бесполезно. Я истекаю кровью и скоро умру, но я не могу оставить свое дело незавершенным. Не перебивай... только слушай.

Брент знал, что Стоктон говорит правду. Кровь сочилась из нескольких ран у него на груди. Брент смотрел с жалостью, как хрупкий светловолосый человек борется со смертью, железной волей стараясь задержать исчезающие проблески жизни и сохранить сознание и ясность ума.

— Я совершил большую ошибку сегодня вечером в погребке на набережной. Мне удалось кое-что увидеть... случайно стать свидетелем. А потом меня заподозрили. Я бежал... и пришел сюда, потому что ты единственный человек, которого я знаю в Сан-Франциско. Но этот дьявол преследовал меня... и настиг на лестнице.

Кровь появилась на его мертвенно-бледных губах, и Стоктон закашлялся, отплеываясь. Брент беспомощно смотрел на него. Он знал, что этот человек был секретным агентом британского правительства и занимался выяснением первопричин многих зловещих событий. Он умирал так же, как жил, на своем посту.

— Это очень важно! — прошептал англичанин. — Это может повлиять на судьбу Индии! Я не могу рассказать тебе все... я скоро умру. Но есть один человек, который должен об этом узнать. Тебе нужно найти его, Брент. Его зовут Гордон... Френсис Ксавье Гордон. Он американец. Афганцы называют его Эль Борак. Я собирался к нему...

Но теперь ты должен ехать. Обещай мне!

Брент не колебался. Он успокаивающе сжал плечо умирающего, и этот жест был даже более убедителен, чем его тихий ровный голос:

— Я обещаю, старина. Но где я его найду?

— Где-нибудь в Афганистане. Поезжай сразу же. Вокруг рыщут шпионы. Если они узнают, что я с тобой говорил перед смертью, они тебя убьют еще до того, как ты доберешься до Гордона. Скажи полиции, что я пьяный иностранец, раненный неизвестными, случайно забрел в твой холл, чтобы умереть. Ты никогда не видел меня прежде, и я ничего тебе не сказал перед смертью. Поезжай в Кабул. Британские чиновники значительно облегчат твой путь. Просто говори каждому из них: «Вспомни коршунов Хорал Нула» — это твой пароль. Если Гордона нет в Кабуле, эмир даст тебе эскорт, чтобы найти его в горах. Ты должен. Теперь мир Индии зависит от этого человека.

— Но что я должен ему сказать? — Брент был сбит с толку.

— Скажи Гордону, — простонал умирающий, борясь за еще несколько мгновений жизни. — Скажи: у Черных тигров новый князь... они зовут его Абд эль Хафид, но его настоящее имя Владимир Жакрович.

— И это все? — Дело принимало все более странный оборот.

— Гордон поймет и начнет действовать. Берегись Черных тигров. Это тайное общество азиатских убийц. Поэтому будь начеку при каждом своем шаге. Эль Борак все поймет. Он знает, где найти Жакровича... в Руб эль Харамии... воровском притоне...

По телу Стоктона пробежала судорога; слабая искра жизни, которая едва теплилась в его израненном теле, погасла.

Брент выпрямился и в замешательстве посмотрел на умершего друга, поражаясь внутреннему беспокойству, которое заставляло Стоктона скитаться по окраинам мира, за скудную плату играя в кошки-мышки со смертью. Игра, в которой ставкой было не золото, а что-то другое, то, чего Брент не мог понять. Его сильные уверенные пальцы могли читать карты почти так же, как кто-нибудь читает книгу; но он не мог постигнуть души таких людей, как Ричард Стоктон, которые рисковали своими жизнями в неизвестных краях, где банкометом была Смерть. Что в том, если этот человек побеждал? Как мог он измерить свой выигрыш? Кто выдаст деньги по его фишкам? Сам Брент не требовал слишком многого от жизни; он терял без сожаления, но в случае выигрыша был ростовщиком, требующим все сполна и не отказывающимся от жизненных благ. Мрачная и опасная игра Стоктона не прельщала Стюарта Брента; для него англичанин всегда был немного сумасшедшим.

Но какие бы ни были у Брента недостатки и достоинства, он имел свой свод правил, по которому жил, и готов был умереть, чтобы его выполнить. Основой этого кодекса была верность. Стоктон никогда не спасал ему жизнь, не отказывался от девушки, которую Брент любил, не выручал его из сомнительной ситуации. Они просто дружили, когда учились в университете много лет тому назад, и с тех пор встречались случайно и редко. Стоктон не претендовал ни на что, кроме старой дружбы. Но это были узы крепкие, как якорная цепь, и англичанин знал об этом, когда в отчаянии, предчувствуя свою гибель, полз к его двери. Брент дал ему обещание и собирался выполнить его во что бы то ни стало. Ему даже в

голову не приходило, что может быть иначе. Стюарт Брент был блудным сыном из почтенного калифорнийского семейства, основатель которого в 1849 году пересек огромное пространство на фургоне, запряженном волами. Он сам всегда платил карточные долги и теперь обязан заплатить за своего умершего друга. Брент повернулся и посмотрел в окно, почти скрытое шелковыми портьерами. Он жил здесь в роскоши. В последнее время ему удивительно везло. Завтра вечером в клубе, где он был завсегдатаем, планировалась большая игра в покер с богатым нефтяным королем из Оклахомы, который готов спустить все до цента. А в Тиа Хуана через несколько дней начнутся бега. Брент положил глаз на стройного гнедого мерина, который бежал, как пламя при пожаре в прериях.

Снаружи хмурился туман и каплями оседал на оконном стекле. Брент видел в тумане видения, пророческие видения, в которых жизнь разительно отличалась от той яркой цивилизации, с которой он сталкивался в своих скитаниях по странам Востока, и совсем не была похожа на ту, что вели европейцы в азиатских городах: клубы с тенистыми верандами, бесшумнодвигающиеся слуги, приносящие прохладительные напитки, томные прекрасные женщины, белые одежды и тропические шлемы.

Вздрыгнув, он почувствовал дикий старый Восток, этот запах был навеян ему из тумана, вместе с запахом крови, запекшейся на ноже. Восток, не спокойный, теплый и сверкающий яркими красками, а холодный, мрачный, дикий, где нет мира, где над законом смеются и жизнь висит на кончике кинжала. Такой Восток знал Стоктон и тот таинственный американец, которого зовут Эль Борак.

Мир Брента был здесь, мир, который он обещал оставить ради непонятной донкихотской миссии. Он ничего не знал о том другом опасном мире, но когда шагнул к двери, у него не было сомнений.

2

Ветер дул через покрытые снегом вершины. Пронзительный ветер, который пронизывал насквозь, несмотря на сияющее солнце.

Стюарт Брент, дрожа от холода, прищурился, глядя на этот нестерпимо яркий шар. У него не было плаща, а рубашка превратилась в лохмотья. Бесконечно долго он пытался вскрыть кандалы у себя на запястьях. Они звякнули, и человек, ехавший перед ним, выругался и, повернувшись, сильно ударил его. Брент покачнулся в седле; кровь показалась у него на губах.

Седло натирало — стремяна были слишком коротки для его длинных ног. Он ехал верхом по высокогорной тропе в середине растянувшейся линии из тридцати человек — оборванных людей на изможденных, с выпирающими ребрами, лошадях. Они ехали, сторбившись на своих высоких седлах и, склонив вперед головы в тюрбанах, покачивались в такт стуку лошадиных копыт. Винтовки с длинными прикладами висели на седельных луках. С одной стороны от них поднималась высокая скала, с другой — зияло глубокое ущелье. Кожа на запястьях у Брента была содрана ржавыми железными кандалами; он весь был покрыт синяками и ссадинами; из носа временами текла струйка крови. Он ослабел от голода и испытывал головокружение от огром-

горной гряды, которая маячила перед ними, как крепостной вал, в течение многих дней пути.

Словно в тумане Brent мысленно перебирал события нескольких недель, которые прошли с того времени, когда он внес на руках в свою квартиру умирающего Ричарда Стоктона, до этого невероятного, но все же до боли реального момента. Полный событий отрезок времени был пропастью, разделившей два мира, которые не имели ничего общего.

Он приехал в Индию на первом же пароходе, на который смог попасть. Двери чиновников открывались перед ним, как только он шептал пароль: «Вспомни коршунов Хорал Нула! Его путь был облегчен внушительно выглядевшими документами с большими красными печатями, секретными приказами, переданными по телефону или произнесенными шепотом на ухо высокопоставленным чиновникам. Он легко двинулся на север по каналам, о которых до сих пор не догадывался, промелькнув тенью через огромную страну, перенесенный громадной машиной и поставленный посреди сцены... незаметный, полускрытый винтик империи, власть которой распространялась на полмира.

С ним беседовали усатые, важные военные с медалями на груди, когда это было необходимо, а тихие люди в штатском служили ему проводниками. Но ни один из них не спросил у Brentа, зачем он ищет Эль Борака или какое послание он несет. Пароля и упоминания Стоктона было достаточно. Оказалось, он был более важной фигурой в государственном механизме, чем Brent предполагал. Приключение становилось все более фантастическим. По мере развития событий, когда он нес послание умершего друга, значения которого даже

не понимал, к таинственному человеку, затерявшемуся среди туманных гор. Стоило ему произнести магическое заклинание, как запертые двери широко распахивались и загадочные люди раскладывались на его пути. Однако на севере все изменилось.

В Кабуле Гордона не было. Об этом Брент узнал из уст не кого-нибудь, а самого эмира — человека, носившего европейский костюм, как будто он был создан для него, но с пронзительными, беспокойно бегающими глазами правителя, который знает, что он пешка в руках сильных соперников, и нервами, истрепанными постоянной борьбой за власть. Брент чувствовал, что Гордон был скалой, о которую эмир опирался. Но ни король, ни агенты империи не могли сковать ноги или направить ястребиный полет человека, которого афганцы называли Эль Борак — Быстрый.

Гордон ушел... он скитался в одиночку по тем голым горам, чьи мрачные тайны давно предъявили на него права. Он мог отсутствовать месяц, он мог отсутствовать год. Он мог — эмир с неохотой допускал и такую возможность — никогда не вернуться. Горные долины были полны его кровными врагами.

Однако даже длинная рука империи не могла протянуться дальше Кабула. Эмир управлял племенами, но его власть не простиралась слишком далеко. Это была страна гор, где закон зависел от сильной руки, вооруженной длинным кинжалом. Гордон исчез на северо-западе, и Брент, несмотря на то что вздрагивал, глядя на мрачные силуэты Гималаев, решил искать его там, не представляя себе другого пути. Он попросил у эмира и получил солдат для сопровождения, с которыми отправился в горы, стараясь следовать по тропе Гордона.

Неделю спустя после выезда из Кабула они потеряли его след. Было такое впечатление, будто Гордон растворился в воздухе. Дикие лохматые горцы упрямо отвечали или совсем не отвечали на вопросы, свирепо глядя из-под насупленных черных бровей на нервничающих кабульских солдат. Отъехав еще дальше от Кабула, они встретили откровенную враждебность. Только однажды был получен неожиданный ответ на предположение о том, что Гордон убит. Когда они спросили жив ли он, дико выглядевшие горцы разразились хохотом.

Эль Борака пойман врагами и убит? Разве волк может быть пойман толстозадой овцой? И снова взрыв резкого хохота, такого же грубого, как черные скалы, горевшие в жидком пламени солнца.

Брент упрямый, как его дед, много лет назад пересекавший другую пустыню, шел наугад, пытаясь взять давно остывший след и забыв о безопасности в слепой жажде риска.

Бледные солдаты снова и снова говорили ему, что они далеко от Кабула и находятся в малонаселенном, мятежном и почти не исследованном районе, дикие жители которого не подчиняются власти эмира и являются врагами Эль Борака, что они давно бы пленили его и отвезли в Кабул, если бы не боялись гнева эмира.

Предчувствия солдат подтвердились во время нападения, когда однажды прохладным туманным утром ураганный ружейный огонь обрушился на их лагерь. Большая часть их погибла при первом же залпе, грянувшем сверху из-за камней. Остальные сражались, но тщетно: лагерь был окружен горцами, которые вдруг неожиданно появились из тумана. Брент знал, что их захватили врасплох по вине солдат, но ему не пришло в голову ни тогда, ни

сейчас их проклинать. Они были как дети: как только он отворачивался, засыпали на посту и вели неряшливый и невоенный образ жизни, с тех пор как вышли из Кабула. Солдаты с самого начала не хотели идти, предчувствуя, чем закончится этот поход. Теперь они были мертвы, а он в плену и ехал навстречу судьбе, о которой мог только догадываться.

Четыре дня прошло с момента той резни, но ему все еще становилось дурно, когда он вспоминал об этом... Запах пороха и крови, вопли умирающих и секущие удары стали. Он содрогнулся при воспоминании о том человеке, которого убил в последней схватке, разрядив револьвер прямо в бородатое лицо. Он никогда больше не будет убивать. Его затошнило, когда он вспомнил крики раненых солдат, кому победители перерезали глотки. Снова и снова Брент удивлялся, почему они его пощадили. Душевные страдания, пережитые им, были так сильны, что он хотел, чтобы его тоже убили.

Ему позволили ехать верхом и неохотно дали поесть, когда ели сами. Но еды было очень мало. Брент, не знавший, что такое голод, теперь постоянно его испытывал. У него отняли плащ, и ночью он замерзал на твердой земле и ледяном ветру. Он соскучился по смерти за долгие дни езды по невероятной крупным тропам, которые поднимались все выше и выше.

Иногда ему казалось, что стоит протянуть руку — если бы его руки были свободны — и он коснется бледного холодного неба. Он был избит и измучен до такой степени, что первоначальное яростное возмущение растворилось в тупой боли, которая была вызвана физическим страданием, а не сознанием несправедливости к его личности.

Брент не знал, кем были его похитители. Они не удостаивали его английской речью, но за эти дни он выучил пушту намного лучше, чем за время путешествия от Хайбера до Кабула, а потом на запад. Как многие люди, которые полагались на свой ум, он хорошо усваивал новые языки. Однако из их разговоров он узнал только, что их вождя зовут Мухаммед эз Захир и направляются они в Руб эль Харамии.

Руб эль Харамии! Брент впервые услышал это ничего не значащее для него слово из посиневших губ Ричарда Стоктона. Он узнал об этом городе больше, когда двинулся на север из жарких равнин Пенджаба — города тайн и греха, который европейцы посещали только в качестве пленников и оставались там навсегда, потому что сбежать оттуда было невозможно. Проклятое место высоко в горах, почти мифическое, неподвластное эмиру — город вне закона, где ветры нашептывали сказки, слишком нереальные и отвратительные, чтобы им верить даже в этой Стране Кинжала.

Иногда сопровождавшие Брента горцы издевались над ним; их горящие глаза и мрачно улыбающиеся лица придавали зловещее значение насмешкам: «Феринги едет в Руб эль Харамии!» Стараясь неронять достоинства своей расы, он выпрямлялся и стискивал зубы, он сам удивлялся своей выносливости, приобретенной благодаря здоровой жизни, закаленной в тяжелом путешествии.

Они перевалили через вершину горы и спустились на наклонное плато, которое расстиралось на тысячу футов. Далеко наверху виднелось ущелье — перевал, через который они должны были пересечь горную грядку и к которому с трудом поднимались. Когда они взбирались на крутому склону, впереди показался одинокий всадник.

Солнце висело над острым, как нож, гребне горы на западе — кроваво-красный шар, окрашивающий небо в цвет пламени.

Всадник вдруг появился на коне, похожий на кентавра, — черный силуэт напротив ослепительной завесы. Внизу все повернулись в седлах. Щелкнули курки винтовок, но никто не выстрелил. Не понадобилось даже команды Мухаммеда эз Захира, чтобы остановить воинов. Было что-то приковывающее взгляд в этой непокорной фигуре, выделявшейся на фоне заката. Голова всадника была запрокинута, грива его коня развевалась по ветру.

Вдруг черный силуэт оторвался от алого шара и двинулся навстречу вниз к ним, и все мелкие детали стали отчетливо видны, когда он появился на затененном склоне. Это был всадник на вороном жеребце, мчавшемся вниз по крутому склону, подобно орлу, копыта коня едва касались земли. Брент, сам хороший наездник, почувствовал, как сердце замирает от восхищения при виде скакуна.

Но он забыл о коне, как только увидел всадника. Тот не был ни высоким, ни грузным; в его плечах, в мощной груди, в мускулистых запястьях чувствовалась варварская сила. Такая же сила сквозила в пронизательном смуглом лице и в глазах, чернее которых Брент не видел. Они сверкали внутренним огнем, в них отражалась неукротимая дикость и неугасимая жизнеспособность. Черная полоска усов не скрывала его твердо очерченного рта. Чужестранец выглядел щеголем по сравнению с оборванными горцами, но это было щегольство воина от шелкового тюбана до сапог с серебряными каблуками. Его яркий халат был подпоясан золотым наборным поясом, на котором висела турецкая сабля и длинный кинжал. Приклад винтовки высовывался из чехла у колена.

Тридцать пар глаз враждебно уставились на всадника, который, приблизившись к отряду, лихо осадил своего жеребца, поставив его на дыбы. Он вскинул руку в приветственном жесте, держась важно и независимо.

— Что тебе нужно? — проворчал Мухаммед эз Захир, подняв винтовку и направив ее на чужестранца.

— Суший пустяк, Аллах мне свидетель! — заявил незнакомец. Он говорил на пушту с акцентом, какого Брент никогда раньше не слышал. — Я Ширкух из Джебел Джавара. Еду в Руб эль Харам. Хочу присоединиться к вам.

— Ты один? — требовательно спросил Мухаммед.

— Я выехал из Герата много дней назад с небольшим отрядом. Эти люди клялись, что доведут меня до Руб эль Харам. Прошлой ночью они пытались убить меня и ограбить. Одного из них я прикончил. Другие бежали, оставив меня без еды и проводника. Я сбился с пути и скитался в горах всю прошлую ночь и весь этот день. Только сейчас, слава Аллаху, я увидел ваш отряд.

— Откуда ты знаешь, что мы направляемся в Руб эль Харам? — спросил Мухаммед.

— Разве ты не Мухаммед эз Захир, предводитель воинов? — в свою очередь спросил Ширкух.

Афганец нахмурился; он был невосприимчив к лести и не избавился от подозрительности.

— Ты знаешь меня, курд?

— Кто не знает Мухаммеда эз Захира? В прошлом году я видел тебя на базаре в Тегеране. А теперь, говорят, ты занимаешь положение у Черных тигров.

— Осторожней болтай языком, курд,— ответил Мухаммед.— За слова иногда перерезают глотку. Ты уверен, что тебя ждут в Руб эль Харамии?

— Какой чужестранец может быть уверен, что его там ждут? — засмеялся Ширкух.— Но на моем мече кровь феринги, а за мою голову объявлена награда. Я слышал, что таких людей привечают в Руб эль Харамии.

— Поезжай с нами, если хочешь,— сказал Мухаммед.— Я проведу тебя через перевал Надир Хан. Но мне нет дела, что с тобой будет у городских ворот. Я не приглашал тебя в Руб эль Харамии и не беру за тебя ответственность.

— Я никого не прошу за меня ручаться,— ответил Ширкух со злостью во взгляде, коротком и дерзком, как искра, вспыхнувшая при ударе кремня. Он внимательно оглядел Брента.

— Рейд через границу? — спросил он.

— Этот дурак пытался перейти,— презрительно ответил Мухаммед.— Он пришел прямо в ловушку, которую мы ему приготовили.

— Что вы сделаете с ним в Руб эль Харамии? — поинтересовался вновь прибывший. Брент с мучительным интересом прислушался к разговору.

— По старому обычаю города, его поместят на помост для рабов. Тот, кто заплатит за него самую высокую цену, будет им владеть.

Таким образом Брент узнал о судьбе, которая ему предназначалась, и холодный пот выступил у него на теле, когда он представил, какая жизнь ожидает его в качестве раба, истязаемого каким-нибудь негодяем в турбане. Он поднял голову, почувствовав на себе беспощадный взгляд Ширкуха.

Курд сказал медленно:

— Может быть, его судьба — служить Ширкуху из Джебель Джавара. У меня никогда не было раба, но кто знает? Мне пришла на ум фантазия купить этого феринги!

Брент раздумывал о том, почему Ширкух был так уверен, что его не убьют и не ограбят в отряде Мухаммеда эз Захира. Он совершенно не опасался этих бандитов, признаваясь так откровенно, что у него есть деньги. Он, вероятно, знал, кто эти люди, слепо выполняющие чьи-то приказы, от которых они зависели.

Очевидно, совершение преступления не было включено. Хорошая организация и безоговорочное повиновение тоже свидетельствовали, что эти люди были обычными горцами. Брент пришел к выводу, что они принадлежали к тому тайному клану, о котором его предупреждал Стоктон, — Черным тиграм. Случайно ли он оказался в плену? Вряд ли.

— В Руб эль Хараме есть богатые люди, курд, — проворчал Мухаммед. — Но может случиться, что никто не захочет этого феринги, и странствующий бродяга вроде тебя сможет его купить. Кто знает?

— Только Аллах знает, — согласился Ширкух и направил свою лошадь, чтобы встать в ряд за Брентом. Он потеснил афганца, освобождая себе место, и засмеялся, когда тот его обругал.

Отряд пришел в движение. Всадник, едущий перед Брентом, замахнулся на него, чтобы ударить прикладом ружья, но Ширкух перехватил удар. Его губы улыбались, но во взгляде была угроза.

— Нет! Этот неверный, может быть, через несколько дней будет моим рабом, и я не хочу, чтобы у него были переломаны кости! — Афганец заворчал, но не стал нарываться на ссору.

Отряд двинулся. Спускаясь по склону, они заметили белые турбаны, мелькавшие среди скал на западе. Мухаммед эз Захир с подозрением посмотрел на Ширкух:

— Это твои друзья? Ты же сказал, что один!

— Я их не знаю,— заявил Ширкух, вытаскивая винтовку из чехла.— Эти собаки стреляют в нас!

Тонкие языки пламени сверкнули вдалеке среди валунов, и пули прожужжали у них над головами.

— Горные собаки не хотят пропустить нас к источнику! — сказал Мухаммед эз Захир.— Жаль, что у нас нет времени проучить их как следует! Не стреляйте! Нам их не достать — расстояние слишком большое.

Но Ширкух отделился от отряда и поскакал вниз к подножию горы. Полдюжата человек, покинув засаду на склоне, бросились прочь по гребню, низко пригибая и прищипывая коней. Ширкух выстрелил, затем прицелился и сделал еще три выстрела один за другим.

— Ты промазал! — крикнул Мухаммед раздраженно.— Кто может попасть на таком расстоянии?

— Нет! — завопил Ширкух.— Смотри!

Один из призраков в белом рванье взмахнул руками и повалился вперед на шею своего коня. Животное продолжало свой бег по скале с вяло болтавшимся в седле всадником.

— Далеко он так не проскачет! — торжествующе воскликнул Ширкух, возвращаясь к отряду и потрясая над головой винтовкой.— У нас, курдов, глаза как у горных ястребов!

— Стрельба в пуштунского горного вора еще не делает героем,— огрызнулся Мухаммед, отворачиваясь от хвастуна с брезгливостью.

Но Ширкух беззлобно рассмеялся, как человек, настолько уверенный в своей славе, что его не может задеть зависть более мелкой души.

Они спустились в широкую долину, не увидев больше ни одного горца. Уже наступили сумерки, когда отряд остановился у источника. Брент так околел, что не мог слезть с лошади. Его грубо стащили, связали ноги и оставили сидеть, прислонившись спиной к валуну, однако слишком далеко от костра, тепло которого до него не доходило. В это время возле него не было ни одного караульного.

Ширкух вскоре подошел туда, где пленник грыз скверные корки, брошенные ему, как собаке. Подойдя вразвалку, он встал перед Брентом, широко расставив ноги. В руке у него был железный котелок с вареной бараниной и несколько лепешек.

— Ешь, феринги! — приказал он грубо, но не зло. — Раб, у которого торчат ребра, не годится ни для работы, ни для битвы. Эти скупые пуштуны уморят голодом даже своих дедов. Но мы, курды, так же щедры, как и отважны!

Он протянул еду таким жестом, будто одаривал провинцией. Брент принял котелок без благодарности и стал жадно есть.

Ширкух вносил напряженность с тех пор, как присоединился к отряду, — некий головорез, который бахвалился и держался вызывающе. На него невозможно было не обращать внимания. Даже Мухаммед эз Захир был отодвинут на второй план бьющей через край жизненной силой этого человека. Характер курда казался странной смесью жестокого варварства и безрассудной юности. В его бахвальстве было мальчишество; временами он поражал наивной простотой. Однако в его глазах не

было ничего детского, и двигался он с тигриной гибкостью, которая, Брент знал, могла мгновенно перейти в смертельный бросок. Засунув большие пальцы за пояс, Ширкух стоял и смотрел, как ест пленник. Свет от костра из сухих тамарисковых веток освещал половину его лица, другая была в тени, поэтому его взгляд казался более суровым. Неясный полусвет стер с лица мальчишеское беззаботное выражение, заменив угрюмой серьезностью.

— Зачем ты пришел в горы? — резко спросил он. Брент ответил не сразу, обдумывая одну неожиданно пришедшую в голову идею. Он был в отчаянном положении и не видел никакого выхода. Оглядевшись, он убедился, что захватившие его люди находились вне пределов слышимости, а за валуном не видно было ни одной смутной тени. Приняв неожиданное решение, Брент спросил:

— Ты знаешь человека по имени Эль Борак?

Удивление вдруг мелькнуло в черных глазах курда.

— Я слышал о нем, — ответил он осторожно.

— Я пришел в горы, чтобы увидеть Эль Борака. Можешь ты его найти? Если передашь ему одно послание, я заплачу тебе тридцать тысяч рупий.

Ширкух нахмурился. Казалось, он разрывается между подозрительностью и жадностью.

— Я чужестранец в этих краях, — сказал он. — Как я его найду?

— Тогда помоги мне бежать, — убеждал его Брент. — Я заплачу тебе ту же сумму.

Ширкух погладил усы.

— Один меч против тридцати, — проворчал он. — Откуда мне знать, заплатишь ты мне или нет. Феринги все лжецы. Я вне закона, и за мою голову назначена награда. Турки собираются содрать с меня кожу, русские — застрелить, англичане — повесить.

Мне некуда ехать, кроме Руб эль Харамии. Если я помогу тебе бежать, и эта дверь передо мной захлопнется.

— Я походатайствую за тебя перед англичанами,— сказал Брент.— У Эль Борака есть власть. Он может испросить для тебя прощение.

Брент верил в то, о чем говорил. Кроме того, он был в таком отчаянном положении, что готов был обещать что угодно.

В черных глазах Ширкуха мелькнула нерешительность. Он открыл рот, чтобы сказать что-то, но передумал. Резко повернувшись на каблуках, пошел прочь. Через секунду притаившийся за валуном лазутчик скользнул в темноту, не замеченный Брентом, который с отчаянием смотрел вслед удалявшемуся курду. Ширкух направился прямо к Мухаммеду, который сидел, скрестив ноги, на овечьей шкуре перед маленьким костром с другой стороны источника и грыз кусок вяленой баранины.

— Феринги предложил мне деньги за то, чтобы я кое-что передал Эль Бораку,— сказал он резко.— А также уговаривал помочь ему бежать. Я послал его к шайтану, конечно. В Джебель Джава-ре я слышал об Эль Бораке, но никогда его не видел. Кто он?

— Дьявол,— проворчал Мухаммед эз Захир.— Американец, как и тот пес. Водит дружбу с племенами у Хайберского перевала. Он советник эмира и союзник раджи, хотя был однажды объявлен вне закона. Эль Борак никогда не осмелится приехать в эль Харамии. Однажды, три года назад, я видел его в сражении при Калати-Гилзаи, где он и его проклятые афридии подавили восстание, которое сбросило бы эмира. Если бы мы захватили его, Абд эль Хафид осыпал бы нас золотом.

— Может быть, этот феринги знает, где его найти! — воскликнул Ширкух; в его глазах зажегся огонек, который можно было принять за жадность. — Я пойду к нему, поклянусь, что передам его послание, и выманю, что он знает об Эль Бораке.

— Мне все равно, — ответил равнодушно Мухаммед. — Если бы я хотел знать, зачем он пришел в горы, я выпытал бы это у него еще раньше. Но мне дали приказ его захватить и доставить живым в Фуб эль Харамии. Я не могу свернуть в сторону, чтобы искать Эль Борака. Но если тебе позволят въехать в город, может быть, Абд эль Хафид даст тебе отряд, чтобы за ним поохотиться.

— Я попытаюсь!

— Храни тебя Аллах, — сказал Мухаммед. — Эль Борак — пес. Я сам бы дал тысячу рупий, чтобы увидеть, как его повесят на базаре.

— Ты встретишься с Эль Бораком, если на то будет воля Аллаха, — сказал Ширкух, поворачиваясь и отходя прочь.

Очевидно, отблеск огня заставил его глаза так ярко вспыхнуть. Мухаммед почувствовал, как мороз пробежал у него по спине, хотя он не мог понять почему.

Под сапогами Ширкуха захрустел сланец, когда он зашагал прочь, и тут же из ночной темноты вынырнула смутная тень. Лазутчик приблизился к Мухаммеду и тронул его за рукав.

— Я следил за курдом и неверным, как ты приказал, — шепнул он. — Феринги обещал Ширкуху тридцать тысяч рупий за то, чтобы он нашёл Эль Борака и передал ему послание или помог бежать. Ширкух жаждет золота, но он вне закона у всех феринги, и не хочет, чтобы перед ним закрылась единственная дверь.

— Ладно,— проворчал Мухаммед в бороду.— Курд — пес. Хорошо, что он не может кусаться. Я проведу его через перевал. Пусть он узнает, что ждет его у ворот Руб эль Харам.

Брент погрузился в забытие, несмотря на твердую каменистую землю и холод ночи. Чья-то рука, тряхнув за плечо, разбудила его, а настойчивый шепот предупредил восклицание. Он увидел склонившегося над ним курда и услышал храп караульного.

Ширкух прошептал на ухо Бренту:

— Скажи, какое послание ты хотел передать Эль Борак. Говори быстро, пока караульный не проснулся. Я не мог выслушать тебя раньше. Проклятый лазутчик подслушивал за этим валуном. Я рассказал Мухаммеду, что произошло между нами, и постарался это сделать до лазутчика. Нужно было развеять подозрения до того, как они пустят корни. Говори!

Брент пошел на отчаянный шаг:

— Передай ему, что Ричард Стоктон убит, но, прежде чем умереть, он сказал вот это: «У Черных тигров новый князь. Они зовут его Абд эль Хафид, но его настоящее имя Владимир Жакрович». Стоктон сказал, что этот человек находится в Руб эль Харам.

— Я понял,— тихо сказал Ширкух.— Эль Борак узнает.

— А что будет со мной? — спросил Брент.

— Я не могу сейчас тебе помочь бежать,— прошептал Ширкух.— Их слишком много. Все караульные, кроме твоего, не спят. Они охраняют лагерь снаружи. Лошади тоже под охраной. Мой конь среди них.

— Я не смогу заплатить тебе, пока не выберусь! — сказал Брент.

— Все в руках Аллаха! — ответил Ширкух. — Я должен вернуться, пока не заметили, что меня нет. Вот плащ.

Брент почувствовал прилив благодарности. Курд шел, темной тенью скользнув в ночь, ступая в своих сапогах так же бесшумно, как индейцы в мокалинах. Брент лег, мучительно раздумывая, правильно ли он поступил. У него не было причин доверять Ширкуху. Но если он сделал неверный шаг, ему все равно не придется увидеть, кому он причинил вред: себе, Эль Бораку или тем, чьим интересам угрожают Черные тигры. Он был утопающим, схватившимся за соломинку. Наконец Брент заснул снова, завернувшись в плащ.

...Последней в его угасающем сознании мелькнула мысль, что ускользнет из лагеря под покровом ночи и поскачет искать Гордона...

3

На следующее утро тем не менее принес Бренту еду. Он держался равнодушно, сделав только резкое замечание, чтобы тот ел как следует, потому что ему не хотелось бы покупать тощего раба. Но вполне возможно, это сказал он больше для карательного, который позевывал и потягивался поблизости. Брент подумал, что плащ был явным доказательством того, что Ширкух приходил к нему ночью. Он тоже старался не подавать виду, что между ними возникли какие-то отношения.

Когда он ел, благодарный по крайней мере за хорошую еду, его обуревали сомнения и надежды. Он колебался между вынужденной верой и полным недоверием к этому человеку. Курды были лукавы и

вероломны. Предложенная помощь вполне могла быть хитрым трюком, чтобы снискать расположение Мухаммеда эз Захира. Брент все же понимал, что если бы тот захотел узнать причину его прихода в горы, то сделал бы это успешнее с помощью пыток, а не сложной хитрой игры. Кроме того, Ширкух, как все курды, должен быть алчным. Брент рассчитывал именно на это. Если Ширкух передаст послание, он даст в дальнейшем ему бежать, чтобы получить свою награду, потому что если Брент будет рабом в Руб эль Харамы, то не сможет заплатить ему тридцать тысяч рупий. Одна услуга делала необходимой другую — если Ширкух надеется получить выгоду от сделки. Что касается Эль Борака, то, получив послание и узнав о бедственном положении Брента, едва ли откажет ему в помощи. Все теперь зависит от Ширкуха.

Брент пристально посмотрел на гибкого всадника, словно выгравированного на фоне яркого восхода. В его чертах не было ничего тюркского или семитского. В иранских высокогорьях, должно быть, осталось много племен, сохранивших в чистоте свое арийское происхождение. Ширкух, одетый в европейский костюм и без восточных усов, вполне мог затеряться, ничем не отличаясь в толпе на Западе, если бы не яркое пламя в его беспокойных черных глазах. Они отражали неукротимую душу. Как он может надеяться, что этот варвар будет иметь с ним дело по правилам западного мира?

Они выступили перед восходом солнца. Их тропа вела все время вверх, выше и выше, через горные массивы, словно прорезанные ножом, по узким карнизам, крутым отрогам. Вскоре Брент почувствовал, что задыхается в разреженном воздухе. В самый полдень, когда ледяной ветер пронизывал

насвозь, а солнце было сполохом расплавленного огня, они достигли перевала Надир Хан — узкого извилистого разреза, тянувшегося на расстоянии мили между стенами мрачных гор. Приземистая башня из камня, скрепленного глиной, стояла при входе на перевал, занятая оборванными воинами, расположившимися, как стервятники, на ее стенах. Отряд стоял и ждал, пока Мухаммед эз Захир, подвехав ближе, не поручился за всех, включая Ширкуха, взмахом руки. Его у знали, и винтовки на башне опустились. Мухаммед въехал на перевал, остальные двинулись следом. Брент почувствовал отчаяние, как будто за ним навсегда захлопнулась дверь тюрьмы.

Они остановились на дневной привал в затененном и защищенном от ветра ущелье. Ширкух опять принес Бренту еду, не объясняя ничего афганцам. Впрочем, они не возражали. Но когда Брент попытался поймать его взгляд, курд отвел глаза.

После того, как они прошли перевал, дорога пошла вниз по длинным пологим склонам, через постепенно понижающиеся горы, которые тянулись и тянулись от вершины хребта, как гигантская лестница. Тропа стала более ровной и удобной для езды. Ночь застала их все еще в горах.

Когда Ширкух вечером принес, как обычно, еду, Брент попытался втянуть его в разговор под предлогом легкой болтовни, чтобы не вызвать подозрения у афганца, поставленного на эту ночь караульным, который сидел, развалился рядом, и жевал сухую лепешку.

— Руб эль Харамы — большой город? — спросил Брент.

— Я никогда там не был, — ответил коротко Ширкух.

— Абд эль Хафид, кажется, его правитель,— продолжил Брент.

— Он эмир Руб эль Харамии,— сказал курд.

— И князь Черных тигров,— неожиданно вступил в разговор караульный. Он был не прочь поболтать и не видел причин для секретов. Ведь один из его собеседников скоро будет рабом, а другой, если его примут, будет членом клана.— Я сам Черный тигр,— похвастался афганец.— Весь наш отряд — Черные тигры. Мы господа в Руб эль Харамии.

— Значит, не все жители города Черные тигры? — спросил Брент.

— Все жители воры, но не все из них Черные тигры. В Руб эль Харамии находится ставка клана. Князь Черных тигров всегда был эмиром города.

— Кто приказал меня захватить? — спросил Брент.— Мухаммед эз Захир?

— Мухаммед только выполнил приказ,— ответил стражник.— Он абсолютный властитель, который следит, чтобы выполнялись обычаи города. Изменить обычаи не может никто. Даже князь Черных тигров. Руб эль Харамии был городом воров еще до Чингизхана. Как он назывался раньше, никто не знает. Арабы называли его Руб эль Харамии — пристанище воров, и это название прижилось.

— Этот город вне закона?

— В нем никогда не было другого правителя, кроме князя Черных тигров,— болтал стражник.— Город никому не платит налогов... только шайтану.

— Что это значит, шайтану? — спросил Ширкух.

— Это древний обычай,— ответил стражник.— Каждый год сто мер золота отдается шайтану, чтобы город процветал. Золото закрывают в потайной

пещере недалеко от города, но никто не знает, где это, кроме князя и совета имамов.

— Поклонение дьяволу! — фыркнул Ширкух. — Это оскорбление Аллаху!

— Это древний обычай, — защищался афганец.

Ширкух отошел, как будто возмущенный услышанным, и Брент погрузился в разочарованное молчание. Он плотно завернулся в плащ Ширкуха и заснул.

Они встали до рассвета и двинулись через горы. Вскоре перед ними открылась каменистая равнина, окруженная горными цепями, в глубине которой виднелись плоские башни Руб эль Харамии.

Отряд не стал останавливаться на дневной привал. Когда они приблизились к городу, тропа превратилась в хорошую дорогу. Им попадались навстречу или обгоняли жители города: одни ехали верхом, другие шли пешком и вели за собой нагруженных мулов. Брент не раз слышал, что в Руб эль Харамии попадали только ворованные товары. Все жители этого города были отребьем гор, и люди, которых они встречали, выглядели соответственно. Брент невольно сравнивал их в Ширкухом. Этот человек гордился своими кровавыми преступлениями, но он был настоящим варваром, отличался от этих людей, как волк от паршивых шавок.

Ширкух смотрел на все, что они встречали полупонаивным, полуподозрительным взглядом. Он по-мальчишески всем интересовался, но никому не уступал дорогу, готовый вступить в драку из-за ерунды. Он был воплощением юности мира, доверчивый, веселый, вспыльчивый, сильный, жестокий и самонадеянный. И Брент сознавал, что его жизнь полностью зависит от изменчивых прихотей молодого дикаря.

* * *

Высокие стены окружали Руб эль Харам-город, стоявший в узкой каменистой долине. Батарея полевых орудий могла бы разрушить его стены десятком залпов, но армия никогда не дошла бы сюда, а тем более не дотащила бы пушки по дороге, которая шла через перевал Надир Хан. Мрачные стены города нависали над серой необработанной землей маленькой долины. Холодный ветер с северных вершин приносил запах снега и поднимал пыль, клубами носившуюся в воздухе. Срубы колодцев виднелись кое-где на равнине, и возле каждого стояла кучка убогих хижин. Крестьяне в лохмотьях гнули спины над бесплодными клочками земли, которые давали скудный урожай — грязные пятна на пыльном пространстве. Низко опустившееся солнце превратило пыль в кровавый туман, когда отряд на истощенных лошадях потащился через равнину к мрачному городу.

По обеим сторонам ворот стояли квадратные сторожевые башни, тяжелые створки с железными запорами были открыты. Въезд в город охраняли около десятка головорезов с кинжалами за кушаками. Они щелкнули затворами немецких винтовок и нахально прицелились в них, как будто ждали момента пустить в ход по живой мишени.

Отряд остановился. Начальник стражи с важным видом выступил вперед. Это был высокий человек с могучим торсом, с выкрашенной хной бородой.

— Ваши имена и занятие! — рявкнул он.

— Мое имя ты знаешь так же хорошо, как свое собственное, — проворчал Мухаммед эз Захир. — Я везу пленника в город по приказу Абд эль Хафида.

— Проходи, Мухаммед эз Захир, — разрешил начальник стражи. — А кто этот курд?

Мухаммед по-волчьи усмехнулся, как будто тайной шутке.

— Он надеется, что его примут... Ширкух из Джебель Джавара.

Во время их разговора из ворот выехал богато одетый, мощного сложения человек на белой кобыле и остановился, незамеченный, рядом со стражниками. Великан с красной бородой повернулся к Ширкуху, который спешил и держал на поводу своего жеребца, беспокойно бьющего копытами по щегбенке.

— Ты состоишь в клане? — требовательно спросил он. — Знаешь тайный знак?

— Я еще не принят, — ответил, повернувшись к нему, Ширкух. — Мне сказали, что я должен предстать перед советом имамов.

— Ну, если ты доберешься до него! Кто в городе может поручиться за тебя?

— Я чужестранец, — коротко ответил Ширкух.

— Мы в Руб эль Харамии не любим чужаков, — сказал начальник стражи. — Он может войти в город тремя способами: в качестве пленника, как вон тот неверный, или если за него поручится какой-нибудь вождь, или... — Желтые зубы его оскателились в злобной усмешке, — ногами вперед, после того как его убьет один из воинов города.

Он поднял винтовку. Окружавшие их люди разразились грубым издевательским смехом. Они знали, что в борьбе между чужестранцем и жителем города допускалось любое нарушение правил. Для новичка, не имеющего покровителя в городе, единоборство с Черным тигром означало верную смерть. Брент понял это по злобному хохоту.

Однако Ширкух не смутился.

— Это древний обычай? — спросил он наивно, опуская руку на пояс.

— Древний, как ислам, — заверил огромный стражник, возвышаясь над ним, как гора. — Опытный воин с оружием в руках, ты должен умереть! — Ну, тогда...

Ширкух засмеялся и нанес удар. Его движение было таким же быстрым, как смертельный бросок кобры. Мгновенно выхватив из-за пояса кинжал, он вонзил его под бородатый подбородок стражника.

Афганец не успел защитить себя и упал прежде, чем понял намерение Ширкуха. Струя крови хлынула через перерезанную яремную вену.

Молчание, возникшее на мгновение, взорвалось диким хохотом. Такая шутка пришлась по душе горячим горцам. Они высоко ее оценили, хохоча над комичной, с их точки зрения, ситуацией. Однако стражники злобно закричали и бросились вперед, щелкая затворами винтовок. Ширкух стремительно выхватил винтовку из седельного чехла. Мухаммед и его люди равнодушно наблюдали, чем кончится дело.

Все это их не касалось. Они повеселились над жестокой шуткой Ширкуха, но точно так же готовы были посмеяться над тем, как его прикончат товарищи убитого, но, прежде чем стражники успели нажать курки, человек на белой кобыле выехал вперед и ударил кнутом по стволам винтовок.

— Стойте! — приказал он. — Курд прав. Он убил по всем правилам. У того в руках было оружие, и он был опытным воином.

— Но его убили без предупреждения! — закричали они.

— Значит, он еще больший дурак! — Последовал бессердечный ответ. — Я ручаюсь за курда. Я, Алафдаль Хан из Вазиристана.

— Да, мы знаем тебя, господин! — Стражники низко поклонились.

— Аллах любит храбрых, — засмеялся Ширкух, запрыгивая в седло.

Мухаммед эз Захир въехал под арку ворот, и отряд с пленником, ехавшим посередине, последовал за ним. Они двинулись по короткой узкой улице, тянувшейся между глинобитными и деревянными стенами, где нависающие над грязной дорогой балконы почти касались друг друга. Брент увидел женщин, смотревших на них через решетки. Кавалькада въехала на площадь, совершенно такую же, как площадь других горных городов. Вдоль нее тянулись открытые лавки, возле которых толпился народ. Площадь была заполнена красочной толпой, у которой было одно отличие — выставленное напоказ богатство. Золото и шелк сверкали на босоногих головорезах, которым пристало носить лохмотья, казались безмолвными свидетелями убийства и разбоя. Это был действительно город воров.

Толпа, беззаконная и буйная, слонялась по площади: ее настроение менялось, как порывы ветра. На врытых в землю кольях висели человеческие черепа, а в железной клетке, приделанной к стене, Брент увидел скелет. Он почувствовал, как холод пробежал по телу. Его собственная судьба могла быть такой же... медленно умирать от голода в железной клетке под взглядами глумящейся толпы. Тошнотворный ужас и ненависть к этому городу охватили его.

Алафдаль Хан сразу после въезда в город направил свою белую кобылу рядом с жеребцом Ширку-

ха. Вазир был широкоплечим. Вазирьы — одно из крупных племенных объединений в Афганистане.

— Ты мне нравишься, курд, — заявил он. — Ты настоящий горный лев. Иди ко мне служить. Человек без хозяина в Руб эль Харамии запросто может пропасть.

— Я думал, что в Руб эль Харамии хозяин Абд эль Хафид, — сказал Ширкух. — Да, но город разделен на клики, и каждый человек следует за тем или иным вождем. Только немногие избранные составляют собственное войско Абд эль Хафида. Остальные служат своим, господам, каждый вождь несет ответственность перед эмиром.

— Я сам по себе! — гордо сказал Ширкух. — Но ты поручился за меня у ворот, и я тебе обязан. Скажи, что это за дьявольский обычай, когда чужестранец должен убить человека, чтобы войти в город?

— Он был установлен в старые времена, чтобы проверить мужество чужестранца и убедиться, что каждый человек, который приходит в Руб эль Харамии, опытный воин, — сказал Алафдаль. — Но со временем превратился в предлог для убийства новичков. Многие приходят без приглашения. Ты должен был заручиться покровительством какого-нибудь вождя, прежде чем прийти сюда. Тогда ты мог бы мирно войти в город.

— Я не знаю ни одного человека из клана, — тихо сказал Ширкух. — В Джебель Джаваре нет Черных тигров. Но мне сказали, что общество пробуждается после спячки...

Волнение на площади заставило его прервать разговор. Люди столпились вокруг отряда, замедляя его продвижение, и угрожающе ворчали при виде Брента. Они выкрикивали ругательства, швы-

ряти в него чем попало, а какой-то шинвари убежал вперед и бросил в ненавистного белого человека камень, который слегка задел ему ухо. Потекла кровь.

Пиркух с проклятием направил коня на дерзкого парня и ударил его кнутом. Глухой ропот раздался в толпе, и она угрожающе надвинулась. Ширкух вытащил свою винтовку из чехла, но Алафдаль Хан схватил его за руку.

— Нет, брат! Не стреляй. Оставь этих собак мне.

Он усилил свой голос до бычьего рева, который заполнил всю площадь:

— Мир, дети мои! Это Ширкух из Джебель Джавара. Он пришел, чтобы стать одним из нас. Я ручаюсь за него... Я, Алафдаль Хан!

Одобрительные восклицания послышались из толпы, чей дух был таким же изменчивым и свободным, как лист, сорванный ветром. Очевидно, вазир был популярен в Руб эль Харамии. Брент понял почему, когда увидел, как Алафдаль запустил руку в кошель, который держал за поясом. Но, прежде чем вождь успокоил толпу пригоршней монет, на противоположной стороне площади показался человек, при виде которого все пришло в волнение.

Он направил своего коня в сторону Алафдаля Хана. Это был стройный, но высокий и широкоплечий гилзай. На голове у него — розовый тюрбан, богатый пояс перетягивал тонкую талию, кафтан блестел золотой вышивкой. За ним следовал конный отряд его сторонников.

Он остановился перед Алафдаль Ханом. Вазир выставил бороду вперед и выпучил большие глаза. Ширкух быстро заменил винтовку на саблю.

— Этот курд наехал на моего человека, — сказал гилзай. — Ты натравливаешь своих людей на моих, Алафдаль Хан?

В толпе наступило напряженное молчание. Люди забыли обо всех своих нуждах и страстях из-за соперничества двух вождей. Даже Брент мог сказать, что это была застарелая вражда, продолжение неугасающей ссоры. Гилзай держался насмешливо и вызывающе. Алафдаль Хан казался непримиримым и злобным, но все же несколько смущенным.

— Твой человек это начал, Али Шах, — проворчал он. — Посторонись, мы возьмем пленника к Чертову логову.

Брент чувствовал, что Алафдаль Хан уклонился от вопроса. Вазир был один, без своих сторонников. А тем временем, со всех сторон через толпу устремились вооруженные люди. С угрожающим видом они окружили его. Алафдаль не был трусом, но в сложившейся ситуации не решался обострять отношения.

После заявления вазира, ставившего его в положение человека, который занимается делом эмира — заявления, на которое Мухаммед эз Захир ехидно усмехнулся, — Али Шах был в нерешительности, и напряжение спало бы само собой, если бы не один из людей гилзай — худой оракзай с безумными от гашиша глазами. Он положил винтовку на плечо человека, стоявшего перед ним, и выстрелил в Алафдаль Хана. Вазира спасло только то, что плечо, на котором был ствол винтовки, дернулось; пуля пробила только его тюрбан, не задев головы.

Прежде чем оракзай успел выстрелить снова, Ширкух, рванувшийся к нему на коне, ударил его с такой силой, что разрубил голову до зубов.

Это было все равно что бросить спичку в пороховой погреб. Площадь мгновенно превратилась в поле битвы, где приверженцы враждующих вождей прыгали друг на друга и вцеплялись в плотки со всем пылом, какой обычно проявляют люди, вступая в борьбу за чьи-то интересы. Мухаммед эз Захир, который не мог пробить дорогу сквозь массу сражавшихся, поставил свой отряд плотным кольцом вокруг Брита. Ему нужно было доставить феринги к своему хозяину живым и способным говорить, а в этой свалке вполне могли убить неверного, поэтому его люди встали лицом к толпе, отражая удары и пресекая попытки отбить пленника. Они не принимали участия в стихийной свалке. Эта ссора между вождями, довольно обычная для Руб эль Харами, не касалась Мухаммеда.

Брент наблюдал за сражением, как зачарованный. Такой же бунт мог быть в древнем Вавилоне, Каире или Ниневии... та же подозрительность, те же страсти, то же стремление простолюдина взять верх над каким-нибудь господским приспешником. Он видел ярко одетых всадников, кони которых прыгали и вставали на дыбы в то самое время, как они секли друг друга саблями, горевшими, словно дуги огня, в свете предзакатного солнца. Он видел оборванных мошенников, колотивших друг друга палками и булыжниками. Не прозвучал ни один выстрел. Боеприпасы были слишком ценны для них, чтобы тратить друг на друга.

Но драка была достаточно кровавой, и за короткое время площадь усеялась оглушенными и истекающими кровью людьми. Многие из них с разможженными головами падали под ударами лошадиных копыт и уже не вставали. Приспешники Али Шаха превосходили числом сторонников Алафдаль Хана, но боль-

шинство людей из толпы было на стороне вазира — это подтверждалось градом камней и обломков, которые свистели над головами его врагов. Один из таких снарядов чуть не погубил самого их предводителя. Черепок, брошенный изо всех сил в Али Шаха, пролетел мимо и врезался в бородатый подбородок Алафдаля с такой мощностью, что на глазах у вазира выступили слезы. Когда он пошатнулся в седле и его рука, сжимающая саблю, упала, Али Шах замахнулся ятаганом. Смерть нависла над ослепленным великаном, который ошеломленно оглядывался, чувствуя опасность. Но Ширкух, ринувшийся через толпу, оказался между ними. Он перехватил взметнувшийся ятаган на свою саблю и оттолкнул назад, поднявшись на стремянах, чтобы придать силы удару. Его клинок ударил плащом, но заставил левую руку Али Шаха подняться в отчаянии и обрушиться на тюрбан с такой яростью, что вождь, окровавленный и бесчувственный, упал на землю.

Вопль благодарности раздался из толпы. Люди Али Шаха, смущенные и растерянные, отступили. Неожиданно раздался стук множества копыт. Отряд, построенный правильным порядком, въехал на площадь и, врезавшись в толпу, пронзил ее насквозь. Всадники в черных кольчугах и остроконечных шлемах безжалостно топтали людей, попавших под копыта коней. Предводителем у них был чернобородый юсуфзай, великолепный в своей гравированной золотом кольчуге.

— Дайте дорогу! — приказал он с твердой самонадеянностью человека, наделенного властью. — Очистить рыночную площадь именем Абд эль Хафида, эмира Руб эль Харам!

— Черные тигры! — затрепетал народ, подаваясь назад, но вопросительно глядя на Алафдаля Хана.

Мгновение казалось, что вазир бросит вызов всадникам; его борода ошетибилась, глаза расширились..., но он заколебался и, пожав широкими плечами, опустил саблю.

— Подчинимся закону, дети мои,— призвал он своих сторонников и, чтобы не разочаровывать их, полез в свой объемистый кошель и бросил пригоршню золотых монет поверх их голов.

Они бросились собирать монеты, крича, радуясь и смеясь. Кто-то дерзко крикнул:

— Да здравствует Алафдаль Хан, эмир Руб эль Харам!

На лице Алафдаля комично отразилась смесь тщеславия и опасения. Поглаживая красную бороду, он искоса взглянул на юсуфзая с торжеством, но в то же время несколько смущенно.

Начальник отряда резко сказал:

— Нужно положить конец этому безобразию. Если случится еще одна драка, эмир заставит тебя держать ответ. Ему надоел этот раздор.

— Али Шах первый затеял ссору! — взревел вазир.

Толпа позади него угрожающе заворчала, люди украдкой наклонялись за камнями и палками. И снова наполовину ликующее, наполовину испуганное выражение пробежало по бородатому лицу Алафдаля Хана.

Юсуфзай засмеялся.

— Слишком большая популярность может стоить человеку головы,— с издевкой сказал он. Затем повернул коня и наехал на толпу, крича, чтобы все расходились.

Сборище неохотно и недовольно подалось назад, бормоча в бороды угрозы. Брент понял, что единственное, чего им не хватает, чтобы поднять

восстание — смелый предводитель. Люди Али Шаха, посадив своего бесчувственного вождя в седло, покинули площадь. Алафдаль смотрел им вслед с беспомощной злобой. Затем он заревел, как медведь, и поехал прочь со своими людьми. Ширкух последовал вслед за ним. Проезжая мимо Брента, бросил на него короткий взгляд, который означал, что он его не забыл.

Мухаммед эз Захир повел свой отряд и пленника с площади, а затем по кривой улочке, иронично ворча в бороду:

— Алафдаль Хан, честолюбивый и трусливый, оказался в жалком положении. Он ненавидит Али Шаха и все же боится обострять вражду. Ему хотелось бы стать эмиром Руб эль Харамии, но он сомневается в своих силах. Никогда вазир ничего не добьется, только и остается ему пить вино да бросать деньги толпе. Дурак! Но дерется он все же, как голодный медведь, потревоженный в берлоге.

Один из афганцев вытолкнул Брента вперед и повел к зданию с окнами, закрытыми железными решетками.

— Это Чертово логово, феринги! — сказал он злобно. — Никто отсюда никогда не бежал, и никто не проводил здесь больше одной ночи.

У дверей тюрьмы Мухаммед сдал своего пленника под ответственность одноглазого судозая с отрядом звероподобных чернокожих, вооруженных дубинками. Они провели его через тускло освещенный коридор к камере с решетчатой дверью и втолкнули туда. Затем на пол был поставлен кувшин с тухлой водой и брошен кусок заплесневелого хлеба. Ключ повернулоя в замке с холодным резким лязгом.

Последние лучи заката проникли через узкое, густо зарешеченное окошко под самым потолком.

Брент машинально поел, охваченный тяжелыми предчувствиями. Все его будущее зависело теперь от Ширкуха, а значит, балансировало на острие меча. Устало растянувшись на брошенном в углу ворохе соломы, засыпая, он подумал: «А существовал ли вообще когда-нибудь преуспевающий, прекрасно одетый человек по имени Стюарт Брент, который спал в мягкой постели, пил прекрасные напитки из запотевших стаканов, танцевал с красивыми женщинами в бело-розовых нарядах? Была ли та, другая жизнь? Если да, то все, что с ним произошло, — какой-то дурной сон. Брент открыл глаза и огляделся. Нет, это не сон. Это страшная реальность — гнилая солома, кишашая насекомыми, тухлая вода, заплесневелый хлеб и запах крови, который, казалось, впитался в его одежду после сражения на площади.

4

Брент проснулся от слепящего света факела. Когда его глаза привыкли к колеблющемуся свету, он увидел, что факел вставлен в гнездо в стене, а перед ним стоит высокий человек в длинном шелковом халате и зеленом тюрбане с золотой брошью. Он презрительно рассматривал его. Взгляд больших серых глаз был холодным как лед.

— Вы Стюарт Брент. — Это было утверждение, не вопрос. Человек говорил по-английски с едва заметным акцентом.

Брент не ответил. Он понял, что перед ним Абд эль Хафид, который появился, словно облаченный в плоть персонаж из сказки. Абд эль Хафид и Эль Борак стали принимать в утомленном мозгу Брента

образы несуществующих двойников, влекущих его к гибели. Сейчас перед ним был один из них. Возможно, и Эль Борак окажется в конце концов таким же реальным.

Брент почти беспристрастно изучал стоявшего перед ним человека. В этом наряде он выглядел настоящим азиатом. Черная борода еще более усиливала сходство. Однако кисти его рук были слишком велики для высокородного мусульманина — мускулистые, безжалостные руки, которым скорее пристало сжимать рукоять меча. Сам он казался сильным и ловким, хотя и не таким по-тигриному гибким, как Ширкух.

— Мои шпионы следили за вами всю дорогу от Сан-Франциско, — сказал Абд эль Хафид. — Они узнали, когда вы купили билет на пароход. Их доклады были переданы в Кабул, а оттуда сюда. У меня широкая тайная сеть соглядатаев и шпионов в каждой азиатской столице, а в горах есть рация. В городе ее держать невозможно: люди не потерпят такого нарушения обычая. Руб эль Харам — город традиций, временами утомительных, но в основном полезных.

Я понял, что вы не поехали бы сразу в Индию, если бы Ричард Стоктон не рассказал вам что-то перед смертью. Я собирался отдать распоряжение убить вас, как только вы сойдете с корабля, но затем решил подождать и выяснить, как много вы знаете. Шпионы донесли мне, что вы направились на север, — и это указывало на то, что англичанин просил вас найти Эль Борака, чтобы рассказать, кто я на самом деле. Стоктон был хорошей ищейкой, но только из-за неосторожности слуги ему удалось узнать эту тайну.

Он знал, что Эль Борак — единственный человек, который может мне помешать. Здесь я спасся

от англичан и скрылся от эмира. Эль Борак может доставить мне большие неприятности, если узнает, кто я. Он не стал мешать настоящему Абд эль Хафиду, фанатичному мусульманину из Самарканда, но если он узнает, кто я в действительности, то заинтересуется, зачем я здесь и что я намерен делать. Итак, я позволил вам перейти Хайберский перевал беспрепятственно. К тому времени стало очевидно, что вам сказано доставить сведения прямо Эль Борак. Шпионы донесли мне, что Эль Борак исчез в горах. Мне было известно, когда вы покинули Кабул, чтобы разыскать его. Я послал Мухаммеда эз Захира захватить вас и доставить ко мне. Вас легко было выследить... феринги бродит в горах с отрядом кабульской солдатни. Итак, вы вопли наконец в Руб эль Харамы единственным путем, которым может войти неверный — как пленник, предназначенный для рабского помоста.

— Вы ведь тоже неверный, — возразил Брент. — Если я расскажу вашим людям, кто вы на самом деле...

Абд эль Хафид пожал плечами:

— Имамы знают, что я родился в России. Они знают также, что я правоверный мусульманин... что я отрекся от христианства и принял ислам. Я порвал все нити, связывавшие меня с Ферингистаном. Меня зовут Абд эль Хафид. Я по праву ношу этот зеленый тюрбан. Я хаджи после того, как совершил паломничество в Мекку. Если вы скажете людям Руб эль Харамы, что я христианин, они посмеются над вами. Для толпы я мусульманин, такой же, как они сами, для совета имамов я истинный обращенный.

Брент ничего не ответил. Он был в ловушке, из которой не мог выбраться.

— Вы муха, залетевшая в мою паутину,— презрительно сказал Абд эль Хафид.— Поэтому я без опасения могу рассказать вам о моих планах. Кроме того, хорошая практика в английском, я почти забываю европейские языки.

Черные тигры — очень древнее общество, первоначально — телохранители Чингиз-Хана. После его смерти они поселились в Руб эль Харамии, который даже тогда был городом вне закона, и стали правящей кастой. Общество выросло и обзавелось последователями во всех азиатских странах, но ставка его всегда находилась в этом городе. Вскоре оно стало мусульманским кланом, который фанатично ненавидел феринги, и эмиры Руб эль Харамии продавали мечи Черных тигров многим правителям для ведения джихада — священной войны.

Какое-то время клан процветал, а затем наступил период упадка. Сто лет назад он был почти полностью истреблен в междуусобной борьбе, вызванной обычаем кровной мести. Эта некогда вассальная организация стала призраком, сохранившим правление только в Руб эль Харамии. Десять лет назад я покинул свою страну, отрекся от христианства и стал мусульманином сердцем и душой. В своих скитаниях я узнал о Черных тиграх и понял их возможности и отправился в Руб эль Харамии и здесь столкнулся с тайной, завладевшей мною всецело.

Однако продолжаю по порядку. Только три года назад я удостоился быть принятым в клан. Этому предшествовали семь лет скитаний, борьбы и плетения заговоров по всей Азии. И не раз за это время мне пришлось столкнуться с Эль Бораком, я узнал, как опасен этот человек, и понял,

что мы будем всегда врагами — слишком противоположны наши интересы и идеи. Итак, когда я скрылся в Руб эль Харамы, я просто исчез для Эль Борак и всех других авантюристов, которые, как он и я, бродили по обширным просторам. Прежде чем прийти в город, я потратил несколько месяцев, чтобы замести свои следы. Владимир Жакрович, известный также как Акбар Шах, исчез. Даже Эль Борак не связывал его с Абд эль Хафидом, мусульманином из Самарканда. Я вступил в совершенно новую роль и стал другой личностью. Если Эль Борак увидит меня, он может засомневаться, но он никогда меня не увидит, если только не станет моим пленником.

Без всяких препятствий с его стороны я стал заново строить клан, сначала как рядовой член, а затем как князь — положение, которое я занял год назад с помощью каких интриг, не буду вас в это посвящать. Я преобразовал общество, расширил его до прежних размеров, внедрил своих шпионов в каждую страну.

Конечно, Эль Борак должен был слышать, что Черные тигры активизировались, но для него это означало, вероятно, что отряд каких-то фанатиков развернул лихорадочную деятельность. Вряд ли он предполагает, что Черные тигры могут повлиять на судьбы многих стран Востока. Но он: поймет истинное значение клана, если узнает, что Абд эль Хафид — это человек, с которым он боролся во всех пределах Азии еще год назад! — Глаза сверкали, голос дрожал. В своем непомерном эгоизме он находил глубокое удовлетворение даже от такой малости, как разговор со своим пленником. — Вы когда-нибудь слышали про золотую пещеру шайтана-эль Кабир?

Она находится на расстоянии дня пути верхом от города и так тщательно скрыта, что целая армия может искать ее вечно и не найдет. Но я видел ее! Это может свести человека с ума... от пола до потолка она заполнена слитками золота! Это приношения шайтану — обычай, дошедший из глубины веков. Каждый год сто килограммов золота, собираемых с жителей города, переплавляются в маленькие слитки. Имамы и эмиры носят и помещают их туда.

— Вы рассказываете мне, что такое огромное сокровище находится где-то рядом с городом? — недоверчиво спросил Брент.

— Почему бы нет? Разве вы не слышали об обычаях города, нерушимых, как заветы Пророка? Только имамы знают тайну пещеры. Это знание передается от имама к имаму, от эмира к эмиру. Народ ничего не знает. Люди считают, что шайтан забирает золото в свое дьявольское жилище. Даже узнав, где находится пещера, они не притронутся к нему: взять золото, предназначенное шайтану? Вы плохо знаете азиатское мышление. Ни один мусульманин в мире не прикоснется к нему, не возьмет, даже если будет умирать с голоду.

Но я свободен от такого суеверия. Дар шайтану переносится в пещеру в течение нескольких дней. Имамы посетят пещеру снова только в следующем году, и до того, как наступит это время, я осуществлю то, что задумал. Я тайно извлеку золото, расплаваю его и перелю в другие формы. О, я знаю, как это сделать, потому что занимался этим раньше. После того как я закончу, никто не сможет узнать в нем золото шайтана.

На него я смогу прокормить и экипировать целую армию! Я смогу купить винтовки, боеприпасы, пулеметы и аэропланы, а также заплатить наемни-

кам, которые будут летать на них. Я смогу вооружить всех головорезов в Гималаях! Горные племена составят самую мощную армию в мире... все, в чем они нуждаются,— это снаряжение. И я снабжу их всем, что необходимо. В Европе есть множество мест, где мне продадут все, что я захочу. И золото шайтана будет служить мне! — Абд эль Хафид вспомнил, глаза его безумного горели, как будто расплавленное золото попало в его вены. — Мир не смел мечтать о таком сокровище! Приношения золотом за сотни лет! И это мое!

— Имамы убьют вас! — прошептал Брент, ужасаясь.

— Они ни о чем не узнают в течение ближайших нескольких месяцев. Я изобрету ложь, которая объяснит мое огромное богатство. Они ничего не заподозрят, пока не откроют пещеру в следующем году, тогда уже будет поздно. Мне не потребуются Черные тигры. Я стану императором! Моя огромная новая армия на равнины Индии. Я соберу орды афганцев, персов, пушту, арабов, турок, количество и жестокости которых компенсируют недостающую дисциплину. Восстанут индийские мусульмане! Я выгоню англичан из этой страны. Я буду единолично править от Самарканда до Игольного мыса!

— Зачем вы все это рассказываете? — спросил Брент. — Вы не боитесь, что я выдам вас имамам?

— Вы никогда не увидите ни одного имама, — последовал злобный ответ. — Я позабочусь об этом. Однако хватит. Я позволил вам прийти живым в Руб эль Харам только потому, что хочу узнать, какой тайный пароль дал вам Стоктон, чтобы пользоваться услугами пуританских чиновников. Я знаю, что помог вам с такой легкостью и скоростью проследовать в Кабул. Этот пароль мне необходим для

того, чтобы послать одного из моих шпионов в самое сердце секретной службы. Скажите мне его.

Брент иронично засмеялся:

— Вы собираетесь убить меня. Так позвольте мне не лишать себя хоть чем-то отплатить за ваше преступление. Я не дам еще одно оружие в ваши грязные руки.

— Вы дурак! — воскликнул Абд эль Хафид с неожиданным всплеском злобы, который свидетельствовал о том, что этот человек был на грани срыва и не так уверен в себе, как могло показаться с первого взгляда.

— Без сомнения, — согласился Брент спокойно. — Ну и что?

— Отлично! — Абд эль Хафид с трудом сдерживал себя. — Я не могу прикасаться к вам сегодня ночью. Вы собственность города, согласно вековому обычаю, который даже я не могу нарушить. Но завтра вы будете проданы с помоста за самую высокую предложенную цену. Никто не захочет купить раба-феринги, если только для удовольствия над ним поиздеваться. Вы слишком изнежены для тяжелой работы. Я куплю вас за несколько рупий, и тогда ничто не помешает мне заставить вас говорить. Вы скажете мне все, что я хочу знать, а потом я брошу ваше искромсанное тело на корм стервятникам.

Он резко повернулся и вышел из темницы. Брент слышал отзвук его шагов по каменным плитам коридора. Свет факела погас за поворотом, слабо донесся обрывок разговора. Затем дверь захлопнулась, и не было больше ничего, кроме тишины и звезд, смутно блистающих через решетку окна.

В другой части города Ширкух сидел, развалиясь, на шелковом диване под светом бронзовых ламп, отражавшемся сверкающими бликами в дорогом вине,

наполнявшем позолоченные кубки... Он сделал большой глоток и облизнул губы, отдавая должное угощению, как это полагалось из вежливости. Ибо ничто, казалось, не заботило, кроме утоления жажды, но Алафдаль Хан, сидевший на другом диване, озабоченно хмурил брови, сбитый с толку. Он был удивлен открытием, которое сделал совсем недавно. У этого юного воина из западных гор оказался острый ум и твердый характер.

— Почему ты хочешь купить этого феринги? — требовательно спросил он.

— Он нам необходим, — заявил Ширкух. Лицо его с одной стороны было освещено светом лампы, другая половина оставалась в тени. Мальчишеское выражение исчезло. Взгляд стал прямым и суровым. — Я куплю его завтра. Он поможет тебе стать эмиром Руб эль Харамии.

— Но у тебя нет денег! — увещевал его вазир.

— Ты мне их дашь.

— Но Абд эль Хафид сам хочет купить феринги, — настаивал на своем Алафдаль Хан. — Он послал Мухаммеда эз Захира его захватить. Глупо торговаться с эмиром.

Прежде чем ответить, Ширкух опустошил свой кубок.

— Из того, что ты рассказал мне о городе, я узнал следующее. Черные тигры составляют только небольшую часть жителей. У эмира непререкаемая власть, кроме тех случаев, которые определяются обычаями, корни которых затерялись в веках. Черные тигры являются правящей кастой и чем-то вроде полиции для поддержки власти эмира. Они держат в узде буйное и незаконное население, состоящее из преступников, которые стекаются сюда со всех концов Азии.

— Это верно, — подтвердил Алафдаль Хан.

— Но в прошлом — не раз восставал, смещал правителя, который нарушал традиции, и заставлял Черных тигров выбирать другого князя. Очень хорошо. Ты говорил, что сейчас в городе Черных тигров сравнительно мало. Многие посланы в качестве шпионов и эмиссаров в другие места. Ты сказал, что сам занимаешь высокое положение в клане.

— Пустая честь, — сказал Алафдаль горько. — В совете мои предложения никогда не слушают. У меня нет власти. Я могу приказывать только своим личным сторонникам. А у меня их меньше, чем у Абд эль Хафида и Али Шаха.

— Мы должны опереться на уличную толпу, — ответил Ширкух. — Люди тебя любят. Они почти готовы восстать под твоим руководством, стоит тебе о себе заявить. Но это будет позже. Им нужен предводитель и повод для бунта. Мы предоставим им и то и другое. Но сначала нужно заполучить феринги. Его спасение в наших руках. А потом мы придумаем следующий ход в нашей игре.

Алафдаль Хан насутился, сжимая сильными пальцами тонкую ножку кубка, его обуревали противоречивые чувства: тщеславие, страх, честолюбие.

— Красиво говоришь, — сказал он уныло. — Ты, нищий авантюрист, говоришь, что сделаешь меня эмиром города! Откуда мне знать, что ты не мешок с ветром? Разве тебе под силу сделать меня князем Черных тигров?

Ширкух поставил кубок и встал. Он мрачно посмотрел сверху вниз на удивленного вазира. Наивность и беззаботность исчезли с его лица. Он произнес единственную фразу, которая заставила

Алафдаля приглушенно воскликнуть и вскочить на ноги, он качнулся, как пьяный, хватаясь за диван, и устремил расширенные от изумления глаза на смуглое неподвижное лицо.

— Ты веришь теперь, что я могу сделать тебя эмиром Руб эль Харамы? — спросил Ширкух.

— Кто может сомневаться в этом? — ответил Алафдаль, тяжело дыша. — Разве вы не возводили королей на троны? Но с вашей стороны, сумасшедствие — прийти сюда! Одно слово толпе, и они разорвут вас на куски!

— Ты не скажешь это слово, — убежденно сказал Ширкух. — Ты не откажешься от власти в Руб эль Харамы.

Алафдаль Хан медленно кивнул. Огонь честолюбия зажегся в его глазах.

5

Восход, проливший серый свет через решетку окна, разбудил Брента. Он задумчиво отметил про себя, что, возможно, это последний восход, который он видит как свободный человек. Он горько засмеялся над этой мыслью. Свободный? Но, в конце концов, он был все еще пленником, а не рабом, а между тем и другим было огромное различие — бушующий пролив, пересекая который мужчина или женщина должны были забыть себя навсегда.

Вскоре пришел черный раб, который принес кувшин дешевого кислого вина и еду — рисовые лепешки и сушеные финики. Королевский завтрак по сравнению со вчерашним ужином. Таджик-цирюльник побрил его и подстриг волосы. Ему позво-

лили роскошь отмыться в тюремной ванне — деревянной бадье с холодной водой. И хотя он был рад такому случаю, однако все происходящее казалось ему отвратительным. Он чувствовал себя призовым животным, которое готовят к выставке.

Одноглазый судозай и огромный черный раб вели его из тюрьмы, одетого только в нижнее белье и сандалии. Лошади ожидали их у ворот, ему приказали сесть в седло. Он тронул коня и поехал по улице между двумя тюремщиками. Солнце еще не поднялось, а толпа уже собралась на площади. Продажа белого человека была событием. В воздухе висело ожидание, обостренное происшедшим накануне.

Посреди площади стоял помост, построенный из прочных каменных блоков, около четырех футов в высоту и тридцати в ширину. Судозай занял на нем свое место, держа в руке веревку, конец которой был обвязан вокруг шеи Брента. Позади них стоял флегматичный суданец с обнаженной кривой саблей на плече.

С одной стороны помоста толпа оставила свободное место. Там расположился Абд эль Хафид верхом на коне, окруженный отрядом Черных тигров, выглядевших причудливо в своих церемониальных кольчугах. Конечно, они могли защитить от клинка, но пуля пробила бы их запросто. Это был еще один из удивительных обычаев города, где традиции занимали место закона, телохранители всегда одевали черные кольчуги. Ими командовал Мухаммед эз Захир. Брент не увидел Али Шаха. Другой обычай предписывал присутствие Абд эль Хафида — не разрешалось вместо себя посылать слугу для покупки раба. Даже эмир обязан был участвовать в торге.

Брент услышал одобрительные восклицания, раздавшиеся в толпе, и увидел Алафдаль Хана и Ширкуха, верхом направлявшихся к помосту. За ними следовали тридцать пять воинов, хорошо вооруженных и на отличных конях.

Вазир явно нервничал, но Ширкух выступал перед восхищенными взглядами толпы с важным видом, как павлин. На бледном лице Абд эль Хафида мелькнуло раздражение, когда со всех сторон раздались приветствия. Суровый, мрачный взгляд эмира не сулил ничего хорошего вазир и его союзникам.

Торг начался внезапно и обыденно. Судозай начал монотонно перечислять достоинства пленника, но Абд эль Хафид грубо прервал его и предложил пятьдесят рупий.

— Сто! — немедленно выкрикнул Ширкух.

Абд эль Хафид бросил на него раздраженный и угрожающий взгляд. Ширкух нагло усмехнулся. Толпа заволновалась в предвкушении ссоры.

— Триста! — рявкнул эмир, рассчитывая напав сразить этого непочтительного бродягу.

— Четыреста! — бросил Ширкух, пожав плечами.

— Тысяча! — запальчиво выкрикнул Абд эль Хафид.

Ширкух рассмеялся эмиру в лицо, и толпа засмеялась вместе с ним. Абд эль Хафид почувствовал себя в дурацком положении. Он не ожидал такого наглого иротиводействия и поэтому потерял терпение. Это не укрылось от пристрастных глаз толпы, ведь в таких случаях волчья стая немедленно и безжалостно судит своего вожака. Ее симпатии перешли на сторону смеющегося молодого незнакомца, сидевшего в седле с легкой беззаботностью.

У Брента сердце упало в пятки, когда он услышал, что Ширкух вступил в торг. Если этот человек намеревался ему помочь, то выкуп был самым действенным способом это сделать. Но надежда снова оставила его, когда он увидел злобное лицо Абд эль Хафида. Эмир не упустит свою добычу, и хотя русский еще не заполучил дар шайтану, у него, без сомнения, больше денег, чем у Ширкуха.

Заключение Брента отличалось от того, что думал Абд эль Хафид. Эмир бросил взгляд на Алафдаль Хана, невольно поднявшегося в седле, когда разгорелся торг. Он увидел бусины пота над широкими бровями вазира и понял, что между ним и разоде-тым молодым чужестранцем сговор. В глазах эмира сверкнула злоба.

По своей натуре Абд эль Хафид был скупым. Он мог бы расточать золото, как воду, на главное дело, но его раздражала необходимость платить непомерную цену для достижения малой цели. Но каждый в толпе знал, что Алафдаль Хан ссудил деньги Ширкуху. И что вазир был одним из самых богатых людей города, к тому же большой транжира. Ноздри Абд эль Хафида раздулись от ярости, когда он понял, что может быть побежден безрассудной расточительностью Алафдаля, если Ширкух будет упорствовать в своем дерзком противодействии его желанию. Он еще не успел прибрать к рукам дар шайтану, а его личный фонд был истощен постоянными тратами на шпионскую сеть и всевозможные интриги. Абд эль Хафид поднимал цену резким злобным голосом.

Брент наблюдал за происходящим с живым интересом. Обладая интуицией игрока, он понял, что положение эмира пошатнулось. Ширкух во всех отношениях нравился толпе. Люди смеялись над его

остроумными репликами, солеными и сверкающими всей стародавней непристойностью Востока, и, прячась за соседями, прыскали втихомолку над эмиром.

Предложенная цена выросла до невообразимой величины, Абд эль Хафид, чувствуя возрастающую враждебность толпы, в то время как Ширкух крутился в седле, хлопал себя по бедрам и, звонко выкрикивая свою цену, демонстративно размахивал кожаным мешочком, издающим мелодичный звон.

Волнение толпы дошло до предела. В криках людей слышалась свирепость. Брент, взглянув вниз на волнующееся людское море, пришел в замешательство от темных, искаженных яростью лиц, сверкающих глаз и пронзительных голосов. Алафдаль Хаи вспотел, но не вмешался в торг, даже когда цена поднялась выше пятидесяти.

Теперь всем стало ясно, что это был не просто спор из-за предложенной цены, а упорная борьба двух волей, таких же твердых и гибких, как закаленная сталь. Абд эль Хафид понял, что если он сейчас уступит, его авторитету придет конец. Но не в силах справиться с овладевшей им яростью, он сделал первую ошибку.

Поднявшись на стременах, он хлопнул в ладоши и крикнул:

— Давайте прекратим это безумие! Ни один белый раб так много не стоит! Объявляю торг закрытым! Я покупаю этого пса за шестьдесят тысяч рупий! Надсмотрщик, доставь его в мой дом.

Из толпы поднялся рев протеста. Ширкух, подехав к помосту, прыгнул на него, бросив поводья одному из людей вазира.

— Разве это справедливо? — крикнул он. — Разве это по обычаю? Люди Руб эль Харамия требуют справедливости! Я предлагаю шестьдесят одну тыся-

чу рупий и готов предложить больше, если требуется! Когда это эмиру позволялось пользоваться своей властью, чтобы грабить и обманывать людей? Да, мы воры, но разве мы грабим друг друга? Кто такой Абд эль Хафид, чтобы попираť обычаи города! Если они будут нарушены, что удержит вас вместе? Руб эль Харамн существует так долго только потому, что соблюдает древние традиции. Вы хотите, чтобы Абд эль Хафид разрушил. Хотите?

Ему ответил шквал яростных воплей.

— Повинуйся обычаям! — крикнул Ширкух. Толпа подхватила его призыв.

— Повинуйся обычаям! — Это был грохот морских волн о скалы, рев ветра, проносившегося через ледяные перевалы. Люди выкрикивали эту фразу, вздымая лес рук и потрясая кулаками. Во все времена толпа сходила с ума из-за какого-нибудь лозунга. Завоеватели сметали империи, пророки устанавливали мировые религии благодаря нескольким словам, выкрикнутым в подходящий момент. Все на площади повторяли фразу как ритуальную формулу, покачиваясь, потрясая кулаками, с пеной на губах. Они не рассуждали. Это было море слепых человеческих эмоций, бушующих под штормовым ветром выкрикиваемых слов, которые вызывали ярость и побуждали к действию.

Абд эль Хафид потерял голову. Он поднял саблю и ударил человека, схватившегося за его стремя с криком: «Повинуйся обычаям, эмир!». Брызнувшая кровь вызвала у людей страсть к убийству. Но толпа все же была только взбесившимся чудищем без головы.

— Очистите площадь! — приказал Абд Хафид.

Чёрные тигры, опустив копыта, двинулись вперед. Их встретил град камней. Ширкух прыгнул на

край помоста и, подняв руки, крикнул, прорезая рев толпы своим пронзительным воплем:

— Долой Абд эль Хафида! Да здравствует Алафдадь Хан. Руб эль Харамии!

— Да здравствует Алафдадь Хан! — донеслось из толпы, как удар грома.

Абд эль Хафид поднялся на стремянах:

— Дураки! Вы все сошли с ума! Я позову своих воинов и прикажу очистить площадь!

Ширкух закинул голову назад и завопил:

— Зови! Ты не успеешь собрать их по тавернам и притонам! Мы зальем площадь твоей кровью! Покажи свое право на власть! Ты нарушил один обычай и ответишь за это, выполняя другой? Люди Руб эль Харамии, разве не было установлено с древних времен, что эмир должен мечом доказать свое право на титул?

— Да! — взревела в ответ толпа.

— Тогда позвольте Хану сразиться с Абд эль Хафидом! — крикнул Ширкух.

— Пусть сражается! — загремела толпа.

Глаза Абд эль Хафида покраснели от ярости. Он был уверен в своей военной доблести, но этот бунт довел его до умопомешательства. Город был средоточием его власти. Здесь он до сих пор чувствовал себя в полной безопасности, как паук в центре своей паутины.

Сейчас у него было слишком мало верных людей; многие из них находились вдали, другие были в городе, но не могли ему помочь в этот момент, маленький отряд телохранителей не сможет защитить его от толпы. Мысленно он решил устроить массовые казни, как только соберет в Руб эль Харамии значительные силы. Он проучит Алафдаля за его дерзкие притязания.

— Создатель эмиров, да? — прорычал в лицо Ширкуху, спрыгнув с коня на помост. Он выхватил саблю и взмахнул над головой. — Я повешу твою голову на ворота, когда покончу с этим лупоглазым дураком!

Ширкух засмеялся и отступил назад, оттесняя надсмотрщиков и пленника подальше от края помоста. Алафдаль Хан уже взбирался туда с саблей в руке..

Он не успел еще выпрямиться, как Абд эль Хафид налетел на него, как смерч. Толпа охнула, испугавшись, что эмир одолеет могучего, но медлительного вождя за счет своей вихревой скорости. Однако быстрота и погубила русского. В своей дикой ярости Абд эль Хафид потерял здравый смысл.

Удар, который он метил Алафдалю в голову, мог бы обезглавить и быка, но он начал замах в середине броска и пролетел дальше того расстояния, с которого надо было рубить. Он согнулся, его клинок рассек воздух, когда Алафдаль уклонился, и тогда сабля вазира вонзилась ему в грудь.

Абд эль Хафид фактически насадил себя на клинок Алафдаль Хана. Бросок, удар, встречный выпад — и эмир расстался со своей жизнью, как оскалившаяся крыса — все это произошло буквально за одно мгновение, в течение которого толпа затаила дыхание.

Ширкух прыгнул вперед, как пантера, воспользовавшись моментом молчания. Алафдаль стоял, раскрыв от удивления рот, и тупо глядел на окровавленную саблю и мертвого человека у своих ног.

— Да здравствует Алафдаль Хан, эмир Руб эль Харам! — завопил он, и толпа грохнула в ответ.

— На коня, дружище, быстро! — буркнул Ширкух в ухо Алафдалю, подталкивая его к краю помоста.

Толпа бушевала с жестокой радостью шайки, получившей такого главаря, какого ей хотелось. Когда вазир, все еще растерянный, сел на коня, Ширкух повернулся к ошеломленным Черным тиграм.

— Собаки! — загремел он. — Постойте и сопроводжайте своего нового хозяина во дворец, как положено по его титулу! Он отправляется в совет имамов! — Они неохотно двинулись вперед, опасаясь стихийной расправы.

Однако в это время на площади возникла суматоха. Али Шах в сопровождении вооруженных сторонников прокладывал себе путь через толпу. Он остановился перед отрядом всадников в кольчугах. Толпа оскатила зубы, вспомнив вражду гильзаи со своим новым эмиром. И все же Али Шах был тверд как сталь. Он не отступил, а у Алафдаля при виде врага в глазах мелькнула прежняя нерешительность.

Ширкух повернулся к Али Шаху с тигриной подозрительностью, но прежде, чем кто-либо что-то успел сказать, из окружения гильзаи вынырнул человек и прыгнул на помост. Это был шинвари, на которого Ширкух наехал накануне. Указав пальцем, он крикнул:

— Это обманщик, братья! Я узнал его! Я вспомнил! Он не курд.

Ширкух выстрелил в него в упор. Шинвари покачнулся и, ухватившись за ограждение на краю помоста, медленно сполз вниз. Он приподнялся на локте и снова ткнул в Ширкуха пальцем. Его голос четко прозвучал во внезапно наступившем молчании:

— Клянусь Аллахом, он не мусульманин! Это Эль Борак! — Трепет прошел по толпе.

— Подчиняйтесь обычаям! — с издевкой крикнул Али Шах. — Вы убили своего эмира из-за ерунды. Здесь стоит человек, который поправил самый важный обычай. Эль Борак, неверный, пробрался в наш город!

В его голосе была такая убежденность, что никто не усомнился в правдивости сказанного. Ошеломляющее открытие поразило всех немотой. Но только на мгновение. Напряженная тишина разорвалась лавиной криков:

— Долой неверных! Смерть Эль Бораку! Смерть Алафдаль Хану!

Брент увидел, как толпа, поднялась, как пенящийся поток, и перелилась через край помоста. Он услышал грохот револьвера в руке Эль Борака, перекрывший глухой рев, брызнула кровь, и в тот же момент помост был усеян мертвыми телами, о которые спотыкались ринувшиеся к Эль Бораку люди.

Воспользовавшись свалкой, тот прыгнул к Бренту, свалил его стража ударом рукоятки револьвера и, схватив ошеломленного пленника, потащил его к черному жеребцу, поводья которого были все еще в руке у одного из вазиров. Озверевшие люди толпились, как стая волков, вокруг Алафдаля и его воинов. Черные тигры и Али Шах старались пробиться через их гущу. Алафдаль орал что-то отчаянно Эль Бораку и бешено махал саблей, отбиваясь от наседавших врагов. Вазир обезумел. Минуту назад он был эмиром Руб эль Харамы, и толпа приветствовала его, а теперь те же самые люди пытались выбить его из седла.

— Беги, Алафдаль! — крикнул Эль Борак.

Он прыгнул в седло в тот момент, когда человек, державший лошадь, упал с пробитой булыжником головой. Головорез, убивший его, прыгнул вперед и схватил всадника за ногу. Эль Борак резко ударил серебряным каблуком ему в глаз, и тот, обливаясь кровью, упал на землю. Он безжалостно рубанул чью-то руку, схватившуюся за повод, и отбросил назад кольцо наседающих на него людей взмахом сабли.

— Садитесь позади меня, Брент! — приказал он, удерживая рвущегося коня рядом с помостом.

И только услышав английскую речь с родным юго-западным акцентом, Брент понял, что все это не сон и он действительно встретил человека, которого так долго искал.

Отбившись кулаками от схвативших его людей, Брент прыгнул на жеребца позади седла и ухватился за заднюю луку, удерживаясь от естественного порыва схватиться за человека, сидевшего впереди.

Жеребец подобрался и устремился вперед, сбивая всех, кто попадался ему на пути. Кости трещали под его копытами. Взглянув поверх голов, Брент увидел, что Али Шах и его всадники, яростно отбиваясь от толпы мечами, стараются добраться до Алафдаль Хана. Али Шах был уже не так невозмутим, как раньше, лицо его перекошилось.

Жеребец пробивался через людское море; его всадник ударял саблей направо и налево, прокладывая себе кровавую дорогу. Брент чувствовал, как множество рук цеплялись за них, чтобы стащить с коня, видел, как безжалостные копыта размалывают падающие тела. Перед ними Алафдаль Хан вместе со своими людьми прорубал дорогу к западной стороне площади. Около десятка его сторонников были стащены с седел и разорваны на куски.

Эль Борак вытащил винтовку из седла и выстрелил в рычащие лица. Он направил жеребца туда, где плотное кольцо людей сжималось вокруг Алафдаля Хана. Наконец оно было разорвано с внешней и внутренней стороны. Черный конь продолжал двигаться вперед в то время, как его всадник кричал:

— Давай за мной! Нужно укрыться в твоём доме, Алафдаль Хан!

Вазир ехал вплотную за ним. Он отказался бы от Эль Борака, если бы у него был выбор. Но люди объединили их в своей слепой ярости против нарушителей обычаев. Когда они пробивались, Черные тигры позади них в первый раз пустили в ход свои винтовки. Град пуль усеял площадь, опустошив половину вазирийских седел. Спасшиеся устремились в кривую узкую улочку.

Масса рычащих людей перекрыла им дорогу. С силой брошенный камень попал Бренту в плечо. Эль Борак пользовался разряженной винтовкой как дубинкой. Бросившись вперед, они пробились через толпу, заполнившую улицу.

Огромный черный жеребец заржал и ринулся по улице, стуча копытами, как деревянными молотками, а его всадник бешено размахивал расколотым и залитым кровью прикладом. Но позади них конь Алафдаля споткнулся и упал. Распущенный тюрбан вазира и его сабля показались на мгновение над морем голов и поднятых рук. Его люди бросились вперед, чтобы спасти своего предводителя, но были окружены плотной толпой, которая хлынула с площади и заполнила улицу. Покалеченная лошадь, храпя и заливаясь ржанием, металась среди кричащих людей. Эль Борак повернул своего жеребца назад к свалке, спеша на выручку Алафдалю. Их снова окружила толпа людей. Один из них, схватив Брента

за ногу, стащил с лошади. Когда они покатались в пыль, афганец подмял Брента под себя и, по-обезьяньи визжа, вытащил кривой нож. Брент увидел, как лезвие сверкнуло в солнечном свете. Он замер, понимая, что это смерть. Но в этот момент Эль Борак, натянув поводья, крутанул своего жеребца, наклонился с седла и ударил афганца по голове прикладом винтовки. Тот упал на Брента, придавив его своей тяжестью.

Вдруг из сводчатого дверного проема старинного дома грохнул выстрел. Жеребец громко заржал — половина его головы была снесена выстрелом. Эль Борак упал удачно. Вскочив на ноги, как дикий кот, он швырнул разбитую винтовку в лица надвинувшихся на него людей, а затем отпрыгнул назад, вытаскивая саблю. Она сверкнула, как молния, и три человека упали с рассеченными головами. Но остальные обезумели от крови и, не обращая внимания на упавших, бросились на него, потрясая палками и булыжниками. Они оттеснили его в сводчатый проем. Тонкие доски вдавились внутрь под напором множества тел. Эль Борак скрылся в доме. Толпа хлынула за ним.

Брент сбросил с себя обмякшее тело афганца и поднялся. Он взглянул на свалку, крутившуюся вокруг поверженного вождя, где Али Шах и его всадники рубили толпу мечами. Мелькнул брошенный кем-то булыжник, и Брент с пробитой головой упал в пыль. Сознание медленно возвращалось к Стюарту Бренту. Голова у него разламывалась от боли, а когда он провел по ней рукой, то почувствовал, что волосы сдились от застывшей крови. Брент с трудом приподнялся на локтях и, через силу подняв голову, осмотрелся. Он лежал на каменном полу, замусоренном гнилой соломой. Свет лился из заре-

шеченного окна под самым потолком. Дверь была, забрана толстыми металлическими прутьями. Рядом с ним лежал еще один человек. Он сел, скрестив ноги, и посмотрел на него в упор. Это был Алафдаль Хан. Всклопоченная борода его была запачкана кровью, бритая голова и распухшее лицо покрыты синяками и ссадинами, распухшее ухо кровоточило. В камере лежали еще трое, один из них стонал. Все были ужасно избиты. У человека, вероятно, была сломана рука.

— Они не убили нас! — удивленно сказал Брент.

Алафдаль Хан помотал головой, морщась от боли, и простонал:

— Проклят тот день, когда я доверился Эль Бораку! — Один из лежавших в стороне людей прополз в сторону Брента.

— Я Ахмет, сахиб, — сказал он, спрехывая кровь через разбитые зубы. — А там лежат Хасан и Сулейман. Али Шах и его люди отбили нас у толпы, но искалечили так, что все умерли, кроме тех, кого вы видите. Аллах спас нашего господина.

— Мы в Чертовом логове? — спросил Брент.

— Нет, сахиб. Мы в общей тюрьме, которая стоит у западной стены.

— Почему они спасли нас от толпы?

— Чтобы предать более изощренной смерти. — Ахмет содрогнулся. — Знает ли сахиб о той казни, к которой Черные тигры приговаривают изменников?

— Нет. — У Брента вдруг пересохли губы.

— Завтра ночью с нас сдерут кожу. Это старый языческий обычай.

Руб эль Харам — город обычаев.

— Да, я знаю, — мрачно сказал Брент. — А что с Эль Бораком?

— Он исчез в каком-то доме. За ним бросилась целая толпа. Они, наверное, схватили его и убили.

6

Гордон упал в темную, устланную коврами прихожую, когда дверь сломалась под напором его твердого, как железо, плеча. Преследователи, ринувшиеся следом, застряли в узком проеме, образовав давку, быстро превратившуюся под ударами сабли Эль Борака в груды окровавленных тел. Прежде чем живые смогли очистить проход от мертвых, он бросился в глубь дома.

Повернув налево, Гордон пробежал через комнату, где при его появлении женщины подняли страшный визг, затем выпрыгнул через окно в узкий переулок, перемахнул низкую ограду и оказался в небольшом саду. Позади слышались крики сбитых с толку преследователей. Он пересек сад и через полуоткрытую дверь вбежал в коридор. Кругом не было ни души, только слышалась заунывная песня раба, да раздавался яростный лай собак с той стороны, где шла погоня. Гордон двинулся по коридору, стараясь не стучать серебряными каблуками. Вскоре он добрался до винтовой лестницы и бесшумно поднялся наверх, осторожно ступая по ступеням. Оказавшись на втором этаже, он увидел занавешенную шелковой портьерой дверь и услышал за ней слабый мелодичный звон. Гордон глянул из-за занавеси в полуоткрытую дверь. В богато обставленной комнате, спиной к нему, сидел осанистый седобородый человек и, вынимая монеты из кожаного мешочка, считал и бросал их в черный сундук. Он

был так поглощен своим занятием, что не замечал громких криков, доносившихся снизу, а может быть, просто не обращал на них внимания, поскольку уличные схватки в Руб эль Хорами были слишком привычны и не могли заинтересовать зажиточного купца, занятого подсчетом своего богатства.

На лестнице послышался быстрый топот, и Гордон нырнул в полуоткрытую дверь. Богато одетый молодой человек с саблей в руке взбежал наверх и влетел в комнату. Откинув занавесь в сторону, он задержался на пороге, задышавшись от спешки и волнения.

— Отец! — крикнул он. — Эль Борак в городе! Разве ты не слышишь, что творится внизу? Его ищут по домам! Он может скрываться у нас в доме. Люди сейчас обыскивают нижние комнаты...

— Пускай ищут, — ответил старик. — Остайся здесь со мной, Абдулла. Закрой и запри дверь. Эль Борак опасен, как тигр.

Юноша, повернувшись к двери, вместо мягкой ткани занавеси почувствовал что-то твердое. В тот же миг сильная рука обхватила его за шею, прерывая вскрик. Ощувив легкий укол ножа в спину, он оглянулся и замер от страха. Сабля выскользнула из ослабевшей руки, ударившись о порог. Старик обернулся на звук и выронил мешок с монетами.

Не ослабляя хватки, Гордон толкнул юношу в комнату.

— Не двигайся, — предупредил он старика и потащил своего дрожащего пленника в устланную коврами нишу. Прежде чем скрыться в ее глубине, он коротко сказал купцу:

— Они уже поднимаются по лестнице. Встреть их у двери и заставь уйти. Не пробуй подмигивани-

ем или жестом выдать меня, если тебе дорога жизнь сына.

Глаза старика расширились от ужаса. Гордон хорошо знал силу родительской любви. Очень часто это чувство побеждало ненависть, вероломство и жестокость. Купец мог пренебречь своей собственной жизнью, если бы был один, но американец знал, что он не рискнет жизнью своего сына.

По ступеням застучали сандалии и послышались грубые голоса. Спотыкаясь, старик торопливо пошел к двери. Он просунул голову через занавеску и раздраженно закричал:

— Эль Борак? Собаки! Убирайтесь отсюда! Если он в доме Нуреддина эль Азиза, то только не здесь. Ищите внизу! Ступайте, ищите везде! Будьте вы прокляты!

Снова послышался топот. Шаги и голоса постепенно затихли. Гордон вытолкнул Абдуллу в комнату.

— Запри дверь,— приказал американец.

Нуреддин подчинился с ненавистью во взгляде и с перекошенным от страха лицом.

— Я останусь пока в этой комнате,— сказал Гордон.— Если ты обманул меня... если кто-нибудь пересечет этот порог, первый удар будет Абдулле в сердце.

— Что вы хотите? — взволнованно спросил Нуреддин.

— Дай мне ключ от двери. Нет, положи его на стол. А сейчас иди на улицу и узнай, жив ли феринги и кто-нибудь из вазиров. Потом возвратись ко мне. И держи язык за зубами, если любишь своего сына.

Купец молча покинул комнату. Американец связал Абдулле кисти рук и лодыжки узкими полосами

ткани, оторванной от занавески. Юноша, побелевший от страха, не сопротивлялся. Гордон, толкнув его на диван, перезарядил свой револьвер, затем сбросил с себя халат, превратившийся в лохмотья, белая шелковая рубашка под ним была разорвана, штаны запачканы кровью.

Вскоре вернулся Нуреддин. Он постучал и назвал себя. Гордон открыл дверь и отступил назад, держа револьвер в нескольких дюймах от уха Абдуллы. Но старик был один. Поспешно шагнув внутрь, он вздохнул с облегчением, увидев сына невредимым.

— Люди прочесывают город. Али Шах сам себя объявил князем Черных тигров. Имамы его утвердили. Толпа разграбила дом Алафдаль Хана и убила всех вазиров, которых нашла. Но феринги жив, а также Алафдаль Хан и еще три человека. Они сидят в общей тюрьме. Этой ночью они умрут.

— Твоих людей удивило, что я у тебя?

— Нет. Никто не видел, как вы вошли.

— Хорошо. Принеси вина и еды. Имей в виду, что Абдулла все попробует, прежде чем я стану есть.

— Моим рабам покажется странным, если они увидят, что я сам несу еду.

— Иди на лестницу и прикажи им сверху. Пусть поставят еду у двери, а потом вернутся вниз.

Когда все было сделано, Гордон с удовольствием пообедал, не переставая держать револьвер у головы Абдуллы.

Время шло. Эль Борак сидел без движения; ни один мускул не дрогнул у него на лице. Афганцы наблюдали за ним с ненавистью и страхом. Наступил вечер. После многочасового молчания Эль Борак обратился к Нуреддину:

— Иди достань мне халат и плащ из черного шелка, а также черный шлем, как у Черных тигров. Еще принеси сапоги с низкими каблуками и маску, какую члены клана надевают на свои тайные сборища.

Старик посмотрел на него косо и нахмурился:

— Одежду я могу принести из своей лавки. Но как мне раздобыть шлем и маску?

— Это твое дело. Говорят, золото может открыть любую дверь. Ступай!

Как только Нуреддин ушел, Гордон сбрил усы, используя острый кинжал вместо бритвы. Вместе с усами исчез и последний след курда Ширкуха.

Сумерки опустились на Руб эль Харамы. Комната, казалось, наполнилась синим туманом, размывшим очертания предметов. Гордон зажег бронзовую лампу, когда Нуреддин вернулся с вещами.

— Положи все это на стол и сядь на диван, — скомандовал он. Когда купец выполнил приказание, американец связал ему запястья рук и лодыжки. Потом надел сапоги и халат, водрузил черный блестящий шлем на голову и запахнулся в черный плащ. Сунув маску за пазуху, он повернулся и спросил у Нуреддина:

— Похож я на Черного тигра?

— Сохрани нас Аллах! Вы как капля воды похожи на Дхира Азраила, палача Черных тигров, когда он идет казнить по приказу эмира.

— Хорошо. Я много слышал об этом человеке, который убивает тайно и движется в ночи, как черный джинн. Говорят, немногие видели его лицо.

— Упаси Аллах его увидеть! — воскликнул Нуреддин.

Гордон взглянул в окно. Звезды мерцали на темном небе.

— Я ухожу из твоего дома, Нуреддин,— сказал он.— Но, чтобы ты не перебудил домочадцев после моего ухода, я заткну рот тебе и Абдулле.

— Мы задохнемся,— жалобно простонал Нуреддин.— Мы умрем от голода в этой комнате.

— Ничего с вами не случится,— заверил его Гордон.— Ни один человек не задохнулся от того, что ему заткнули рот. Разве Аллах не дал тебе нос, что бы дышать? Слуги найдут вас утром и освободят.

Ловко заткнув им рты, Гордон сказал купцу:

— Смотри, я не прикоснулся к твоему мешку с деньгами и будь благодарен!

Закрыв за собой дверь на замок, он покинул комнату, рассчитывая, что пройдет несколько часов, прежде чем его пленники смогут выплюнуть кляпы и поднять домочадцев своими криками.

Двигаясь по слабо освещенным коридорам, как черное привидение, Гордон спустился по лестнице и вышел в прихожую. Чернокожий раб, свесив голову на широкую грудь, сидел на полу у последней ступеньки; его храп разносился по всему дому. Он не видел и не слышал, как мимо него промелькнула черная тень. Гордон осторожно снял задвижку на двери и выскользнул в сад. Широкие листья деревьев и нежные лепестки цветов недвижно застыли под светом звезд. В городе стояла тишина. Люди рано скрылись за закрытыми на запоры дверьми. Лишь немногие бродили по улицам, да рыскали патури, продолжавшие искать Эль Борака.

Гордон перелез через стену и прыгнул в узкий переулок.

Он знал, где находилась тюрьма, так как еще в роли Ширкуха познакомился с общим планом города, и уверенно шел, держась ближе к стене, но не

крадучись: его поведение должно было показать случайному наблюдателю, что у него нет причин скрываться, но он предпочитает оставаться неузнанным.

Улица казалась пустынной. Из какого-то сада слышались поющие голоса и бреление зурны. Где-то раздавались сдавленные стоны и звуки ударов по голому телу.

Однажды Гордон услышал перед собой звон стали и быстро нырнул в темный переулок, чтобы пропустить патруль. Это были солдаты в черных кольчугах, шагавшие строем с винтовками в руках.

Воины внимательно всматривались в темноту и держались близко друг к другу; на их лицах читался страх перед добычей, за которой они охотились. Когда Черные тигры свернули за угол, Гордон вышел из своего укрытия и поспешно пошел дальше.

Он должен был полагаться на свою маскировку, пока не достигнет тюрьмы. Впереди недалеко от него из-за угла снова показался отряд вооруженных людей. Прятаться было поздно. Замедлив шаг, Гордон пошел размеренно и величественно. Плащ закрывал его полностью. Голова оставалась слегка опущенной, будто он пребывал в мрачной задумчивости. Он двигался, не обращая внимания на солдат, и они отпрянули, перешептываясь:

— Аллах сохрани нас! Это Дхира Азраил. Рука ангела смерти! Приказ уже дан!

И поспешно двинулись дальше, боясь оглянуться назад.

Вскоре Гордон достиг низкой арки тюремной двери. Под ней толпилось около десятка стражников. Стволы их винтовок поблескивали синевой в свете факела, закрепленного в нише стены. Вин-

товки мгновенно повернулись в сторону человека, вынырнувшего из темноты. Затем стражники заколебались, глядя расширенными от страха глазами на мрачную черную фигуру, молча остановившуюся перед ними.

— Простите! — виноватым голосом сказал начальник стражи. — Мы вас сразу не узнали в темноте... Не знали, что приказ уже отдан.

Рука черного призрака, наполовину укрытая плащом, указала на дверь. Стражники открыли створки, спотыкаясь второпях и низко кланяясь. Когда черная фигура прошла мимо них, они закрыли дверь и стали в ряд.

— Их казнят в тюрьме. Никто ничего не увидит, — шепнул один из них другому на ухо.

7

В камере, где сидели Брент и вазирь, время тянулось медленно. Хасан стонал от боли в сломанной руке, Сулейман проклинал монотонным голосом Али Шаха. Ахмет не прочь был поговорить, но его разговоры не проливали свет надежды. Алаф-даг Хан сидел молча, подавленный всем случившимся.

Еды им не дали, только тухлую вонючую воду, большую часть которой они использовали, обмывая раны. Брент предложил вправить и перевязать Хасану руку, но остальные не проявили к этому никакого интереса. Ведь у Хасана оставался лишь один день жизни. Зачем беспокоиться? К тому же не из чего было сделать лубки.

Брент сидел, прислонясь спиной к стене, и смотрел через зарешеченное окно на маленький клочок

голубого гималайского неба. К концу дня тот по-блек, затем порозовел от заката, а в наступивших сумерках стал темно-красным. Вскоре на квадрате темно-синего бархата появился рой белых звезд. Снаружи, в коридоре, который тянулся между камерами, зажгли бронзовые лампы, и он безотчетно подумал о том, из какой дали было привезено масло, питавшее горящие фитили.

В их тусклом, мерцающем свете появился человек, закутанный в плащ. Он приблизил лицо, покрытое шрамами и перекошенное издевательской улыбкой, к прутьям двери. Ахмет вскрикнул; его глаза расширились от страха.

— Ты узнал меня, собака? — спросил незнакомец. Ахмет кивнул, облизнув вдруг пересохшие губы.

— Значит, мы умрем сегодня ночью? — спросил он.

Тот качнул головой.

— Держи язык за зубами. Пока не отдан приказ, остальным не обязательно знать, кто я. Мне велено сторожить вас. Али Шах боится, что Эль Борак попытается проникнуть в тюрьму.

— Значит, Эль Борак жив! — воскликнул Брент, для которого все в этом разговоре, кроме последней фразы, было непонятно.

— Пока жив, — засмеялся незнакомец. — Но если он в городе, его поймут, а если сбежал, то далеко не уйдет. Перевал закрыт усиленной стражей, всадники прочешут равнину и горы. Если он придет сюда, тем лучше. Али Шах послал меня его здесь встретить, я сделаю это лучше, чем отряд солдат.

Когда страж отправился в другой конец коридора, Брент спросил:

— Кто этот человек?

Ахмет не желал ни о чем говорить. Он пожал плечами, отошел в угол и сел там, опустив голову. Его плечи время от времени вздрагивали, как будто он видел змею или какую-то нечисть.

Брент вздохнул и растянулся на соломе. Его избитое тело болело. Он хотел есть.

Вскоре послышалось, как открылась внешняя дверь. Донеслись неразборчивые голоса, и снова брякнули засовы. Брент лениво отметил про себя, что, должно быть, поменялась стража. Затем послышались шаги. По коридору шел какой-то человек. Вот он приблизился к решетке настолько, что его можно было рассмотреть. Брент похолодел. К ним подошел мужчина, одетый в черное с головы до ног. Он был плотно закутан в плащ, остроконечный шлем делал его неестественно высоким, но наиболее зловещей деталью в его облике казалась черная маска, спадающая свободными складками до груди.

По телу Брента пробежала дрожь. Почему этот закутанный в плащ человек появился здесь во мраке ночи? Остальные тоже смотрели испуганно. Даже Алафдаль вышел из своего оцепенения. Хасан прошептал:

— Это Дхира Азраил!

Удивление, смешанное со страхом, появилось в глазах Ахмета. Человек, с иссеченным шрамами лицом, вдруг вышел из глубины коридора и столкнулся с незнакомцем в маске как раз перед дверью в камеру. Свет лампы осветил его лицо, на котором играла смутная циничная улыбка.

— Что тебе нужно? Я здесь сторожу.

Голос человека в маске звучал приглушенно:

— Я Дхира Азраил. Приказ отдан. Открой дверь. Тот низко поклонился и тихо сказал:

— Слушаю и повинуюсь, мой господин!

Он повернул в замке ключ, открыл тяжелую дверь и поклонился опять, подобострастным жестом приглашая войти. Человек в маске двинулся вперед. Потрясенный Ахмет наконец пришел в себя.

— Эль Борак! — воскликнул он. — Берегись! Он Дхира Азраил!

Человек в маске мгновенно обернулся, нож палача, нацеленный ему в голову, скользнул по шлему. Настоящий Дхира Азраил зарычал, как дикий зверь, но, прежде чем он успел ударить снова, Эль Борак нанес ему сокрушительный удар кулаком по скуле. Палач свалился на пол без чувств.

Когда Гордон прыгнул в камеру, ошеломленные пленники медленно поднялись на ноги. Все были поражены, кроме Ахмета, который, зная, что человек со шрамами на лице и был Дхира Азраилом, догадался, что незнакомец в маске — Эль Борак, и действовал соответственно... Остальные поняли, что произошло, только когда Гордон снял маску.

— Все могут идти? — торопливо спросил он. — Хорошо! Нам придется проделать долгий путь. Я не смог приготовить лошадей.

Алафдаль Хан туно посмотрел на него.

— Зачем мне идти? — пробормотал он. — Вчера я был богат и имел власть, а сейчас я голодранец. Стоит мне покинуть Руб эль Харам, как эмир схватит меня и отрубит голову. Я встретил вас, Эль Борак, в несчастливый день. Вы воспользовались мной для своих интриг.

— Да, это действительно так, Алафдаль Хан, — ответил Гордон, прямо глядя ему в глаза. — Я сделал бы тебя эмиром, если бы обстоятельства не сложились против нас. Но мы ведь остались в живых. Смелый человек всегда может заново построить

свою жизнь. Обещаю, если нам удастся бежать, эмир простит тебя и этих людей.

— Эль Борак не бросает слов на ветер, — убежденно сказал Ахмет. — Он пришел и освободил нас, хотя мог бежать один. Мужайтесь, господин!

Гордон разоружил палача, у которого оказалось два немецких револьвера, сабля и кривой нож. Один револьвер он вручил Бренту, другой — Алафдаль Хану. Ахмет получил саблю, Сулейман — нож, а свой кинжал Гордон отдал Хасану. Он предложил Бренту, который был почти голым, одеть одежду палача.

Короткая борьба не произвела никакого шума, и они надеялись, что стража ничего не услышала. Гордон вел свой отряд по коридору между рядами пустых камер, пока они не дошли до двери. Снаружи не доносилось ни звука. Значит, отряд солдат, пропустив в тюрьму палача, ушел. Возможно, они решили, что охранять больше некого, возможно, понадеялись на прочную дверь. Считалось, что ее не возьмет даже артиллерия. Она была из сплошного металла и закрывалась огромным засовом, вставленным в железные скобы, намертво вбитые в каменную стену. Понадобилась вся сила Гордона, чтобы вытащить засов из скоб. Дверь тихо открылась в темноту узкого переуллка, в который они вышли.

Гордон плотно закрыл дверь. Он не знал, сколько времени у них в распоряжении. Стражники, вероятно, что-то заподозрят, если долго не увидят возвращения Дхира Азраила, но он рассчитывал, что караул не сможет преодолеть свой сверхъестественный страх перед палачом и не отправится проверять, в чем дело. Что касается самого Дхира Азраила, то он уже никогда не встанет. Эль Борак позаботился об этом.

Тюрьма располагалась недалеко от западной стены. Они никого не встретили, торопливо пробираясь по кривому вонючему переулку, пока не достигли стены в том месте, где ряд узких ступеней вел наверх. Беглецы притаились в тени под лестницей, прислушиваясь к шагам двух часовых, которые, встречаясь на карнизе, обменивались паролем и двигались дальше. Когда шаги затихли в отдалении, маленький отряд крадучись стал подниматься по ступеням. Гордон задержался, снимая веревку с шеи верблюда, бродившего поблизости от стены. Догнав своих спутников, он сделал свободную петлю, которую можно было закрепить на поясе. Один за другим они быстро заскользили вниз. Гордон, покинув стену последним, сорвал веревку и свернул ее кольцом. Она могла еще пригодиться.

Ветер, носившийся по равнине, трепал волосы на голове у Брента. Наконец они свободны, вооружены и за пределами дьявольского города. Но впереди их ждали самые большие трудности. Не говоря ни слова, люди двинулись за Гордоном через темную равнину.

Отойдя на безопасное расстояние, он остановился, остальные толпились вокруг него.

— Все дороги, которые ведут из Руб эль Харамы, для нас закрыты, — резко сказал Эль Борак. — Перевал забит солдатами. Единственное направление, где мы можем надеяться на спасение, — восток.

— Большой хребет перережет нашу тропу на востоке, — тихо сказал Алафдаль Хан. — Пересечь его можно только по перевалу Надир Хан.

— Есть другой путь, — ответил Гордон. — Это перевал, который находится далеко на севере от Надира Хана. К нему нет ни одной дороги. Многие сотни лет им не пользовались. Но название его

сохранился — Перевал звонких сабель. Думаю, он где-то на востоке. Я никогда не был по другую сторону хребта, но надеюсь, что смогу провести вас через забытый перевал. До него много дневных переходов, путь ведет в дикие горы, которые никто из нас раньше не преодолевал. Но это единственная возможность спасения. Нам нужно достать лошадей и пищу. Кто из вас знает, где за стенами города можно достать лошадей?

— Вон там, на северном краю равнины, где начинается ущелье, — сказал Ахмет. — Там в деревне, я знаю, есть лошади. Только они не верховые.

— Ничего, сгодятся. Веди нас туда.

Идти было нелегко через усеянную камнями и перерезанную лощинам равнину. Они так ослабели от побоев, что с трудом поспевали за своим предводителем. Сломанная рука причиняла Хасану режущую боль, он едва удерживался от стонов. Прошло почти два часа мучительного путешествия, прежде чем они добрались до загона, сделанного из камней, скрепленных глиной, и услышали, как внутри топают и ржут лошади, встревоженные их приближением. Кучка домов рассыпалась в широком устье неглубокого ущелья, выделяясь светлыми пятнами на фоне темных гор.

Гордон опередил остальных. Когда крестьянин вышел из своей хижины, высматривая волков, которые, как он думал, испугали его лошадей, позади мелькнула тень и железные пальцы сомкнулись на его шее. Угроза, которую прошипели ему в ухо, заставила его замереть, хотя он и отважился издать протестующий вопль, увидев, как неизвестные люди выводят и седлают его лошадей.

— Сахиб, я бедный человек! Эти лошади не господские, они мои! Аллах мне свидетель!

— Проломи ему голову,— предложил Хасан, которого боль сделала кровожадным.

Но Гордон успокоил хозяина пригоршней золота, на которое можно было купить втрое больше лошадей, чем у него забрали. Крестьянин, ошеломленный столь щедрой наградой, прекратил свои причитания, обругал выбежавших жен и детей, заставив всех замолчать, и по приказанию Гордона принес всю еду, какая нашлась в доме,— лепешки, вяленую баранину, соль и яйца. Ничтожно мало для предстоящего тяжелого пути. Мешки с кормом для лошадей привязали позади каждого седла, а также нагрузили на запасную лошадь.

Пока седлали лошадей, Гордон при свете лампы, которую принесла под навес дрожащая от страха женщина, вырезал лубки, разорвал рубашку для повязки и, вправив Хасану руку, привязал ее к груди раненого. С чужой помощью Хасан смог сесть на лошадь, хотя вскрикнул и позеленел от боли.

Покинув селение, они двинулись в ущелье, которое вело в горы, где не было троп. Хасан настаивал, что необходимо перерезать глотки всему семейству крестьянина, но Гордон запретил это делать.

— Да, я знаю, что, как только мы скроемся из виду, он пойдет в город и предаст нас. Но ему придется идти пешком. Мы будем уже далеко в горах, пока он доберется до городских стен.

— В Руб эль Харамии людей натаскивают, как охотничьих собах,— сказал Ахмет.— Они могут выследить волка в голых камнях.

Восход солнца застал путников высоко в горах. Они прокладывали себе дорогу по вероломным, усеянным камнями склонам, пересекали сухие русла рек и постоянно смотрели на солнце, чтобы не потерять направление. Брент уже запутался. Ему

казалось, что они заблудились в лабиринте скал, только покрытые снегом вершины Большого хребта постоянно маячили перед ними.

Всю дорогу Брент присматривался к Гордону. В его поведении ничто не напоминало курда Ширкуха. Исчезли и курдский акцент, и мальчишество, и веселое щегольство, и павлинье тщеславие в одежде, и даже широкий, вразвалочку шаг кавалериста. Настоящий Гордон был полной противоположностью человеку, чью роль он блестяще играл. Вместо важничающего, разнаряженного, хвастливого юноши он видел зрелого мужчину с твердым взглядом, скупого на слова, в котором не замечалось и следа эгоизма или бахвальства. И ничего восточного в чертах лица. Гордон стал другим и выражением лица, и манерой держаться. Брент понял, что совершенное преображение Гордона в курда не зависело от каких-то искусственных средств: одежды или усов. Он перевоплотился в Ширкуха благодаря тому, что полностью постиг дух персонажа, которого играл. Он так изумительно изобразил человека, совершенно отличного от него по характеру и свойствам личности, что трудно было поверить, что Ширкух и Гордон — одно лицо. Только глаза его не изменились — блестящие черные глаза, отражающие варварскую жизненную силу и твердый характер.

Гордон не склонен был к разговорам и не нарушил бы молчания, если бы Брент не стал его расспрашивать.

— Я выехал из Кабула один, — сказал он, отвечая на настойчивые вопросы Брента, — а потом прихватил по дороге полдесятка афридиев. Нет необходимости занимать ваше время рассказом, куда и зачем я направлялся. Я стал курдом после того, как

основательно углубился в горы, вот почему вы потеряли мой след. Никто не знал, кроме афридиев, что Ширкух — это я. Но, прежде чем я завершил свою миссию, до меня дошел слух, что какой-то феринги с эскортом из Кабула разыскивает Эль Борака. Новость быстро разнеслась среди племен. Я вернулся, чтобы разыскать вас, и вскоре увидел, что вы попали в плен. Я не знал, кто вас захватил, но видел, что их было слишком много для сражения. Единственным выходом были переговоры. Подъехав к отряду и увидев Мухаммеда эз Захира, я понял, кто они, и солгал, что потерялся в горах и хочу вместе с ними ехать в Руб эль Харам. А потом я подаю сигнал своим людям — вы их видели. Это они обстреляли караван, когда мы въехали в долину, где был источник.

— Но вы застрелили одного из них.

— Я стрелял поверх голов. Они тоже намеренно мазали. Мои выстрелы — один, пауза, затем еще три подряд — являлись сигналом, услышав который они должны вернуться на место нашей встречи у Калат эль Джеханджир и ждать меня там. Когда один из них упал на шею лошади — это означало, что афридии поняли приказ. У нас целый набор различных сигналов.

Я собирался оставить вас в первую же ночь, но когда вы передали мне послание Стоктона, то решил остаться. Мне сразу стало ясно, какую опасность представляет собой новый князь Черных тигров. Воображаю себе Индию под управлением такой свиньи, как Жакрович!

Я знал, что в Руб эль Харам новый эмир, но, конечно, не предполагал, что это Жакрович. Меня никогда не интересовали Черные тигры — я просто не придавал им значения. Но узнав от вас о

Жакровиче, я понял, что он охотится за золотом из пещеры шайтана. В этом не было сомнения. О да, я знал об обычае дарить каждый год золотого дьяволу. Мы со Стоктоном однажды обсуждали, какая опасность будет грозить миру в Азии, если оно попадет в руки какому-нибудь белому авантюристу.

Итак, я должен был ехать в Руб эль Харамии. Было крайне рискованно открыться вам, кто я, — слишком много людей шпионили вокруг все время. Когда мы прибыли в город, Судьба послала мне Алафдаль Хана. Истинный мусульманский эмир не был бы опасен для Индии. Настоящий житель Востока не прикоснется к золоту шайтана даже для того, чтобы спасти свою жизнь. Я задумал сделать Алафдаля эмиром и вынужден был рассказать ему правду о себе, иначе бы он не поверил, что у меня есть возможности это осуществить.

Я не собирался преднамеренно разжигать бунт на базарной площади — просто воспользовался им. Нужно было вырвать вас из рук Жакровича. И я убедил Алафдаль Хана, что вы нам необходимы в нашем заговоре, он дал мне денег для вашего выкупа. Затем во время торга Жакрович потерял голову и сыграл мне на руку. Все сложилось бы отлично, если бы не Али Шах и его человек, этот шинвари!

Конечно, рано или поздно кто-нибудь все равно узнал бы меня, но я надеялся свергнуть Жакровича и укрепить власть Алафдаля до того, как это произойдет. Тогда дорога для побега была бы открыта для нас обоих.

— В конце концов, Жакрович мертв, — сказал Брент.

— Мы там не проиграли, — согласился Гордон. — Али Шах не станет угрозой для мира. Он не прикоснется к золоту шайтана. Внешняя организация, по-

строенная Жакровичем, разрушится; останется только сравнительно безобидное ядро Черных тигров, как это было до его прихода. Мы выдернем им клыки, как только безопасность Индии окажется под угрозой. Платой за все это могут стать наши жизни. Впрочем, я настолько эгоистичен, что хочу их сохранить.

8

Брент хлопал окоченевшими руками, чтобы хоть как-то согреться. Вот уже несколько дней они пробивались через горы. Истощенные лошади спотыкались и шатались даже от временами налетавших сильных порывов ветра. Всадники садились в седла, когда можно было проехать, но чаще шли рядом, ведя лошадей на поводу. По ночам они сбивались все вместе в одну кучу, люди и животные, под защитой какой-нибудь скалы. Скудный огонь разводили, только когда случайно находили топливо. Выносливость Гордона была удивительной. Он шел впереди, прокладывая дорогу, находил воду, запутывал их слишком заметные следы, заботился о лошадях, когда другие были слишком измучены, чтобы делать что-то после тяжелого перехода. Он отдал свой плащ и халат раздетым вазирам, как будто его самого не жалил холодный ветер и не жгло палящее солнце.

Запасная лошадь сдохла; для остальных осталось совсем мало еды. Для людей — еще меньше. Сейчас они поднялись в более высокие пределы. Перед ними маячили сквозь дымку вершины Большого хребта. Жизнь казалась Бренту болезненным сном, в котором все было словно в тумане. Однажды, взглянув с высоты на только что пройденную об-

ширную долину, они увидели в утренней дымке, далеко позади, движущиеся белые точки.

— Они вышли на наш след, — тихо сказал Алафдаль Хан. — У них хорошие лошади и полно еды.

С этого момента беглецы время от времени видели далеко внизу позади эти зловещие движущиеся точки, которые медленно и неуклонно сокращали большое расстояние между ними. Гордон прекратил попытки замести следы. Они направились прямо к позвоночнику хребта, который, как огромный крепостной вал, поднимался перед ними — люди, похожие на пугала, на некоем подобии лошадей, следующие за своим суровым вождем.

В полдень, когда небо было ясным, как холодная сталь, они пробились к очень высокому уступу и увидели впереди выемку, которая разбивала цепь снежных — гор, а за нею остроконечную вершину.

— Перевал мечей, — сказал Гордон. — Гора за ним — это Калат эль Джеханджир. Там меня ждут мои люди. Откуда кто-нибудь из них постоянно осматривает все вокруг через сильный полевой бинокль. Не знаю, смогут ли они увидеть дым на таком расстоянии, но я все же пошлю им сигнал, чтобы они встретили нас у перевала.

Вместе с Ахметом он взобрался по склону горы. Там они нашли достаточно зеленого топлива, чтобы устроить костер. Вскоре клубы густого черного дыма поднялись в голубизну неба. Это был старый способ передачи сигнала, который применяли индейцы в родных местах Гордона, и Брент надеялся, что горцы, у которых глаза как у ястребов, его заметят. Они спустились с уступа и потеряли перевал. Затем снова стали взбираться дальше по склонам, скалам, по краям глубоких пропастей. На одном из карнизов лошадь, на которой ехал Сулейман,

споткнулась, задала и свалилась, разбившись вместе со своим всадником на огромной глубине, в то время как остальные беспомощно смотрели на опустевшее место, где только что был человек на коне.

К перевалу заморенные лошади достигли предела своей выносливости. Беглецы забили одну из них. Куски жилистой конины, сваренные на скудном огне, почти не утолили голод. Утомленным и истощенным людям требовался отдых и сон. Брент цеплялся за одну мысль: если афридии видели сигнал, они будут ждать их у перевала со свежими лошадьми, на которых они оторвутся от своих преследователей.

Они пробирались по крутому ущелью, таща за собой измученных лошадей. Ночь застала их в пути, но они не остановились и к рассвету вышли из устья ущелья на широкий склон, который шел наклонно вверх к проходу через стену гор. Он был пуст. Афридиев там не было. Позади них белые точки неумолимо двигались вверх по ущелью.

— Мы сделаем последнюю остановку при входе на перевал, — сказал Гордон.

Он оглядел призрачную компанию со странным выражением. Стоявшие вокруг него люди напоминали мертвецов. Они еле держались на ногах, покачиваясь от изнурения и головокружения.

— Мне очень жаль, что так случилось, — сказал он. — Простите, Брент.

— Стоктон был моим другом, — ответил Брент. Он выругался бы, если бы у него были силы. Сказанное им звучало так банально и мелодраматично.

— Алафдаль Хан, я очень сожалею, — обратился Гордон к вазирю. — Я чувствую себя виноватым перед тобой и твоими людьми.

Алафдаль поднял голову, как лев, встряхивающий гривой.

— Нет, Аль Борак! Ты сделал меня эмиром. Я был обжорой и пьяницей, мечтал о власти, но был слишком робок и ленив, чтобы сделать попытку ее захватить. Ты подарил мне момент славы. Он стоит остатка моей жизни.

С трудом они поднялись к перевалу. Брент полз последние несколько ярдов, пока Гордон не помог ему встать на ноги. В устье огромного коридора, который тянулся между высокими скалами, на них налетел ледяной ветер. Взглянув назад на путь, который был ими проделан, они увидели своих преследователей. Теперь это были уже не точки. Одна группа всадников приблизилась к ним на расстояние мили, отряд побольше только что вошел в ущелье. Самые выносливые воины на лучших лошадях далеко оторвались от остальных.

Беглецы лежали за валунами. У них было три револьвера, сабля, кинжал и нож. Они видели, как всадники, подстегивая коней, обогнули выступ. Брент заметил среди них самого Али Шаха с рукой на перевязи, Мухаммеда Захира и чернородого юсуфзая, командира отряда Черных тигров, еще несколько свирепых воинов следовали за ними по пятам. Они двигались безостановочно и, приблизившись, начали стрелять. Однако первые понесли потери.

Алафдаль Хан, зная, что он плохой стрелок, поменялся с Ахметом, отдав ему револьвер и взяв у него саблю. Ахмет прицелился, выстрелил и выбил всадника из седла. Он торжествующе вскрикнул и неосторожно приподнял над валуном голову. Ответный залп осыпал камень градом свинца, и одна пуля поразила Ахмета между глаз. Алафдаль схватил револьвер, как только Ахмет упал, и открыл огонь. Его глаза налились кровью, прицеливался он

в спешке, но тем не менее, попал в лошадь, которая, упав, придавила своего седока.

Заглушая треск люгера, загремел кольт Гордона. Али Шаха спасло только то, что его конь вскинул голову. Пуля, предназначавшаяся ему, попала в лошадь. Али Шах успел соскочить при ее падении и покатился за укрытие. Остальные повернули своих коней и последовали его примеру. Стреляя на ходу, они поднялись вверх по склону и засели в укрытии.

Брент понял, что он стреляет, только тогда, когда услышал стон. В голове мелькнула смутная мысль, что он убил еще одного человека. Алафдаль Хан разряжал свой револьвер без ощутимой пользы. Брент стрелял и мазал, чувствовал толчок от выстрела и мазал снова: его рука дрожала от слабости, глаза подводили. Но Гордон не промахнулся ни разу. Бренту казалось, что каждый раз, когда гремел кольт, кто-нибудь вскрикивал и падал. Склон был усеян телами их врагов.

Возможно, разреженный воздух высокогорья подействовал на Али Шаха, вызвав приступ яростного безумия. Во всяком случае, он не стал ждать остальных своих людей и с горсткой воинов пошел в атаку. Они продвигались вперед и падали под пулями Гордона, пока склон не усеялся их телами. Но оставшиеся в живых неумолимо подбирались все ближе и ближе, а затем вдруг выскочили из-за укрытия и понеслись, как порыв горного ветра.

Гордон промахнулся в Али Шаха последней пулей, убив человека позади него, и затем беглецы, как призраки, поднялись и схватились со своими преследователями.

Брент послал последнюю пулю прямо в перекошенное яростью лицо человека, который бросился

на него, замахнувшись винтовкой, как дубинкой. Смерть остановила его бросок, но винтовка ударила Брента по плечу и свалила на землю. Оттуда он, не в силах встать, наблюдал короткое безумие сражения, бушевавшее вокруг него.

Он увидел Хасана, рычащего, как раненый волк, поверженного его гильзаи, который, стоя одной ногой у него на шее, пронзал пикой.

Брент увидел, что Али Шах прострелил Алаф-даль Хана, когда они столкнулись лицом к лицу, и, умирая, ударил своего врага по голове. Они упали вместе. Брент видел, как Гордон зарубил чернобородого юсуфзая и прыгнул к Мухаммед Захиру с ненавистью слишком сильной, чтобы предложить своему врагу достойную смерть. Он отразил удар Мухаммеда и ударил его гардой своей сабли в лицо.

Он был охвачен такой яростью, что просто убить этого человека было для него недостаточно. Он жаждал предать его собачьей смерти и наносил удары гардой и рукоятью сабли, отказав в чести поразить его клинком, пока Мухаммед не упал с пробитой головой.

Шатаясь, Гордон прошел вперед и посмотрел на склон; он был единственным, кто остался на ногах. Он стоял среди мертвых покачиваясь и стирал кровь с лица. Глаза его были так же красны, как отблески пламени, пляшущие на черной воде. Он снова сжал окровавленную рукоять сабли, увидев всадников, взбиравшихся по склону, пьяный от кровопролития, охваченный только одной страстью — убивать и убивать до тех пор, пока сам не умрет в кровавом месиве своей последней битвы.

Неожиданно позади него раздался громкий стук копыт. Подняв клинок, он обернулся, моментально приготовившись к броску.

— Эль Борак!

Перевал наполнился криками. Брент сквозь туман, обволакивающий его сознание, увидел всадников и услышал вопль Гордона:

— Яр Али Хан? Ты все же увидел мой сигнал! Угости их залпом!

Выстрелы винтовок наполнили перевал грохотом. Брент, с трудом приподняв голову, видел, как были сломлены Черные тигры. Одни из них падали с седел, другие бросились назад по ущелью. Измученные долгим преследованием, обескураженные смертью своего эмира, опасаясь ловушки, они повернули назад.

Брент очнулся от того, что наклонившийся над ним Гордон потряс его за плечо, и услышал, как он сказал высокому афридию, которого называл Яр Али Ханом, чтобы тот осмотрел остальных. Через некоторое время Яр Али Хан сказал, что все мертвы. Затем, как во сне, Брент почувствовал, что его посадили в седло, а за ним сел человек, чтобы его придерживать. Ветер трепал его волосы и гриву несущегося коня. Звон копыт эхом отражался от каменных стен, когда они галопом мчались по перевалу. Гордон скакал рядом с ним на жеребце одного из афридиев, который пересел к своему товарищу.

— Пусть гонятся за нами, если хотят! Им никогда не догнать на своих заморенных клячах! — крикнул он. Погружаясь в спасительное забытие Брент услышал его смех громкий, раскатистый, неукротимый смех Эль Борака.

СЫН БЕЛОГО ВОЛКА

К

1

Командир турецкого аванпоста в Эль Ашрафе был разбужен на рассвете стуком лошадиных копыт и звоном оружия. Он сел и позвал ординарца, но тот не явился. Поспешно натянув на себя одежду, он вышел из грязной хижины, служившей ему штаб-квартирой.

Командир остановился в изумлении, увидев, что его отряд, верхом и в полном вооружении, выстроился недалеко от

железной дороги, той самой, которую приказано было охранять. Равнина, где раньше располагался лагерь, опустела. Тягловые верблюды, навьюченные палатками и другим скарбом, стояли за отрядом, готовые тронуться в путь. Комендант удивленно смотрел на все это, не веря своим глазам, пока его взгляд не остановился на флаге в руках одного из солдат.

На развевающемся полотнище не было знакомого полумесяца. Побледнев, комендант повернулся в сторону подходившего к нему лейтенанта Османа и крикнул:

— Что это значит?

Офицер, высокий, крепкий как сталь и гибкий, со смуглым лицом и пронизательным взглядом, подошел к нему совсем близко и тихо сказал:

— Мятеж, эфенди. Мы устали воевать для Германии. Мы устали от Джемаль Паши и других дураков из «Единения и прогресса»¹. И от вас, в частности. Мы уходим в горы, чтобы создать там свое племя.

— Безумие! — воскликнул комендант, хватаясь за револьвер, но не успел даже поднять руку, Осман выстрелил ему в голову.

Убрав револьвер в кобуру, лейтенант повернулся к отряду. Солдаты преданно смотрели на человека, добившегося своей цели прямо под самым носом у командира, который лежал теперь перед ними с разmozженной головой.

— Слушайте! — приказал Осман.

¹ «Единение и прогресс» — турецкая буржуазно-помещичья националистическая партия. С 1913 г. — правящая. Во главе правительства стояли члены партии: Джемаль Паша, Энвер Паша и Талаат Паша.

В наступившей тишине все слышали глухой отзвук канонады, доносившейся с запада.

— Британские орудия! — воскликнул Осман.

Они разнесут империю на куски! Младотурки¹ проиграли. Азии нужна не новая партия, а новая раса! Тысячи воинов от сирийского побережья до персидских гор готовы пойти за новым словом, за новым пророком! Восток спит. Наш долг — его пробудить! Вы все поклялись следовать за мной в горы. Давайте же пойдем по стопам наших языческих предков, которые поклялись Белому волку до того, как приняли веру Магомета! Близится конец исламской эпохи. Мы отречемся от веры в Аллаха как от суеверия, выдуманного припадочным погонщиком верблюдов из Мекки. Наш народ слишком долго подражал арабам. Но мы настоящие турки! Мы сожжем Коран и не будем слепо верить их лживому пророку. Мы не в Мекку пойдем, а в горы, укрепимся там на удобной позиции и захватим арабских женщин себе в жены.

— Но наши сыновья будут наполовину арабами, — запротестовал кто-то.

— Мужчина — сын своего отца, — возразил Осман. — Мы захватывали в свои гаремы женщин со всего мира, но наши сыновья всегда были турками.

Вперед! Под нами кони, в руках у нас оружие. Если мы промедлим, нас уничтожат: англичане наступают от побережья, а арабы во главе с Лоренсом² с

¹ *Младотурки* — европейское название членов партии «Единение и прогресс». Они проводили захватническую пантюркистскую политику. Втянули Турцию в Первую мировую войну на стороне австро-германского блока.

² *Т. Э. Лоренс (Аравийский)* — английский разведчик. Известен своей закулисной дипломатической деятельностью в странах Ближнего и Среднего Востока. В 1912—1918 гг. вел разведывательную работу в Сирии, Палестине, Египте и Аравии.

юга. Вперед, на Эль Авад! Меч для мужчин, плен для женщин!

Когда Осман отдавал приказания, его голос звучал, как удары кнута. Отряд в полном строевом порядке двинулся к гряде зубчатых гор, видневшихся вдали. Позади слышался отдаленный грохот британской артиллерии. Над ними развевалось полотнище с головой Белого волка посередине — боевое знамя древнего Турана.

2

Когда фройлейн Ольга фон Брукман, немецкий секретный агент, приехала в маленькое арабское горное селение, моросил мелкий дождь и сгустились сумерки.

Вместе со своим проводником, арабом по имени Ахмед, она ехала по грязной улице, и местные жители с порогов своих хижин со страхом разглядывали всадников. Многие из них впервые в жизни видели белую женщину.

Ахмед сказал несколько слов шейху, и тот приветствовал женщину на своем языке, предоставив лучший дом в деревне. Лошадей увели, чтобы покормить. Ахмед шепнул своей спутнице:

— Эль Авад на стороне турков. Не бойтесь, что бы ни случилось, я буду рядом.

— Постарайтесь достать свежих лошадей, — попросила она. — Я должна выехать как можно быстрее.

— Шейх клянется, что у него нет хороших лошадей. Возможно, он лжет, но наши успеют отдохнуть до следующего утра. Даже со свежими лошадьми не имеет смысла путешествовать ночью. Мы поедем

через горы, а там можно столкнуться с бедуинами Лоренса.

Ольга везла важные секретные документы из Багдада в Дамаск. Ахмед знал о ее миссии, но она на опыте убедилась, что ему можно доверять. Утомленная долгой дорогой, девушка сняла мокрый плащ и сапоги для верховой езды и вытянулась на грязных одеялах, которые служили постелью. Она была первой белой женщиной, пытавшейся проехать из Багдада в Дамаск.

Только протекция, оказанная доверенному секретному агенту турецким правительством, а также ловкость и усердие проводника помогли ей проделать большую часть пути без приключений.

Засыпая, Ольга думала о долгих утомительных милях, которые ей предстоит проехать, об еще больших опасностях, которые ждут впереди: она достигла мест, где арабы воевали против своих завоевателей.

Турки еще удерживали страну, но этим летом арабы стали устраивать молниеносные набеги, взрывая поезда, перекрывая пути сообщения и убивая солдат на отдаленных постах.

Лоренс вел племена на север, и с ним был таинственный американец Эль Борак — тот, чьим именем пугали детей.

Она вдруг проснулась и села в страхе и замешательстве, не зная, как долго спала. Дождь все еще стучал по крыше, но с его стуком слышались крики боли и ужаса, вопли женщин и отрывистый треск винтовочных выстрелов. Вскочив, Ольга зажгла свечу.

Только она натянула сапоги, дверь резко распахнулась. Ахмед, шатаясь, вбежал в дом. Смутное

лицо его было мертвенно-бледным, между пальцами, прижатыми к груди, струилась кровь.

— На деревню напали! — крикнул он задыхаясь. — Люди в турецкой форме! Это какая-то опибка! Они должны знать, что Эль Авад на их стороне! Я пытался сказать офицеру, что мы друзья, но он начал в меня стрелять. Нам нужно как можно быстрее уходить отсюда!

Позади него раздался выстрел, и вспышка огня прорезала темноту. Ахмед застонал и упал. Ольга в ужасе вскрикнула и с удивлением посмотрела на стоявшего перед ней человека. Высокий офицер в турецкой форме преградил ей путь. Он отличался самобытной хищной красотой и смотрел на нее так, что кровь прилила к ее щекам.

— Почему вы убили этого человека? — спросила она. — Он был верным слугой вашей страны.

— У меня нет страны, — ответил тот, шагнув к ней. Снаружи выстрелы затихли, но вопли женщин стали громче и жалобнее. — Я собираюсь создать свою, как мой предок Осман.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — сказала Ольга, — но если вы не дадите мне сопровождающих, которые проведут меня до ближайшего поста, я доложу вашему начальству и...

Он захохотал.

— У меня нет начальства, глупая женщина! Говорят вам, я создатель империи. В моем распоряжении сотня вооруженных человек, и вместе с ними в этих горах я положу начало новой расе! — выпалил он, сверкая глазами.

— Вы сошли с ума! — воскликнула она.

— Сошел с ума? Это вы сошли с ума, потому что не понимаете, какие у меня возможности! Эта война обескровит Европу. Когда она закончится, все

нации будут в изнеможении. И тогда настанет очередь Азии!

Если Лоренс может заставить арабов воевать на себя, то почему бы мне, турку, не создать государство из своих людей?

Тысячи турецких солдат дезертировали к англичанам. Еще больше перейдет ко мне, когда услышат, что турок воссоздает империю древнего Турана.

— Делайте что хотите, — сказала Ольга, считая, что он обезумел и потерял чувство реальности; такое часто случается во время войны, когда кажется, что мир рушится, и любая дикая идея выглядит легко выполнимой, — но, по крайней мере, не мешайте моей миссии. Если вы не дадите эскорт, мне придется ехать одной.

— Вы поедете со мной, — заявил он, глядя на нее с пылким восхищением.

Ольга была очень красива — высокая, хрупкая, гибкая, с копной непокорных золотистых волос. Она выглядела так женственно, что даже широкая арабская одежда не могла этого скрыть.

— Вы слышите эти крики? Мои люди запасаются женами, которые нарожают солдат для новой империи. Вам оказана особая честь быть первой в серале султана Османа!

До этого она полностью полагалась на Ахмеда, который взялся провести ее в целости и сохранности через пустыню, но теперь решительно выхватила пистолет из-под блузы.

— Вы не посмеете!

Прежде чем она успела прицелиться, турок вырвал оружие у нее из рук.

— Не посмею? — Он засмеялся над ее тщетными попытками освободиться. — Что я не посмею?

Говорю вам, сегодня рождается новая империя! Идемте! У меня нет времени на уговоры. Утром мы должны быть на пути к Сулейманову укреплению. Восходит звезда Белого волка!

3

Солнце совсем недавно поднялось над зубчатыми скалами на востоке, а жара уже окрасила безоблачное небо в цвет раскаленной стали. По туманной дороге, рассекавшей необъятную пустынную равнину, двигалась одинокая фигура. В жарком мареве она постепенно приняла очертания всадника на верблюде.

Это был не араб. Одежда цвета хаки, сапоги, а также винтовка, болтающаяся у колена, указывали на то, что этот человек прибыл с Запада. Однако смуглое лицо и черные глаза делали его похожим на жителя Востока. В это жаркое утро по пустынной дороге ехал Френсис Ксавье Гордон Эль Борак, которого люди в разных странах от Золотого Рога до истоков Ганга любили, боялись или ненавидели в зависимости от своих политических пристрастий.

Он провел в седле почти всю ночь, но его тело, закаленное во многих скитаниях по свету, не ощущало усталости. Проехав еще милью, Гордон увидел неясные следы, тянувшиеся от горной гряды на восток.

Кто-то шел по этой дороге... вернее, полз, потому что на горячих камнях оставались темные смазанные пятна. Через некоторое время Гордон соскочил с верблюда и склонился над человеком, который, тяжело дыша, лежал на земле. Это был

молодой араб. Аба¹ на его груди пропиталась кровью.

— Юсеф!

Гордон распахнул мокрый плащ, взглянул на голую грудь и снова закрыл ее. Кровь струилась из голубоватой пулевой раны. Здесь он уже ничего не мог сделать. Глаза араба начали стекленеть. Американец оглядел дорогу, но нигде не увидел ни лошади, ни верблюда — только темные пятна на камнях.

— Господи, дружище, и долго ты так полз?

— Час... много часов... не знаю, — выдохнул Юсеф. — Я потерял сознание и упал с седла. Очнувшись уже на дороге, а лошади не было. Но я знал, что вы приедете с юга, поэтому полз... полз. Аллах, какие твердые эти камни!

Гордон поднес флягу к его губам. Юсеф припал к ней и стал шумно пить, потом вцепился в его рукав негнущимися пальцами.

— Эль Борак, я умираю, но это не так важно. Дело касается мести... не за меня, йя сиди², а за невинных. Я приехал на побывку в свою деревню Эль Авад. Вы знаете — я единственный из Эль Авада воюю за арабов. Все остальные на стороне турков. Но этой ночью турки сожгли мою деревню! Они пришли вечером, люди приветствовали их... в это время я прятался в сарае.

Турки стали стрелять без предупреждения. Люди в Эль Аваде были безоружны и беспомощны. Я убил одного солдата, потом они подстрелили меня... Мне удалось оттуда сбежать — я нашел свою лошадь и ускорился, чтобы рассказать об этом прежде, чем умру. О Аллах, этой ночью я узнал, что такое смерть!

¹ Аба — плащ (арабск.).

² Йя сиди — мой господин (арабск.).

— Ты знаешь их офицера? — спросил Гордон.

— Я его никогда раньше не видел. Турки называли своего вождя Осман Паша. На их флаге изображена голова Белого волка. Я видел его в свете горящих домов. Жители деревни напрасно кричали, что они друзья... Там еще были женщина-немка и мужчина из Хаурана. Они приехали в Эль Авад с востока. Мне кажется, они шпионы. Турки его убили, а женщину взяли в плен. Повсюду лилась кровь. Это было какое-то безумие.

— Действительно, безумие, — пробормотал Гордон.

Юсеф приподнялся на локте, вцепился в него и прошептал с отчаянной надеждой в слабеющем голосе:

— Эль Борак, я хорошо воевал за эмира Фейсалия, и за Лоренса-эфенди, и за вас. Я сражался в Йенбо и Воджхе, и у Акоба. И никогда не просил награды! А теперь прошу только справедливости и мести! Выполните мою просьбу, убейте турецких собак... которые вырезали мой народ!

— Они умрут, — ответил Гордон, не колеблясь.

Юсеф сурово улыбнулся, простонал: «Аллах акбар!»¹ — и умер.

Через час Гордон отправился на восток. Стервятники, страшные предвестники смерти, показались в небе и стали кружить над грудой камней, которую он сложил над умершим Юсефом.

Дела на севере могли подождать. Одной из причин влияния Гордона на жителей Востока было сходство с ними в некоторых чертах характера. Он не только понял просьбу Юсефа, но считал, что месть необходима. И он всегда держал свое слово.

¹ *Аллах акбар!* — Аллах велик! (арабск.).

Однако Гордон был удивлен. Разгром дружественной деревни не такое уж обычное дело даже для турок, которые, конечно, не стали бы плохо обращаться со своими собственными шпионами. Если это дезертиры, то они действуют более чем странно, ведь большинство из них переходило к Фейсалу. И что означает голова волка?

Гордон знал, что некоторые фанатики из младотурков пытались вытравить все арабское из тюркской культуры, но это было непосильной задачей, потому что их корни восходили к арабам. Еще он слышал, что в Стамбуле радикалы призывали турок отречься от ислама и вернуться к язычеству своих предков. Но он не верил этим рассказам.

Солнце опускалось к горам, когда Гордон приехал в разрушенный Эль Авад — селение, окруженное со всех сторон голыми холмами. Он определил его местонахождение по черным точкам, падающим с неба вниз. Они не поднимались снова, и этот зловещий признак означал, что деревня пуста, если не считать мертвых.

Когда он проезжал по пыльной улице, несколько стервятников тяжело поднялись в воздух. Горячее солнце высушило темные, свернувшиеся в пыли лужи крови.

Гордон был хорошо знаком с повадками турок, поскольку видел много подобных сцен в битвах от Красного моря до Джеддо. Но сейчас даже его затопнило. Тела лежали на улице — обезглавленные, выпотрошенные, разрубленные на куски... тела детей, старых женщин и мужчин. Красный туман плыл у него перед глазами, и на какой-то момент ему все показалось плавающим в крови. Убийцы ушли, но оставили за собой отчетливые следы, по которым он мог их найти.

Он догадался и о том, чего не показали следы: турки погрузили пленных женщин на верблюдов и ушли на восток, глубже в горы. Почему они отправились именно туда, он не мог понять, но знал, куда ведет эта дорога, — мимо источника Ахмета к заброшенному Сулейманову укреплению.

Гордон без колебания двинулся в том же направлении. Проехав много миль, он снова обнаружил следы их работы — тело младенца с разбитой головой. Вероятно, похищенная женщина прятала ребенка под покрывалом, пока его не вырвали у нее из рук и не ударили головой о камни.

Местность становилась все пустыннее. Гордон не стал останавливаться на привал, а только на ходу пожевал сушеных фиников. Он не тратил время и на обдумывание своего безрассудного поступка — в одиночку преследовать по кровавому следу отряд турок.

Он не имел определенного плана; его последующие действия будут зависеть от того, как сложатся обстоятельства. Но Гордон знал, что ступил на смертельно опасный путь и обратной дороги нет. Впрочем, он был не безрассуднее своего деда, который несколько дней один преследовал отряд апачей через Гваделупу и вернулся в Пекос с висящими на поясе скальпами.

Солнце село, и сумерки сгустились, когда Гордон вззошел на вершину холма и взглянул на равнину — там находился источник Ахмета в окружении нескольких пальм. Справа от рощицы тянулись ряды палаток, коновязи лошадей и верблюдов, принадлежавших, по-видимому, хорошо организованному отряду. Слева была хижина, в которой обычно отдыхали путники. Перед ее дверью стоял часовой. Из одной палатки вышел человек с бло-

дом в руках и, подойдя к хижине, отдал блюдо часовому.

Гордон догадался, что в хижине находится девушка-немка, о которой говорил Юсеф. Но зачем они схватили своего собственного шпиона? Вот одна из загадок этого странного происшествия! Он увидел и флаг отряда и смог различить белое пятно, которое, вероятно, было головой волка, а также около сорока арабских женщин, сгрудившихся в загоне из тюков и седел. Они молча притаились, сломленные постигшим их несчастьем.

Спрятав своего верблюда за холмом у западного склона, Гордон затаился в кустах, дожидаясь темноты. Как только стемнело, он осторожно спустился вниз и сделал большой крюк, миновав конный патруль, который медленно объезжал лагерь. Он лежал ничком, пока не проехали солдаты, потом встал и прокрался к хижине. В темноте под пальмами сверкнул огонь. Оттуда донеслись крики пленных женщин.

Часовой у двери не видел человека, подкравшегося как кошка и темной тенью метнувшегося к задней стене. Подобравшись поближе, Гордон смог услышать голоса. Говорили по-турецки. В задней стене находилось окно, к которому были прибиты узкие доски, служившие и оконной рамой, и решеткой.

Посмотрев между ними, Гордон увидел хрупкую девушку в дорожном костюме, стоявшую перед смуглолицым человеком в турецкой форме, на которой не было знаков отличия. Турок играл рукоятью кнута, его черные глаза сверкали в свете свечи, стоявшей на походном столе.

— Интересуют ли меня сведения, которые вы везете из Багдада? — пренебрежительно спросил

он. — Ни Турция, ни Германия не имеют для меня никакого значения. Но, кажется, вы забыли подумать о своем собственном положении. Вы под моим командованием и обязаны мне подчиняться. Вы моя пленница, моя рабыня! У вас было время понять, что это означает. А самый лучший учитель, я знаю, — это кнут!

Он злобно прошипел последнее слово. Девушка побледнела.

— Вы не посмеете подвергнуть меня такому унижению! — слабо прошептала она.

Гордон уже понял, что перед ним Осман Паша. Он вытащил револьвер из кобуры, висевшей под мышкой, и через щель в окне прицелился ему в грудь. Но как только палец лег на курок, он передумал стрелять. У двери стоял часовой. И еще сотня вооруженных человек прибежит, услышав звук выстрела. Он ухватился за решетку окна и уперся ногами в землю.

— Я должен развеять ваши иллюзии, — пробормотал Осман, двинувшись к девушке, которая отступала до тех пор, пока не уперлась спиной в стену.

Ее лицо еще больше побелело. Часто рискуя, она имела дело со многими опасными людьми, и ее не так легко было запугать. Но ей никогда не приходилось встречать такого человека, как Осман. Лицо его казалось устрашающей маской жестокости. В свирепом взгляде сквозило злорадство над мучениями более слабого человека.

Он схватил ее за волосы и притянул к себе, засмеявшись, когда она вскрикнула от боли. В тот же момент Гордон сорвал решетку с окна. Громкий звук треснувшего дерева прозвучал как выстрел. Когда Гордон впрыгнул в окно, Осман обернулся, выхватывая свой револьвер.

Американец был уже на ногах и поднял свое оружие, контролируя малейшее движение Османа. Турок замер, затем дуло его револьвера дрогнуло и поднялось, нацелившись в крышу. Из-за двери послышался голос часового, встревоженно-го шумом.

— Ответь ему, — тихо прошипел Гордон, сдерживая дыхание. — Скажи, что все в порядке, и брось оружие.

Когда револьвер упал на пол, девушка схватила его.

— Идите сюда, фройлейн!

Она стремительно перебежала к Гордону, попав под линию огня. В один неуловимый миг, когда ее тело закрыло Османа, тот опрокинул стол. Свеча упала и погасла, а он стремительно бросился на пол. Револьвер Гордона грохнул, как только хижи-на погрузилась в темноту. В следующее мгновение дверь распахнулась, и в ее проеме показался часовой. Он тут же согнулся, когда Гордон выстрелил снова.

Протянув руку, Гордон нашел в темноте девушку и подтолкнул ее к окну. Он поднял ее легко, как ребенка, помог перелезть, а потом сам последовал за ней. Осман где-то притаился, но у Гордона не было времени зажигать спичку и проверять, жив он или нет.

К тому времени, когда они достигли гребня горы, девушка совсем выбилась из сил. Только благодаря Гордону, который тащил ее за собой, обхватив за талию, она смогла преодолеть последние несколько ярдов по крутому склону. Внизу под ними метались и кричали люди. Осман выкрикивал приказания впере-режку с ругательствами. Его голос отчетливо был слышан с вершины холма.

— Берите их живыми! Прочешите все вокруг! Это Эль Борак!

Немного позже он завопил с паническим страхом в голосе:

— Подождите! Вернитесь! Займите оборону и готовьтесь к атаке. С ним может быть отряд арабов!

— Он думает сначала о собственных желаниях и только потом о безопасности своих людей,— процедил сквозь зубы Гордон.— Вряд ли он добьется успеха. Пойдемте.

Проведя девушку к верблюду, он помог ей сесть в седло, затем поднялся сам. Команда, удар палки, и животное легко пошло вниз по склону.

— Я знаю, что Осман захватил вас в Эль Аваде,— сказал Гордон.— Что он затеял?

— Он служил лейтенантом в Эль Апрафе,— ответила она.— Склонил подчиненных к мятежу, убил своего командира и дезертировал. Ближайшая его цель — занять Сулейманово укрепление. Он собирается создать новую империю. Я сначала думала, что он сумасшедший, но это не так. Он дьявол.

— Сулейманово укрепление.— Гордон стиснул зубы.

— А в ваши планы входит ночной рейд? — спросил он немного погодя.

— Куда угодно! Лишь бы подальше от Османа! — В ее голосе слышались истерические нотки.

— Не думаю, что наше бегство изменит его планы. Возможно, он всю ночь будет ждать нападения, но утром поймет, что я был один, и отправится к укреплению. Мне известно, что там находятся арабские войска и ждут приказа от Лоренса, чтобы двинуться на Эгейли. Три сотни всадников на верблюдах из племени джухейна, присягнувшие Фейсалу. У них достаточно сил, чтобы уничтожить банду

Османа. Посланник Лоренса доберется до них не раньше заката и не позже полуночи. Если успеем, мы повернем их против Османа, и он вместе со своей бандой будет уничтожен. Планы Лоренса не нарушатся, если джухейна отправятся в Эгейти на день позже. Османа необходимо уничтожить. Это бешеный пес, вырвавшийся на волю.

— Его притязания звучат как бред,— прошептала она,— но, когда он говорит о них, воодушевленно сверкая глазами, легко поверить, что он может добиться успеха.

— Вы забыли, что в пустыне происходили еще более безумные вещи,— ответил он, поворачивая верблюда на восток.— Здесь все перевернулось так же, как и в Европе. Не говоря уж о том, что может натворить Осман, если дать ему свободу действий. Империя турок распалась, а на руинах старых обычно возникают новые империи.

Но если мы сможем добраться до Сулейманова укрепления, прежде чем уйдут джухейна, мы его остановим. Если их там не будет, мы окажемся в сложном положении. Это очень рискованное дело. Что вы решили?

— Я буду участвовать в этой игре до конца,— резко ответила она.

Его лицо неясно вырисовывалось в свете звезд, и она не столько увидела, сколько почувствовала, как он одобрительно улыбнулся. Верблюд шел беззвучным шагом. Они спустились по склону и далеко обогнали турецкий лагерь. Как призраки, они скользили на верблюде по темной равнине под звездами. Волосы девушки развевались по ветру. Когда огни остались далеко позади, она сказала:

— Я вас знаю. Вы американец, которого арабы называют Эль Борак — Быстрый. Вы прибыли из

Афганистана, когда началась война, и были с королем Хусейном до того, как Лоренс прибыл из Египта. А вы знаете, кто я?

— Да.

— В таком случае скажите — вы меня освободили или захватили? Я пленница?

— На какое-то время у нас общий враг, — сказал он. — Нет причин, мешающих нам участвовать в одном деле, не так ли?

— Ни одной! — согласилась она и, склонив белокурую голову ему на плечо, крепко заснула.

Взошла луна, заливая крутые склоны и песчаную равнину серебристым светом. Огромная пустыня, казалось, насмеялась над двумя всадниками на усталом верблюде, которые слепо двигались навстречу Судьбе.

4

Ольга проснулась на рассвете. Она окоченела от холода, несмотря на плащ, которым Гордон ее закутал, и очень хотела есть. Они ехали через сухое ущелье с каменистыми склонами, круто поднимавшимися с обеих сторон. Усталый верблюд стал спотыкаться. Гордон остановил его, спрыгнул на землю, не ставя его на колени, и повел на поводу.

— Мы уже совсем рядом. Укрепление где-то впереди, недалеко отсюда. Там много воды... и еды, если джухейна не выступили на север. Возьмите финики в мешке, перекусите.

Если он и чувствовал усталость, шагая рядом с верблюдом, то не показывал вида. Ольга потирала замерзшие руки и с нетерпением ждала восхода солнца.

— Источник Харит, — указал Гордон на показавшееся впереди сооружение. — Турки построили эту стену в прошлом году, когда занимали Сулейманово укрепление. Позже они оставили обе позиции.

Стена, выложенная из камней, скрепленных глиной, была в хорошем состоянии. Внутри ограды стояла полуразрушенная хижина. Тонкая струйка воды журчала на дне мелкого источника.

— Мне лучше слезть и тоже идти пешком, — сказала Ольга.

— Ваши сапоги изорвутся о камни. Уже недалеко. А потом верблюд отдохнет и получит все необходимое.

— А если джухейна там нет... — Она не закончила фразу.

Он пожал плечами

— Может быть, верблюд успеет отдохнуть к тому времени, когда подойдет отряд Османа.

— Я уверена, что он идет форсированным маршем. — В ее голосе не было отчаяния. Она просто констатировала факт. — У него хорошие лошади и верблюды. Они будут здесь еще до полуночи. К этому времени наш верблюд не отдохнет настолько, чтобы нести нас двоих. А идти пешком по пустыне невозможно.

Гордон засмеялся. Он прекрасно понимал их положение.

— Что ж, — сказал он спокойно, — будем надеяться, что джухейна не ушли.

Если племя ушло — они пойманы в ловушку враждебной безводной пустыни, оцетинившейся винтовками хищных племен.

Через три мили долина сузилась, и поверхность ее, испещренная высохшим кустарником и валунами, стала постепенно возвышаться.

Гордон вдруг заметил тонкую ленту дыма, поднимающуюся в небо.

— Смотрите! Джухейна здесь!

Ольга вздохнула с облегчением. Только теперь она осознала, как отчаянно надеялась на подобный знак. Ей захотелось погрозить кулаком окружавшему их каменному поясу гор, как живому врагу, злему на ускользнувшую от него добычу.

Пройдя еще мило, они достигли вершины холма и увидели большую ограду, окружавшую несколько колодцев. У костров, на которых готовилась пища, на корточках сидели арабы. Через несколько сотен ярдов путники приблизились настолько, что их заметили. Бедуины с громким криком вскочили и бросились им навстречу. Гордон выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Это не джухейна. Это руала! Союзники турков.

Отступать было слишком поздно. Сто пятьдесят бедуинов приближались к ним, свирепо сверкая глазами и потрясая ружьями.

Гордон пустился на хитрость и спокойно пошел им навстречу. По его виду можно было подумать, что он специально приехал сюда, чтобы встретиться с ними, и ждет дружеского приема. Ольга пыталась сохранять спокойствие, хотя сознавала, что их жизнь висит на волоске. Предполагалось, что эти люди — союзники, однако ее печальный опыт учил не доверять жителям Востока. Вид сотни оскаленных лиц вызывал страх.

Бедуины остановились в нерешительности, не зная, что предпринять, а потом один из них вскрикнул:

— Аллах! Это Эль Борак!

Ольга затаила дыхание, увидев, как палец крикнувшего воина дрожит на спусковом крючке. Толь-

ко свойственное их расе желание помучить свою жертву удерживало его от выстрела.

— Эль Борак! — Крик волной всколыхнул толпу.

Не обращая внимания на угрожающие вопли и нацеленные на него винтовки, Гордон заставил верблюда опуститься на колени и помог Ольге сойти на землю. Она старалась скрыть свой страх перед этими дикими людьми, столпившимися перед ними, но вся дрожала, видя, как их глаза горели жаждой крови.

Винтовка Гордона висела в чехле у седла, а револьвер был спрятан под рубашкой. Он не стал вынимать винтовку — это движение вызвало бы град пуль, — а просто помог девушке спуститься. Спокойно оглядев бедуинов, он выделил среди них высокого статного человека в одежде шейха, который стоял немного поодаль.

— У тебя плохая охрана, Миткаль ибн Али, — сказал Гордон. — Если бы я захотел напасть, твои люди уже лежали бы мертвыми.

Прежде чем шейх успел ответить, человек, который первым узнал Гордона, яростно прорвался вперед. С искаженным от ненависти лицом он злобно сказал:

— Ты ожидал, что найдешь здесь своих друзей, Эль Борак? Но ты пришел слишком поздно! Триста собак-джухейна отправились на север еще до рассвета. Мы видели, как они ушли, и сразу поднялись сюда. Если они знали о твоём прибытии, почему же не остались?

— Занги Хан, ты курдский пес. Я не собираюсь говорить с тобой, — ответил Гордон презрительно. — Но руала — люди чести и бесстрашные воины.

Занги Хан осклабился, как волк, и вскинул винтовку, но вождь бедуинов схватил его за руку.

— Подожди, — сказал он. — Пусть Эль Борак говорит. Он не бросает слов на ветер.

Возгласы одобрения постышались из толпы арабов. Гордон затронул их непомерную гордость и самолюбие. Это не спасло бы ему жизнь, но они хотели послушать его, прежде чем убить.

— Если вы будете его слушать, он обманет вас коварной речью, — неистово крикнул разозленный Занги Хан. — Убейте его сейчас, пока он не причинил вам вреда!

— Неужели Занги Хан стал шейхом руала и отдает приказы вместо Миткаля? — с убийственной иронией спросил Гордон.

Миткаль, как Гордон и предполагал, сразу жеотреагировал на его насмешку.

— Пусть Эль Борак говорит! — твердо сказал он. — Я приказываю здесь, Занги Хан! Не забывай это.

— Я не забыл, йа сиди, — заверил его курд, но глаза его полыхнули ненавистью. — Я сказал это только ради твоей безопасности.

Миткаль ответил ему неторопливым изучающим взглядом, по которому Гордон понял, что между ними нет расположения. Молодые воины уважали Занги Хана за силу и храбрость. Миткаль был скорее лисой, чем волком, и боялся влияния курда на своих людей.

Авторитет Занги — агента турецкого правительства — равнялся бы власти Миткаля в отряде руала, а возможно, и превосходил бы ее, если бы не то обстоятельство, что соплеменники Миткаля выполняли приказы только своего шейха. Это и подталкивало Занги Хана к использованию своих личных качеств для достижения власти. Власти, которую Миткаль боялся упустить.

— Говори, Эль Борак,— приказал Миткаль.— Но говори быстро. Может быть, это желание всемогущего Аллаха — дать тебе еще пожить.

— Прошлой ночью сотня турецких дезертиров вырезала жителей Эль Авада,— резко сказал Гордон.

— Валиах! Эль Авад был на стороне турок! — раздался голоса среди бедуинов.

— Ложь! — крикнул Занги Хан.— А если и правда, дезертиры-собаки убили людей, чтобы снискать милость Фейсалия.

— Чтобы прийти к Фейсалию с руками в крови убитых детей? — резко возразил Гордон.— Они нарушили законы ислама — похитили молодых женщин, а мужчин, детей и стариков убили, как собак.

Ропот гнева поднялся среди арабов. У бедуинов был незыблемый кодекс войны — они не убивали женщин и детей. Этот неписанный закон пустыни возник еще в ту пору, когда Авраам жил в Халдее. Но Занги Хан не понимал бедуинов, потому что у его народа не было такого запрета. Курды на войне убивали женщин так же, как и мужчин.

— Что вам за дело до женщин Эль Авада? — насмешливо выкрикнул он, не замечая возмущенных взглядов.

— Мне уже ясно, что ты за человек,— сказал Гордон с ледяным презрением.— Я все это говорю для руала.

— Это хитрость! — взвыл курд.— Ложь, чтобы обвести вас вокруг пальца!

— Это не ложь! — Ольга смело шагнула вперед.— Занги Хан, ты знаешь, что я агент германского правительства. Эль Борак сказал правду. Осман Паша, предводитель этих предателей, прошлой но-

чью сжег Эль Авад. Он убил Ахмеда ибн Шалаана, моего проводника. Осман такой же враг для нас, как и для Британии.

Она посмотрела на Миткаля, ожидая помощи, но шейх не выразил желания вмешаться в спор и стоял в стороне, как актер, наблюдающий пьесу, в которой у него не было реплик.

— Ну и что, даже если это правда? — Занги Хан несколько смешался. Он по-прежнему был опьянен ненавистью и боялся хитрости Эль Борака. — Какое нам дело до Эль Авада?

Гордон тотчас ухватился за его слова.

— Этот курд спрашивает, какое вам дело до разрушенной деревни! Ему, конечно, никакого! Ну а вам, оставляющим свои стада и семьи без охраны? Если вы позволите банде безумных псов рыскать по своей земле, как вы можете быть уверены в безопасности ваших жен и детей?

— Что ты предлагаешь, Эль Борак? — требовательно спросил седобородый бедуин.

— Заманить этих турок в ловушку и уничтожить. Я научу вас, как это сделать.

Занги Хан окончательно потерял голову.

— Не обращайтесь на него внимания! — пронзительно крикнул он. — Через час мы выступаем на север! Турки дадут нам десять тысяч фунтов за его голову!

Жадность лишь на мгновение загорелась в глазах бедуинов при мысли о награде, обещанной за голову Эль Борака. Однако они не двинулись с места. Миткаль по-прежнему стоял в стороне, наблюдая за происходящим, как будто все это его не касалось.

— Возьмите его голову! — крикнул Занги, почувствовав наконец враждебность бедуинов. Его

охватил панический страх. Ироничный смех Гордона окончательно выбил его из колеи.

— Ты, кажется, единственный хочешь моей головы, Занги. Попробуй взять ее!

Занги бессвязно завыл, его глаза налились кровью. Он вскинул винтовку к бедру. Как только дуло поднялось, оглушающе прогремел револьвер Гордона. Он выстрелил так быстро, что никто не смог уследить за его движением. Занги Хан пошатнулся под ударом горячего свинца, повалился набок и замер.

В тот же момент сотня винтовок нацелилась в грудь Гордону. Смущенные противоречивыми чувствами, воины замерли в нерешительности на короткое мгновение, которым и воспользовался Миткаль, чтобы крикнуть:

— Стойте! Не стрелять!

Он шагнул вперед с видом человека, который наконец готов выйти на середину сцены. Однако шейх не смог скрыть удовлетворения, явственно сквозившего во взгляде его хитрых глаз.

— Здесь нет никого, кто в родстве с Занги Ханом,— небрежно сказал он,— поэтому нет причин для кровной мести. Курд был нашим гостем, но он напал на нашего пленника, которого считал безоружным.

Миткаль протянул руку к револьверу, однако Гордон не собирался его отдавать.

— Я не пленник,— сказал он.— Я мог тебя убить — твои люди даже пальцем не успели бы шевельнуть. Но я пришел сюда не сражаться с тобой, а просить помощи, чтобы отомстить моим врагам за детей и женщин. Я рискую своей жизнью ради ваших семей. А вы разве собаки, чтобы сидеть сложа руки?

Вопрос повис в воздухе без ответа, но он задел чувствительную струнку в груди кочевников, которые всегда готовы проявить отвагу, если дело касается их чести. Загоревшимися глазами они вопросительно смотрели на шейха.

Миткаль был хитрым политиком. Резня в Эль Аваде значила для него намного меньше, чем для его молодых воинов. Он достаточно долго общался с так называемыми цивилизованными людьми и изменился к худшему, утратив свою наивность. Но он всегда следовал за общественным мнением и был достаточно хитер, понимая, что необходимо возглавить движение, чтобы его контролировать. И все же он старался не ввязываться в рискованные предприятия.

— Эти турки могут оказаться сильнее нас,— возразил он.

— Я научу вас, как уничтожить их с минимальным риском,— ответил Гордон.— Но мы должны заключить соглашение, Миткаль.

— Этих турок необходимо уничтожить,— произнес Миткаль с искренностью в голосе,— но между нами слишком много крови, Эль Борак, чтобы подать друг другу руки.

Гордон засмеялся:

— Без моей помощи вы не одолеете турок, и ты это знаешь. Спроси своих молодых воинов, что они хотят!

— Позволь Эль Бораку вести нас! — закричали молодые бедуины. По всей толпе пробежал шепот одобрения. Арабы отдавали должное репутации Гордона, слывшего среди племен хорошим стратегом.

— Ладно,— Миткаль решил плыть по течению,— давай заключим перемирие... но с условием! Веди нас против турок. Если мы победим, ты вместе с

женщиной будешь свободен. Если мы проиграем, ты заплатишься головой!

Гордон кивнул, и воины закричали, ликуя. Такая сделка вполне им подходила. Гордон понимал — это было лучшее, на что он мог рассчитывать.

— Принесите хлеб и соль! — приказал Миткаль. Огромный черный раб отправился выполнять его приказание. — Между нами будет перемирие, пока не выяснится, победили мы или нет. Ни один из нас не причинит тебе вреда, если ты не прольешь кровь руала.

Затем он задумался. Его брови сошлись на переносице, когда он грозно произнес:

— Где человек, который должен был наблюдать с гряды?

Вперед вытолкнули дрожащего от страха юношу — выходца из маленького племени, который подчинялся более могущественным руала.

— О шейх, — пробормотал он, запинаясь, — я хотел есть и отошел за огнем, чтобы приготовить еду...

— Собака! — Миткаль ударил его по лицу. — Ты достоин смерти за нарушение приказа.

— Подожди! — вступился Гордон. — А не спросить ли тебе волю Аллаха? Не оставляя своего поста, парень увидел бы, что мы едем по равнине. Твои люди убили бы нас, и вы ничего не узнали бы о турках — о том, что они ваши враги. Вы могли бы погибнуть. Отпусти его и давай возблагодарим Аллаха Всевидящего.

Такое замысловатое рассуждение вполне соответствовало представлениям арабов. Даже на Миткаля оно произвело глубокое впечатление.

— Кто знает мысли Аллаха? — согласился он. — Живи, Муса, но в следующий раз, исполняя волю

Аллаха, не теряя бдительности и помни приказы. А теперь, Эль Борак, обсудим наши планы, пока готовится еда.

5

Полдень еще не наступил, когда Гордон остановил отряд руала у источника Харит. Разведчики, посланные на запад, доложили, что турок не видно, и арабы приступили к выполнению плана, разработанного Гордоном и принятого Миткалем. Прежде всего они собрали камни и закидали ими источник.

— Вода осталась внизу, под камнями, — объяснил Гордон Ольге. — Чтобы очистить источник, потребуется несколько часов тяжелой работы. Турки не смогут это сделать под нашим огнем. Если мы их разобьем, то очистим источник все вместе, так что путники не останутся без воды.

— Почему бы нам самим не укрыться за бруствером? — спросила она.

— Мы можем попасть в ловушку, которую сами им готовим. У нас нет шансов на победу в открытом бою. Если мы не устроим засаду, они просто сомнут нас. Но когда человек оказывается под пулями, он стремится воспользоваться ближайшим укрытием. Таким образом я надеюсь заманить их за ограду. Затем мы задержим их, с легкостью перестреляем. Без воды они долго не протянут, а мы не потеряем и десятка человек.

— Странно, вы заботитесь о жизнях этих руала, хотя они, как-никак, ваши враги, — засмеялась она.

— Может быть, это инстинкт. Любой привыкший к свинцу человек не захочет потерять людей,

которым он может помочь. Ведь сейчас руала — мои союзники, поэтому мой долг по мере возможности их защищать. Согласен, мне лучше воевать вместе с джухейна. Посланник Фейсая, должно быть, отправился в укрепление на несколько часов раньше, чем я предполагал.

— А если турки сдадутся, что тогда?

— Я постараюсь доставить их Лоренсу... всех, кроме Осман Паши. — Лицо Гордона потемнело. — Если этот человек попадется мне в руки, он будет повешен.

— Как вы доставите их к Лоренсу? Руала не позволят.

— Не имею представления. Но давайте сначала поймем зайца, а потом уже будем его жарить. Осман может от нас ускользнуть.

— Это будет стоить вам головы, — сказала она с содроганием.

— Ну а туркам это будет стоить десять тысяч фунтов, — засмеялся он и отправился к полуразрушенной хижине, чтобы ее осмотреть. Ольга последовала за ним.

Миткаль, руководивший засыпкой источника, коротко взглянул в их сторону, затем, отметив, сколько человек было между ними и воротами, снова стал наблюдать за работой.

— Тс-с-с, Эль Борак! — раздался тревожный шепот, как только Гордон и Ольга повернулись к выходу из хижины. Они увидели растрепанную голову, поднимающуюся над грудой камней. Это был Муса, проникший в хижину, вероятно, через отверстие в задней стене.

— Понаблюдайте из двери и предупредите меня, если увидите, что кто-то сюда идет, — попросил Гордон Ольгу. — Этот парень хочет мне что-то сказать.

— Да, эфенди! — Юноша дрожал от волнения. — Я слышал, как шейх тайно говорил со своим черным рабом Хасаном. Когда вы ели, я увидел, что они отошли к пальмам, и пополз за ними. Я сразу заподозрил, что они что-то замышляют против вас... А вы спасли меня.

Эль Борак, слушайте! Миткаль задумал убить вас, независимо от того, победим мы или нет! Он обрадовался, что вы убили курда, и решил воспользоваться вашей помощью, чтобы разделаться с турками. Но он жаждет золота от других турок, которые обещали заплатить за вашу голову. Шейх все же боится открыто нарушить свое слово и закон гостеприимства. Если мы победим, Хасан убьет вас и скажет, что вы погибли от турецкой пули.

Юноша торопливо продолжил:

— Потом Миткаль скажет своим людям: «Эль Борак был нашим гостем и пользовался нашим гостеприимством. Но сейчас он мертв, хотя и не по нашей вине, поэтому нет причин отказываться от награды. Давайте отрежем ему голову и доставим в Дамаск, ведь турки дадут нам за нее десять тысяч фунтов».

Гордон сурово улыбнулся, заметив страх в глазах Ольги. Он не удивился — это была типичная арабская логика.

— А Миткалю не пришло на ум, что Хасан может промахнуться и не успеть выстрелить снова? — спросил он.

— Миткаль все обдумал, эфенди. Если вы убьете Хасана, он обвинит вас в том, что вы нарушили соглашение и пролили кровь руала или слуги руала, что то же самое, и прикажет вас обезглавить.

Гордон искренне рассмеялся:

— Спасибо, Муса! Ты отплатил мне за спасение своей жизни. А теперь иди, чтобы кто-нибудь не увидел, как ты говоришь с нами.

— Что же нам делать?! — воскликнула Ольга. Губы ее побелели.

— Для вас нет никакой опасности, — успокоил ее Гордон.

Она покраснела от гнева:

— Я не думаю о своей безопасности. Неужели вы считаете меня менее благодарной, чем этот арабский юноша? Шейх задумал убить вас, разве вы не понимаете? Давайте украдем верблюдов и убежим!

— Куда бежать? Они сразу же бросятся за нами в погоню, решив, что я их обманул. В любом случае мы не сможем спастись. Я хочу уничтожить Осман Пашу, а сейчас, как я понимаю, самый подходящий для этого случай. Давайте выйдем отсюда, пока Миткаль нас не заподозрил.

Как только источник был завален камнями, люди отступили к склонам холмов. Они спрятали верблюдов за грядой, а сами притаились за валунами и чахлыми кустами на склонах. Гордон предложил Ольге уехать назад к укреплению, обещая дать эскорт, но она отказалась и осталась с ним, заняв позицию за большим камнем с револьвером Османа. Они лежали, плотно прижавшись земле. Жар солнечных лучей быстро прожег их одежду.

Однажды, случайно повернув голову, она увидела черное лицо Хасана, наблюдавшего за ними сзади из-за кустов. Верный раб, не признававший никакого закона, кроме приказа хозяина, следил за американцем, чтобы не упустить его из виду.

Она шепнула об этом Гордону.

— Конечно, я его вижу, — ответил он. — Но Хасан не выстрелит в меня, пока не начнется сраже-

ние и пока он не будет уверен, что его никто не видит.

Ольга задрожала от ужаса. Если они проиграют сражение, разъяренные руала разорвут Гордона на куски, если победят — его наградой будет предательская пуля в спину.

Время тянулось очень медленно. Люди замерли на склоне: ни мелькание одежды, ни приподнятая голова не выдавали засаду. Ольга почувствовала, что у нее сдают нервы. Ее сводили с ума сомнения и предчувствия.

— Мы слишком рано заняли позицию! Люди потеряют терпение. Осман доберется сюда только к полуночи. Ведь мы с вами всю ночь ехали до источника.

— Бедуины никогда не теряют терпения, когда чувствуют добычу, — ответил он. — Я считаю, что Осман будет здесь еще до захода солнца. Мы потратили больше времени, потому что последние несколько часов ехали на усталом верблюде. Думаю, Осман снял лагерь до рассвета и пустился во весь опор.

Ей пришла в голову еще одна вызвавшая опасения мысль.

— А что, если он вообще не придет? Что, если он изменит свои планы и отправится куда-нибудь еще? Тогда руала решат, что вы им солгали.

— Смотрите!

Солнце, этот волшебный, ослепительно блистающий шар, опустилось совсем низко. Ольга прикрыла глаза рукой и сквозь прищуренные веки увидела караван, вырастающий из колеблющихся волн жара: ряды серых от пыли всадников и тяжело груженные тягловые верблюды, несущие на своих спинах захваченных женщин. Знамя висело в неподвижном воздухе, как тряпка, но на мгновение, когда подул

странствующий порыв ветра — горячий, как дыхание погибели, — оно взметнулось, показав голову Белого волка.

Откровенное доказательство языческого поклонения и ереси! Руала, заволновавшись, чуть не обнаружили себя. Даже Миткаль побледнел.

— Аллах! Какое кощунство! Забывшие Бога! Гореть им в аду!

— Спокойно, — прошептал Гордон, чувствуя, как волнение охватило притаившихся бедуинов. — Ждите моего сигнала. Они должны остановиться, чтобы напоить верблюдов у источника.

Осман, похоже, вел людей без остановки весь день. Женщины сидели на верблюдах, понуриив головы, лица солдат почернели от пыли, смешавшейся с потом, лошади шатались от усталости. Но скоро стало очевидно, что его целью был не источник, а Сулейманово укрепление. Когда голова колонны поравнялась с бруствером, Гордон выстрелил. Он целился в Османа, но расстояние оказалось слишком большим, и солнечные лучи ослепляли, отражаясь от камней, поэтому он промахнулся. Человек, ехавший следом за Османом, упал. По этому сигналу холмы словно ожили от всплеск выстрелов.

Колонна дрогнула — всадники бросились враспынную. Ошеломленные солдаты открыли ответный огонь, не причинивший никакого вреда арабам: они даже не видели противника — только мелькание белой одежды среди валунов.

Возможно, дисциплина ослабела во время этого тяжелого марша, или паника охватила усталых турок: колонна распалась, и люди бросились к брустверу, не дожидаясь приказа. Они оставили бы верблюдов под огнем, но Осман, метавшийся среди

солдат и размахивавший саблей, заставил их ввести животных за ограду.

— Я надеялся, что они оставят верблюдов и женщин снаружи,— проворчал Гордон.— Может быть, они выведут их, когда обнаружат, что нет воды.

Турки заняли позицию в правильном порядке, спешившись и распределившись вдоль стены. Одни, ставив женщин с верблюдов, ввели их в хижину, другие наскоро соорудили загон для животных из жердей и веревок между изгородью и задней стеной дома. Седла они свалили в воротах, тем самым завершив ограждение.

Арабы, выкрикивая насмешки, поливали их градом свинца, а несколько человек принялись скакать, кривляясь и потрясая винтовками. Но когда какой-то турок пробил одному из них голову, они сразу же прекратили свой воинственный танец и уже не подставляли себя под выстрелы.

Тем временем турки открыли ответный огонь, экономя патроны и не обнаруживая паники, так как теперь они оказались в укрытии и сражались в привычных условиях. Стена служила хорошей защитой от пуль бедуинов, которые залегли прямо перед ними, но расстояние от склона до бруствера было слишком большим, чтобы огонь арабов нанес осажденным значительный урон.

— Мы, кажется, не причиняем им вреда,— заметила Ольга.

— Жажда будет нашей козырной картой,— ответил Гордон.— Мы все сделали, чтобы их задержать. Возможно, на остаток дня у них есть вода во флягах. Но не дольше. Смотрите, они собираются идти к источнику.

Колодец находился посреди отгороженной бруствером площадки, на сравнительно открытом мес-

те, и хорошо просматривался сверху. Ольга видела, как люди с флягами в руках направились к нему. Арабы со злорадным удовольствием открыли по ним огонь. Турки все же добрались до источника, а затем с ними произошло нечто невообразимое. Словно электрический шок поразил тех, кто был у колодца. Поднялся сумасшедший крик, перешедший в истерический визг. Люди, залегшие вдоль стены, открыли яростный огонь, остальные безумно метались, некоторые из них повалились, сраженные пулями, сыпавшимися с гряды.

— Что они делают? — Ольга встала на колени, но Гордон тут же заставил ее лечь.

Турки бежали к хижине. Если бы она посмотрела на американца, то поняла бы, что это означает, потому что его лицо вдруг помрачнело.

— Они выволакивают женщин! — воскликнула она. — Я вижу, как Осман замахнулся саблей. Что? О Боже! Они их режут!

Пронзительный визг и вызывающие отвращение надсадные выдохи убийц, наносивших удары, перекрыли звуки выстрелов. Ольга отвернулась и закрыла лицо ладонями. Осман понял, что его заманили в ловушку, и его реакция была как у бешеной собаки. Увидев, что источник завален камнями, он решил отомстить всей арабской расе — его честолюбивые планы потерпели крах.

Арабы подняли вой, доведенные до бешенства видом резни. Для них не имело значения, что эти женщины были из другого племени. Строгое соблюдение неписаных законов составляло основу их общества так же, как у первопоселенцев в Америке.

Руала впали в неистовство, когда увидели, что женщины их расы падают под саблями турок. Ярост-

ный крик полетел к бронзовому небу, и арабы, безрассудно оставив укрытие, обрушились со склонов, вопя, как дьяволы. Ни Гордон, ни Миткаль не могли их удержать.

На крики никто не обращал внимания. Бруствер покрылся дымом и пламенем, когда густые залпы обрушились на бегущую орду. Десятки человек упали, но остальные достигли стены и устремились через нее волной, которую не могли остановить ни свинец, ни сталь.

И Гордон был среди них. Увидев, что ему не остановить этот ураган, он бросился вместе со всеми. Миткаль бежал немного позади, проклиная своих людей. Шейх не имел ни малейшего желания участвовать в таком сражении, но был вынужден, потому что мог полатиться своей властью: ни один человек, повернувший назад в этой атаке, никогда не смог бы командовать руала.

Гордон был среди тех, кто первыми достиг стен. Он не стрелял, когда бежал вместе с бедуинами, чтобы не оказаться у бруствера с пустой обоймой. Он не стрелял до тех пор, пока пламя встречных выстрелов не опалило ему лицо, и только тогда разрядил винтовку, пробив кровавую брешь там, где был ряд страшных темных лиц. Прежде чем брешь закрылась, он перелетел через бруствер, и руала последовали за ним.

Не успел он коснуться ногами земли, как был прижат к стене натиском противника; клинок, который метил в него, стукнулся о камень. Гордон нанес быстрый удар в оскаленное лицо, раздробив зубы насевшему на него турку. В следующий момент волна его людей перелилась через стену и заполнила пространство вокруг него. Он бросил свою разбитую винтовку и выхватил револьвер.

Турки были отброшены от бруствера в разные места, и теперь сражение шло по всей площадке, огороженной стеной. Пощады никто не просил и не давал. Бедуины, увидев залитую кровью хижину, превратились в существ демонов. Оружие было у всех разряжено, кроме револьвера Гордона. Вопли перешли в рычание попеременно с предсмертными криками.

В ход пошли кинжалы и винтовочные приклады, с силой опускаемые на головы. Бедуины понесли такой жестокий урон в своей безумной атаке, что турки теперь намного превосходили их числом и сражались с бешеным отчаянием.

Возможно, револьвер Гордона установил равновесие сил. Американец разрядил его не спеша, и на таком расстоянии он не мог промахнуться. Заметив зловещую тень где-то позади себя, он обернулся и увидел черного Хасана, следовавшего за ним и методично ударявшего направо и налево тяжелой, красной от крови саблей. Даже в неистовстве схватки Гордон не смог удержаться от смеха. Суданец дотошно выполнял приказ шейха, следуя за ним по пятам, и, пока исход битвы оставался неясным, был его защитником... готовый стать убийцей в тот момент, когда события обернутся к их славе.

— Преданный слуга! — крикнул ему с издевкой Гордон. — Заботишься обо мне? Боишься оставить этим турецким мошенникам мою голову!

Хасан, ничего не ответив, засмеялся. Вдруг кровь брызнула у него изо рта, и он повалился на колени. Сражаясь с четырьмя турками, он не заметил еще одного, который, воспользовавшись свалкой, подбежал сбоку и ударил его по голове прикладом ружья. Гордон убил турка последней пулей. Он не

испытывал недоброго чувства к Хасану. Этот человек был хорошим солдатом — он выполнял приказ.

Бруствер стал похож на мясную лавку — сражавшихся оказалось меньше, чем лежавших на земле, и все были залиты кровью. Знамя с Белым волком, сорванное с древка, валялось под ногами мстителей. Вытащив саблю, Гордон огляделся, высматривая Османа. Он заметил Миткаля, бегущего к загону для лошадей, и предупреждающе закричал ему, потому что увидел, как Осман, отделившись от группы сражавшихся, бросился в том же направлении. Он первый добежал до загона и перерезал веревки. Лошади, обезумевшие от криков и запаха крови, вырвались на свободу, сбивая на бегу людей. Осман с удивительным проворством поймал разбегающуюся гриву бегущего скакуна и вскочил ему на спину.

С бешеным криком Миткаль подбежал к нему и нажал на спусковой крючок револьвера, но выстрела не последовало: в пылу сражения он не обратил внимания, что оружие разряжено. Стоя на пути несущегося всадника, шейх снова и снова нажимал на курок. Только в последний момент осознав опасность, он отпрыгнул назад. И даже тогда Миткаль мог бы спастись, если бы его сандалия не зацепилась за абу мертвого бедуина.

Он споткнулся, избежав удара копыт, но не сабли Османа. Руала взревела, увидев, как шейх упал, и его тюрбан окрасился кровью. Осман был уже за воротами и пронесся, как ветер... прямо вверх по склону холма, где он заметил тонкую фигуру девушки.

Ольга, которая вышла из-за валунов и с ужасом наблюдала за сражением внизу, теперь вдруг обнаружила, что ей самой угрожает опасность. Девуш-

ка подняла револьвер и открыла огонь. Но она была не очень хорошим стрелком. Три пули пролетели мимо, четвертая убила лошадь, а затем револьвер замолк.

Гордон несясь вверх по склону, как индеец на его родном Юго-Западе, а позади него бежала толпа бедуинов, потрясая разряженными винтовками.

Осман ударился при падении, когда под ним рухнула лошадь, но тут же поднялся, весь в крови. Гордон все еще был далеко. Турок кинулся к девушке и, схватив ее за волосы, бросил на колени, а затем на мгновение остановился, наслаждаясь ее отчаянием и ужасом. Когда он поднял саблю, чтобы отсечь ей голову, сталь громко лязгнула о сталь. Его рука замерла, задрожала, и выбитая сабля покатила по горячим камням. Осман обернулся и увидел неумолимое лицо с прищуренными от ярости глазами. Американец стоял перед обезумевшим турком, сжимая свою саблю с такой силой, что мускулы у него на руке окаменели.

— Подними оружие, бешеный пес,— процедил он сквозь зубы.

Осман мгновение колебался, затем схватил саблю и, не выпрямляясь, ударил Гордона по ногам. Гордон отпрыгнул назад и снова подпрыгнул, как только носки его сапог коснулись земли. Поворот его был похож на смертельный бросок волка. Осман так и не успел распрямиться после того, как проткнул пустоту. Клинок Гордона просвистел, рассекая воздух, и заскрежетал по костям, разрубая плоть. Голова турка слетела с плеч и упала к его ногам, а обезглавленное туловище задергалось в конвульсиях. Все еще горя ненавистью, Гордон пнул голову, и она покатила вниз по склону.

— О! — Ольга отвернулась и спрятала лицо в ладонях. Она понимала, что Осман заслужил такую смерть. Вскоре девушка почувствовала, как рука Гордона легко легла ей на плечо. Она взглянула на него, стыдясь своей слабости.

Солнце уже коснулось западной гряды. Взявшись по склону, к ним бежал Муса, весь залитый кровью, но сияющий.

— Мы убили всех собак, эфенди! — крикнул он, усердно трясая на бегу остановившиеся часы — единственную свою добычу. — Многие из наших живы, многие ранены, но нет никого, кроме вас, кто мог бы командовать.

— Иногда проблемы разрешаются сами собой, — задумчиво произнес Гордон, — но страшной ценой. Если бы руала не совершили этот бросок, который принес смерть Хасану и Миткалю... Впрочем, все в руках Аллаха, как говорят арабы. Сегодня погибло много людей, но по решению слепой Судьбы я остался в живых. — Гордон повернулся к Мусе: — Нужно погрузить раненых на верблюдов, — приказал он, — и доставить в лагерь, где есть вода и тень. Пойдемте, — обратился он к Ольге.

Когда они спускались по склону, он сказал ей:

— Я должен остаться и проследить за размещением раненых в Сулеймановом укреплении, а затем мне нужно отправиться на побережье. Вы можете не бояться руала. Они проводят вас до ближайшего турецкого сторожевого поста.

Она посмотрела на него с удивлением:

— Значит, я уже не пленница?

Он засмеялся:

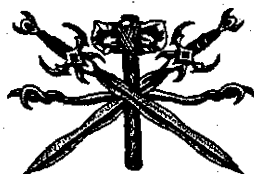
— Думаю, вы больше поможете Фейсалу, выполняя ваши первоначальные инструкции по снабжению турок ложной информацией! Я не порицаю

вас за то, что вы не доверились даже мне. Позвольте выразить вам свое глубочайшее восхищение. Вы вели очень опасную игру. Не всякая женщина способна на такое.

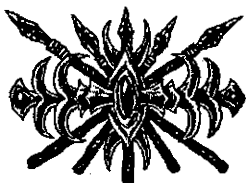
— О! — Она почувствовала прилив радости от того, что он знает, кто она на самом деле. Муса наострил уши. — Вы, вероятно, достаточно высокопоставленный советник Фейсала, если знаете, что я...

— Глория Виллоби, самый умный и отважный секретный агент на службе британского правительства, — шепнул он.

Девушка порывисто пожала его руку и, не выпуская ее, пошла рядом с ним вниз по склону.

ПОЯВЛЕНИЕ ЭЛЬ БОРАКА

Историю эту мне рассказывали в Дели. Рассказчиком был родовитый выходец с севера, афридий¹, статный сильный человек с ястребиным взглядом, некто Хода Хан.

¹ *Афридии* — одно из племенных объединений афганцев в Пакистане (северо-запад Пограничной провинции). Язык — пушту. Во 2-й половине XIX века противостояли английским колонизаторам, участвовали во всех антианглийских выступлениях.

— Сахиб, не кажется ли вам странным, что Британия правит Индией, когда есть такие люди, как я? Сравните, например, себя со мною. Я могу убить вас голыми руками. А что бы вы делали, оказавшись в горах?

И все-таки ваша раса правит миром.

Нет, физическая сила ничего не значит в борьбе между народами. Есть еще что-то, нечто, не имеющее названия, что есть у Запада и нет у Востока.

Сплоченность? Да, но не только.

Ну вот хотя бы взять случай с муллой Гассаном и мемсахиб Мэрион Саммерленд.

Правдивая ли это история? Несомненно, сахиб.

В горах по ту сторону границы, в нескольких милях от британской территории, в долине есть одно селение. Долина называется Кадар, и селение имеет такое же название. Это моя деревня, сахиб, и живут там самые сильные и воинственные люди из племени априди¹.

Подчинялись ли мы какому-нибудь закону? Закону, установленному англичанами или эмиром? Нет. Мы грабили караваны, совершали набеги в Индию и похищали женщин у хинду и других племен, пока не появился Эль Борак. Единственным законом для нас было слово муллы Гассана и вождя Кулам Хана, великого воина.

Так вот, будучи еще юношей, едва вступившим в пору возмужания, я и несколько молодых людей из нашей деревни как-то раз отправились к границе в надежде раздобыть у англичан винтовки. В набег пошли Яр Али, который считался лучшим воином племени после Кулам Хана, Абдулла Дин, Магомет Али и Яр Хайдер — самый старший из нас, впрочем,

¹ Априди — самоназвание афридиев.

Абдулла Дин был почти одного с ним возраста. Яр Али Хан, Магомет Али и я были моложе их.

Итак, уже пробравшись на британскую территорию, мы увидели молодую мемсахиб, которая ехала верхом совсем одна. Я не знаю, что заставило ее поехать в горы без сопровождения, но ведь женщины англичан всегда отличались бесстрашием и безрассудством.

— Стойте! — воскликнул Яр Хайдер. — За нее можно взять хороший выкуп. Я видел ее в Пешаваре. Она дочь полковника сахиба Саммерленда.

Тогда мы спрятались в засаде и, когда она проезжала мимо нас, выпрыгнули из укрытия. Яр Али, Абдулла Дин и Яр Хайдер бросились на лошадь, а я схватил девушку за талию и приподнял над седлом. Магомет Али помог мне, что было совсем не лишним, так как она хотя была и не сильна, но боролась, как тигрица.

Несмотря на ее сопротивление, мы связали мемсахиб руки, заткнули рот и посадили на лошадь, привязав ноги к стремянам. А затем поехали в горы.

Отъехав подальше, мы вынули кляп у нее из рта, потому что англичанка была молодая и хорошенькая и нам не хотелось причинить ей вред.

Она спросила, куда ее везут, и Яр Хайдер, который лучше всех нас говорил по-английски, сказал, что мы похитили ее из-за выкупа. Она потребовала немедленно отпустить ее и начала угрожать нам британской армией, а мы только смеялись. Тогда она сказала, что отец ее не заплатит выкуп.

— В таком случае мы бросим на тебя жребий, — сказал Абдулла Дин со злой усмешкой.

Яр Али обругал его и приказал замолчать. Абдулла Дин был опытным воином и старше по возрасту, но Яр Али ничего не боялся.

На полпути к Кадару мы остановились на выступе скалы, в тени от каменной гряды, чтобы отдохнуть и поесть. Когда я снимал девушку с коня, она одарила меня таким взглядом, что я готов был бросить все и убежать в горы, но меня удержал стыд перед товарищами.

Мы развязали ее и дали поесть и попить. Она была такой хрупкой и беспомощной, что все ей сочувствовали. Все, кроме Адбуллы Дина. Он был сильным, но очень злым человеком и продолжал убеждать нас бросить на мемсахиб жребий. Мы отказались.

— Нет, клянусь Аллахом, — сказал Магомет Али. — Мы все участвовали в этом деле и честно разделим выкуп.

— Вы мальчишки, — усмехнулся Абдулла Дин, — а я мужчина. И я возьму то, что хочу.

Он вознамерился завладеть девушкой, но она ударила его по лицу так, что он отшатнулся.

— Трус! — сказал Яр Али Хан. — Попробуй подними руку не на женщину, а на мужчину!

Яр Али и Абдулла Дин схватились. Яр Али убил Абдуллу Дина и сбросил его со скалы.

— Предупреждаю, — сказал Яр Али, вытирая кинжал, — никто из вас не смеет тронуть мемсахиб.

Но мы не собирались ее трогать, даже если бы он ничего и не говорил.

Девушка не пострадала, только испугалась. Она все плакала и просила, чтобы мы вернули ее домой. Нам было жаль ее, мы не могли видеть слезы девушки, но каждый думал о золоте, которое отец мемсахиб даст за нее. Наконец мы прибыли в деревню Кадар.

Люди спешили посмотреть, кого мы привезли. Увидев девушку, они завывали, как воеет стая волков,

когда долины покрываются снегом и звери подбигаются ближе к деревне.

Но мы отогнали сельчан и никому не позволили ее оскорбить. Это не в обычаях племени априди. Может быть, сахиб, но мы жалели мемсахиб и восхищались ею. Мы были ее друзьями, хотя она не верила этому.

А потом появился Хумаил Хан, выступая, как великий воин, и грозно хмурясь; люди расступились перед ним.

Он смотрел на девушку, как тигр смотрит на молодую лань.

— Мы сделали глупость, что привезли ее сюда, — шепнул мне Магомет Али. Я и сам это знал, так как мы не могли противиться воле вождя.

— Откуда вы привезли девушку? — спросил Хумаил Хан.

— С той стороны границы, — коротко ответил Яр Али.

Вождь посмотрел на нас, переводя взгляд с одного на другого.

— А где Абдулла Дин? — спросил он.

— Я убил его, — сказал Яр Али. — Я убил его вот этим ножом и сбросил со скалы.

— За что?

— Он хотел завладеть девушкой и взять ее себе. — Яр Али положил руку на рукоять ножа и посмотрел Хумаил Хану прямо в глаза. Я подумал, что вождь сейчас вытащит саблю и убьет Али, но он ничего не сделал. Он в упор рассматривал девушку, и она вся сжалась под его взглядом.

— Отведите ее в мой дом, — приказал он, но мы не двинулись с места.

— У вас есть уши? — угрожающе сказал Хумаил Хан, хватаясь за саблю.

— Да, и ножи тоже, — ответил Яр Али, и я схватился за свой кинжал. Я боялся Хумаил Хана, хотя не так уж сильно, и не собирался подставлять ему спину.

Но как только вождь и Яр Али обнажили клинки и подскочили друг к другу, мулла Гассан выступил вперед.

— Мир, мир, — приказал он, и вождь шагнул назад. Даже он боялся муллы, который мог разразиться проклятием из Корана на любого, кто его оскорбит. Но Яр Али не двинулся с места, свирепо сверкая глазами, и не сделал даже шага назад.

— Не должно быть вражды в деревне Кадар, — повелел мулла. Никто не произнес ни слова, и он продолжал: — Эта женщина не должна быть причиной спора, поэтому я отведу ее в мечеть и попытаюсь обратить в нашу веру. — И я заметил у муллы Гассана такой же взгляд, какой был у Абдуллы Дина и Хумаил Хана.

Никто из нас ничего не сказал, кроме Яра Али.

— Хорошо придумано, мулла, — сказал он насмешливо. — Да, тебе бы понравилось обращать мемсахиб. Да! Руку даю на отсечение, эта девушка принадлежит мне. И Яру Хайдеру, и Хода Хану, и Магомету Али. А мы мужчины!

Мулла заколебался. Яр Али не боялся ни человека, ни дьявола. И я был уверен, что Гассан его испугался.

Так мы стояли и смотрели друг на друга. Вождь не осмеливался завладеть девушкой, потому что он боялся муллы, а мулла не осмеливался, потому что он боялся Яра Али Хана.

Но мулла был хитер.

— Давайте отложим это дело, — сказал он. — Давайте не будем причинять никакого вреда девушке

и через какое-то время решим на совете, что с ней делать.

— Нам не нужно никакого совета, чтобы это решить, — сказал Али. — С девушкой нужно хорошо обращаться, пока мы не получили за нее выкуп, а потом вернуть англичанам. И выкуп будет разделен между нами четверьмя: мною, Хода Ханом, Ярм Хайдером и Магометом Али.

— Довольно, — сказал вождь раздраженно и пошел прочь.

Мы повернулись к девушке, которая сидела на лошади в течение всего этого разговора, не понимая, о чем шел спор, но по-прежнему пребывая в испуге. Тем не менее она старалась не показывать своего страха, и мы восхищались ею.

— Вы привезли меня сюда, а сейчас что вы собираетесь со мною делать? — спросила она.

— С вами будут хорошо обращаться, пока мы не получим выкуп, мемсахиб, — ответил Яр Хайдер. — Вас доставят в мой дом, и вы будете под присмотром моих жен.

— Хорошо, — сказала она утомленно. — Пожалуйста, отвезите меня туда, я очень устала.

Из нас четверых только Яр Хайдер был женат, поэтому мы оставили мемсахиб на попечение его жен, и Яр Али угрожал им жестокой расправой, если с ней будут плохо обращаться.

А потом Магомет Али повез в форт, где находился ее отец, письмо, в котором говорилось, что его дочь похищена и будет возвращена целой и невредимой за 5 тысяч рупий, четыре винтовки и пять полных патронташей. В письме (его писал Яр Хайдер, он мог писать и на пушту, и на урду) также было сказано, что, если Магомет Али сразу же не вернется, девушка будет убита. Магомет смело при-

ехал в форт и вручил послание полковнику. Его не решились схватить, опасаясь, что с девушкой что-нибудь случится, а он не отвечал англичанам ни на какие вопросы.

Полковник просто взбесился. Его британская гордость была уязвлена.

— Я не заплачу им ни одной рупии! — кричал он. — Но если Мэрион не вернется ко мне целой и невредимой, я прочешу все горы и сотру ваше племя с лица земли.

— Да, — ухмыльнулся Магомет, — так ты и знаешь, где находится мое племя и моя деревня.

Полковник разразился проклятиями, потому что ни один англичанин не знал, где находится Кадар.

— Если девушку не вернут в такое-то время, — сказал полковник, — я пошлю солдат в горы.

— А если выкуп не принесут в такое-то время, — ответил Магомет Али, — мои товарищи сбросят девушку в пропасть глубиной в тысячу футов.

Полковник был взбешен, но ничего не мог поделать. Когда Магомет Али поехал обратно, следом послали лазутчиков, чтобы его выследить, но Магомет Али был горцем — он только посмеялся над ними и легко ускокал от солдат.

В это время вождем в Кадаре являлся Хумаил Хан, но были и другие, желавшие захватить власть, — Кулам Хан, Дарза Шах и Яр Хайдер. Конечно, и еще кое-кто, но эти трое считались самыми могущественными в Кадаре после муллы и Хумаил Хана.

Среди этих троих Кулам Хан был наиболее сильным, но даже он не осмеливался открыто бороться за власть, потому что остальные двое стали бы завидовать. И в любом случае двое из троих объединились бы с Хумаил Ханом против третьего — так всегда бывает на Востоке, особенно в Афганистане.

На следующий день после того, как мы похитили девушку, Кулам Хан пришел ко мне в дом и сказал:

— Ты, Яр Али и остальные вызвали ненависть Хумаил Хана и муллы.

— Кажется, так и есть,— ответил я мрачно.

— Хумаил Хан хочет ее, и мулла тоже,— продолжал он,— им хотелось бы получить и выкуп, но девушку они желают еще больше. Хумаил Хан сидит у себя в доме и проклинает муллу, но не осмеливается взять мемсахиб, потому что боится муллы Гас-сана. А мулла боится мести Яра Али и англичан. И еще он боится слишком нажимать на Хулаим Хана. Поэтому он строит козни. В Кадаре замышляется большой заговор.

— Вот как,— сказал я,— для чего же замышляется заговор?

— Чтобы убить соперников,— ответил Кулам Хан, глядя мне прямо в глаза,— чтобы завладеть девушкой, чтобы захватить власть.

— Так.— Я задумчиво посмотрел на него.

Некоторое время мы молчали. Потом я сказал:

— Яр Хайдер — мой друг.

— Вождю нужна правая рука,— сказал Кулам Хан.

— Говори прямо,— попросил я.

— Ну что ж.— Он оглянулся, чтобы проверить, не подслушивают ли нас.— Помоги мне, и, когда я стану вождем в Кадаре, я обещаю, что девушке не причинят вреда и никто не будет оспаривать твоего права на выкуп. Я возведу тебя высоко и в совете, и на войне. Все это я сделаю, если ты вместе с Яром Али поможешь мне.

— А Яр Хайдер?

— Если он поможет мне, я обещаю ему то же самое. И Магомету Али тоже. Только ничего не

говори Яру Хайдеру, чтобы он не выдал меня Хумаил Хану.

Я ничего не ответил.

— Подумай о том, что я тебе сказал,— произнес Кулам Хан, вставая.— Я верю тебе, Хода Хан, потому что ты не любишь Хумаил Хана и, кроме того, ты не похож на предателя. Что странно для априди. Скажи все это и Яру Али.

Он пошел к выходу, а я смотрел ему вслед. Он был высокий, с гордой осанкой, и носил свою саблю, как доблестный муж. Говорили, что в его жилах течет кровь дуррани¹, и я верил этому. Кадар мог выбрать и худшего вождя, чем Кулам Хан.

Вскоре я пошел к Яру Али и рассказал ему все, что Кулам Хан сказал мне.

— Лучше бы нам ему помочь,— сказал я,— потому что вождь завладеет девушкой. Или мулла, а может быть, Кулам Хан захватит власть без нашей помощи и сам возьмет или мемсахиб, или выкуп за нее.

— Клянусь Аллахом! — вскричал Яр Али, метнув свой нож в пол. Он всегда так делал, когда был в гневе.— Я буду охранять девушку и получу за нее выкуп, несмотря на Хумаил Хана, Кулам Хана, муллу и самого дьявола. Почему я должен помогать Кулам Хану? Почему я должен помогать всякому априди? Клянусь Аллахом! Я уже давно рвусь отсюда, но выкуп мешает мне покинуть эти проклятые горы и увидеть внешний мир. Иди к Кулам Хану и скажи, что я убью Хумаил Хана, когда сам захочу, и не раньше. А когда я это сделаю, пусть Кулам, или Дарза, или шайтан становятся вождями, черт бы их всех побрал!

¹ *Дуррани* — крупное племенное объединение афганцев.

Я ушел, а он сидел в своем доме мрачный и снова и снова вонзал нож в пол. Станным человеком был этот Яр Али Хан.

Я не решился передавать его слова Кулам Хану, потому что боялся: ведь если заметят наши переговоры, вождь может заподозрить недоброе.

И я ничего не сказал Яру Хайдеру, зная, что он сам хотел стать вождем и не остался бы спокойно стоять в стороне, видя, как Кулам Хан берет власть в свои руки.

Но Магомету Али я все рассказал, и он сказал мне, что поможет Кулам Хану.

— Я помогу даже Дарза Шаху скинуть Хумаил Хана.

Наступил день выкупа. Отряды англичан рыскали в горах, но они не смогли найти Кадар, и мы решили, что сахиб полковник сдался и приготовил выкуп.

Замысел был такой. Мы с Яром Али тайно придем на то место, где должны оставить выкуп, и понаблюдаем за теми, кто там будет. Потом мы вернемся в Кадар и, если все будет спокойно, вчетвером — я, Яр Али, Яр Хайдер и Магомет Али — привезем девушку на место выкупа.

— Клянусь Аллахом! — сказал Яр Али людям Кадара. — Если девушку кто-нибудь обидит, я сровняю Кадар с землей. Я буду жечь и рубить и убью каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка в Кадаре!

И мы покинули деревню.

Я не знаю, почему люди из племени заккахель¹ бродили так далеко от равнин и почему они так

¹ *Заккахель* — одно из равнинных племен афридиев (хель означает клан).

осмелели, что вторглись в страну априди, но мы узнали об их появлении, когда со стороны гор раздался ружейный выстрел. Пуля просвистела у моего лица.

Мы прыгнули за валуны и открыли ответный огонь. Но пока продолжалась эта перестрелка, ни мы им не причинили ущерба, ни они нам; однако нападавших было около десяти человек, и они подбирались все ближе и ближе, затаиваясь, перебегая от валуна к валуну и стреляя на ходу.

Вскоре один из них неосторожно высунулся, и его турбан показался над камнем. После этого зачка осталось уже девять.

Мы с Яр Али начали отступать, скользя от камня к камню, как и наши враги.

И вдруг, огибая большой валун, я столкнулся нос к носу с одним зачка, который подбирался, чтобы ударить с тыла. У меня в руке была сабля, и я ударил его прежде, чем он смог поднять винтовку.

Тогда с диким криком другие зачка бросились на нас. Когда они вышли из укрытия, Яр Али выстрелил, и враг упал. Остальные продолжали приближаться. Я увидел, как Яр Али уложил еще троих ударами сабли, а потом у меня не осталось времени смотреть по сторонам, потому что пришлось биться со здоровенным зачка, который оказался свирепым воином. Сперва я думал, что их только десять, но вскоре к ним присоединились и остальные.

Клянусь Аллахом, они насели на нас, как волки на тигра!

Я с трудом защищался, и наконец зачка с издевой засмеялся, поднимая саблю, чтобы нанести удар, который должен был отправить меня к Иблису. Но когда он замахнулся, высоко в горах прогремел выстрел. Зачка упал.

Яр Али прислонился спиной к валуну, отчаянно отстаивая свою жизнь. Его одежда превратилась в лохмотья, а хайберский нож был красным от крови. Четыре зачка лежали у его ног.

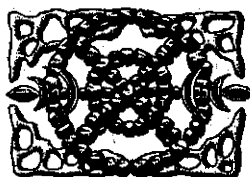
Когда они опять пошли в наступление, снова раздался выстрел и очередной зачка упал вниз лицом.

Воины кружились вокруг нас, и всякий раз, когда они приближались, один из них падал на землю.

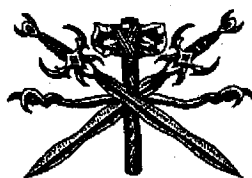
И тогда я увидел на горе странное зрелище. По крутому склону спускался какой-то человек, европеец, одетый в костюм для верховой езды и шлем, какой надевают англичане, когда ездят верхом. Он спускался быстро, не разбирая дороги, прыгая с камня на камень, как горный козел.

Зачка тоже заметили его. Они немного помедлили, огляделись и вдруг — о чудо из чудес! — повернулись и побежали прочь, как будто сам дьявол гнался за ними.

Человек спустился с горы. Мы молча смотрели на него. Он был среднего роста, худой и жилистый. Волосы черные, как и глаза. Он улыбался.

РАССКАЗ ХОДА ХАНА

А

мериканец Гордон, которого мусульмане называли Эль Бораком, снова пришел в горы Афганистана.

С ним был Яр Али Хан, ушедший с Эль Бораком после того, как тот появился в наших местах и спас мемсахиб Саммерленд от Хулаим Хана. Эль Борака прибыл в деревню Кадар, и Кулам Хан радушно его принял, потому что он был обязан Эль Бораку своим положением вождя.

Ход Хан

Американец выглядел старше, чем в то время, когда впервые вошел в Кадар, но все же был очень молод. Яр Али Хан, одетый и вооруженный, как вождь, во всеуслышание восхвалял храбрость, ловкость и мудрость Эль Борака как на войне, так и в мирной жизни.

Эль Борак остановился на некоторое время в Кадаре и вскоре объявил, что ищет воинов, которые сопровождали бы его в набеге на одну дальнюю страну. После этого было много всяких споров и обсуждений. Одни хотели идти с Эль Бораком, другие высказывались против. Среди тех, кто особенно возражал, главенствовал Дарза Шах, который стремился стать вождем и всегда вызывал споры и раздор.

Яр Али Хан назвал глупцами тех, кто не хочет воспользоваться случаем приобрести славу и золото, следуя за Эль Бораком.

— Я пошел с ним,— сказал Яр Али,— и смотрите, что у меня теперь есть.— И он показал нам свой тюрбан и красивую одежду, дорогой наборный пояс, револьверы и американскую винтовку. А его хайберский нож и кинжал были оправлены в золото.— У меня еще и золото есть,— продолжал Яр Али Хан,— но я не принес его сюда, потому что слишком хорошо знаю своих соплеменников.

Дарза Шах возражал американцу, как я сказал, приводя многие доводы, но Эль Борак не спорил. Он сказал, что поплет объявить племенам, чтобы ни один воин не напал на деревню Кадар, пока он не вернется, а если люди из какого-нибудь племени нападут на Кадар, то будут иметь дело с ним, Эль Бораком. И племена послушались, потому что он уже был известен по всей Индии и Центральной Азии.

Эль Борака объявил, что возьмет с собой только неженатых мужчин и даст им оружие и что у всех будет равная доля в захваченной добыче.

И еще Эль Борака сказал, что, поскольку жители Кадара его друзья, он дает им возможность первыми испытать удачу, но для него не имеет значения, последуют наши воины за ним или нет. В Афганистане есть множество селений, которые были бы рады предоставить Эль Бораку людей.

Таким образом, когда Эль Борака покидал Кадар, с ним отправились девятнадцать воинов априди, включая Яра Али Хана. Среди них был и я, Хоша Хан.

Мы перешли через Хайберский проход и в Джамруде встретились с другими людьми Эль Борака — сикхом¹, оракзаем², тремя афганцами и гуркхом³.

Сикх был искусным воином, звали его Лал Сингх. Оракзай отличался свирепым нравом и носил имя Ормузд Шах, но априди называли его просто Оракзай.

Один из афганцев, априди, как и мы, некто Багхила Хан, высокий и гибкий, являлся младшим вождем одного из племен на северо-западе Афганистана. Багхила означает «пантера», и это имя вполне ему подходило. Два других афганца были априди из деревни Багхилы Хана.

Гуркх — человек небольшого роста, не выше Эль Борака, и не слишком крепкого телосложения, звался Гхур Шан.

¹ Сикхи — этноконфессиональная общность в Индии, последователи религиозной доктрины сикхизма. Живут главным образом в Пенджабе.

² Оракзан — племенное объединение в Афганистане.

³ Гуркхи — народ в Непале. Живут также в Индии. Индуисты.

Мы, двадцать азиатов во главе с Гордоном, спустились с гор в Индию и прошли через всю страну различными дорогами в Бомбей. И вы можете представить, каков был образ действий людей Эль Борака, когда я скажу, что ни один британский чиновник нас не остановил, ни один индиец не был убит и ни одна индианка не оскорблена никем из нашего отряда. Нет, никто из нас не был задержан и брошен в тюрьму.

В Бомбее у Гордона имелся корабль, который нас ждал. Мы тайно проскользнули на судно и вышли в море прежде, чем англичане узнали о наших планах. До того, как мы поднялись на борт, было много разговоров и споров, но когда отчалили, ни один человек не выразил желания вернуться назад.

Корабль этот был торговой шхуной, принадлежавшей американцу, другу Гордона, который являлся не только владельцем судна, но и его капитаном. Шхуна взяла курс на юг. Вначале качка корабля на волнах очень беспокоила нас, и многие захотели снова оказаться на земле, но вскоре мы к ней привыкли и даже получали удовольствие от путешествия. Команда корабля состояла из негров с островами. На первых порах матросы очень смеялись и подшучивали над нами, потому что мы плохо держались на ногах, когда корабль кренился на волнах. За такие шуточки чернокожие могли поплатиться жизнью, если бы не вмешался Гордон. Через некоторое время мы с неграми стали почти друзьями. Они рассказывали нам о море и землях, откуда были родом, и о странах, которые видели, а также много удивительных историй, без сомнения лживых.

Итак, мы плыли через океан, пока не достигли места под названием Мадагаскар, огромного остро-

ва, на котором мог бы поместиться весь Афганистан. Оттуда отправились к отмели, называвшейся Делагоа¹, и там высадились. Перед высадкой Гордон сошел на берег и подкупил чиновников-португальцев так же, как и в Гоа². После этого мы спустились по трапу, неся на себе множество больших тюков и коробок, и португальцы, получившие деньги от Гордона, ни о чем нас не спрашивали. Гордон нанял несколько чернокожих носильщиков для того, чтобы они занялись багажом. А мы-то думали, что он заставит нас его нести. Затем отряд двинулся в джунгли, очень густые и простиравшиеся на огромное расстояние.

На первом же привале Гордон отдал наши ножи и сабли, которые забрал, когда мы сажались на корабль в Бомбее. А еще каждый из нас получил мощную магазинную винтовку, револьвер, патронташ, сотню патронов и флягу.

Мы шли через джунгли несколько дней и видели много интересного: больших зверей, похожих на огромных котов,— львов, как их называл Эль Борак. Размером они были больше индийских тигров. Еще крокодилов и леопардов, а также очень много обезьян. Эль Борак приказал никого не убивать, только если придется сделать это для самозащиты, и мы, помня, что гималайские Волки беспрекословно повиновались Гордону, делали все, как он велел. Мы увидели и странных животных, чем-то напоминавших свиней, но почти таких же больших, как

¹ Делагоа — залив, одна из лучших гаваней Индийского океана у юго-восточных берегов Африки. Берега низменны, болотисты, покрыты лесом.

² Гоа — колония Португалии на юго-западном побережье полуострова Индостан.

слоны, правда с очень короткими ногами. Эти твари плавали в реках и страшно брызгались, а крокодилы им не досаждали. Они без сомнения были какими-то речными демонами, хотя Эль Борак сказал, что это только животные, которые называются гиппопотамами.

Эль Борак и гуркх Гхур Шан, который вырос в джунглях Непала, ходили на охоту и приносили добычи ровно столько, сколько требовалось, чтобы обеспечить нас провизией. Но иногда Эль Борак разрешал поохотиться и нам, но с условием, что будем держаться по три человека вместе и не станем удаляться далеко от стоянки, потому что не знаем джунглей.

Я охотился с Магометом Али и Ахмедом Кулалом поблизости от лагеря и подстрелил маленькую антилопу. Я остался свежевать животное, намереваясь разделить тушу на равные куски, — ведь так легче перенести добычу в лагерь, — а двое других отправились дальше в джунгли. Вскоре я услышал крики и увидел, что Магомет Али и Ахмед Кулал со всех ног бегут назад, взывая к пророку Магомету.

— Беги, Хода Хан! — кричал Магомет Али. — Там появился демон! Да, да, какой-то джинн!

Послышался громкий треск в зарослях, как будто через них продирался слон.

— Слушай! — крикнул Ахмед Кулал. — Это джинн! — И он тотчас бросился прочь. Магомет Али остался, потому что он был моим другом.

— Беги, Хода Хан! — настаивал он. — Это демон! Он огромный, сильный и похож на свинью, только у него на носу рог!

Я подумал, что они слишком много выпили, ведь такой свиньи с рогом попросту не существует.

— Беги! — кричал Магомет Али.

— Нет, — сказал я, — мне хочется увидеть этого странного джинна.

Тогда Магомет Али повернулся и помчался по направлению к лагерю с удивительной быстротой.

Заросли раздвинулись, и появилось нечто огромное. Клянусь бородой Пророка, я увидел именно то, о чем толковал Магомет Али.

Я выстрелил и убедился, что это не свинья, потому что пуля даже не поцарапала шкуру чудища.

Оно надвигалось с поразительной для его огромной туши быстротой, но явно недостаточной, чтобы поймать меня. Я убежал бы от демона без труда, если бы не прыгнул на что-то, показавшееся мне разноцветной колодой. Эта колода вдруг развернулась, поднялась и бросилась на меня. Я увидел огромную змею, питона, какие обитают в джунглях Индии. Он мгновенно обвился вокруг моего тела и задавил бы, а потом сожрал, но мне удалось саблей рассечь гадину надвое. И тут же я бросился прочь, так как чудовище, похожее на слона, оказалось совсем рядом со мной. Я отскочил в сторону, когда демон напал на меня, и, выхватив саблю, ударил тварь по рогу, отрубив его. Это, кажется, совсем не причинило зверю вреда, но он бросился в джунгли и исчез. Итак, я взял рог, который оказался около двух футов в длину, изогнутый, острый и тяжелый, и пошел в лагерь.

Подойдя к лагерю, я увидел, как все воины собрались перед палаткой Эль Борака, возле которой Ахмед Кулал и Магомет Али рассказывали, что с ними произошло.

— Где Хода Хан? — спросил Эль Борак, уже приметив меня и мою ношу, но не подавая вида. Он говорил шутливо, еле сдерживая улыбку. Но они ничего не заметили.

— Джинн сожрал Хода Хана,— сказал Ахмед Кулал.— Это было ужасное чудовище, больше самого огромного слона. Его глаза пылали огнем. Когти походили на кривые сабли. На его носу длиною в десять футов торчал рог, который поднимался до вершин деревьев. Мы дрались, как настоящие тигры, но он одолел нас, схватил Хода Хана и сожрал его в один миг!

После его рассказа воины испугались и посмотрели на свои винтовки. Тогда я выступил и громко позвал:

— Ахмед Кулал!

Ахмед издал вопль и нырнул головой в палатку Эль Борака, а Магомет Али побледнел.

— После того как вы убежали,— сказал я,— мне пришлось сражаться с чудовищем, и вскоре джинн скрылся в клубах пламени и серы, оставив свой рог у меня в руках.

Мои приятели не нашли, что ответить. Эль Борак очень долго смеялся. И это было мне приятно, ведь я знал — он хорошо думает обо мне. Не часто Эль Борак смеялся так весело. Все афганцы и негры смотрели на меня с уважением, как на одного из самых ловких и доблестных.

Поход через джунгли длился еще несколько дней. Нам попадалось много разных диких зверей, слонов и тех животных с рогами на носах. Эль Борак называл их носорогами. Гхур Шан хотел, чтобы Эль Борак убил несколько слонов и взял слоновую кость, но тот отказался. В джунглях было также много леопардов, львов и больших змей.

Леопард прыгнул на Багхилу Хана с дерева, но априди убил его своей саблей прежде, чем Гордон успел выстрелить, и прежде, чем леопард причинил ему самому вред.

Потом на лагерь напал лев, прыгнув через острый частокол, который мы возвели вокруг палаток, и схватил одного из черных носильщиков. Гордон прикладом винтовки отогнал льва от его жертвы, чего не смогли сделать несколько человек. Лев скрылся в темноте. Носильщик не очень пострадал.

Затем мы встретили другое сафари¹, отряд негров и арабов — скверную шайку. Эти арабы и вооруженные негры, которых называли аскари, били и всячески оскорбляли своих черных носильщиков. Предводителем у них был араб по имени Хасан ибн Заруд.

Он и Эль Борак беседовали в палатке, а я подслушал почти весь их разговор, потому что не доверял этому арабу.

Они говорили на арабском, который я знал.

— Если вы присоединитесь ко мне, мы разбогатеем, — сказал ибн Заруд.

— Не сомневаюсь, — ответил Эль Борак.

— Вот мой план, — сказал ибн Заруд, — и вы увидите, что он достаточно хорош. С моими и вашими людьми у нас будет достаточно сил, и мы сможем подавить сопротивление любого вождя, который встанет на нашем пути. Мы пойдем за Ньясу к Танганьике. Там захватим много рабов и слоновой кости. Отберем у туземцев всю слоновую кость, которую те припасли, а также будем стрелять слонов.

— А что потом? — спросил Эль Борак.

— Продадим рабов в Дар-эс-Салаам, — улыбнулся ибн Заруд. — А в Занзибаре есть люди, которые купят слоновую кость, не интересуясь, откуда мы ее взяли.

¹ Сафари — охотничья экспедиция (арабск.).

— Что ж, очень хорошо,— сухо заметил Эль Борак.— Я слышал, что в джунглях у Ньясы есть много слоновой кости. И туземцы из тех мест, без сомнения, будут хорошими рабами.

Некоторое время они молчали. Затем Эль Борак произнес:

— Однако, ибн Заруд, я хотел бы знать, получу ли я в Занзибаре свою долю добычи.

— Что вы имеете в виду, Эль Борак? — спросил ибн Заруд, нахмурился.

Гордон засмеялся.

— Когда я убью слонов для тебя и захвачу тех вождей для тебя, что дальше?

— Что дальше? — спросил ибн Заруд.

— Копье из джунглей,— сказал Гордон,— или кинжал в спину. И тогда все рабы и слоновая кость будут твои.

Араб сердито нахмурился.

— Клянусь Пророком, сахиб, вы говорите, что я убийца?

— Я этого не сказал, Хасан ибн Заруд,— ответил Гордон.— Это хорошо, что мы понимаем друг друга, если пойдем вместе на какое-нибудь дело.

— А! — воскликнул ибн Заруд.— Так мы пойдем?

— Нет, я этого не говорил,— сказал Гордон.— Откуда мне знать, сказал ли ты всю правду?

— Видно по всему, что вы недавно в Африке,— пробурчал араб.— Всякий знает, между Ньясой и Танганьикой есть много туземцев, которых можно захватить и продать работорговцам, и много слоновой кости.

— Но это еще не все,— настаивал Гордон.

Араб был в нерешительности.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил он.

— Меня не особенно интересуют рабы и слоновая кость, — ответил Эль Борак. — Нет, ибн Заруд, я не думаю, что мы присоединимся к твоему сафари.

— Что же вам нужно? — продолжал расспросы ибн Заруд.

— Золото, — ответил Эль Борак.

Араб пристально посмотрел на него, точно пытался прочесть мысли собеседника.

— Слушайте, — сказал он, — если я скажу вам, что проведу вас туда, где много золота, вы присоединитесь ко мне?

Эль Борак засмеялся.

— Честное слово, я не вожу дружбу со лжецами.

— Я не лгу, — возмутился араб. — Я могу показать место, где золота больше, чем могут унести сто человек.

— Занятная сказка, — усмехнулся Эль Борак.

Ведь он был очень коварным. Араб рассердился.

— Клянусь, я говорю правду! — воскликнул он.

— Допустим, — согласился Эль Борак. — Но это слишком далеко, не стоит туда идти даже ради золота.

— Это не дальше, чем отсюда до Индии.

Гордон снова рассмеялся.

— Зачем ты лжешь, ибн Заруд? Ты думаешь, я ничего не знаю об Африке? Здесь нет золота ближе Кумаси.

— Ничего вы не знаете, — усмехнулся араб.

— Вы глупец, — сказал Эль Борак. — Англичане никогда не позволят нам взять золото в Йоганнесбурге.

Араб усталился на Гордона, как лисица на жирного каплуна. Он думал о том, какой Гордон простак и как легко его можно одурачить.

— Кумаси и Иоганнесбург — это все, что вы знаете, — сказал он презрительно. — Англичане ничего не смогут сделать там, куда я мог бы вас провести.

— Лучше англичане, чем французы, — сказал Эль Борак. — Я не могу идти во французский Индокитай, понимаете?

Араб ухмыльнулся.

— Вам не нужно бояться французов, сахиб. Мы пойдем туда, где их не будет.

— Но я собирался идти на юг, в Трансвааль, — возразил Эль Борак. — Мои люди-горцы, они непривычны к джунглям.

— Они действительно будут слабы в джунглях, если пойдут со мною, — согласился араб. — Но, возможно, они найдут другие горы.

Эль Борак встал.

— Нет, я думаю, что мы не пойдем с твоим сафари, — сказал он.

Араб вскочил; ярость сверкнула в его черных глазах.

— Вы обманули меня! — прошипел он.

— Ты сам себя обманул, — сказал Гордон. — Я не говорил, что присоединюсь к тебе.

Мгновение араб свирепо смотрел на него. Но ибн Заруд был очень коварным человеком. Пожав плечами, он, казалось, забыл свой гнев.

— Вы умный человек, сахиб, — сказал он. — Немногим удавалось провести ибн Заруда. Давайте будем друзьями. У вас есть какое-нибудь хорошее вино или ром?

Этими словами он усыпил бдительность Эль Борака. Ведь тогда Эль Борак был еще совсем моло-

дым человеком. Когда Гордон отвернулся, чтобы достать вино, араб, быстрый, как лесной кот, выхватил тяжелый пистолет и выстрелил Эль Бораку в голову. Эль Борак покачнулся, но затем, как пантера, прыгнул на ибн Заруда, одной рукой выбив пистолет из руки араба, другой — приставив кинжал к его груди. Ибн Заруд обхватил Гордона за пояс, и они стали бороться. Я вбежал в палатку, швырнул араба головой об пол и встал над ним с занесенной для удара саблей.

— Мне убить его? — спросил я Эль Борака.

Он покачал головой и вложил кинжал в ножны. Я увидел, что он невероятным усилием воли овладел собой, хотя никогда еще я не видел в глазах мужчины такое желание убить, как в глазах Эль Борака.

Он приказал мне помочь ибн Заруду встать, что я и сделал, держа саблю наготове.

— Ибн Заруд, — сказал Гордон с усмешкой, — почему ты считаешь каждого человека, которого встретишь, таким же дураком, как ты сам? Я заставил тебя дать мне те сведения, какие я хотел получить, но в остальном мне нет до тебя дела. Ты мне надоел. Ты внушаешь мне отвращение. Ты непорядочный человек. Хода Хан, выстави его по-хорошему вон.

Я сделал так, как сказал Гордон, и отвесил арабу самый великодушный пинок, когда вывел его из палатки.

— Много ли ты слышал из нашего разговора, Хода Хан? — спросил Гордон.

— Да все, — ответил я, застигнутый врасплох.

— Ты очень обяжешь меня, если не будешь упоминать об этом разговоре, — сказал Эль Борак.

— Я сделаю так, как сахиб пожелает, — заверил я его.

— Так будет лучше для твоей же пользы, — сказал Эль Борак, и на мгновение его глаза блеснули, когда он посмотрел мне в лицо. У меня поползли мурашки по телу.

— В другой раз я бы... — Он внезапно замолчал.

Я понял. Он хотел сказать, что в другой раз он убил бы араба, но не договорил, чтобы я не подумал, что он хвастун и хочет оскорбить меня.

— Ты хорошо поступил, Хода Хан, — продолжил он, — и в награду можешь оставить себе пистолет араба, который у тебя в кармане. А теперь иди.

Но, клянусь Пророком и могу руку дать на отсечение, Эль Борак не смотрел на меня, когда я укрдкой прятал пистолет!

Некоторые видели, как араб вылетел из палатки, и засыпали меня вопросами. Я рассказал о драке, но ничего не сказал о том, что произошло между Гордоном и ибн Зарудом.

Яр Али Хан завидовал — ведь другой, а не он помог Эль Бораку в схватке — и был готов поссориться со мною, давно решив про себя, что будет правой рукой Гордона.

Араб ушел в свой лагерь, и некоторые воины — Багхила Хан, Лал Сингх и особенно Яр Али — хотели напасть на его стоянку, но Гордон запретил. Вскоре люди сафари сложили палатки и ушли.

Мы двинулись в противоположном направлении и скоро набрали на селение в джунглях. Оно состояло из нескольких хижин, сделанных из травы пополам с глиной и окруженных стеной из того же материала. Люди из деревни, чернокожие и очень некрасивые, принесли нам фрукты, козлятину и молоко в больших тыквах. Эти негры, очень уродливые и грязные, носили только повязки на бедрах. Подошли и женщины, но Гордону не понадобилось

запрещать нам что-нибудь с ними делатъ, потому что негритянки были еще уродливее мужчин и носили большие кольца в носу.

Покинув деревню, мы подошли к реке, которую Гордон называл Лимтопо. Мы переплыли ее на лодках туземцев и на другом берегу обнаружили еще одну деревню. Там наняли носильщиков, потому что наши захотели вернуться к себе домой на побережье. Скоро джунгли кончились, и отряд вышел на широкую равнину, покрытую густой травой. Гордон называл эту равнину саванна. Здесь были львы, буйволы, антилопы и много бабуинов на маленьких холмах, которые Гордон называл копе.

Мы разбили лагерь в саванне. Эль Борак, Багхила Хан, Лал Сингх, Гхур Шан и Яр Али держали совет в палатке Эль Борака.

Потом Эль Борак нам сказал:

— Вы зашли со мной так далеко, ничего не зная о моих планах и веря, что я приведу вас к хорошей добыче. Теперь вы должны знать, куда я собираюсь идти. В Центральной Африке есть удивительный народ, имеющий много золота и драгоценных камней. Это самое древнее государство из тех, которые существовали здесь и о которых помнят люди. Я много слышал о нем, но до недавнего времени не знал точно, где оно находится:

— А как далеко до этой страны? — спросил Ормузд Шах.

— Около тысячи миль на северо-запад, — ответил Эль Борак.

Мы все выразили недовольство, услышав такое.

— Хо, — воскликнул Яр Али Хан, — последовав за Эль Бораком, вы доказали, что вы мужчины. Что же вы теперь жалуетесь? Отсюда до Афганистана расстояние вдвое больше.

Тогда Эль Борака снова заговорил. Он рассказал нам о великолепии той древней империи и о золоте и драгоценных камнях, которые мы там добудем. И в самом деле, Эль Борака обладал таким даром красноречия, что, когда он закончил говорить, никто из нас не захотел вернуться.

— А вы уверены, что араб дал вам верный ключ? — спросил Багхила Хан Эль Борака не тогда, когда мы держали совет, а уже после, и это подслушал Абдулла Гхулаб.

— Конечно, — ответил Эль Борака. — Он был так уверен в своей хитрости, что у него и мысли не возникло, что я постараюсь выведать все, что он знает. Это не на британской и не на французской территории, нужное нам место находится, несомненно, в Бельгийском Конго. Хасан ибн Заруд думал, что я дурак.

— Так же, как и Хумаил Хан, — заметил Яр Али с жестокой усмешкой.

Когда шли через саванну, Гордон разрешил охотиться, так что Магомет Али и я вместе с другими прошли по равнине, обогнули холм и натолкнулись на туземца, совершенно непохожего на тех негров, которых мы видели в джунглях. Это был высокий человек, молодой и хорошо сложенный, одетый только в набедренную повязку, державший в руке тяжелую дубинку примерно в три фута длиной, с большим набалдашником на конце. Он казался мускулистым и быстрым, как пантера, и черты его лица подходили на европейские.

Мы заговорили с этим негром, но он не понимал нашего языка, а его язык не был похож на язык носильщиков, который мы немного знали.

— Давайте возьмем его в плен, — сказал Магомет Али, — и доставим к Эль Бораку.

Я согласился, и мы набросились на него все одновременно, намереваясь бить прикладами винтовок, если он будет сопротивляться. Но он не тронулся с места и сильно ударил меня прямо по голове своей дубинкой. Хорошо, что у меня на голове был большой тюрбан. Магомет Али, увидев это, выхватил саблю, но негр уклонился и ударил его. Магомет Али упал.

Тем временем Лал Сингх также обогнул холм и вмешался в происходящее, так как он говорил на языке этого негра. Гордон научил его многим языкам.

— Вы оба дураки,— сказал сикх с большим презрением.— Этот человек из племени, которое Гордон хочет сделать своим союзником.

И он повернул назад в лагерь, негр пошел вместе с ним, а мы следовали позади несколько удрученные. Гордон и чернокожий долго беседовали. Негра звали Уналанга, и он был из племени зулу¹.

Он проводил нас в деревню, которую называл крааль². Когда мы приблизились, отряд вооруженных людей вышел нам навстречу. Они все были высокими крепкими мужчинами со щитами и короткими тяжелыми копьями, боевыми топорами и дубинками. Одеждой служили лишь набедренные повязки, а головы украшали кольца из черного каучука³. Гордон и Уналанга поговорили с ними. Зулусы пригласили нас. Было такое впечатление, что они слышали о Гордоне. И в самом деле, кто на Востоке о нем не слышал!

¹ Зулу, или зулусы — народ группы банту в ЮАР.

² Крааль — поселение кольцевой планировки, обычно укрепленное изгородью. В центре — загон для скота.

³ Кольцо из каучука или воска носили заслуженные воины.

Мы встали лагерем возле крааля. Эль Борак запретил всем своим людям вольно обращаться с зулусскими женщинами, сказав, что зулусы убьют каждого, кто что-нибудь такое сделает. При этом все поворачали немного: ведь женщины в краале совсем не походили на тех — в джунглях. Они были очень милостивы, и, по правде сказать, я сильно сомневался, что все выполняют приказ Гордона, потому что многие зулусские девушки находили повод приходить в лагерь и совсем нас не дичились.

Гордон долго говорил с вождем крааля, и тот согласился дать двадцать молодых воинов для нашего сопровождения. Гордон подарил ему бусы, цветастую одежду, ром и ружье с боеприпасами. Как и в Кадаре, Эль Борак отобрал только молодых неженатых воинов. Среди них был и Уналанга, который командовал соплеменниками.

Гордон наполовину в шутку называл их импи, что на языке зулусов означает «воин», Уналангу называл индуна, что значит «генерал».

Покинув крааль, мы отправились на северо-запад, далеко обогнув место под названием Булавайо. Вскоре нас остановил английский офицер с отрядом конных чернокожих солдат.

Англичанин хмурился и казался очень сердитым. Спешившись, он спросил Гордона, что означает вторжение отряда вооруженных людей на британскую территорию и откуда он пришел.

Гордон улыбнулся и пригласил его выпить. О том, что произошло между ними, рассказал нам позже Яр Али Хан, который слышал их разговор. Гордон позволил ему рассказать.

Англичанин был очень зол, говорил о тюрьме и о том, что его солдаты будут стрелять, а Гордон в это время улыбался.

— Вы были в Тунисе в такое-то время? — спросил он англичанина.

Офицер удивленно посмотрел на него и ответил, что был.

— Так я и думал, — сказал Эль Борак, улыбаясь. — Я никогда не забываю лица. Прекрасная жена... — Здесь он понизил голос и сказал несколько слов так тихо, что Яр Али ничего не разобрал.

Офицер покраснел, затем побледнел.

— Что вы имеете в виду? — взволнованно спросил он.

Эль Борак иронично улыбнулся.

— Один маленький случай в посольстве, сэр. Мне нет необходимости говорить о нем более подробно. К тому же и неприятно.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Англичанин старался прочитать мысли Эль Борака.

— Вы дьявол, — пробормотал он. — Какова ваша цена?

— О какой цене может идти речь между друзьями? — сказал Эль Борак спокойно. — Но если моя экспедиция будет остановлена и о ней доложат британскому правительству, это причинит мне некоторое неудобство.

— Вам никто не будет препятствовать, — ответил англичанин.

— Спасибо, — поблагодарил Эль Борак. — Я верю вас, что моя экспедиция останется на британской земле не дольше, чем это необходимо. Позвольте мне наполнить ваш стакан, лейтенант. Это шампанское просто изумительно.

Зулусы были просто поражены, когда англичанин со своим отрядом ускакал, не воспрепятствовав нашему походу.

— Да,— гордо сказал Яр Али Хан,— вы увидели бы еще более удивительные вещи, чем все это, если б прошли с Эль Бораком столько, сколько я.

Затем он долго рассказывал, как они с Эль Бораком убили ужасного дракона в пустыне Гоби, длинной футов в сто и с когтями, как бивни слона. Впрочем, все это, возможно, вранье.

В течение нескольких дней мы шли по саванне и достигли той ее части, которая была заселена племенем матабеле¹, народом, родственным зулусам и очень воинственным. Уналанга им не доверял, и Гордон приказал обходить стороной все краали и не причинять вреда местным жителям. Пришлось удвоить наших часовых и продвигаться сомкнутым строем, так что никто из нас не был убит. Но туземцы постоянно наблюдали за нашим отрядом на расстоянии. Однажды, когда мы стали лагерем недалеко от крааля, несколько девушек матабеле пришли к зулусам и попытались завлечь некоторых воинов в крааль. Но Уналанга был умным человеком, хотя и молодым. Он приказал схватить этих девушек, сильно отхлестать и выпроводить из лагеря.

Каждую ночь со всех сторон слышался грохот тамтамов, и мы ожидали нападения, но некоторое время туземцы не шли на нас, хотя Ормузд Шах убил голыми руками одного матабеле, бросившегося на него, когда оракзай стоял на посту.

Однажды на рассвете какой-то отряд напал на лагерь, но был отброшен огнем наших винтовок, не причинив нам никакого вреда.

¹ Матабеле — народ группы банту на юго-западе Зимбабве. В начале XIX века входили в союз зулусских племен. На территорию современного Зимбабве матабеле пришли из Трансваали в 1830 году.

Потом в один из дней похода мы увидели впереди большой отряд воинов примерно в миле от нас. Гордон поднялся на холм и посмотрел в бинокль.

— Там около ста пятидесяти человек или чуть меньше, — сказал он. — И я вижу крааль, который находится на расстоянии в два раза меньшем, чем расстояние между нами и отрядом чернокожих. В селении только старики, женщины и дети. Очень хорошо. Мы сможем добраться до крааля, поджечь его и вернуться к холму прежде, чем матабеле подойдут.

Мы слушали его с изумлением. Черные воины расположились впереди нас, а крааль, о котором он говорил, находился справа. Отряд был, как я уже сказал, в два раза дальше, чем крааль. План Эль Борака состоял в следующем: зулусы, добравшись до крааля, подожгут его. Афганцы же должны укрепиться на холме со слугами, носильщиками и багажом. Гордон рассчитывал вернуться к холму до подхода матабеле.

Конечно, возникло много вопросов, но Гордон сказал, что ответит на них, когда мы разгромим матабеле. И в считанные минуты он и зулусы быстро помчались, пересекая саванну, к краалю. С ними отправились Яр Али Хан и Лап Сингх. Оставшиеся навалили большие камни на склоне холма возле вершины и приготовились к бою.

Матабеле опешили — они ожидали, что мы продолжим наше движение, пока не дойдем до них, а мы сделали совсем по-другому. Они были в растерянности еще и потому, что Гордон повел своих людей против крааля. Но так всегда действовал Эль Борак — предпринимал самые отчаянные вылазки и захватывал врага именно тогда, когда он меньше всего этого ожидал. Гордон никогда не делал того,

на что рассчитывали его враги, и в этом заключался его успех.

Вскоре матабеле прошли через саванну и направились к холму, издавая воинственные кличи, удаляя щитами и потрясая копьями.

Со своего холма мы слышали отдаленные крики наших зулусов попеременно со стуком копий, редкими ружейными выстрелами и воплями женщин. А в это время матабеле приближались к нашим укреплениям. Они проделали уже почти половину пути до холма, когда мы заметили языки пламени над краалем. Дикий крик ярости донесся из рядов приближающихся воинов. Звуки боя еще долетали из крааля, а потом они утихли, и мы увидели людей, быстро бегущих от крааля через саванну. Это был Гордон со своими воинами, но я знал, что матабеле доберутся до нас прежде, чем зулусы добегут до холма.

Когда матабеле оказались на расстоянии ружейного выстрела, заговорили наши винтовки. Вести огонь с холма было намного легче, чем в горах, и мы редко давали промах. И все-таки они приближались, охваченные жаждой крови. Некоторые из них устремились через саванну длинной беспорядочной цепью, чтобы перехватить Гордона и зулусов. Другие толпой бросились по склону холма. Наши воины стреляли прямо в их дикие лица, а потом в пылу битвы нами овладела такая ярость, что мы перепрыгнули через заграждение из камней и набросились на врага с кинжалами, саблями и ружейными прикладами. Сила нашего удара перенесла всех нас, и афганцев и матабеле, вниз по склону холма к его основанию.

Там-то они нас и накрыли. Матабеле намного превосходили нас числом, и мы поняли, что сто-

ило остаться под прикрытием заграждения. Они были вооружены острыми дротиками, дубинками, боевыми топорами и, кроме того, прикрывались щитами.

Кое-кто из афганцев видел, как пользуются топорами тибетцы. Мы считали это оружие грубым и неуклюжим. Но тибетцы пользовались большими топорами на длинных ручках, это было тяжелое оружие, которым можно только размахивать направо и налево, а матабеле, как и зулусы, использовали топоры со сравнительно короткой ручкой, с отточенным, очень широким лезвием, и владели ими с таким же искусством, как сикхи — своими саблями. Али бин Разил, срубив голову матабеле с плеч, побежал вниз по склону холма и напоролся бородатым подбородком на боевой топор, сверкнувший в руках у огромного воина. Мы были окружены. Я видел, как Ормузд Шах размахивал боевым топором, который он захватил у матабеле. Гхур Шан прыгал в разные стороны, скалясь, как обезьяна, и, отражая удары копий и топоров маленьким круглым щитом, рубил и сек направо и налево; его большой кривой нож покраснел от крови по рукоять. Багхила Хан бился, как пантера, и кричал остальным, чтобы мы отбивались и отступали назад на холм. Рядом, как волки, дрались еще два априди.

Казалось, на нас обрушился дождь копий. Вдруг среди хора криков, разносившихся над местом битвы, послышались новые звуки: удары топоров по щитам и стук дротиков о дротики. Это подоспел Гордон и его зулусы, которые пробились через цепь матабеле, старавшихся их перехватить, и ударили с тыла. Я заметил, как Гордон промелькнул, пробиваясь сквозь ряды врагов; его смутное лицо казалось

бледным, глаза блестели боевым азартом, в одной руке он держал изрыгающий пламя револьвер, в другой — индийскую саблю. Чернокожие сражались отчаянно, но зулусы сокрушили их ряды, и вскоре бой превратился в беспорядочное бегство наших врагов через саванну в разные стороны. Большинство из них бежало, и мы не испытывали желания их преследовать.

Эль Борак огляделся.

— Ты дурак, — сказал он Багхила Хану. — Почему ты не остался за камнями на холме?

Багхила Хан шагнул к нему. Одежда его была разорвана в клочья и окровавлена, тюрбан съехал набок, одна рука безжизненно висела от удара дротиком в плечо.

— Это моя ошибка, — сказал он гордо. — Я готов понести наказание.

— Не будет никакого наказания, Багхила Хан, — сказал Эль Борак. — Кто может удержать Волка в пылу битвы?

— Никто, кроме вас, сахиб, — ответил Багхила Хан.

Эль Борак посмотрел на раненых. Али бин Разил и трое афганцев были убиты в бою: один, как и Али бин Разил, боевым топором, два других — дротиками. Погиб и один из зулусов.

Багхила Хан ранен в правое плечо, Ахмед Кулал получил удар копьём в бедро, Юсеф Хайдер оглушен, и у одного из априди ударом дубинки разбита рука. Не было ни одного человека из отряда, кто не имел бы ушибов и легких ран. Если бы зулусы Гордона не появились вовремя, нас наверняка всех бы уничтожили. Эль Борак, Лал Сингх и один из зулусов перевязывали раненых и собирали оружие, брошенное матабеле и валяющееся повсюду.

Затем по приказу Эль Борака зулусы убили всех раненых матабеле; кроме одного, которого они доставили Эль Бораку.

— Передай то, что я скажу, своим инкоси и их индуна,— сказал наш предводитель.— Я Эль Борак, я Ингиньама, я Волк. Я иду через вашу страну и не причиняю вам вреда. Не беспокойте меня, и я не буду беспокоить вас. Ты видел, как я разбиваю своих врагов. Скажи своему царю,— здесь Гордон наклонился вперед, и его глаза сверкнули так, что матабеле отшатнулся,— скажи своему царю, что если он пошлет против меня других импи, я приду в его крааль и буду убивать до тех пор, пока мои воины не окажутся по колено в крови матабеле, а его самого свяжу и сожгу в пламени его собственного дворца.

Пленный воин отпрянул назад.

— Царь убьет меня, если я передам ему твои слова,— сказал он.

— А я тебя убью, если ты откажешься это сделать,— пригрозил ему Эль Борак.— Скажи царю, что, если он убьет тебя, я через какое-то время убью его.

Итак, этому матабеле отдали оружие и отправили в саванну.

Гордон рассказал, что крааль, который они сожгли, был пуст, если не считать женщин, детей, стариков и нескольких воинов. Они разбили тех воинов до того, как зажечь крааль, и вернулись к нам, но ни женщинам, ни старикам, ни детям по его приказу зулусы не причинили никакого вреда.

Почти все воины покинули крааль, и соседние краали тоже. Молодые воины, с которыми мы сражались, шли вокруг и впереди нас, другие же присоединились к импи царя матабеле, собравшего большой отряд. Главные силы матабеле находились далеко

позади нас, и воинам из разных краалей было приказано преградить нам путь, чтобы импи могли нас догнать. Все это Гордон узнал от пленников, взятых в краале.

Итак, мы возобновили наш поход и шли очень быстро. Подойдя к следующему краалю, мы напали на него и захватили около шестидесяти буйволов. Кафры¹ обучали их для верховой езды, как другие люди — лошадей. Наши слуги и носильщики были жителями джунглей и совсем не умели ездить верхом на этих животных. Да и афганцам оказалось непросто научиться подобной езде, но зулусы с легкостью это делали, ведь они соседи матабеле и имеют сходные обычаи.

На этих быках мы передвигались очень быстро, тем более что в каждой деревне захватывали свежих буйволов. Воины матабеле никогда не приближались настолько, чтобы мы увидели их лазутчиков. Иногда вооруженные отряды пытались нас остановить, но мы были верхом, а они нет, так как на войне матабеле редко ездят верхом. Мы объезжали неприятеля вокруг и легко нападали на краали чернокожих, а скрывались прежде, чем они добирались до своих деревень.

Вскоре мы подъехали к границе другого племени. Они были не кафры, как матабеле и зулусы, а племенем, родственным бечуана² и называвшимся маколала³. Это племя оказалось не таким воинственным, как матабеле, и намного менее диким, чем бечуана.

¹ Кафры — южные зулусы, или коса.

² Бечуана — народ банту, население пограничных районов ЮАР и Зимбабве. При расселении потеснили основных жителей — бушменов.

³ Маколала — народ из группы суто (банту).

Маколала относились к нам дружественно, и Эль Борак подарил им буйволов, которых мы захватили у матабеле. Он сказал, что отряд скоро войдет в джунгли и они нам будут только мешать. Негры из джунглей, наши носильщики, захотели вернуться к себе домой на Лимпопо, и Гордон отдал им заработок бусами, одеждой и ромом. Они отправились домой, несмотря на матабеле. Эль Борак нанял других носильщиков из деревень маколала. Они были высокими, крепкого телосложения, хотя и не крупными людьми, хорошего нрава, и чем-то напоминали больших детей: все время смеялись, кричали, ссорились и танцевали.

Мы покинули деревню, где наняли носильщиков, и отправились дальше. Саванна постепенно переходила в лес с большими круглыми лужайками между деревьев. Здесь было много деревень маколала из тех племен, которые населяли всю эту землю до юга, пока матабеле не пошли на север из Трансвааля и не выгнали их оттуда. Здесь и там мы видели деревни готтентотов¹, народа, который сотни лет назад пришел сюда из какой-то другой земли и уничтожил людей, живших здесь, так что теперь никто не знает, какие племена были до них. Затем на эту землю пришли маколала, завоевали ее и обратили готтентотов в рабов.

Готтентоты были очень дикими. Цвет кожи у них не такой черный, как у маколала, и не такой бронзово-коричневый, как у кафров, но темно-желтый. Они жили в маленьких грязных хижинах и ходили совершенно обнаженными — как мужчины,

¹ Готтентоты — относятся к бушмено-готтентотской расе. Рост несколько выше, чем у бушменов. Населяли западные области Южной Африки и были оттеснены миграциями банту.

так и женщины. Затем нам встретились бушмены, которые оказались даже ниже ростом, чем готтентоты, и едва ли обладали человеческой речью. Их было не так много, как и готтентотов, и жили они дальше, на юге. Гордон сказал, что они вынуждены обитать в пустыне и болотах, потому что сильные племена захватили более удобные земли. Бушмены были, возможно, потомками тех племен, которых завоевали готтентоты. Они ненавидели готтентотов, что подтверждает это мнение.

Мы прошли через эту страну, которая, как я сказал, похожа на большой парк с огромными баобабам, возвышавшимися над землей более чем на сто футов.

Наши лазутчики-зулусы вернулись с известием, что какой-то отряд идет походом и быстро к нам приближается. Отряд очень большой, и воины неизвестно какого племени. Их около двух сотен, так сказали лазутчики.

— Они из незнакомого племени, — сказал один из разведчиков по имени Умбелази. — Мы никогда прежде таких не видели. У воинов зубы заточены и острые, как у крокодилов.

— Каннибалы, — сказал Эль Борак. Он заставил построить вокруг лагеря частокол, который мы сделали из поваленных деревьев, обтесав стволы, врыв в землю и поставив стеной вокруг палаток. Большую часть работы сделали маколала.

Мы разбили лагерь рядом с большим баобабом, и Гордон послал Абдуллу Гхулаба, Шаха Абдура, Абдул Хана и Яра Уллу залезть на дерево, взяв винтовки, и затаиться в листве.

Затем, оставив Багхилу Хана и Уналангу во главе лагеря, Гордон взял Яра Али, Лал Сингха, Гхур Шана и двух зулусов, Умбелази и Сакатру, и сколь-

знул в лес, который походил на джунгли, потому что оказался очень густым, но все-таки это были не джунгли.

Через некоторое время из леса появилось около двухсот воинов. Увидев наш частокол, они остановились. Но потом двинулись вперед, а когда подошли на ружейный выстрел, мы открыли огонь по команде Багхилы. Каннибалы сразу же скрылись за деревьями и в густой траве, посылая в нашу сторону тучи стрел. Один из них, высокий, безобразный воин, встал и стал стрелять из ружья. В то же самое мгновение раздался выстрел, но не из лагеря, а откуда-то из зарослей, и каннибал упал ничком. Тогда мы вновь открыли огонь, стараясь не тратить патроны зря, но стреляя, заметив любое движение в лесу. Мы знали, что не раним ни Гордона, ни его людей, поскольку они были далеко. Каннибалы отвечали на нашу пальбу стрелами, копьями и ружейными выстрелами. Они окружили нас и подбирались лесом все ближе и ближе. Но до лагеря оставалось еще более ста ярдов свободного места. Стрелки на деревьях имели большое преимущество, ведь они видели негров, которые не спрятались как следует. Зулусы хотели напасть на каннибалов, но у них не было ружей, и Уналанга им запретил. Скоро из леса раздался крик леопарда, дважды повторившийся, и Багхила приказал прекратить огонь и не стрелять, пока мы не удостоверимся, что это каннибал.

Потом донесся дикий и торжествующий волчий вой, и мы поняли, что это Эль Борак кого-то убил. Каннибалы на миг перестали стрелять, но тотчас же начали снова. Вдруг высокая трава стала шевелиться, как будто в ней боролись два человека. На секунду над травой показалось оскаленное лицо Гхур

Шана, и он выкинул наружу голову негра. В следующий момент это место стало мишенью для двух сотен стрел и ружейных пуль, но мы знали, что Гхур Шан уже скрылся в лесу.

Такая быстрота и безнаказанные убийства соплеменников начали действовать на каннибалов раздражающе, о чем свидетельствовали яростные крики и беспорядочная пальба. Я не сомневался, что Яр Али и Лал Сингх еще кого-нибудь убили, так же как и зулусы. Потому что трава зашевелилась и на открытое место вышли, покачиваясь, два чернокожих, сжимая друг друга в жестокой схватке. Мгновение они качались, затем один оторвался от другого, устремился на своего врага и пригвоздил его к земле копьем. Потом выдернул его, взмахнул оружием и с победным кличем снова нырнул в заросли. А зулусы за частоколом издали торжествующий крик, так как победителем был Умбелази.

Какое-то время каннибалы поддерживали огонь. Затем вдруг выскочили из укрытий и бросились на частокол, испуская дьявольские крики. Это были высокие, худые люди, большинство из них отвратительные на вид, с остро заточенными зубами, совершенно голые, вооруженные луками, длинными копьями и щитами. Они пробежали, атакуя нас, почти до самого частокола, затем дрогнули под огнем наших ружей и бросились обратно в лес. Они оказались не такими сильными воинами, как матабеле. Ни один из нас не получил ранения, кроме Лал Сингха, легко раненного в руку копьем каннибала, которого он зарубил саблей в лесу. Мы посчитали убитых, включая тех, кого убил Гордон со своими людьми, — их насчитывалось сорок. Все зулусы, кроме Умбелази и Сакатры, выказали недовольство, потому что Уналанга не разрешил им преследовать убе-

гающих каннибалов. Ведь у зулусов не было винтовок.

Гордон сказал, что каннибалы, очевидно, принадлежали к народу, живущему вдоль реки Замбези, и были в походе, а может быть, их племя изгнали более сильные соседи. Он сказал, что они не часто вторгаются так далеко на юг.

Мы не увидели поблизости никаких поселений и не стали разыскивать, хотя зулусы хотели найти деревню тузумцев и сжечь. В дальнейшем каннибалы не беспокоили нас, хотя, продолжив путь, мы слышали их тамтамы, звучащие далеко в зарослях джунглей.

Отряд наш продвигался и через джунгли, и через равнину. Однажды, когда мы поставили часток, которым каждый раз окружали лагерь, к нам подошел какой-то человек. Это был тот самый воин, которого Гордон послал к царю матабеле. Было видно, что он долго скитался. Негр прошел такое большое расстояние, что-то небольшое из одежды, что было на нем разодралось в клочья и запыхтелось. У него не было иного оружия, кроме дубинки и щита. И то и другое он положил перед Гордоном.

— Ты передал мои слова инкози? — спросил Эль Борак.

— Да, — ответил матабеле. — Царь впал в ярость и заточил меня в тюрьму, с тем чтобы убить, ведь я принес ему дурную весть. Но я бежал и с тех пор следую за твоим сафари, инкози. Однако вы идете так быстро, что мне тяжело за вами угнаться.

— И что теперь? — спросил Эль Борак.

— Я хочу следовать за тобой, инкози, — сказал кафр. — Я мог бы остаться в своей стране, но если царь схватит, то убьет. Ты великий воин, инкози, и мудрый предводитель. Я хочу идти за тобой.

— Я всегда приглашал храбрых мужчин,— сказал Эль Борак,— но мое сафари идет в Конго и дальше.

— Не имеет значения,— сказал матабеле.— Когда воин матабеле идет за своим вождем, он следует за ним всюду и ни о чем не спрашивает.

— Ты мужественный человек,— сказал Эль Борак.— Ты будешь на равных с воинами Уналанги и станешь под его командование.

— Хорошо,— сказал матабеле.— Зулусы — храбрые воины, и Уналанга такой вождь, под чьим командованием даже воин матабеле может сражаться с гордостью.

— Отлично,— сказал Эль Борак.— Когда мы вернемся из похода, ты получишь звание младшего вождя. А теперь ты можешь идти.

Афганцы смотрели на матабеле, которого звали Умгази, с подозрением. Яр Али особенно не доверял ему. Вообще-то он всегда недоброжелательно относился к любому, к кому Эль Борак проявлял расположение. Удивительно, как он до сих пор не нашел повод и не убил Лал Сингха.

— Этот черный шайтан обманет Эль Борака,— ворчал Яр Али.— Он присоединился к нашему сафари только для того, чтобы его убить. Но хотя ему и удалось одурачить Эль Борака, он не одурачит меня, клянусь бородой Пророка. Пусть только попробует сделать какое-нибудь подозрительное движение — я растерзаю его на сотню кусков и разбросаю их по джунглям.

Над этим мы очень смеялись, ведь Яр Али намекал, что он превосходит Эль Борака в хитрости, но все хорошо знали, что если бы кто-то другой осмелился заявить такое при Яре Али, то имел бы большие неприятности.

Что касается зулусов, они приняли Умгази без всяких возражений. Как я сказал, и зулусы и матабеле — кафры и говорят на очень схожих языках, хотя наши зулусы были родом из Трансвааля, а матабеле пришел из Северной Родезии.

Мы подошли к деревням, в большинстве из которых жили мелкие племена, но встречались и те, что принадлежали маколала, населявшим, кажется, всю эту часть Африки. Жители этих деревень были гостеприимны и проявляли к нам больше любопытство. Туземцы добровольно снабжали нас продовольствием. В каждой деревне наши маколала смешивались с местными, вместе танцевали и пировали. Иногда случались там ссоры и драки, но всегда дело заканчивалось смехом, криками и разговорами, так что, без сомнения, маколала самый шумный народ во всей Африке. Сераль в Пешаваре не сравнится ни с одной из этих деревень.

Гордон опять отдал приказ относительно местных женщин, но его не так хорошо выполняли, как следовало бы. Зулусов этот приказ мало волновал, ведь они презирали маколала и не обращали внимания на их женщин. Некоторые из афганцев тайком обходили запрет Гордона, но строго держали содеянное в тайне, причем от Яра Али и Лал Сингха так же, как от Гордона и Багхиды Хана. Яр Али не обращал внимания на женщин, тем более на девушек маколала, но всегда приходил в ярость, когда нарушался приказ Гордона. Лал Сингх говорил, что нарушение приказов подрывает власть предводителя и он никому не позволит бесчестить Эль Борака. Когда он заявлял это, положив руку на рукоятку револьвера, никто не смел с ним не согласиться.

Но были носильщики маколала, которые, главным образом, и нарушали приказ Гордона, тем бо-

лее что в деревнях племен такого запрещения не было.

— Далее мы пошли по очень густым джунглям, где было много диких животных и змей. Деревья там стояли очень тесно друг к другу, поэтому стояла невыносимая жара. В этих джунглях жили многочисленные племена, в большинстве своем очень воинственные. Эль Борак достал из багажа двадцать винтовок марки Мартини и отдал их зулусам, за что те были ему очень благодарны. Он дал также тридцать полных патронташей, и каждый воин получил по одному.

На привалах зулусов учили пользоваться винтовками, так как они никогда не держали подобного оружия в руках; только некоторым из них приходилось стрелять из кремневых ружей, заряжаемых с дула.

Кроме того, Эль Борак и мы, афганцы, учили их искусству стрельбы, а зулусы, в свою очередь, учили нас пользоваться копьем, щитом и дубинками. Я забыл сказать, что после сражения с матабеле Эль Борак приказал нам взять пятьдесят брошенных ими щитов. Щиты были продолговатые, из бычьей кожи, сухой и твердой, натянутой на очень крепкую деревянную раму. Они выдерживали удары копий и дротиков, могли остановить и боевой топор, и ружейную пулю. Мы учились сражаться со щитом, как воины в старые времена. Сначала щиты казались нам слишком громоздкими, но когда мы научились ими пользоваться, поняли, что они очень удобны. Мы все были хорошо вооружены отличными винтовками и большим запасом патронов.

Туземцы, которых мы встречали, в большинстве своем относились к нам дружелюбно, но даже самые воинственные оказались слишком слабы, чтобы

напасть на нас. Гордон всегда хорошо обращался с чернокожими и ни в чем не обманывал. Многие из них никогда раньше не видели белого человека.

На протяжении всего пути мы избегали дорог, проторенных ловцами рабов, потому что Гордон хотел сохранить нашу экспедицию в тайне, насколько это было возможно, особенно от всяких чиновников. Вскоре мы подошли к реке, которую Эль Борак называл Замбези. Она была намного больше Лимпопо. Местные племена, живущие по берегам, назывались батеке¹. Они перевезли нас на другой берег в длинных неуклюжих лодках, сделанных из выдолбленных стволов. Эти батеке натирают свои тела каким-то маслом и ходят голыми, не надевая даже набедренных повязок. Они миролюбивы и живут посевами. Как мужчины, так и женщины курят очень крепкий табак, который выращивают тут же. Женщины коротко стригут волосы, а мужчины, наоборот, отращивают и заплетают в косы. У них есть несуразный обычай приветствовать важных гостей, таких, как вождь или белый человек. Они ложатся на спину и, дрыгая ногами в воздухе, шлепают себя по бедрам и кричат: «Кина бомба!» Они не особенно воинственны, но иногда ссорятся с маколала, многие из которых живут по берегам Замбези.

Переплыв Замбези, мы продолжили свой путь на северо-запад. Гордон не знал языков племен, живущих по ту сторону Замбези, поэтому убедил одного батеке пойти с нами в качестве переводчика.

Джунгли стали гуще. В некоторых местах нам приходилось прорубать себе дорогу. Там жило ко-

¹ Батеке — народ группы банту в пограничных районах Конго и Заира. В XVI—XVII веках переселились на правый берег реки Конго.

варное племя баньай. Со всех сторон мы слышали грохот их барабанов. Они несколько раз нападали на нас, но мы успешно отбивались. Через несколько дней пути Эль Борак сказал, что мы теперь не на британской территории, а в Бельгийском Конго.

Отряд сделал уже несколько переходов в Конго, когда меня, Ормузд Шаха и Сулундру послали вперед разведать дорогу. Вдруг мы услышали хруст веток и остановились. Затем все стихло. Через некоторое время из джунглей вышло какое-то существо, о котором я подумал, что это сам шайтан или Иблис, клянусь бородой Пророка!

Оно шло на задних ногах, как человек, но такого человека не могло быть! Тело покрывала длинная густая рыжеватая шерсть, огромные руки свисали ниже колен, а лицо его походило на дьявольскую маску.

Какое-то время мы стояли в изумлении, неспособные от неожиданности ни говорить, ни двигаться. Потом чудовище с ужасным воплем бросилось на нас. Оно оказалось очень проворным для своего веса. Оракзай поднял было ружье, но прежде чем успел выстрелить, чудовище вырвало винтовку из рук Ормузд Шаха и сжало в своих громадных лапах и, клянусь Пророком, приклад сломался, а дуло согнулось, как соломинка. Затем чудовище бросилось на человека и, несмотря на всю силу оракзая, разорвало бы его, как ребенка, если бы Сумундра не вонзил в него свой ассагай¹. С ужасным воплем чудовище отпустило Ормузд Шаха и повернулось к зулусу, но в это время я ударил его саблей. Оно оказалось настолько сильным, что я вынужден был ударить его дважды.

¹ *Ассагай* — метательное копье длиной около двух метров.

Мы поволокли чудовище в лагерь, чтобы показать его Гордону и остальным, и нам пришлось приложить все силы — такое оно было тяжелое.

Когда мы притащили тушу на стоянку, поднялась настоящая паника, но Гордон сказал нам, что это всего лишь гигантская обезьяна, которая называется горилла. И добавил, что в джунглях Конго они часто встречаются. В дальнейшем мы не раз видели этих огромных обезьян, но больше они на нас не нападали.

Джунгли были очень густые и душные. В воздухе витал запах разлагающихся растений, деревья вздымались ввысь, их ветви переплетались между собой, пропуская лишь малую толику солнечных лучей. По земле ползали всякие гады, в болотах барахтались крокодилы и скользили змеи. Нет, это не место для горца, хотя никто из нас не заболел. Наверное, благодаря тем травам, которые Гордон раздал нам и приказал жевать. Я не представляю, что это за травы, но Эль Борак, хотя и не был знахарем, знал много таких вещей, ведь едва ли найдется такое место на земле, где он не побывал.

Племена, живущие в джунглях, были совсем дикие, голые и свирепые, многие из них оказались каннибалами. Однажды они устроили засаду в зарослях, но наши разведчики обнаружили затаившихся людоедов. Мы обошли их, напали с тыла и многих убили.

Никому из нас не нравились джунгли — ни афганцам, которые выросли в высоких горах Гималаев, ни зулусам, чьей родиной была саванна.

Эль Борак избегал, насколько возможно, особенно густых зарослей, но все-таки часто приходилось прорубать тропу такой ширины, чтобы могли пройти один или два человека. Мы видели слонов,

правда, не очень много, однако с отличными бивнями. Гордон не позволил их убивать.

— Мы не должны нагружаться слоновой костью,— сказал он,— ведь мы понесем на себе столько золота, сколько сможем унести.

Мы стали лагерем рядом с большой деревней, и туземцы пришли на нас посмотреть. Они были похожи на тех острозубых каннибалов, что уже встречались на нашем пути, и казались более нахальными, чем другие чернокожие. Батеке-переводчик сказал, что они из могущественного племени, которое уничтожило или поработило все соседние народы. Вскоре появился их царь, окруженный воинами с копьями и щитами, одетый в обезьяньи шкуры и украшенный перьями попугаев.

Надменный и очень толстый, обрюзгший от распутного образа жизни, он хвалился своей мудростью и храбростью, доблестью своих воинов, большими запасами слоновой кости и женами, которых у него было двести и еще сорок. Потом потребовал у Эль Борака двадцать винтовок, патроны к ним и ром. Гордон посмеялся над ним.

— Вы пришли сюда, чтобы украсть мою слоновую кость,— сказал царь, придя в ярость.— Я убью вас и съем.

Тогда все его воины бросились на нас, но тут же убежали к себе в деревню при первом же нашем выстреле, а Гордон прыгнул на царя и взял его в плен. Яр Али и Багхила Хан хотели убить толстяка, а потом отдать его голову соплеменникам, но Гордон не позволил. И так, мы держали его в заложниках, и каннибалы не посмели напасть на нас, хотя из деревни доносился грохот их тамтамов. А воины каннибалов танцевали и издавали военные кличи всю ночь.

На следующее утро мы выступили и повели с собой царя, благодаря чему каннибалы не напали на нас на марше. Потом мы позволили ему уйти. Маколала сперва его раздели, а затем побили, громко крича и таская за волосы. Несмотря на толщину, царь помчался в деревню, как будто его преследовали все львы Конго. Мы выходили и к другим деревням, но остальные туземцы были либо не слишком воинственными, либо не слишком сильными, чтобы нападать на нас.

Как-то набрали на реку в джунглях, и никто из сафари не знал, что это была за река. Нарекли ее Чангаан — так назвал ее один из зулусов, увидевший воду первым. У реки были пологие берега, и текла она с севера на запад по направлению к реке Конго.

По берегам Чангаан жили племена, и у них Эль Борак купил три лодки. Это были боевые каноэ, сорока футов в длину, низко сидящие в воде, имеющие толстое дно и очень крепкие.

Эль Борак расположил по лодкам людей и багаж. Насильщики маколала стали гребцами. В реке, над грязной водой которой висели тучи москитов, водилось много гиппопотамов и крокодилов. Джунгли по одну сторону подходили к самой воде.

Мы плыли по течению день и ночь, останавливаясь только для того, чтобы настрелять свежей дичи. Антилопы и кабаны спускались к самой воде, и Гордон стрелял в них. Затем мы втаскивали добычу на борт, свеживали и разделявали. Пришлось сделать своего рода площадки на носу каждой лодки и устроить на них место для кухни и там готовить пищу. Таким образом, сходить на берег приходилось только за свежей водой, вода в реке была слишком грязной для питья.

Нам стали попадаться туземцы в каноэ, ловившие рыбу, а также деревни, стоявшие либо на берегах, либо на сваях в самой реке.

Гордон остановился в одной из этих деревень и купил тридцать щитов, обтянутых кожей носорога. Они превосходили щиты зулусов по твердости и крепости, хотя были несколько тяжелы и громоздки.

Эти щиты и те, которые мы взяли от матабеле, Эль Борак заставил нас установить с каждой стороны каноэ от носа до кормы. Таким образом, получилось заграждение, за которым мы могли скрыться от копий и других метательных орудий. Когда щиты укрепили должным образом, они не мешали грести.

Насколько умно это было придумано, мы поняли, когда однажды от одной деревни вышло несколько боевых каноэ, чтобы нас перехватить. Мы плыли прямо, пока не приблизились на оружейный выстрел. Туземцы-каннибалы угрожающе размахивали своими копьями и выпускали боевые кличи. Вскоре их стрелы стали ударяться в заграждение из щитов, и Гордон отдал приказ открыть огонь. Три наши лодки образовали единую линию и поплыли рядом друг с другом. Маколала гребли, направляя лодки прямо вперед, и каждый азиат и зулус, спрятавшись за щитами, обрушил настоящий град пуль на каноэ каннибалов. Несколько из этих лодок были продырявлены и пошли ко дну. Крокодилы схватили воинов, оказавшихся в воде. Остальные каноэ повернули и устремились к своей деревне.

В следующей деревне, которая оказалась дружелюбной, Гордон купил легкое двухместное каноэ и вместе с одним из наших разведывал путь, плывя в этом каноэ впереди остальных. Иногда он брал с собой Яра Али, иногда Лал Сингха, иногда Умгази.

С ним был Умгази, когда мы подошли к повороту реки. Каноэ исчезло за поворотом прежде, чем наши лодки его догнали. А когда и мы повернули, каноэ пропало из вида. Река несла свои воды дальше на несколько миль вперед, делая следующий поворот. Несколько гиппопотамов плескались у берега, там же плавали крокодилы, и больше ничего не было видно.

— Клянусь Пророком! — вскричал Яр Али. — Здесь что-то неладно!

— Может быть, они вышли на берег, — предположил Абдхур Шах.

— Тогда бы они вытащили каноэ, — сказал Лал Сингх.

Мы выстрелили несколько раз, но не получили никакого ответа. Было такое впечатление, что джунгли проглотили Эль Борака и Умгази. Можно было предположить, что гиппопотам или крокодил опрокинул каноэ, или оно перевернулось и крокодилы утащили людей, но остались бы следы, указывающие на это.

Одна наша лодка плыла посреди реки, а две другие вдоль каждого берега. Вскоре от лодки у восточного берега послышался выстрел, и мы поплыли туда. У самой кромки воды нашли каноэ, наполовину затопленное. Вытащив его на берег, мы обнаружили, что лодка пробита в нескольких местах копьями, а борта и сиденья забрызганы кровью, были и другие следы жестокой схватки.

— Клянусь Пророком! — вскричал Яр Али. — Этот черный шайтан матабеле убил Эль Борака.

Такая мысль пришла в голову каждому из нас. Но были и возражения.

— Как мог один человек справиться с Эль Бораком? — спросил Лал Сингх.

— Он мог одолеть его коварством,— сказал Яр Али.— Я никогда не доверял этому матабеле. Он присоединился к нашему сафари с единственной целью — убить Эль Борака. А сейчас он, я уверен, спешит назад с его головой.

После этих слов зловещее ворчание послышалось с лодок и клинки сабель, выхваченные из ножен, сверкнули в воздухе.

— Может быть, они убили друг друга, и обоих съели крокодилы,— предположил Багхила Хан.

Несколько человек вышли на берег, но в тростнике, который мы срубили и откуда мог незаметно выползти крокодил, не было никаких признаков борьбы или бегства.

Лал Сингх отдал приказ. Я посмотрел на его потемневшее суровое лицо и увидел, что он готов к решительным действиям. Эль Борак говорил афганцам: «Если меня когда-нибудь убьют или захватят, вас поведет Лал Сингх». Но Лал Сингх знал, что был только один человек во всей Африке, который мог повелевать Волками, и это — Эль Борак.

— Умбелази, Гхур Шан и Сакатра выйдут на берег и разыщут там следы,— сказал Лал Сингх.— Идите вначале вверх по течению, а мы будем вас ждать здесь,— добавил он.

Через некоторое время гуркх и зулусы пришли с известием, что ничего не нашли — ни следов Гордона, ни кого-либо еще.

— Теперь идите вниз по течению,— приказал Лал Сингх.— Лодки спустятся тоже и будут плыть на одном уровне с вами.

Мы так и сделали и отплыли совсем недалеко, когда услышали выстрел с берега. Лодка, в которой сидели Лал Сингх и я, и та, в которой плыл Яр Али, сблизились настолько, что мы могли тихо перегово-

риваться между собой. Когда каноэ оказалось уже недалеко от берега, какой-то человек вошел в воду и поплыл к нам. Это был Умгази, весь в крови. На щеке у него виднелась рана, и еще одна на лбу. Его набедренная повязка разодрана, а зажатая в руке дубинка — единственное оружие, которое он носил, — запачкана кровью.

— Где Эль Борак? — грозно спросил Яр Али, выхватив свой хайберский нож.

Вот что рассказал матабеле. Они с Гордоном повернули по течению реки и оказались невидимы с лодок, когда какой-то чернокожий крикнул им с берега. Они увидели еще несколько человек, стоявших на берегу и подающих дружеские знаки. Эль Борак приказал Умгази грести к берегу, а сам стоял в каноэ с винтовкой наготове.

Когда каноэ приблизилось к берегу, негры, увидев винтовку Гордона, положили свое собственное оружие на землю, приглашая подплыть ближе. Джунгли в этом месте спускались к воде по пологому берегу. Эль Борак не понимал языка этих людей и приказал матабеле подплыть поближе. Туземцы выглядели дружелюбными, и Гордон, внимательно оглядев джунгли и ничего не заметив подозрительно, опустил винтовку и снял палец со спускового крючка. Умгази подгреб ближе, как приказал Гордон.

Затем, когда негры объяснялись с Гордоном с помощью жестов, из джунглей позади них вылетела тяжелая дубинка и ударила Эль Борака в лоб. Он упал без чувств. В следующий момент негры, схватив оружие, бросились к каноэ, а из джунглей бежали другие. Умгази едва успел схватить свою дубинку, как они разоружили его и связали ему руки и ноги так же, как и Гордону, который все

еще был без сознания. Затем, оставив каноэ там, где оно затонуло во время схватки, они тщательно забросали свои следы грязью. Воины забрались на деревья, которые росли высоко и густо вдоль берега реки. Туземцы, придерживая пленников, передвигались по ним, как обезьяны, прыгая с ветки на ветку: деревья были такие большие, а их ветви такие запутанные, что это им легко удавалось. Пройдя таким образом некоторое расстояние, они спустились на землю. Несмотря на путы, матабеле сопротивлялся и боролся на каждом шагу пути. Он не знает, почему его не убили. Тем временем Эль Борака пришел в чувство и сказал Умгази, чтобы он освободился и бежал и чтобы привел Волков выручить его. «Потому что,— сказал Эль Борака,— если ты попытаешься взять меня с собой, нас убьют обоих, а если ты убежишь, ты можешь вернуться с воинами и освободить меня».

Туземцы сбросили их с деревьев, и Умгази повернулся спиной к Эль Бораку, так как руки у него были связаны за спиной. Кисти рук у Эль Борака были тоже связаны, но он развязывал путы Умгази пальцами. Когда он покончил с ними, Умгази освободил ноги, вскочил, выхватил свою дубинку у воина, убил его и убежал.

Когда матабеле рассказал нам эту историю, мы были так изумлены, что не могли ничего сказать. Мы не знали, верить ему или нет.

— Ты лжешь, негр,— сказал Яр Али,— ни один туземец не может так одурачить Эль Борака.

— Куда пошли эти люди? — спросил Лал Сингх.

— Вверх по течению,— ответил Умгази.— Это, должно быть, речное племя, потому что они все время держались возле берега.

Яр Али вскочил на ноги.

— Ты лжешь, матабеле! — вскричал он. — Ты сам убил Эль Борака! — И он обнажил хайберский нож.

Матабеле быстро взглянул на него, потом на нас и прочел подозрение на каждом лице. Быстро, как леопард, отбив удар Яра Али, он ударил его так, что афганец пошатнулся, а затем прыгнул за борт.

Сразу же дюжина винтовок нацелилась на него, но по команде Лал Сингха войны опустили оружие. Все, кроме Яра Али. Он схватил винтовку и выстрелил от бедра. Пуля пролетела мимо, но прежде, чем он успел выстрелить еще раз, Лал Сингх набросился на него и, используя всю свою силу, вырвал ружье из рук Яра Али. Понадобилось десять человек, чтобы не дать афганцу прыгнуть за борт и поплыть за Умгази, и он чуть было не перевернул лодку, сопротивляясь и бесясь от дикой ярости. В это время матабеле быстро плыл, не обращая внимания на крокодилов, затем выбрался на берег и скрылся в джунглях. Яр Али повернулся к Лал Сингху.

— Если матабеле убил Эль Борака, я убью тебя, Лал Сингх, — сказал афганец. Голос его был похож на рычание кровожадного волка.

— Я разрешаю тебе, Яр Али, — сказал Лал Сингх спокойно.

Я видел, что из всех нас, возможно, только Лал Сингх верил рассказу Умгази. Он позвал двух зулусов и гуркха и изложил нам свой план.

— Я возьму Гхур Шана и еще восемь человек, — сказал Лал Сингх, — и мы пойдем за матабеле. Лодки пойдут вверх по реке до тех пор, пока нам не потребуется сесть в них. Совпадает это с вашим планом? — спросил он у Багхилы Хана, Яра Али и Уналанги. Они согласились, и Лал Сингх выбрал тех, кого он хотел взять с собой. Он взял Гхур

Шана, Абдул Хана, Магомета Али и меня, а еще Умбелази, Сакатру, Мализу, Умлингаана и Ундайу.

Яр Али разозлился из-за того, что Лал Сингх не выбрал его пойти вместе с нами, но сикх объяснил ему, что он останется в лодке и поможет Багхиле Хану и Уналанге командовать Волками. Яр Али согласился, но не очень охотно.

Гхур Шан и Умбелази без большого труда шли по следу матабеле, и вскоре стало ясно, что он намеренно оставил хорошо видимый след.

— Он знал, что мы последуем за ним,— сказал Лал Сингх. Теперь уже все поняли, что матабеле говорил правду.

— Он может завести нас в ловушку,— сказал Абдул Хан.

Итак, мы шли очень осторожно. Вскоре мы пришли к месту, где растения были примяты, как будто после борьбы, и где виднелись многочисленные следы. Гхур Шан внимательно осмотрел это место.

— Матабеле сказал правду, по крайней мере частично,— заметил он.— Здесь люди спустились с деревьев, а здесь лежали два человека.— И он показал нам вмятины на мягкой земле.

Оттуда шли следы людей, которые двигались один за другим, и мы заметили, что у некоторых следы были глубже, как будто люди, оставившие их, несли какой-то груз.

— Они несли Эль Борака,— сказал Гхур Шан.— Он или убит, или не в состоянии передвигаться самостоятельно.

— У него связаны руки и ноги,— сказал Умбелази.— Даже если они развяжут ему ноги, чтобы он мог идти, ему не найти дорогу, чтобы бежать.

След матабеле шел поверх следов чернокожих воинов — таким образом, мы знали, что он где-то

впереди нас. Лал Сингх верил, что матабеле пытается выручить Эль Борака, а Абдул Хан думал, что он явно обманывает нас и спешит присоединиться к отряду, который взял Эль Борака в плен.

След вел вдоль берега, о чем Умгази и говорил. Сквозь заросли джунглей все время виднелись воды реки. Умбелази пошел на разведку вперед и вскоре вернулся со словами, что какой-то отряд воинов идет вниз по тропе.

Повернув в сторону, мы спрятались и затаились в высокой траве, внимательно наблюдая за тропой, по которой до этого шли и которая петляла между деревьев.

Воины еще не появились, когда высокая трава вдруг раздвинулась и из нее высунулась голова, увенчанная убором из страусовых перьев. Туземец увидел нас. Очевидно, это был разведчик. Он поднял длинное копье, но прежде, чем успел бросить его, Гхур Шан выскочил и рассек ему башку ударом сабли. Негр упал в траву.

Как раз в этот момент появился отряд воинов, о которых говорил Умбелази. Они шли по извилившей тропе.

— Если они пойдут вверх по реке, они увидят наши следы,— прошептал Лал Сингх.— Если они пойдут прямо, мы должны подстеречь их в засаде, и у нас будет преимущество.

Воины приближались, их оказалось около тридцати. Мы подняли винтовки и взвели курки, но, не дойдя до нашей засады, они повернули направо, пошли на юго-восток и скрылись в джунглях.

— Мы были на волосок от смерти,— сказал Лал Сингх, когда мы снова вышли на тропу. И это было справедливо. Впрочем, для них так же, как и для нас.

Следуя по тропе, мы подошли к берегу и там остановились, пораженные.

В этом месте река разлилась очень широко. Мы находились на северо-западе от ее поворота. Три наши лодки как раз обогнули берег и остановились.

Посреди реки стоял остров. Он был длинный, узкий и утесом поднимался примерно на двадцать футов над водой. Я прикинул, что он примерно две трети мили в длину и около четверти мили в ширину. Вода стремительно неслась мимо его берегов.

Остров протянулся с юго-востока на северо-запад. В центре находилась деревня, и еще одна была на южной оконечности. Мы увидели много больших хижин, крытых соломой, окруженных частоколом. В деревне на юге частокола не было. Там теснилось множество хибарок и еще несколько больших хижин стояли над рекой на сваях. Они соединялись с островом и друг с другом мостами. В воде под этими хижинами стояли каноэ. Сотни каноэ. Целая флотилия. Мы видели повсюду множество туземцев и поняли, что это очень сильное племя.

Лодки остановились у берега, и Волки, кажется, не знали, что делать. Лал Сингх послал гонца вдоль берега и приказал подплыть к нам.

Затем мы сели в лодку.

— Здесь живет племя, которое захватило. Эль Борака, — сказал Лал Сингх. — И они очень хорошо укреплены.

Мы обсудили несколько планов. Яр Али предлагал высадиться с огнем и мечом, но Лал Сингх сказал, что это глупо. Нам придется сражаться с сотнями воинов, и, скорее всего, мы потерпим поражение.

Ормузд Шах предложил миновать остров, спуститься ниже по течению, выстроить там дамбу и

затопить остров. Но было ясно, что это нам не под силу. Одни предлагали одно, другие — другое, и мы не могли выбрать лучшее.

Лал Сингх сказал, что мы поплывем по течению реки и посмотрим на остров поближе — это поможет нам определиться.

Так и сделали, а когда осматривали остров, то увидели около двухсот каноэ, которые поплыли наперерез нашим лодкам.

Это-то и было нам нужно, и мы двинулись прямо на врагов. Негры стояли в каноэ, потрясая копьями и топорами, и были, как тысяча дьяволов. Лал Сингх приказал всем лодкам держаться рядом и открывать огонь только по его команде. Боевые каноэ приближались. Мы могли уже видеть свирепые лица негров, а их копья стали ударяться о щиты, поставленные вдоль бортов. Туземцы были огромного роста, одетые в набедренные повязки, обезьяньи шкуры и головные уборы из страусовых перьев. Все вооружены боевыми топорами, длинными копьями, луками и большими дубинками. У многих ружья.

Когда они подплыли на расстояние ружейного выстрела, Лал Сингх дал команду открыть огонь. Каждая винтовка на трех лодках выстрелила. Каноэ подошли к нам так близко, что не надо было даже целиться. Мы просто палили прямой наводкой. Лал Сингх стоял на носу лодки, бросая пакеты с динамитом и ручные гранаты.

Сражение оказалось коротким. Остатки флота каннибалов бросились назад к деревне. Мы преследовали, раскачивали, опрокидывали их каноэ и потопили почти половину флотилии. Река кишела крокодилами, которые хватили каждого, кто падал в воду. Когда каноэ каннибалов стали отступать, лодка Яра Али устремилась вслед за ними. Негры

заметили, что лодка слишком оторвалась от других. Два каноэ повернули назад и приблизились к ней. Это было на руку Яру Али. Его воины набросились на негров как дьяволы. Стрелять было нельзя. Борьба проходила на близком расстоянии и быстро закончилась. Копья и дубинки каннибалов мелькали и кружились, а над ними и сквозь них сверкали и взмывали сабли афганцев и ассагаи зулусов. Гребцы маколала ловко маневрировали своими веслами, и оружие каннибалов било мимо.

Сражение закончилось, и победа была одержана до того, как приблизились наши лодки. Яр Али неумоимо рвался продолжить бой, но как только Лал Сингх отдал приказ, неохотно велел воинам поворачивать и плыть обратно. Абдулла бин Сикандер был убит, его пронзили три копья, а Н'Мото и один из гребцов маколала ранены, но несильно, зато на каноэ врагов ни один не остался в живых.

— Я хочу освободить пленника, — сказал Лал Сингх.

— Да, сейчас лучше отступить, — согласился Яр Али, — но, когда мной овладевает жажда убийства, я не могу ни о чем думать — только убивать, убивать, убивать.

Яр Али и в самом деле жаждал убивать. Он хотел взять остров приступом.

Лал Сингх заметил, что на острове несколько сотен воинов, и даже если мы до него доберемся, то не сможем подняться на крутой берег, который, как я сказал, был высотой около двадцати футов.

Лал Сингх взял бинокль Эль Борака и осмотрел остров, а затем приказал подогнать лодки к берегу и встать неподалеку на якорь. Таким образом лодки не относило течением, и ни один чернокожий не мог добраться до нас из джунглей.

Затем мы разработали план нападения на остров. Батеке рассказал нам, что островитяне — сильное племя, владеющее этим клочком суши с незапамятных времен. Даже у себя в стране он слышал о них легенды. Они были речными пиратами и захватывали каждое каноэ, которое следовало мимо острова. Они требовали, чтобы им платили дань, а при отказе всех убивали. Он думает, что это племя манийюма.

Лал Сингх сказал:

— В центральной деревне, скорее всего, находится дом их царя. А южная деревня, должно быть, база флотилии. Сейчас я изложу вам свой план. Они прикончат Эль Борака, как только поймут, что мы побеждаем, поэтому следует разбить островитян быстро и беспощадно. Я возьму одну лодку и под покровом ночи поплыву вниз по течению. Мы постараемся взобраться на скалы на северо-западном конце острова. Затем, когда я дам сигнал выстрелами, две другие лодки поплывут в сторону хижин, выстроенных над рекой. Если их захватить, можно легко разрушить деревню на берегу. А потом нападём на главную деревню с двух сторон и окружим ее.

— А что, если они убьют Эль Борака? — спросил Уналанга.

— Тогда мы убьем их всех — мужчин, женщин и детей, — сказал Лал Сингх.

— Ладно, — согласился Багхила Хан, и мы все его поддерживали.

Мы ожидали, что манийюма вышлют против нас новый флот боевых каноэ, но они не сделали этого и не поставили заграждения из каноэ через реку, чтобы не дать нам продолжить наше путешествие.

Когда черная африканская ночь пала на реку и джунгли, Лал Сингх отдал приказ, и лодка поплыла вниз по течению. Он взял Уналангу и девять зулусов, а также Ормузд Шаха, Гхур Шана, Юсефа эль Хасана, Магомета Али, меня и пятерых маколала. Лал Сингх вооружил маколала хорошими ружьями из наших запасов, копьями и боевыми топорами, захваченными у туземцев. Плывя по возможности бесшумно, мы проскользнули за остров. Нас подхватило течение, такое сильное, что почти не нужно было грести, только совсем немного, чтобы направлять лодку.

Во всех селениях манийюма кричали и издавали боевые вопли, по обычаю туземцев. Грохотали там-тамы, и по всему острову пылали костры. Видно, они ожидали наше ночное вторжение. Мы подошли так близко к острову, что могли видеть, как чернокожие воины, похожие на голых черных дьяволов, танцевали возле костров.

Каноз бороздили реку возле острова, но нам повезло, и мы незаметно проскользнули мимо, хотя оказались так близко, что наши весла почти коснулись лодок туземцев. Если бы не темная ночь, они бы нас заметили.

Как я уже сказал, течение было быстрым, но мы старались подвести лодку как можно ближе к берегу на северо-западе острова. Там провели почти всю ночь, ожидая, что в любую минуту нас обнаружат. Если бы воины манийюма нас увидели, они могли бы убить всех, просто метая копьа сверху.

Как только над джунглями разгорелась заря, мы приготовились к высадке на остров. Наша лодка быстро подплыла к берегу. Лал Сингх положил винтовку и саблю на дно лодки и снял сапоги. Среди зулусов был черный гигант по имени Инкубу, что

значит «слон». Самый сильный человек в нашем отряде — это точно. Инкубу и Ормузд Шах встали плечом к плечу, крепко взявшись за руки. Уналанга забрался на их плечи, выпрямился и прижался лицом к скале изо всех сил. Лал Сингх встал на плечи Уналанги и подпрыгнул вверх. Уналанга покачнулся и повалился в лодку, но Лал Сингх успел схватиться за край скалы. Он подтянулся на руках и вылез на берег.

Поблизости не было ни одного дерева, и Лал Сингх, спустив один конец веревки вниз, другой привязал к ноге. Он вытащил первым Гхур Шана, а затем они с трудом держали веревку, в то время как поднимался Уналанга. Следом, таким же образом, все воины поднялись на остров.

Затем мы проскользнули в сторону деревни, прячась в высокой траве, которая росла там, словно в саванне. Сабанда крался впереди, когда из зарослей перед ним встала дюжина воинов. Мы поотстали и мало чего видели. Сабанда издал зулусский боевой клич, пришил одного манийюма к земле своим ассагаем и упал: его пронзили двенадцать копий.

И тут же мы бросились на врага.

— Не стреляйте! — крикнул Лал Сингх. — Яр Али подумает, что это сигнал, и нападет слишком рано.

Сражение вышло коротким. Только один маколала упал, убитый боевым топором, но никто из манийюма не ушел от нас, когда закончился бой.

Мы поспешно покинули место сражения: шум схватки могли услышать остальные островитяне. Рассвет, который быстро наступает в Африке, застал нас под кронами деревьев, рядом с главным поселением, куда мы проникли, стараясь избегать других отрядов каннибалов. Мы поспешно срубили деревья, окружили себя завалом и укрылись за ним.

Впереди, в деревне, манийюма громко кричали, оглашая воздух нестройными воплями. Вскоре мы увидели воинов, пробирающихся к нам сквозь густую траву.

Лал Сингх приказал стрелять, и мы дали залп по черным воинам. Мы взяли с собой достаточно патронов и стреляли без передышки. Каннибалы отвечали, но их стрелы до нас не долетали, а завал защищал нас от оружейных пуль.

Вскоре одни манийюма вышли из деревни, а другие показались из зарослей, где многие из дикарей укрывались. Лал Сингх приказал нам следить за теми, кто появлялся из леса, а сам стрелял в воинов, выходявших из деревни. Мы обрушили на них огонь и убили многих, а те, кто остался в живых, убежали обратно в заросли. Лал Сингх же позволил каннибалам подойти так близко, что они стали метать копьа, а затем бросил динамит в гущу наступавших.

— Если манийюма продолжат нападение, — сказал он, — мы уничтожим их всех.

Однако воины туземцев не нападали и не подходили близко, боясь динамита.

Вдруг послышался ружейный залп с другого конца острова, а следом — громкие вопли и вой.

— Это Яр Али и Багхила Хан! — вскричал Лал Сингх.

Стрелявшие в нас чернокожие кинулись на другой конец острова.

Услышав выстрелы, Багхила Хан и его люди поняли, что это сигнал, и со всей резвостью поплыли к южной оконечности острова. Несколько каноэ попытались напасть на наши лодки, но Багхила Хан бросил в них ручные гранаты, и каноэ, которые не потонули или не были расстреляны из винтовок, повернули к берегу.

Однако большая часть флотилии туземцев приблизилась к нашим двум лодкам, и между ними завязался жестокий рукопашный бой. Афганцы и зулусы пробивали дорогу сквозь скопление каноэ. Несколько человек были ранены, один зулус убит, но наши пробились. Туземцы в каноэ устремились к хижинам, стоявшим на реке, и скрылись там.

Одна из хижин, довольно большая, находилась поодаль, и Багхила Хан предложил грести к ней. Когда его люди почти доплыли до хижины, из-за острова показалось большое боевое каноэ, гораздо крупнее, чем остальные. Перед большой хижинкой был помост, и воины, взглянув туда, увидели Эль Борака, связанного по рукам и ногам. Сзади стоял огромный воин манийюма с занесенным боевым топором. Волки застыли, не зная, что делать: хотя они были почти под хижинкой, манийюма мог убить Гордона, если бы они бросились вперед.

Тем временем большое боевое каноэ приближалось к нашим лодкам.

Внезапно Эль Борак сбросил с рук путы и набросился на воина, державшего топор. Какое-то время они боролись, потом Гордон крутанул манийюма и сбросил его с помоста. Несчастный оказался среди афганцев, которые разорвали его на куски и швырнули голову в приближающееся каноэ. Яр Али бросил туда же динамит, взрывом потопивший лодку.

Тем временем манийюма, снова связав руки Эль Бораку, потащил его в хижину. Вокруг кипел бой: маколата поражали копьями каннибалов, кинувшихся в воду, когда их каноэ пошло ко дну; Волки взбирались по бамбуковым сваям, поддерживавшим хижину, в то время как другие вели огонь из винтовок по каждому появляющемуся манийюма.

Яр Али находился в таком состоянии, которое Гордон называл бешенством. Он взобрался по бамбуковой свае и метнулся в хижину. Вскоре воин-манийюма полетел из дверей хижины в реку. Затем оттуда кубарем вылетел Яр Али и упал на помост, однако быстро вскочил и снова бросился внутрь. Тем временем другие афганцы и зулусы взобрались на помост и последовали за Яр Али. Манийюма метались, в ужасе прыгая в каноэ или в реку.

Волки ворвались в хижину и увидели Эль Борака, лежавшего на полу, связанного по рукам и ногам. Два огромных манийюма бросились к нему с воздетыми копьями и достигли Гордона раньше, чем Волки. Неожиданно откуда-то появился человек, который нанес два молниеносных удара своей дубинкой, круша черепа туземцев. Это был матабеле.

Эль Борака освободили. Вскоре он узнал, что произошло с тех пор, как он попал в плен.

— Хорошо, — сказал Гордон.

— А что теперь, Эль Борак? — спросил Багжила Хан.

— Теперь мы разгромим этих манийюма, — сказал Эль Борак. — Я много о них узнал, и мне не нравится их образ жизни. Мало того, что они каннибалы и торгуют рабами, к чему я, в общем, не имею претензий, — у них много отвратительных обычаев и качеств, никто таких не имеет и уж тем более не гордится ими.

Яр Али подошел к Умгази.

— Умгази, — сказал он, — ты настоящий мужчина. А я дурак. Априди из Кадара просит у тебя прощения.

— С радостью его даю, Яр Али Хан, — ответил матабеле. — Ты тоже истинный муж.

Гордон отдал приказ воинам укрыться в хижинах на сваях и вести огонь по строениям на берегу. Манийюма принялись в ответ стрелять из луков и ружей, потом сделали две попытки отсечь мосты, связывающие их с островом, но каждый раз, когда они показывались, на них обрушивался град пуль. Вскоре они покинули хижины на берегу и бежали — мужчины, женщины и дети — в деревню в центре острова. Женщин и детей среди них оказалось немного, в основном это были воины: деревня на берегу была, как правильно считал Лал Сингх, своего рода базой флотилии.

Затем Гордон повел своих людей на остров, где они подожгли деревню, начиная с той хижины, что была к ним ближе, а после подпалили и остальные жилища туземцев.

Между тем на другом конце острова наш отряд отражал нападение каннибалов. Лал Сингх сказал нам, что знает военную хитрость, которой его научил Эль Борак, — излюбленную хитрость американских индейцев.

Лал Сингх поднял лук и несколько стрел, лежавших возле убитого каннибала, и, привязав к ним лоскуты от одежды и сухую кору, поджег и выстрелил в сторону деревни. Некоторые подожженные стрелы погасли, пока летели, но две или три попали в соломенные крыши, и хижины занялись. Часть деревни запылала, и каннибалы завывали словно дьяволы. Те, кто затаился в зарослях, бросились помогать соплеменникам, но мы отогнали их прочь.

К тому времени все манийюма были на берегу, и Гордон послал Багхилу Хана и двух маколала обойти остров и разбить все каноэ, какие только обнаружатся, кроме нескольких, которые они должны пригнать к восточному берегу вместе с нашими

лодками и ждать там других приказаний. Каное было очень много, поэтому выполнение этого приказа заняло довольно много времени.

Люди Гордона соорудили большой щит из обломков каное и хижин. Держа его перед собой, они побежали вперед и установили его на небольшом расстоянии от главной деревни.

Затем Гордон приказал воинам укрыться за щитом и вести стрельбу по деревне. Взяв с собой Яра Али, Умгази и Сакатру, американец нырнул в заросли.

Лал Сингх последовал его примеру и вместе с Гхур Шаном и Умбелази скрылся в кустах.

Затем воины открыли огонь из-за обоих заграждений, а Гордон и его воины в зарослях набросились, как пантеры, на манийюма, скрывавшихся в засаде.

Волки превосходили каннибалов в хитрости и уловках, надобных в лесу: Гордон обучил своих людей многому. Он был настоящим Волком. Яр Али многому научился у него так же, как и Гхур Шан. Кафры, хотя и не привычные к джунглям, превосходили каннибалов умом и хитростью.

В конце концов мы одолели каннибалов. Манийюма кинулись из зарослей к деревне. Мы стреляли по ним и многих убили, но многим все же удалось скрыться в селении.

Гхур Шан подобрался к частоколу, окружавшему хижины достаточно близко, и перебросил в деревню три головы каннибалов. Гордон тоже подполз к частоколу и разрядил два револьвера, чтобы каннибалы подумали, что отряд будет атаковать их в этом направлении.

Затем воины из деревни разом бросились на оба наших заграждения. Мы были лучше защищены, чем

люди Уналанги, поэтому отбили атаку. Тогда они обрушились на другое заграждение. Если бы не наше оружие, они задавили бы нас числом: туземцев было несколько сотен.

Мы не стали отвечать нападением, так как это поставило бы нас в невыгодное положение, а мы не хотели терять наше преимущество. Укрывшись за заграждением, мы стреляли по каждому неосторожно высунувшемуся чернокожему.

Звуки сражения временами доносились из зарослей, где дрались Гордон, Гхур Шан, Яр Али и зулусы. Вскоре манийюма оттуда выгнали, и они помчались кто к берегу, а кто в деревню. Многие пытались прыгнуть в каноэ и спастись, но Багхила Хан и маколала разбили большинство суденышек, а другие отогнали к восточному берегу острова. Река кишела крокодилами, поэтому никто не решился пересечь реку вплавь. Воины повернули и бросились в деревню.

Вскоре мы слышали жалобные вопли. Батеке перевел. Манийюма просили пощады и спрашивали, на каких условиях они могут сдаться. Гордон велел батеке передать, что, если они бросят оружие и откроют ворота, он обойдется с ними милостиво, а если они не сделают этого, он сравняет деревню с землей и вырежет всех поголовно.

Через некоторое время туземцы открыли ворота. Гордон приказал вызвать вождя для переговоров, но чернокожие ответили, что вождь и несколько воинов засели в главной хижине — дворце, как они ее называли, — и отказались сдаться. Вместо вождя они выслали пять младших предводителей.

Мы вопли в деревню с двух сторон, готовые к любому вероломству, но воины сложили оружие на площади посреди деревни, выразив тем самым пол-

ную покорность. Яр Али хотел, чтобы Гордон приказал казнить всех туземцев, но Эль Борак отказался. Он призвал вождя сдаться, но единственным ответом были стрелы и пули, выпущенные из большой хижины. Мы подожгли ее и, когда воины выбежали оттуда, убили тех, кто не сдался, кроме вождя, его советника и жреца.

Как я уже говорил, деревня была большой, в несколько сотен хижин. Правящим племенем были манийюма, но у них имелось много рабов. Особенно много было рабынь, поскольку манийюма брали дань с покоренных племен женщинами и слоновой костью. Каждый раз, когда каноэ иноплеменников проплывали мимо острова, их останавливали, и, если там находились молодые женщины, их забирали в рабство. В деревне оказались женщины из племен батеке, бакувва, барбарри и вавума — из многих племен Конго. Женщины манийюма были толстыми и довольно хорошо одетыми для туземок. Они не работали — никто из манийюма не работал. Все обязанности исполняли рабы. Рабыни были молодые и красивые — конечно, той красотой, которая по вкусу чернокожим. Манийюма брали только красивых женщин, а когда они старели и становились безобразными, их убивали и съедали.

Манийюма вообще были жестоким народом, а те, кто жил на острове, в особенности. С рабами, женщинами и мужчинами, обращались жестоко. Мужчины-рабы исполняли всю работу на острове, а девушки насильно содержались в гаремах для воинов и делали все за женщин манийюма. Все они ходили голышом, многие с рубцами на плечах и бедрах от побоев. Если рабы пытались бежать или сопротивлялись, их убивали, избивали или подвергали пыткам, в зависимости от того, что захочет их

владелец. Мертвых рабов либо бросали крокодилам, либо съедали.

Манийюма поклонялись крокодилу, как иные народы поклоняются змее. У них не было колдуна, как в других племенах, а был жрец. Он выбирал жертву для крокодила, которой обычно становился раб или манийюма, провинившийся перед жрецом. Вождь племени оказался просто диким чудовищем, сластолюбивым и жестоким. В гареме у него содержалось триста женщин. Жрец был властным злобным фанатиком, советник не уступал вождю в жестокости. Манийюма брали дань с других племен помимо женщин и слоновой кости и еще воинами. Воинов они сжигали на площади посреди деревни.

Эль Борак обратился к вождю, жрецу и советнику вождя:

— Вас убьют, но не за то, что вы воевали против меня, это не преступление. Вы — порождения дьявола, которых не знал мир.

Затем он приказал нам связать чернокожих по рукам и ногам и бросить крокодилам. Мы подчинились, однако Яр Али недовольно ворчал. Он говорил, что Эль Борак слишком мягок со своими врагами. Эль Борак приказал нам собрать оружие во всех хижинах и отнести в главную. Двух маколата назначили наблюдать, чтобы ни один каннибал не утаил оружие. Манийюма подчинились беспрекословно.

Гордон смог узнать историю этого племени. В течение многих сотен лет манийюма жили далеко на востоке, на берегу озера Танганьика. Около ста лет назад один из вождей восстал против царя, его войско потерпело поражение, и он бежал в джунгли с сотнями воинов, женщинами и детьми. В своих

странствиях они набрали на этот остров. Он был заселен невоинственным племенем, которое занималось рыболовством и торговлей. Манийюма захватили остров и поработили его жителей. Они быстро поняли, сколь удобно он расположен, построили большой флот из каноэ. Окрестные племена воевали с ними, но манийюма разбили их и обложили данью. Речные племена торговали, плавая вверх и вниз по реке,— вначале манийюма захватывали каждое каноэ, но позже они поняли, что будет выгоднее, чтобы торговля продолжалась, и стали взимать дань с каждого проплывавшего каноэ.

Таким образом, за сотню лет половина богатства Конго перетекла в руки властителей острова.

Клянусь Пророком, вид обеих деревень подтверждал этот рассказ!

В каждом из поселений мы нашли слоновую кость, головные уборы из страусовых перьев, каучук, оперения редких птиц, одежду из ярких тканей и вещи, которые белые торговцы обычно продают туземцам.

Мы обнаружили также много местного золота, серебра и необработанных драгоценных камней. Слоновая кость имелась у манийюма в таком изобилии, что они не хранили ее, как другие племена, а использовали для украшений, став искусными резчиками. Самый обычный воин имел богатые украшения: почти все рукоятки ножей и боевых топоров и древки копий были из слоновой кости.

— Хватит всем, чтобы стать богачами,— заключил Багхила Хан.— Найдем ли больше золота там, куда отправляемся?

Эль Борак засмеялся и небрежно махнул рукой:

— Я буду объявлять условия капитуляции.

К нему привели младших вождей, и он сказал:

— Для начала вы откажетесь от обычая пожирать себе подобных. Вы не будете есть ни рабов, ни пленников. Рабов имейте, но хорошо с ними обращайтесь. Вам запрещается насильно помещать рабынь в гаремы, а мужчин-рабов убивать под любым предлогом. И никого нельзя бросать крокодилам.

Вы не должны вести никаких войн. Женщины, захваченные на войне, должны содержаться так, как принято везде в Африке. Так же вы должны обращаться с мужчинами-рабами. Если кто-нибудь из рабов попытается бежать, его нельзя убивать. Рабов следует хорошо одевать и кормить, их нельзя бить плетью из кожи гиппопотама. Наказывайте их так, как наказываете детей.

Вы можете собирать дань слоновой костью, каучуком и всем, что ценится племенами, но только не женщинами. Дань на каноэ должна быть легкой. Таким образом, у вас будет и торговля, и добыча.

Вы дадите мне столько слоновой кости, страусовых перьев и прочего, сколько я потребую. Вы дадите мне воинов-аскари. А также из всей дани, которую вы собираете каждый год, будете оставлять одну четверть мне. Это мой приказ, и если вы не подчинитесь ему...— он топнул ногой, и вожди распростерлись ниц, трепеща под его леденящим кровью взглядом,— если ослушаетесь...

Он не договорил, но вожди поняли.

— Мы все исполним, о повелитель,— ответили они.

— Посмотрим,— сказал Эль Борак,— ибо я приду снова. Но если какое-нибудь племя нападет на вас, я поспешу на помощь.

Мы оставались несколько дней на острове, так как многие наши воины получили раны, хотя ни один из них не был ранен тяжело. Гордон тратил

много времени на изучение языка манийюма; некоторые слова он уже выучил, когда был в плену. Что и говорить — он знал куда больше языков, чем любой мой знакомый.

Тем рабам, которые очень хотели покинуть остров, Гордон разрешил уйти — в каноэ или по суше, с провизией и оружием. Но, поскольку на острове многое изменилось и рабов не притесняли так, как раньше, многие из них пожелали остаться. Обычное дело у черных.

Манийюма начал восстанавливать свой флот, и Гордон помогал чем мог. Впрочем, он мало чему мог научить туземцев в изготовлении каноэ — манийюма были настоящим речным племенем. Гордон учился у них способам гребли и управления каноэ — он всегда стремился получить знания при любой возможности. Он подсказал туземцам, как лучше укрепить остров, поскольку мы разрушили их военный флот и другие племена могли воспользоваться этим.

Гордон расспрашивал манийюма о племенах Конго. Туземцы заявили, что никогда не слышали ни о какой древней империи.

— И что дальше, Эль Борак? — спросил Багхила Хан.

— Мы пойдем по суше, — ответил Эль Борак. — Река Чангаан впадает в реку Ломани примерно в ста милях отсюда на северо-запад. Места эти неизвестны: островитяне уничтожали каждую экспедицию, которая шла вдоль реки, посему белые люди не могли проникнуть вглубь Конго. Я читал старые книги, изучал древние карты и знаю, что страна, которую мы ищем, находится где-то в глубинах Конго. Хасан ибн Заруд тоже об этом знает. Откуда — я не представляю. Сам я узнал об этом из очень древних

финикийских книг, принадлежавших браминам Бенарета. Там есть рассказ одного карфагенского купца и мореплавателя, чей корабль потерпел крушение у западного берега Африки, где-то южнее Лоандо. Купец высадился на берег, намереваясь вернуться в Карфаген по суше, и во время своих скитаний достиг империи, которая была более древней, чем Карфаген. Золото там имелось в таком же изобилии, как медь в других странах, и даже еще больше. Люди, населявшие эти места, были белыми, светлокожими, со светлыми волосами. Называлась эта империя Валузия.

— Страна была в джунглях? — спросил Лал Сингх.

— На острове, — ответил Эль Борак. — На большом острове в центре огромного озера.

— Остров! — воскликнул Багхила Хан. — Может быть, остров манийюма?

— Он слишком мал, — сказал Гордон, — и лежит не на озере, а на реке. Кроме того, нет никаких признаков, что раньше кто-то, кроме чернокожих, жил на этом острове. Здесь нет никаких развалин города или дворца, о которых писали финикийцы. Чернокожие никогда не оставляют развалин, потому что строят только убогие хижины.

— А что стало с финикийцами? — спросил Гхур Шан.

— Многие погибли в джунглях, — ответил Эль Борак, — но некоторые вернулись в Карфаген после долгих скитаний. Рассказ об их путешествии был записан в книгах. Когда римляне разрушили Карфаген, греки, находившиеся в римской армии, спасли много карфагенских книг, среди которых были и эти. В конце концов они оказались в Индии.

Ормузд Шах отнесся к словам Эль Борака с большим сомнением.

— Откуда вы знаете, что эти книги не были написаны индусами? — спросил оракзай. — Как могли книги из Рима оказаться в Бенарете?

— Я сличил тексты с другими древними рукописями, — ответил Эль Борака. — Когда северные варвары завоевали Рим, многие греческие учителя и философы, жившие там, перебрались в Восточную римскую империю, в Константинополь. Позже некоторые из них оказались при персидском дворе. Таким образом, старые книги карфагенян попали в Азию, а потом и в Индию.

Мы оставили наши лодки манийюма и отправились на северо-запад. Мы взяли у туземцев слоновую кость самого высшего качества, страусовые перья, а также снарядили сорок вооруженных манийюма, которые пошли с нами в качестве аскари. Как и в Кадаре, и в стране зулусов, Гордон отобрал молодых неженатых мужчин.

Теперь мы стали большой силой. Пятьдесят человек нашего первоначального отряда: двадцать азиатов, шестнадцать зулусов, матабеле, двенадцать маколала и батеке. Вместе с сорока манийюма нас было девяносто воинов — во главе с Эль Бораком.

Джунгли, по которым мы шли, были уже не такие густые и непроходимые, как на берегу Чанган. Здесь обитали племена каннибалов, но одного вида наших манийюма было достаточно, чтобы удерживать их от нападения.

В джунглях водилось много диких животных: слоны, гиппопотамы, носороги, а также львы и леопарды, кроме того, множество обезьян и горилл. Гориллы не нападали, если их не беспокоили, и Эль Борака отдал приказ, чтобы мы им не досаждали. Манийюма очень боялись горилл. Они называли их сока.

В зарослях обитало множество огромных змей, похожих на питонов из индийских джунглей. Мы убили двух или трех, осмелевших настолько, что они приползли в лагерь и пытались напасть на людей. Маколала боялись этих змей так же, как и обезьян.

Африка воистину земля чудес. Мы натолкнулись в джунглях на племя туземцев, рост которых не превышал трех футов! Манийюма называли их пигмеями и очень боялись. Это были чернокожие люди с курчавыми волосами, ходившие голышом — как мужчины, так и женщины. Они были вооружены копьями и щитами, а также пользовались трубками, через которые пускали стрелы. Щиты у них были сделаны из кожи гинопотама, высушенной и очень твердой.

Эти люди были дикими, как обезьяны, и говорили на очень примитивном языке. Другие племена их опасались. Эль Борак сумел показать, что относится к ним дружелюбно, и пигмеи пришли к нам в лагерь. Гордон попросил туземцев провести нас через джунгли, поскольку манийюма не знали земель, которые лежали в отдалении от реки. Пигмеи довели нас до границ своих владений, а затем повернули назад, так как другие племена, живущие дальше, были враждебны тем, кого мы встретили.

Мы видели следы дикарей, но они скрывались от нас, и это выглядело так, как будто они собираются на нас напасть. Наш отряд обходил какую-то деревню, когда Гордон, возглавлявший поход, вдруг вскинул ружье — в приклад что-то впилося. Гордон крикнул нам, чтобы мы скрылись в хижинах. Мы так и сделали, не понимая сути его приказа. Вдруг из джунглей вылетел рой стрел. Если бы мы не укры-

лись в хижинах, по крайней мере дюжина воинов нашла бы тут свою гибель.

Деревня была пуста: чернокожих выгнали пигмеи. Вокруг селения не было частокола — только несколько хижин, струдившихся на утоптанной площадке. Гордон показал нам свою винтовку — в приклад впилась стрела. Мы наблюдали за деревьями: карлики имели обыкновение стрелять из гущи ветвей. На этот раз их было несколько сотен — дикарей, похожих на обезьян. Скрываясь в зарослях и на деревьях, они осыпали нас градом стрел. Один из манийюма был убит. В дикарей было очень трудно попасть: они нападали из засады и стремительно перемещались от дерева к дереву.

Эль Борак приказал прекратить огонь. Мы подчинились. Пигмеи подобрались ближе к хижинам. Мы все еще не стреляли, и дикари осмелели. Быть может, они решили, что у нас кончились патроны, и, высыпав толпой из джунглей, окружили хижины. Затем Эль Борак ринулся на пигмеев, словно леопард на стаю обезьян. Распыхав карликов в разные стороны, он оглушил их вождя рукояткой сабли, схватил его и затащил в хижину. Пигмеи атаковали, но мы открыли огонь с короткой дистанции и отогнали дикарей.

Один из манийюма знал язык бакуба, а некоторые из пигмеев понимали этот язык. Гордон приказал манийюма крикнуть карликам, что, если они не прекратят нападение, мы убьем их вождя. Вскоре град стрел иссяк, и карлики закричали, что они прекращают схватку — просили отпустить их вождя. Однако Эль Борак сказал, что оставит вождя в заложниках, пока мы находимся в их землях, а потом его отпустит. Карлики согласились. Мы вышли из хижин и продолжили наш поход. Вождя связа-

ли по рукам и ногам, и Ормузд Шах нас его под мышкой, как ребенка: ростом пигмей был не более четырех футов. Дикари вышли из джунглей, их были сотни, и, хотя они не осмеливались нападать на нас, мы держали ружья наготове. Выглядели они дико и очень свирепо. Некоторые мужчины и большинство женщин носили ожерелья из бус, охватывающие шеи и талии, и это была их единственная одежда.

Несколько пигмеев пришли в наш лагерь с лучшими намерениями. Эль Борак постарался изучить их язык. Труда большого это не составило: язык пигмеев очень простой — всего несколько десятков слов. Они объяснялись большей частью знаками и жестами.

Пигмеи жили, как обезьяны. Питались фруктами, насекомыми и мелкими животными. Часто охотились и на более крупных зверей. Собравшись толпой, добывали слонов и гиппопотамов. Несмотря на маленький рост, пигмеи были очень воинственны и храбры. Гордон, изучив язык карликов, расспрашивал их о землях вокруг Конго, где они бродили. Пигмеи хорошо знали эти места — они не жили в деревнях, как другие племена, а все время перемещались по необъятным просторам своей страны. Пигмеи — кочевники джунглей.

Карлики сказали, что джунгли простираются на огромное расстояние и заселены племенами каннибалов и пигмеев. Под кронами много слонов, львов, горилл и других животных. Дикари рассказывали Гордону о реках и озерах, неизвестных ни европейцам, ни арабам, редко приходившим в джунгли, боясь пигмеев. Они сказали, что ничего не знают о расе белых людей, живущих в городах где-нибудь в Конго.

Единственными белыми людьми, которых они видели, были арабы, приходившие за рабами и слоновой костью. Пигмеи всегда воевали с арабами и заставляли тех убираться прочь.

Пигмеи были совсем не похожи на бушменов из Южной Африки. Бушмены воевали только друг с другом, а их обращали в рабов и готтентоты, и маколала, и кафры. Пигмеев никто не порабощал — они оставались дикими и свободными. И хотя они воевали друг с другом, однако всегда объединялись против каннибалов и арабов. Они не знали рабовладения и не похищали друг у друга женщин. Таким обычаям даже мы, азиаты, могли бы у них поучиться.

Пигмеи предлагали Гордону поменять слоновую кость на оружие и бусы. Гордон не стал меняться, поскольку нам не нужна была слоновая кость, однако он подарил дикарям вещицы, которые туземцы любят. Дикари прониклись к нам дружелюбием и не проявляли желания напасть, но Эль Борак все же держал их вождя в плену.

Манийюма не доверяли пигмеям — из страха.

Гордон расспрашивал дикарей о древней империи, но, хотя пигмеи сами были очень древним народом, им ничего не было о ней известно. Пигмеи рассказывали Гордону о государствах Конго, о великих державах, которые возникли и процветали, возможно, в течение сотни лет, а потом пали под ударами иных племен. Многое Гордон уже знал и не относил рассказы пигмеев более чем на сто лет назад, справедливо полагая, что, не имея письменности, дикари не многое помнят о прошлом своей земли.

Все государства, о которых говорили пигмеи, были державами чернокожих. Дикари ничего не знали о земле белых людей.

Тем не менее Гордон много беседовал с туземцами, изучая их язык, способы ведения войны и охоты, а также их обычаи. Как я уже говорил, Гордон всегда старался получить знания такого рода.

Мы двинулись дальше через джунгли. Пигмеи вели нас, указывая удобные места для лагеря, лучшие источники и ручьи, приносили нам фрукты и дичь. И это показывало, каким человеком был Эль Борака, ухитрившийся сделать пигмеев друзьями, в то время как держал их вождя в плену. Гордон совершил то, что не удавалось никому другому: он шел с вооруженным отрядом через земли пигмеев, не вступая с дикарями в конфликт.

Один из пигмеев, юноша по имени Кубо, казался, искренне восхищался Гордоном. Он часто приносил ему маленьких антилоп и спелые тропические фрукты. Несколько раз слуга Гордона, макалала, гнал пигмея от палатки Эль Борака, считая, что тот хочет что-нибудь украсть. Но вскоре стало ясно, что Кубо не собирался воровать, так как это несвойственно пигмейскому племени. Он только хотел посмотреть, как живет белый человек. Вскоре Кубо осмелел настолько, что спросил Гордона, может ли он сопровождать его и дальше. Гордон ответил, что может, и спросил, не хочет ли юный пигмей получить разрешение у вождя. Кубо ответил, что вождя это не касается. Когда пигмей становится настолько сильным, чтобы охотиться, он заводит свою семью и уходит от своих родителей. Куда он пойдет, его дело, и ни семья, ни вождь не могут распоряжаться его судьбой.

Итак, Кубо пошел с нами. Встречались нам другие племена и деревни пигмеев, однако никто не пытался нападать на нас. Казалось, вождь, которого мы держали в плену, правил всеми пигмеями в Кон-

го, хотя его правление не слишком было заметно. Все племена пигмеев назывались вамбуту.

Джунгли поредели, между огромными высокими деревьями почти не было подлеска, и мы легко продвигались вперед. Каннибалы, несколько деревень которых мы видели, так боялись пигмеев, что не покидали своих убежищ.

Вскоре мы достигли большой скалы, каменный выступ которой возвышался над джунглями на две сотни футов. На вершину вели выбитые в скале ступени. Гордон сказал, что мы не далее чем в двухстах милях от озера, где финикийцы нашли древнюю империю, поскольку эта скала была упомянута в книгах, описывающих путешествие. Там говорилось и о пигмеях, подчеркнул Гордон, и это доказывает, что пигмеи — очень древний народ.

Багхила Хан выразил сомнение:

— Если пигмеи обитали в Конго в одно время с белой расой, почему у них не сохранилось легенд об этом народе?

Эль Борак заметил, что у пигмеев нет письменности, а без нее невозможно сохранить предания в течение нескольких сотен лет. Потому у них вообще мало легенд.

Мы поднялись на скалу и обнаружили, что пигмеи использовали ее долгое время как военное укрепление. На вершине сохранились остатки их жилищ, сплетенных из прутьев и крытых соломой.

Эль Борак сказал, что в давние времена там стоял гарнизон белых людей, о чем писали финикийцы, натолкнувшиеся на него во время своего путешествия.

Покинув скалу-крепость, мы отправились дальше и встретили других вамбуту. От них мы узнали, что далеко на северо-западе простирается болото,

покрывшее огромные пространства. Дикари рассказали нам об озерах в джунглях, но, судя по их рассказам, эти озера были небольшие. Они ничего не знали ни о каком большом озере в этой части Конго.

Вскоре мы достигли болота, которое было действительно огромным. На его берегу жили пигмеи, рассказавшие нам, что оно состоит из топей и маленьких стоячих озер и что там никто не живет, кроме змей и крокодилов. Дикари никогда не пересекали болото, им это незачем, можно обойти кругом, если захочется попасть на другую сторону. Джунгли окружают болото со всех сторон. Пигмеи не могли описать на своем языке расстояние и размеры, но мы поняли, что болото на удивление большое.

Гордон недоумевал.

— Озеро должно быть где-то в этих местах, — сказал он. — Однако впереди болото. На берегу озера стоял храм, построенный из камня.

— Как выглядел этот храм? — спросил Багхила Хан.

— Он был посвящен слону, — сказал Эль Борака. — Как писали карфагеняне, народ Валузии поклонялся слону, и храм возвели в его честь. На его стенах было много изображений слона, вырезанных из камня.

Мы расположились лагерем в джунглях. Болото было у нас за спиной. Магомет Али, Абдул Хан и я, а также Кубо пошли поохотиться и осмотреть болото.

— Мы миновали земли, где слоновая кость была в изобилии, но не обращали на нее внимания, — заметил Абдул Хан. — А теперь мы видим, что рассказ Эль Борака об империи золота всего лишь несбыточная мечта. И что дальше?

— Еще неизвестно, столь уж несбыточная мечта его рассказ,— сказал я.— Мы все-таки нашли скалу, о которой писали карфагеняне.

— Но где же озеро? — спросил Абдул Хан.— Где остров? Где храм на берегу озера?

Мы прошли мимо зарослей болотных кустов, росших на возвышенном месте. Кубо двинулся в сторону, намереваясь их обойти. Магомет Али спросил, почему он избегает зарослей. Кубо выучил несколько слов на языке манийюма, на котором большинство из нас умело говорить. Он ответил:

— Местные вамбуто сказали, что в этих зарослях обитает множество змей. Они нападают на каждого, кто приблизится.

— Давайте уйдем гадов,— предложил Абдул Хан, и мы согласились.

Итак, мы, априди, вошли под сень этих зарослей, а Кубо остался снаружи — он не хотел идти с нами. Абдул Хан и я шли первыми, Магомет Али позади. Таким образом, никто не мог напасть на нас с тыла. Под ветвями было очень темно. Высокие заросли стояли переплетая ветви, покрытые густой листвой. Нам показалось, что в стене подлеска виднеется свободный от растений проем.

— Сюда змеи приползают и отсюда выползают,— сказал Абдул Хан.

Повсюду ощущался отвратительный запах питонов. Никто из нас не мог решиться первым зайти в проем, но ни одна змея оттуда не выползла, и я шагнул туда, держа наготове саблю. Остальные последовали за мной, держась вплотную. Казалось, мы идем по какому-то коридору, стены которого тянутся по обе стороны от нас. Вскоре я понял, что мы идем по пути, проторенному питонами,

свободному от растений. Возможно, мы вступили в логово чудовищ — эта мысль была не особенно приятной.

Абдул Хан сказал, что, кажется, мы идем по каменному полу. Ветви сплелись настолько, что стало темно. Вдруг я услышал шуршание, вызванное скольжением огромного тела, и почувствовал, что меня обвили скользкие кольца гигантской змеи. Я не трус, но меня пронзил леденящий ужас. Прежде чем я увидел отвратительную голову рентилии, раскачивающуюся надо мной, Абдул Хан, ударив в темноте вслепую, рассек змею надвое, и она свалилась с меня. Затем мы вышли на открытое пространство и увидели, по крайней мере, дюжину ужасных, безобразных голов, качавшихся на длинных отвратительных шеях, и дюжину раздвоенных языков, высывавшихся из змеиных пасть.

А потом произошло самое страшное, что мне довелось испытать в жизни. На нас со всех сторон поползли змеи, огромные мерзкие чудовища, — в сером полумраке казалось, что они проползают в это жуткое логово через заросли, из-под корней, отовсюду.

Нас окружили и почти скрыли эти отвратительные, извивающиеся тела. Мы открыли огонь из револьверов, рассекали змей на куски саблями, а они все ползли, и мы все рубили, рубили, пока наши руки не опустились от усталости.

Затем, когда казалось, что мы уже не в состоянии нанести ни одного удара, змеи перестали ползти. Мы стояли в месиве из змеиных голов и обрубков тел, которые все еще корчились у нас под ногами.

— Хвала Магомету! — воскликнул Абдул Хан. — Бежим отсюда!

— Нет,— сказал Магомет Али,— мы пришли сюда, чтобы убить змей. Давайте уничтожим их всех.

Мы отправились искать других питонов и обнаружили нечто странное. Казалось, что проход, по которому мы шли, был окружен густой стеной сплетенных ветвей, но выяснилось, что стены были каменными.

Они поднимались примерно на девять футов и окружали пространство размером около двадцати футов с одной стороны и двадцати — с другой. Под ногами был каменный пол, крыши не было — она, вероятно, рухнула много лет назад. В стене виднелся проем, и мы вошли в него.

— Это какой-то коридор,— сказал Магомет Али.— Что это за дворец такой? Уж точно не вамбуто его построили.

— Здесь что-то вроде арки! — воскликнул Абдул Хан.— Кажется, за ней такое же открытое место, только больше размером.

Мы осторожно вошли под арку и обнаружили что-то вроде восьмиугольной комнаты с каменным полом, окруженной каменной стеной примерно двенадцать футов в высоту. Крыши там тоже не оказалось. От стены до стены было около сорока пяти футов.

— Смотрите! — воскликнул Абдул Хан и отпрянул назад.

Тусклый свет проникал снаружи, и мы увидели огромную темную фигуру возле стены напротив входа, через который проникли внутрь. Мы остановились в нерешительности, но затем, перезарядив револьверы, уверенно двинулись вперед. Темный силуэт не двигался. Подойдя ближе, мы поняли, что это огромное каменное изваяние.

— Слон,— заключил Магомет Али.

Да, это был слон, выполненный очень искусно. Огромные бивни загнуты слегка вверх, несоразмерно большие по сравнению с изваянием: каменный слон в высоту был едва десять или одиннадцать футов, а длина бивней — все десять, а то и больше.

Абдул Хан внимательно их осмотрел.

— Глядите, — сказал он, — бивни остро заточены на концах, и на них темные пятна. Похоже на застарелые пятна крови.

— Неужели? — удивился Магомет Али.

— В одном старом храме в джунглях близ Дели, — сказал Абдул Хан, — стояло каменное изваяние тигра. Рассказывают, что тигр однажды покинул храм и отправился скитаться по лесам, словно настоящий зверь, убивая всех, кого встречал на пути.

— Басни индусов, — сказал Магомет Али не слишком уверенно.

— Возможно, — заметил Абдул Хан. — Однако, если каменный тигр способен убивать, почему то же самое не может делать каменный слон? Изваяние сотворено джинами, дьявольскими отродьями. Разве пророк Магомет позволил бы в таком месте сделать что-нибудь подобное?

Мы с подозрением и страхом уставились на каменного слона, ожидая, что он вот-вот кинется на нас. Я осмотрел стены. Змей не было. Если они где и затаились, то, во всяком случае, нападать пока не собирались. На стенах я заметил множество изображений слонов, вырезанных из камня, и вдруг вспомнил слова Гордона: «Храм со многими изображениями слонов».

— Хвала Магомету! — воскликнул я. — Это храм, о котором говорил Гордон!

— Не может быть, — откликнулся Абдул Хан. — Тот храм должен стоять на берегу озера.

— И все-таки это он,— сказал я.— Разве Эль Борак не говорил, что храм посвящен слону?

— Выходит, ты прав,— согласился Магомет Али.— Клянусь бородой Пророка, это козни джинов или магов. Храм стоял на берегу озера, а теперь стоит на краю болота!

Как только он произнес эти слова, страх охватил наши души, и мы бросились прочь. Казалось, змеи, разрубленные нами на куски, поджидают, чтобы напасть, и мы все время оглядывались, страшась увидеть преследующего нас слона. Только выбравшись из змеиного логова, отдышались.

Кубо заждался. Сказал, что уже не чаял нас увидеть. На вопрос, знает ли он что-либо о храме, Кубо ответил, что никто ничего не ведает об этом месте, потому как на всех любопытных нападают змеи.

Мы вернулись в лагерь, желая побыстрее смыть с себя отвратительный запах змей.

Гордон сидел на складном стуле, беседуя с кем-то из пигмеев, живших рядом с болотом.

— Неужели никто не знает что-нибудь о большом болоте? — спрашивал он у дикарей в тот момент, когда мы подошли.

Вамбуто отвечал, что никто из его племени ни разу не переходил болота, но некоторые проникали довольно далеко и говорили потом, что, кажется, в середине есть что-то вроде небольшой плоской горы.

Гордон задумался. Казалось, он ломает голову над неразрешимой загадкой. Потом он откинул голову и засмеялся. Он смеялся долго и раскатисто — мы, стоя рядом с пигмеями, поглядывали на него и друг на друга, ничего не понимая.

Гордон вскочил.

— Плоская гора! — воскликнул он. — Вы, Волки, разыскали храм Слона. Если это не так, значит, я спятил!

— Ты прав, — сказал Абдул Хан, — мы нашли его.

Затем мы рассказали Эль Бораку, как обнаружили храм и убили там змей.

— Это вы молодцы, — похвалил он нас. — Если бы там не было питонов, вамбуто, конечно, знали бы о нем.

— Но, если храм был на берегу озера, как он мог оказаться на краю болота? — спросил Ормузд Шах.

— Ману и Ганеша! ¹ — воскликнул Лал Сингх. — Озеро стало болотом!

Гордон засмеялся.

— Странно, что мы долго раздумывали, — сказал он. — Земля изменилась с тех пор, как финикийцы побывали в этих местах. Почти три тысячи лет прошло с тех пор, как они видели озеро и остров посреди вод. Здесь, возможно, было землетрясение, река изменила течение, и озеро превратилось в болото.

— А остров? — спросил Яр Али.

— Прежде он был посреди озера, а теперь — посреди болота, — ответил Гордон. — Именно этот остров видели вамбуто, и о нем они говорили как о плоской горе.

— Как же нам перейти болото и добраться до острова? — спросил Гхур Шан.

— Поглядим, — сказал Эль Борах. — Как-нибудь да управимся.

Он спросил вамбуто, как они передвигаются по болоту. Дикари отвечали, что на краю топи растут

¹ Ману, Ганеша — боги сикхского пантеона.

высокие деревья, ветви которых так переплетены, что можно передвигаться, переползая или перепрыгивая с ветки на ветку, как это делают обезьяны. Весьма просто для пигмеев, которые проводят большую часть времени на деревьях, где их не могут достать ни львы, ни другие хищники.

Дикари поведали, что дальше, вглубь болота, деревья не такие высокие, там только трясина и небольшие стоячие озера с маленькими островами. В болоте водится много крокодилов и водоплавающих птиц, которые поедают змей,— их очень много. Пигмеи, осмелившиеся проникать в болота, пробирались туда, куда позволяли деревья, а потом возвращались. Они никогда не подходили близко к горе, которая высится посреди топей, и особенно ее не рассматривали, но она казалась им высокой и гладкой, с очень крутыми откосами, и, кажется, на вершине росли деревья.

— А там не было видно строений? — спросил их Гордон.

Дикари отвечали, что не знают. Гора находится довольно далеко, и они не видели, есть ли там строения или нет, но там вроде бы были деревья.

Гордон стал расспрашивать пигмеев, что имеется на маленьких островах. Они сказали, что островки находятся далеко от болотных джунглей и они не подходили к ним, но большинство из островков покрыты деревьями и подлеском.

— Карфагеняне упоминали о том, что посреди озера, кроме большого острова было несколько мелких, по большей части незаселенных,— сказал Гордон.

Яр Али заметил, что, если бы на островах были люди, можно было бы проследить их путь на материк.

— Может быть, там нет людей,— ответили Гордон,— а если они и есть, вполне возможно, что им неизвестен путь через болото и они даже не знают, есть ли мир за пределами их кругозора. Посмотрим.

Мы увязали багаж в маленькие тюки. Большая часть его состояла из боеприпасов и провизии. Распределен груз был так, чтобы каждый носильщик нес небольшую часть, привязав тюки веревками к плечам. Таким образом, носильщики не были слишком тяжело нагружены. Некоторые из манийюма тоже несли часть багажа.

Мы освободили царя пигмеев, и он приказал пяттерым вамбута сопровождать нас и показывать путь. Затем мы углубились в болото и пошли, как ходили пигмеи, между деревьев.

Деревья эти были большей частью мангровые¹, и идти под их кронами было нетрудно. Мы прихватили много веревок, изготовленных туземцами из длинных травянистых стеблей. В некоторых местах мы протягивали их от дерева к дереву, сооружая висячие мосты, похожие на те, которые можно встретить в Афганистане.

Так пробирались мы под деревьями по сырой и топкой земле. Здесь встречались змеи, хотя и редко, зато крокодилы водились во множестве. Гордон раздал нам легкие сетки, сделанные пигмеями из травы. Мы накинули их поверх одежды. Сетки должны были защищать нас от moskitov и мух цеце — если бы они там были, но насекомые нас не беспокоили.

¹ Мангровые деревья — низкорослые деревья (5—10 м), имеют сильно разветвленные, полупогруженные в болотистую почву или в так называемые ходульные корни, служащие им опорой.

Мангровые деревья были очень старые, столетние, среди них попадались настоящие великаны. В болоте рос также во множестве высокий тонкий бамбук.

Мы шли по мангровым зарослям, пока перед нами не открылась широкая болотистая равнина: трясина, покрытая бурой, не слишком густой травой, окружала стоячие озера и небольшие острова, о которых поведали пигмеи. Купы деревьев и бамбука обозначали те места, где была твердая земля.

Гордон подарил сопровождавшим нас вамбуто бусы и ружья, и дикари вернулись к своему племени.

Гордон приказал рубить бамбук, росший повсюду в изобилии, и делать плоты. Бамбук, произраставший в болоте, был очень высоким: некоторые растения поднимались на сто с лишним футов в высоту. Стебли были прочными и легкими. Мы рубили их и связывали в щиты — основу будущих плотов. Плоты получились пятнадцати — двадцати футов в длину и четырех-пяти в ширину. Каждый выдерживал пять человек и часть груза.

Гордон желал, чтобы плоты были как можно легче: они приводились в движение шестами, которые мы втыкали в трясину, а затем отталкивались. Это было довольно трудно, потому как шесты утопали в болотном иле. К счастью, плоты не тонули в трясине — они были очень широкие, плотные и легкие.

Пришлось проплыть несколько миль по болотистой поверхности, пока мы не увидели плоскую гору, о которой говорили вамбуто. Сей вид подстегнул нас: мы страстно желали добраться до золота, которое, по словам Гордона, водилось там в изобилии.

Впрочем, показавшийся вдали остров более походил на возвышенность с плоской вершиной, чем на гору. Склоны поднимались примерно на две сотни футов в высоту — отвесно из болота, окружающего остров со всех сторон; если бы это была гора, она была бы огромной.

Гордон припал к окулярам бинокля, осмотрел остров и сказал, что видит на нем деревья, хотя не похоже, что это джунгли.

В болоте водилось множество крокодилов, но змей было не очень много: их поедали болотные птицы, чем-то похожие на цапель, с такими же голенастыми ногами и длинными шеями.

Гордон и Кубо плыли впереди на маленьком плоту, более легком, чем остальные, и потому более управляемом. Остальные плоты следовали за ними.

Мы постарались сделать наши плоты так, чтобы они могли плыть не только по трясине, но и по воде. Войдя в одно из маленьких озер, мы пересекли его, используя шесты как весла. Получилось недурно, посему мы и далее старались плыть по озерам, не углубляясь в болота: грести было куда легче, чем отталкиваться шестами от илистого дна.

Повсюду кипела жизнь. Крокодилы дрались и пожирали друг друга, болотные птицы кормились крокодильими яйцами и маленькими крокодильчиками, но, несмотря на это, тварей в мутных водах имелось огромное количество: тысячи и тысячи крокодилов.

Мы причалили к каким-то маленьким островкам, возвышавшимся над топями словно небольшие бугры. Мангровые деревья и бамбук росли на них так густо, что через них едва можно было пробраться. Здесь гнездились тысячи болотных птиц, а на некоторых островках грелись на солнце крокодилы.

Гордон сказал, что об этих островах писали карфагенские путешественники. Карфагеняне обнаружили, что большинство островов были необитаемы. Их использовали как своего рода базы для флотилии: народ этой островной империи имел довольно мощный флот из лодок и каноэ, предназначенный как для войны, так и для торговли. Гордон добавил, что карфагеняне торговали с пигмеями и с племенами, обитавшими по берегам озера, а также с племенами, жившими дальше в глубине джунглей.

Карфагеняне отметили в своих книгах, что островной народ стремился иметь большие запасы слоновой кости. Местные жители охотились на огромных животных, добывая слоновую кость — это был главный товар, предмет торговли с другими племенами. Ценились также яркий мех и перья. Карфагеняне не упоминали, откуда пришли в этот дикий край представители белой расы: возможно, и сами не знали. Империя была столь древней, что ее жители могли запамятовать о своих истоках.

Гордон полагал, что раса белых людей должна быть очень древней, древнее шумеров: народ, который жил в Месопотамии столь много веков назад, что никто не знал, откуда они пришли.

— А откуда взялось золото? — спросил удивленно Яр Али.

— Не знаю. Возможно, его добывали на острове, — ответил Гордон. — Но золото там было, огромное количество золота!

— Погрузи я в него руки по локоть — мне все равно, откуда оно взялось, — сказал Яр Али.

Мы высадились на остров, лежавший посреди одного из маленьких болотистых озер. Он был довольно большим и поднимался над болотом выше, чем другие. Кубо отправился вглубь клочка суши.

Вскоре он вернулся и доложил Эль Бораку, что обнаружил в джунглях какие-то строения.

Бамбуковые заросли росли здесь столь густо, что в некоторых местах мы прорубали себе дорогу топорами. Достигнув центра острова, мы набрали на развалины древнего храма. Растения тропического леса оплели руины, почти скрыв их под зелеными стеблями.

Полуразрушенные стены храма окружали большую площадку. Крыши не было. Войдя через проем в стене, мы увидели посредине каменное изваяние свернувшейся кольцом змеи. Недвижное тело возлежало на постаменте, украшенном резными изображениями сородичей гада — такие же барельефы украшали стены храма.

Гордон обошел и внимательно осмотрел развалины. Вид у него был заинтересованный и озадаченный.

— Карфагеняне не упоминали о другом народе, — сказал он. — Мне кажется, что люди, построившие храм Змеи, не возводили храм Слона, обнаруженный нами на краю болота. Очень разные архитектурные стили, столь разные, что едва ли один и тот же народ построил оба храма. Храм Слона... — Он ненадолго задумался. — Изваяния слонов, вырезанных из камня, непропорциональны. Линии строений мощные, но безвкусные. Во всех деталях храма чувствуется грубая примитивная сила и... свобода выражения. Напротив, скульптура храма Змеи намного выше по искусству исполнения, но в ней отсутствует сила выразительности. И еще: время, кажется, мало повредило стены храма Слона. А храм Змеи почти весь лежит в руинах.

— Быть может, храм Змеи построил тот же народ, но позже? — спросил Лал Сингх.

— Возможно, — кивнул Эль Борак. — Однако не думаю, чтобы народ, добившийся более высокого уровня в искусстве, начисто забыл достоинства более ранней архитектуры — естественную выразительность и прочность. Думаю, храм Змеи был построен раньше храма Слона.

— Раньше? — недоуменно переспросил Лал Сингх.

— Да, раньше, — ответил Эль Борак. — Изображения на стенах храма Слона, несомненно, выполнены с применением металлических инструментов. А строители храма Змеи, по всей видимости, пользовались каменными орудиями.

— Неужели изваяния, подобные здешним, могут быть исполнены инструментами из обсидиана или еще какого-нибудь камня? — спросил Лал Сингх.

— Да, люди неолитической эпохи достигли высочайшего искусства в создании оружия и инструментов из камня. Таким образом, можно сказать, что искусство храма Змеи питало искусство храма Слона.

— А почему на бивнях слона были пятна крови? — спросил Абдул Хан.

— Точно не знаю, но склонен думать, что в каждом храме было что-то вроде алтаря, так как большинство первобытных людей приносили человеческие жертвы. Возможно, жертв убивали посредством бивней каменного слона.

— Из двух народов мог один быть чернокожим? — спросил Яр Али.

— Невозможно, — сказал Эль Борак. — Чернокожие никогда не добивались таких достижений в искусстве.

Когда мы вернулись к плотам, я подошел к Эль Бораку.

— Сахиб, я не хотел говорить тем несчастным, что вы не все знаете о древних временах. Но я нашел вот это в развалинах храма Змеи.

Я подал медный топор. Он был легкий, длинный, с отверстием для ручки на конце, а не в середине, повернутым под прямым углом к лезвию. Ручка должна была быть изогнутой, для того чтобы пройти в отверстие. Лезвие было узким, с очень сильно стесанным, закругленным краем.

— Древняя форма оружия, — сказал Гордон, — но я все еще думаю, что изваяния в храме Змеи выполнены инструментами из камня. Быть может, строители применяли металлические орудия, либо на остров пришли племена, знакомые с металлом. Могло быть и так, что раса белых людей появилась на этом острове до тех пришельцев, которых видели карфагеняне. Сохрани у себя топор, Хода Хан. Когда мы вернемся в цивилизованный мир, ты сможешь продать его в Британский музей.

Отчалив от острова, мы продолжили путь. Когда мы пересекали весьма топкое место, несколько крокодилов напали на нас, а один даже попытался забраться на плот. Уналанга прогнал рептилию своим ассагаем. Другие воины схватили боевые топоры и дубинки и стали бить крокодилов, отгоняя их от плотов.

Гордон и Кубо возвратились, гребя на своем маленьком плоту. Они сообщили, что мы скоро достигнем острова.

— Отлично, — сказал Багхила Хан, — утомила меня эта трясина.

Гордон кивнул. Он смотрел на бескрайние болота, простиравшиеся вокруг нас, на крокодилов, ревивших и барахтавшихся в трясине, на высокие утесы острова, на мангровые деревья, протянувшие

свои огромные ветви, словно уродливые руки, на стоячие озера, на стаи болотных птиц, плавающих, орущих, парящих в воздухе.

— Достоинство вдохновения Данте,— сказал он.

— Дьявольское место,— откликнулся Яр Али.

И почти сотня человек, бывших на плотках под началом Гордона, согласились с Яр Али, что болото — место дьявольское.

Яр Али придумал привязать крокодилов к плотам, дабы, погоняя рептилий длинными копьями, заставить их тащить наши средства передвижения.

— Таким образом, нам не нужно будет отталкиваться шестами и с трудом волочить плоты. Мы будем двигаться намного быстрее,— объяснил он.

Мы рады были бы испробовать этот способ, поймай Яр Али крокодила. Он сказал, что сделает это, если найдутся смельчаки, которые ему помогут. Манийюма запротестовали, утверждая, что если мы разозлим крокодилов, они заберутся на плоты и сожрут нас всех.

Однако воины, вызвавшие помочь Яру Али, заявили, что их это не пугает, а попробовать стоит.

Мы пересекали широкую полосу чистой воды, когда Умлингаан, сидевший на краю плота, обернувшись через плечо, увидел рядом с собой огромного крокодила. Жуткая рептилия взобралась на плот и раскрыла гигантскую пасть, собираясь схватить зулуса. Умлингаан пронзительно завопил и прыгнул в воду — остальные воины бросились на другой край плота. Умлингаан нырнул, проплыл под плотом и появился с другой стороны. Вылезая на плот, он ухватился за ногу Абдул Хана. Тот, думая, что его схватил крокодил, закричал и подскочил как ошпаренный, а другие воины бросились на крокодила, но тот повернулся, плюхнулся в озеро и поплыл прочь.

Яр Али, сидевший на другом плоту, негодовал:

— Этого крокодила уже почти поймали! Почему вы не связали его, не привязали к плоту и не пустили вперед, погоняя копьями? Клянусь бородой пророка Магомета! Тем, кто следуют за Эль Бораком и Яром Али, надлежит быть смелыми и сообразительными!

Яр Али воспользовался этим случаем, чтобы доказать, что он обладает доблестями и способностями, которые должен иметь спутник Эль Борака.

Достигнув острова, мы с радостью убедились, что, по крайней мере, на несколько миль вокруг простирается твердая земля. От трясины к скалам вел крутой склон, голый, без признаков растительности. Скалы вздымались на добрую сотню футов, а в некоторых местах и выше. Гряда тянулась на несколько миль в обе стороны.

— Если остров не очень изменился,— сказал Гордон,— скалы должны окружать его сплошным кольцом. Здесь нельзя найти пологого спуска. Чтобы попасть в центр острова, следует подняться на склоны. Можно, конечно, поискать удобный путь для подъема, но, я думаю, это место ничем не хуже, чем все остальные.

Мы разбивали лагерь возле подножия скал, когда один из дозорных оповестил нас громким криком. Глянув в его сторону, мы увидели многочисленный отряд, спускавшийся по крутым склонам. Это были люди араба Хасана ибн Заруда. Тотчас все Волки и-манийюма встали в боевом порядке за Эль Бораком. Однако араб крикнул, что он пришел с миром. Если Эль Борак и удивился, увидев араба, то не подал вида. Он спокойно пошел ему навстречу.

— Приветствую тебя, ибн Заруд,— сказал он.— Сдается мне, нам не избежать встречи.

Араб нахмурился.

— Вижу, вы умножили свои силы. Вы, должно быть, дьявол в человеческом обличье, Эль Борак.

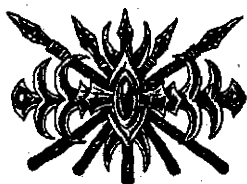
— Ты льстишь мне, — усмехнулся Эль Борак. — Гляжу, ты добрался сюда так же быстро, как и я.

— Я двигался прямо на северо-запад, в то время как вы еще были в Родезии, — ответил араб. — Однако позвольте пройти в вашу палатку и рассказать о своем путешествии.

— Не стоит, — сказал Эль Борак. — Здесь свежий воздух и приятный вид. Сядем на складные стулья, которые принесет мой слуга.

— Хорошо, — согласился араб.

Они уселись, а мы встали за их спинами и приготовились слушать...

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВОИН

В

етер завывал, поднимая снег и кружа снежинки высоко в воздухе. Улицы были пусты, если не считать нескольких запоздалых прохожих, которые с трудом передвигались под порывами ветра, наклонив головы и придерживая головные уборы. Дальше, над деловой частью города, облака рассеивались. Уличное движение почти остановилось. В той части города, где улицы казались совершенно пустыми,

возвышался дом, темный и мрачный среди окружающих его невысоких зданий.

— Наконец-то!

В лаборатории, заполненной таинственными приборами, за столом сидел тщедушный старик.

— Наконец-то! — Что для него значили ветер и холод снаружи? Он едва ли знал о том, что на Нью-Йорк обрушились одна из самых страшных бурь и такой мороз, о каком давно уже не помнили старожилы. — Наконец-то! — Он потер руки и засмеялся.

Перед высоким мрачным домом, который возвышался так угрожающе, остановилось такси. Звук старомодного дверного молотка раздался сквозь шум бури.

Мужчина у двери стряхнул снег с пальто, потопал ногами и тихо выругался. Он поднял руку, чтобы снова позвонить, но дверь открылась. У порога стоял бесстрастный китаец.

Незнакомец подал ему визитку. Азиат взглянул на нее и, поклонившись, посторонился.

— Вас ждут, — сказал он на отличном английском.

Мужчина шагнул в плохо освещенную прихожую. Азиат взял у него шляпу и пальто. Трости у посетителя не было. В тусклом свете лампы перед китайцем предстал человек среднего роста, гибкий и худощавый. Лицо его было бронзовым от загара, черные глаза ясными; в остром взгляде сквозило что-то неотразимое.

Весь облик и черты лица указывали на незаурядный ум и высокий интеллект, сочетавшиеся с тигриной физической силой. Его движения были быстрыми, но не суетливыми. В общем, это был необычный человек.

Китаец провел его вверх по лестнице, вдоль по коридору, а затем в комнату.

— Подождите здесь, — сказал слуга и исчез.

Иностранец беспокойно обошел комнату. Ему казалось, что чьи-то невидимые глаза наблюдают за ним, и чувствовал себя, как волк в капкане. Он огляделся, подмечая каждую деталь.

Комната была небольшой. В ней имелось несколько дверей. Немного стульев, дорогой персидский ковер, диван и большой стол красного дерева составляли обстановку. Стены увешаны оружием, а стол просто завален грудой клинков, арбалетов и прочей амуницией. Такая коллекция вне музея встречалась довольно редко.

Иностранец сел к столу и стал с искренним интересом изучать оружие.

В то время как он его осматривал, через одну из дверей вошел какой-то человек. Преклонных лет, сморщенный, маленького роста и сухой, сутулый от старости, одетый в домашний халат, комнатные туфли и с красной турецкой феской на почти совсем лысой голове.

Иностранец встал.

— Значит, вы пришли? — сказал старик насмешливым тоном. — Я вас ждал.

Хозяин прошел к столу.

— Вы заинтересовались моей коллекцией? — спросил он. — Что вы о ней думаете, а?

— Одна из самых лучших, какие мне когда-либо приходилось видеть, — заметил иностранец, впервые заговорив.

— Вы так полагаете? Вы правы. — Старик обвел рукой комнату. — Это только часть моей коллекции, и все же здесь вы найдете оружие всех времен и народов. Оно вам знакомо?

— Да.

— Ну что ж, хороший работник должен знать предмет своей торговли. Но,— и здесь насмешливые нотки опять появились в его голосе,— не обольщайтесь.— Он поднял короткий кинжал с широким, круто изогнутым лезвием.— Что это?

— Черей из Афганистана, сделан в Газни,— ответил иностранец, мельком взглянув на оружие.

— А это?

— Даякский паранг-паранг с Борнео.

— А это?

— Кинжал милосердия итальянской работы.

— А это?

— Бронзовый калмыцко-татарский остроконечный шлем примерно пятнадцатого века.

— А это?

— Французская средневековая кольчуга.

— А это?

— Зулусский щит из Африки.

— А это?

— Самурайский меч из Японии.

— А это?

— Шотландский палаш. Однако хватит играть в детские игры! — воскликнул гость нетерпеливо.— Здесь нет оружия, с которым я не был бы знаком. Некоторым я пользовался. Я знаю, как с ним обращаться. Я знаю историю его создания так же хорошо, как и вы.

Эта сабля была сделана Юсефом Абдуллой из Кабула. Он мог бы гордиться своей работой. Вот этот длинный охотничий нож сделан в Миссури Джеймсом Блеком. А вот эта рапира работы Андреа ди Ферара. Антонио Пицинио из Венеции сделал этот итальянский палаш. А эта боевая перчатка, принадлежавшая когда-то махарадже, изготовлена

в мастерской Дели. Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить об оружии.

— Разумеется. — Старик уселся по другую сторону стола, приглашая и гостя сесть.

Поставив локти на стол, старик оперся подбородком на руки и пристально посмотрел на посетителя.

— Да, — сказал он насмешливо, — вы знаете предмет вашей торговли. Простые средства из стали и свинца, остро отточенные или заряжаемые с дула. Но что солдат знает о высшем искусстве войны? О триумфе науки?

— Я не солдат, — возразил иностранец.

— Да, вы не солдат. Вы завоеватель, создатель империи. Не так ли, мой друг?

Иностранец не ответил, но глаза его вдруг сверкнули.

— Вы думаете, я глупец? — усмехнулся старик. — Я знаю! Война, завоевание, власть! О, все это было раньше, я допускаю. Александр, Цезарь, Тамерлан! Все они глупцы. А теперь и вы. Послушайте, — он наклонился вперед, — я знаю больше, чем вы предполагаете, мой друг. Я знаю, что вы планируете объединить племена Аравии и создать империю.

Иностранец непроизвольно наклонился вперед, теребя лацкан сюртука.

— И как вы узнали обо всем этом? — спросил он.

— Я снова спрашиваю вас: похож я на глупца? Почему корабли, груженные винтовками и амуницией, пристают в те порты Аравии, в которые никто не заходит? Почему вы пришли ко мне ночью среди бури? У меня есть свои источники, и я узнаю такие вещи, о которых никто другой и не догадывается. Империя — это ваша цель, мистер

Гордон. Султан Гордон сахиб! Неплохо звучит, не правда ли?

— Вы знаете о моих планах, что ж, отлично,— холодно сказал Гордон.— Но,— он подался вперед, его глаза яростно сверкнули,— плохо придется человеку, который слишком много знает о моих планах, друг мой.

Старик резко засмеялся:

— Я не выдам вас. Что мне до страны, которая отреклась от меня? Что мне до людей, которые насмеялись надо мной? Кто я такой, чтобы спорить с судьбой? Продолжайте свой путь. Будьте тем, кем хотите быть. Второй Цезарь, нет, скорее второй Чингисхан. Только, следуя по пути завоевателей, постарайтесь избежать тщеславия.

— Это мой собственный путь,— сказал Гордон.

— Да, и вы пойдете по нему. Как и все завоеватели. Пришел, увидел, победил! А где они сейчас? Вот кинжал, который некогда принадлежал Чингисхану. А где сам Чингисхан? И так уходят все завоеватели.

— Все люди умирают,— ответил Гордон.— Нет разницы, был человек рабом или императором. Но императора помнят.

— Да, люди умирают, но их творения остаются. Чингисхан за тысячу лет превратился в пыль, а я сижу здесь и держу в руках его кинжал. Через тысячу лет люди скажут: «Вот сабля, которой Гордон размахивал, сражаясь в первых рядах! А где Гордон сейчас?» — И старик цинично, с издевкой засмеялся.

Гордон улыбнулся.

— Но наука выше этого! — воскликнул старик.— Достижения науки остаются. Завоеватели появляются и пропадают, как порывы ветра. Поколения

людей исчезают с лица земли, подобно таящему в горах снегу. Но высшие достижения науки остаются в веках, переживая пирамиды!

Вы — завоеватель, вы — создатель империи, вы — человек с огромным честолюбием, вы пришли ко мне за помощью! И правильно сделали, ведь у меня есть отличное изобретение, по сравнению с которым все остальное кажется таким же мелким, как песчинка по отношению к горе. Вы сказали, что владеете любым оружием. Но что вы знаете о вершинах, которых может достичь мысль ученого! Воин может владеть оружием, но ученый вначале должен его создать!

— Теперь мы подошли к истинной причине моего визита, — сказал Гордон.

— Вы хотите купить мое изобретение? Вот что я вам скажу: если вы будете обладать им — оно сделает вас повелителем мира.

— Что это? Я узнал, что у вас есть какая-то невероятная военная машина. Я должен ее увидеть. Если я ее не куплю, будьте уверены, ваш секрет останется в тайне.

— Будем надеяться, — усмехнулся ученый. Он наклонился вперед. Глаза его азартно сверкали. — Дружище, я сделал такое оружие, которое затмит все остальное. Пойдемте, вы должны увидеть его сейчас же, немедленно.

Старик вскочил на ноги с проворством, удивительным для его возраста.

— Пойдемте.

Гордон прошел за ним в небольшой узкий коридор. Перед тяжелой дверью ученый остановился.

— Сейчас вы увидите то, что никто, кроме меня, еще не видел, — объявил он. — Но если вы замыслили предательство, лучше вам не входить.

— Ведите меня,— коротко сказал Гордон.

Ученый повернул замок и широко распахнул дверь. Гордон вошел в большую, ярко освещенную комнату. Старик последовал за ним и закрыл за собой дверь. Щелкнул замок.

— Обратите внимание на дверь, мистер Гордон,— сказал старик.

Гордон взглянул на нее. Дверь была обита листовой сталью, на ней не было ни ручки, ни замка, ничего в этом роде.

— Стены обшиты сталью,— сказал ученый.— Это единственная дверь. Оба окна задраены намертво. Я, и только я, знаю секрет этой двери. Если меня здесь убьют, мой убийца не сможет отсюда выбраться.

Гордон оглядывал большую комнату, подмечая каждую деталь. Она была уставлена, но не переполнена столами, шкафами и стойками с научными приборами. Повсюду лежали книги по разным отраслям знаний, тут и там разложено оружие. Некоторое отличалось очень странной конструкцией.

В углу стоял какой-то очень большой предмет. Он был покрыт тяжелой темной бархатной накидкой, но даже в таком виде казалось, что под ней скрывается что-то злое. Гордон долго его разглядывал.

Ученый прошел вперед и встал перед закрытым предметом.

— Под этой тканью,— сказал он,— находится нечто, по сравнению с чем танки, шрапнель, газы и подводные лодки станут детскими игрушками!

Гордон шагнул вперед и остановился возле стола. Он машинально отметил, что на столешнице лежат три или четыре средневековых меча. Длинные, массивные обоюдоострые мечи.

— Показывайте,— сказал он.

Ученый взялся за ткань и драматическим жестом сдернул ее.

Там стояло нечто похожее на металлическую статую, около восьми футов в высоту.

Отлитая в металле фигура человека казалась произведением искусства, более того — шедевром талантливого скульптора. Лицо статуи устрашало, в нем не было ни единой линии или черточки, указывающей на мягкость или слабость. Лицо, отражающее грубую первобытную жестокую силу. Злобное, сильное лицо.

Казалось, что части этой скульптуры отлиты из стали; плечи, шея, локти, бедра, колени, лодыжки и пальцы были защищены стальными пластинами, чем-то напоминавшими средневековые доспехи.

— Ну,— сказал ученый нетерпеливо,— что вы об этом думаете?

— Что такое, не понимаю,— заметил Гордон.— Я вижу только статую, замечательную статую. Я в восторге, но это всего лишь статуя, подобная тем, которые я вижу на улице каждый день, за исключением лица.

Старик вскочил:

— Статуя! Глупец! Смотрите, эта «статуя» из металла! Из какого?

Гордон постучал по ней. Глаза его загорелись неподдельным интересом.

— Сперва я подумал, что это гарвардская сталь, но теперь я не уверен.

— Гарвардская сталь! Вздор! Это сталь моего изобретения. Вдвое прочнее, чем сталь Круппа. Ее нельзя взорвать гранатой. Ее нельзя пробить пулей. Слушайте, я открою вам секрет Железного воина.

Гордон подошел ближе. Старик заговорил, повернувшись к своему посетителю:

— Под железной оболочкой этой человекоподобной машины скрывается невероятно мощный двигатель. Такого двигателя вы не знаете. Он работает не на паре, не на бензине и не на электричестве. А на чем? Угадайте.

— Радий,— предположил Гордон, глаза его заблестели.

— Да, радий! Но радий концентрированный, и его сила увеличена в тысячу раз. Ни один человек на земле, кроме меня, не знает тайну концентрации радия. Этот двигатель, который я не буду описывать, имеет антенны, такие, как в радио, но меньше. Здесь,— он повернулся к прибору, который представлял собой сложный набор ручек и рычагов,— пульт управления моей машиной. Вы пока не понимаете. Но вы поймете. С помощью этого пульта я могу заставить моего Железного воина двигаться с той скоростью, с какой я захочу. Я могу регулировать его скорость, поворачивать куда захочу, могу заставить его вернуться назад. К нему не подведены провода. Этот автомат радиоуправляем!

Ах, поймите, наконец, этот автомат, этот Железный воин, пойдет прямо в том направлении, куда я его пошлю. Ни бомбы, ни гранаты, ни шрапнель не остановят его. Они могут взорваться у его ног, но он автоматически поднимется. Он будет разрушать укрепления, взбираться по стенам и горам, переходить вброд реки. Ничто не остановит его, кроме простого нажатия руки на определенный рычаг пульта. Вы понимаете, какое огромное преимущество имеет эта машина? Река может остановить танк, но мой автомат пройдет через нее. Как вы думаете, сколько армий может состязаться с тысячей таких воинов? Смотрите, я вкладываю меч ему в руку.— Он взял большой меч и, вложив рукоять в ладонь

металлической руки, сжал железные пальцы. Каждый палец щелкнул, ложась на рукоять меча.

Старый ученый подошел к пульту управления и повернул рычаг.

Гордон отшатнулся, когда огромная рука поднялась и опустилась; длинный меч со свистом рассек воздух. Металлическая рука поднималась и опускалась, поднималась и опускалась без малейшей остановки. Затем старик снова коснулся рычага, и рука внезапно остановилась; меч замер на полпути.

— Каков воин, а? Вы сами воин, что вы сделаете против такого солдата?

Гордон покачал головой.

— Вы сильный человек? — внезапно спросил старик.

— Разве я похож на силача? — в свою очередь спросил Гордон несколько раздраженно; он не любил, когда ему задавали подобные вопросы.

— Нет, не особенно. Но ваше на первый взгляд не слишком крепкое телосложение обманчиво. Вы сложены для скорости, а не для силы. О, вы быстры. Я знаю, что на Востоке вас называют Эль Борак — Быстрый! Но все же вы сильный человек. Вы убивали вооруженных людей голыми руками. Ваша сила удивительна. Однако в схватке с моим автоматом вы будете так же беспомощны, как девушка, оказавшаяся в руках воина. Смотрите.

Он повернул еще один рычаг, и левая рука машины поднялась. Пальцы раскрылись, поискали что-то на боку, сжались, и рука качнулась назад и вперед, как при броске.

— В мешке на боку будут находиться бомбы, — сказал старый ученый, заставляя автомат остановиться. — Представьте себе, что, если тысяча таких машин пойдет в атаку на армию, безостановочно их

бросая? Или распыляя газы? Или даже просто размахивая огромными мечами?

— Чудо, — сказал Гордон. — Только...

— Только что? — резко спросил старик.

— Вы уверены, что можете держать эту штуку под абсолютным контролем? Ведь будет ужасно, если она вдруг нападет наугад, бросая бомбы и размахивая направо и налево таким вот мечом.

— Вздор! — вскричал раздраженно ученый. — Вы думаете, я дурак?

Гордон пожал плечами и не ответил.

— Так вы думаете, я дурак? — закричал старик в ярости.

— Нет, я знаю, что вы не дурак, — ответил Гордон. — Если я чем-то вас обидел, прошу, примите мои извинения. Но я все-таки не могу поверить, что это изобретение может быть до такой степени усовершенствовано, что вы полностью контролируете машину. А что, если она все же выйдет из-под контроля?

— Нет, сэр, — возразил ученый. — Она полностью под моим контролем, так же как и любой неодушевленный предмет.

— Человек может вызвать бурю, — сказал Гордон, — но он вряд ли сможет ее удержать. Поймите меня, сэр, я сознаю, что это величайшее изобретение века, и считаю, что вы один из величайших ученых, которые когда-либо жили на земле. Но ведь возможна какая-нибудь ошибка.

Это только увеличило ярость старика.

— Глупец! — взвизгнул он. — Вы думаете, что в моей машине может быть ошибка? Вот смотрите!

Он повернулся к пульту управления и дернул рычаг. Огромный автомат пошел по комнате большими размеренными шагами.

Двигались только ноги; руки были неподвижны — одна свисала вдоль бока, а другая застыла в воздухе, сжимая меч. Он подошел к ученому.

Старик повернулся к Гордону.

— Вы видите? — усмехнулся он, нажимая на рычаг управления.

В это время рука старика случайно коснулась другого рычага. Железная рука качнулась вниз! Старый ученый был слишком близко к автомату, чтобы получить удар мечом, но огромная рука, скользя по его голове, тяжело опустилась и разрушила приборную доску.

Неожиданно автомат стал быстро и размеренно ходить по комнате; меч рассекал воздух, поднимаясь и опускаясь.

С невероятной скоростью Гордон отпрыгнул назад и схватил ручной пулемет. Звуки выстрелов повторились эхом, а пули, со звоном ударяясь о сталь, отскакивали и врезались в стены.

Гордон с таким же успехом мог стрелять катышками из бумаги. Пули не причиняли машине никакого вреда. Она шла прямо на него. Одна рука сжимала меч, а другая по какой-то непонятной причине описывала круговые движения, лязгая о железную грудь автомата. Поломка пульта управления освободила Железного воина, и теперь он как будто метался в ярости.

Старый ученый лежал там, где упал, — поперек разбитого пульта. Гордон пробрался через комнату к двери. Но как только он попытался открыть ее, ему вспомнились слова ученого: «Только я знаю секрет этой двери. Если меня здесь убьют, убийца не сможет отсюда выбраться».

Гордон понял, что он в ловушке. Он замурован наедине с железным чудовищем!

Началась одна из самых странных битв, какие когда-либо происходили на земле. Гордон принимал участие по крайней мере в сотне боев и сражений. Много раз он вступал в бой и всегда выходил победителем. Но никогда в жизни ему не приходилось сражаться подобным образом, в комнате, в Нью-Йорке, ни разу он не боролся за свою жизнь с машиной, которую никогда еще не видел мир, с Железным воином, более ужасным, чем тысяча вооруженных людей.

Автомат прошел через комнату, и Гордон легко от него увернулся. Автомат расколол стол и отклонился немного в сторону по ходу своего движения. Поскольку им никто не управлял, направление движения зависело от препятствий, встречавшихся на его пути. У Железного воина не было определенного курса, он беспорядочно двигался по комнате. Но в движениях его рук не было ничего беспорядочного. Они двигались с устрашающей регулярностью.

Гордон опять уклонился от удара и пробежал через комнату к пульту управления, где лежал ученый. Он поднял старика и обнаружил, что тот жив. Гордон огляделся по сторонам и увидел полку, высоко висевшую на стене. С невероятной силой и ловкостью Гордон перетащил на нее лишившегося чувств человека. Там, по крайней мере, изобретатель будет вне пределов досягаемости своего детища, если, конечно, эта штукавина не умеет карабкаться вверх.

Когда Гордон исполнил задуманное, он увидел, что автомат развернулся и стал возвращаться. Прыгнув к пульту управления, молодой человек начал проверять рычаги. Они оказались погнуты и сломаны, а сам пульт готов был вот-вот развалиться.

Гордон поразился. Он считал, что если пульт управления не работает, то и автомат не должен двигаться. Однако Железный воин продвигался вперед. Его меч зазвенел о стену, и у Гордона возникла надежда, что автомат в нее врежется. Но машина лишь развернулась и пошла в другом направлении. Напрасно Гордон дергал погнутый рычаг — скорость автомата только увеличилась. Он двигался прямо на него. Гордон бросил рычаг и отпрыгнул в сторону, едва увернувшись от удара меча. Железный воин повернулся и опять пошел на него.

Ярость овладела Гордоном. Он никогда еще не убегал от противника. Схватив один из двуручных мечей, лежавших на столе, он взмахнул им и нанес страшный удар по машине. Раздался звон и лязг, как будто молот ударил о наковальню, и длинное лезвие раскололось до самой рукоятки. На Железном воине не осталось ни царапины, а Гордон почувствовал дуновение ветерка, когда он, проходя рядом, рассек воздух мечом.

Отскочив в сторону, Гордон с проклятием отшвырнул бесполезную рукоятку. Чудовище вновь надвигалось на него. Гордон отступил, но за спиной у него оказался тяжелый стол. Он одним прыжком перескочил через него. В тот же момент меч Железного воина расколол стол пополам. Автомат прошел по обломкам. В углу стоял большой металлический котел для химических экспериментов. Он весил около двухсот фунтов. Гордон поднял его и бросил в автомат. Даже Железный воин не смог устоять против такого снаряда! Автомат покачнулся и упал на пол, но тут же поднялся; его руки все так же равномерно двигались.

Гордон смотрел на него, пораженный. Железный воин быстро прошел через комнату и врезался

в большой шкаф. Послышался треск ломаемого дерева, методично двигавшаяся рука крушила шкаф, превращая в груды обломков. Гордон содрогнулся от мысли, что если эта стальная машина столкнется с ним, то растерзает и его таким же образом.

— Вот это чудовище,— удивленно сказал он вслух.— Старик ученый был прав.— Он язвительно засмеялся.— И я, который хотел использовать новое оружие против своих врагов, и он, сотворивший этого монстра, будем первыми его жертвами. Думаю, тому, кто стреляет в лодке из пушки, куда легче справиться со своим делом.

Гордон огляделся в поисках оружия. Не отрывая взгляда от автомата, он открыл несколько ящиков стола и в одном обнаружил бомбу. Взвесив ее в руке, он прицелился, но тут же вспомнил слова ученого: «Бомбы не могут его остановить».

— Пустая трата времени,— решил он.— И опасная к тому же.

Гордон положил бомбу обратно и отступил в сторону, когда автомат, врезавшись в противоположную стену, развернулся и двинулся к нему. Он взглянул на воина, и глаза его сузились. По крайней мере он попробует сломать меч железного истукана. Рядом лежал средневековый боевой топор. Гордон поднял его и пошел навстречу машине. Резко отпрыгнув в сторону, он взмахнул топором и изо всех сил ударил по мечу. Лезвие меча обломилось у рукоятки и отлетело в сторону. Гордон обернулся и почти мгновенно отпрянул, потому что, хотя меч и был сломан, огромная рука продолжала подниматься и опускаться, сжимая тяжелую рукоять, а другая рука по-прежнему описывала круги.

Комната была разгромлена. Автомат переломал, разрубил и расколол почти всю обстановку.

Когда он снова чеканным шагом пошел через комнату, Гордон сделал то, что уже пытался осуществить раньше. За спиной машины он перебежал через комнату и стал разбивать боевым топором пульт управления. Надеясь, что, если удастся его разрушить, автомат остановится. Но, прежде чем это удалось осуществить, железный монстр опять пошел в атаку на человека. «Значит, механизм все еще может управлять движением машины», — подумал Гордон, отчаянно кромсая пульт. Но вот автомат оказался рядом с ним, и Гордон отскочил, уронив топор возле приборной доски.

Железный воин стал опять преследовать Гордона. Автомат двигался с ужасающей скоростью. Его страшное лицо казалось лицом дьявола. Снова и снова с невероятной скоростью и ловкостью Гордон уворачивался от него. Он опять подскочил к пульта, схватил топор и замахнулся. И подумал об ученом; мысли его были короткими и бессвязными: «Удивительная машина... если он сделал эту, то может сделать и другую».

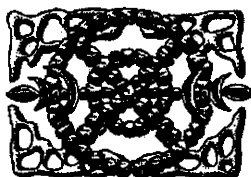
Нанеся последний удар, бросил топор и проскользнул под рукой монстра. Однако на этот раз недостаточно ловко. Рука, сжимавшая сломанную рукоятку, нанесла ему удар плашмя, и Гордон пошатнулся. Тотчас другая рука прижала человека к металлическому корпусу.

Вокруг не было слышно никаких других звуков, кроме шарканья ног, треска сломанной мебели и слабого шипения внутри пульта управления.

Молча, яростно Гордон боролся со стальным чудовищем. Боролся, прилагая все свои силы. Но Железный воин продолжал прижимать его к себе.

Вдруг огромная рука ослабела, и Гордон упал на пол.

Он тут же вскочил и увидел, что автомат идет, спотыкаясь, по комнате, с бессильно свисающими по бокам руками. Движения замедлились... Гордон понял, что пульт управления полностью вышел из строя. Очевидно, он сделал своим топором больше, чем предполагал. Железный воин остановился...

РАССКАЗ О КОЛЬЦЕ РАДЖИ

ействительно, сагиб, индусы — ужасные лжецы, особенно делийцы. Но ко мне это не относится: я родом из Марварри, штат Пенджаб, к тому же я сикх¹. Клянусь своей саблей, я честный человек!

¹ Сикх — член индийской религиозной секты, последователь Гуру Нанак; проживают они в основном в Пенджабе. Мужчины традиционно носят бороду и чалму, отличаются воинственным характером. К своему имени прибавляют слово «Сингх», что означает «лев».

Произошло все так: в Мируте меня навестили мой дядя, богатый и известный ювелир...

Я? Я, конечно же, воин, сагиб!

Так вот, однажды дядя пришел ко мне и сказал:

— Раджа прислал мне золото и рубин, очень крупный камень. «Сделай мне,— говорит,— кольцо необыкновенной красоты. Вот тебе сто рупий, и ты получишь намного больше еще, если кольцо мне понравится». Кольцо я сделал, но о нем, конечно же, немедленно пронюхали воры. И теперь, Лал Сингх, я боюсь идти с ним к радже. Но ты, племянник,— человек смелый, к тому же у тебя есть сабля, которой ты искусно владеешь. Прошу тебя, отнеси это кольцо радже.

Тогда я спросил дядю, хотя заранее знал, что он мне ответит:

— Но почему именно я должен это сделать?

Он и ответил:

— Я брат твоего отца и твой гость. Ты должен это сделать из уважения и преданности мне.

Я поразмыслял и согласился, но намекнул ему, что до дворца раджи далеко, а в пути меня может охватить жажда.

— Вот тебе десять рупий,— сказал он тогда.— И худо тебе придется, если не доставишь кольцо радже.

После этого он вытащил из-за пазухи кольцо, которое и впрямь оказалось необыкновенной красоты — резного золота, с огромным рубином, который сверкал так, что у меня в глазах потемнело.

— Бери его и неси во дворец раджи,— сказал он.— И не задерживайся нигде. А если ты по дороге напьешься, то ноги твоей больше не будет в моем доме!

Я пожал плечами и, спрятав кольцо в кушак, вышел. Настроение у меня было препоганое, и поэтому я совсем не удивился, когда рядом с базаром Гхулал Сингх ко мне привязался какой-то придурок. Это был Махратта из Дели, плюгавый недоме-рок с крысиной мордочкой.

— Эй, сикх,— хитро ухмыльнулся он.— Куда путь держишь?

— А тебе-то что за дело, о отвратительный потомок омерзительных предков? — как можно более вежливо ответил я.

— А не хотел бы ты заработать немного золотишка? — вдруг прямо спросил он.— У тебя мозги хоть и набекрень, но кое-что ты соображаешь, и у меня тоже есть...

— Прочь с дороги, делийская крыса! — гневно прервал я его.— Я воин, клянусь богиней Кали, и нахожусь на службе у самого раджи!

Честно говоря, я был в такой ярости, что чуть не выдал секрет, который доверил мне мой дядя.

— О, это уже лучше, чем пустые оскорбления,— вдруг вкрадчиво молвил Махратта.— И даже сикх знает, что на службе у раджи чаще видишь веревку, чем рупии. А я вот могу подсказать тебе, как получить много рупий.

— Ну давай,— усмехнулся я.

— Иди за мной,— многозначительно сказал он, и я действительно пошел за ним. Довольно долго мы плутали по улицам, пока не пришли в какой-то дом на берегу реки. Он уверенно вошел внутрь, а я осторожно последовал следом, сжимая рукоятку сабли.

Он повел меня по какой-то бесконечно петляющей лестнице,— я уже начал терять терпение,— как вдруг прервал свое восхождение, и мы очути-

лись в довольно темном коридоре. Дом казался совершенно заброшенным, и подозрительность моя стала усиливаться с каждым шагом. Мы продолжали куда-то идти и наконец оказались в комнате, выходившей окнами на реку.

Тут он повернулся ко мне и, пугливо оглядываясь на дверь, торопливо заговорил:

— Ну давай теперь мне кольцо раджи. Он меня послал, чтобы встретить тебя.

— Ты меня что, за дурака считаешь? — Я просто не мог сдержатъ смеха.

— Ладно, давай поживее! — Он явно становился все более нервным и взбудораженным. — И не вздумай шутить.

— Ну хорошо, — усмехнулся я. — Если ты действительно его посланник, то почему ты мне плел какую-то чушь о веревках? И где тогда печать раджи?

— О веревках я говорил для того, чтобы сбить с толку воров, которые могли нас подслушивать, — продолжая оглядываться, зашептал Махратта. — А печать — ты сам понимаешь — очень опасно было приносить ее сюда.

— Ты не ответил на мой вопрос: я действительно похож на дурака? — рассмеялся я ему в лицо.

— Я говорю правду! — воскликнул он. — Я доверенное лицо раджи!

— Конечно, — спокойно сказал я. — У тебя это просто на лбу написано.

— Ты дурак, если неверишь мне! — В ярости он начал даже плевать. — Еще раз повторяю, я доверенное лицо раджи!

Мне все это порядком надоело, и я с удовольствием бы ушел, но все же решил задать недомерку еще один вопрос:

— Раз тебя послал раджа, то у тебя, наверное, есть деньги, чтобы заплатить за кольцо?

— Вот теперь я вижу, что даже сикхи обладают кое-каким умом! — обрадовался он, вытаскивая из пояса кошелек. — Вот деньги — пятьдесят рупий.

— Но раджа обещал заплатить двести рупий. — Я решительно замотал головой, но в этот момент дверь вдруг открылась, и в комнату ворвались какие-то люди. Чтобы лучше сориентироваться в обстановке, для начала я прыгнул на Махратгү — прямо как Шер Хан — и, покружив его в воздухе, выбросил в окно.

Но тут вновь прибывшие с озверелыми мордами бросились на меня. Одному я так ловко заехал по физиономии, что он грохнулся всем телом и затих; другого я схватил за горло и кушак и, подняв его, швырнул в остальных. Нападающие немного отступили, а я, вытащив саблю из ножен, прижался спиной к стене и стал ждать.

Несколько мгновений грабители топтались на месте, но затем один из них рванулся вперед. Он напоролся прямо на мой клинок; другой, который выскочил у него из-за плеча, получил то же самое, а третий — джат¹ со своей палкой — заработал такой хороший удар по черепу, что забыл все на свете. Тут в драку влез здоровенный афганец из Аллахабада, но моя сабля была уже свободна, и он, погрузнев, упал.

Несмотря на мои подвиги, грабителей оставалось еще немало, и я решил не испытывать судьбу, а просто прыгнуть в окно. Клянусь своей саблей, сагиб, это было необыкновенно!

¹ Джат — член касты земледельцев.

Окна, как я говорил, выходили на реку — туда-то я и попал! Что делать — пришлось плыть, рассекая воду рукой и саблей, которую я продолжал крепко сжимать. Сикх никогда не расстается с саблей, сагиб!

Я плыл и плыл, пока наконец не почувствовал под собой речной ил, что говорило о близости берега. Но, к моей досаде, я увидел перед собой еще и крокодила, который, облизываясь, приветливо смотрел на меня. Что делать — пришлось нырнуть и, делая вид, что меня тут нет, проплыть под водой целую вечность. Подлый крокодил оказался не таким уж глупым и, продолжая облизываться, неторопливо, но уверенно поплыл за мной. Пришлось стукнуть по зверюге саблей, и он в конце концов отстал от меня, правда, с довольно недоуменным видом.

И вот наконец я оказался на берегу. Течение, как выяснилось, отнесло меня неведомо куда, но все же это была земля, и я с радостью ощупал ее руками. Тут же, не теряя времени, я проверил, при мне ли кольцо раджи. Оно, конечно, было на месте, и еще при нем болтался довесок — кошелек Махратты, который я выхватил у негодая, прежде чем отправить его в плавание по реке. Неплохо — сто пятьдесят рупий и семьдесят пять анн!

Хороший улов, не правда ли, сагиб? Вор у вора дубинку украл! Я не стал больше ни о чем думать, а просто положил в кошелек десять рупий, которые дал мне мой дядя, и направился ко дворцу раджи.

Дворец уже замаячил передо мной, как вдруг откуда-то — ровно из-под земли — возник бабу¹ и вежливо обратился ко мне:

¹ Бабу — государственный чиновник в Индии, чаще всего советник раджи или управляющий.

— О, прекрасный и почтенный человек, ты воин?

— Ты задаешь этот вопрос сикху? — сурово спросил я.

— Я понял тебя, сикх, — поспешно закивал он.

Я стоял в нерешительности, разглядывая этого низенького пухлого человечка.

— Если тебе нужна работа, обращайся ко мне. Я вижу, ты человек умный — обвести вокруг пальца Марендру Мукерджи еще не всякому удавалось. — Он сунул мне в руки какие-то деньги и удалился.

Стража беспрепятственно пропустила меня, как только я сказал, что иду к радже. Меня провели через довольно запутанный лабиринт коридоров в какую-то комнату, где навстречу мне вышел толстяк, оказавшийся советником раджи.

Я сказал ему, что принес кольцо, и, подумав, не стал ничего рассказывать о своих приключениях. Советник потребовал, чтобы я немедленно отдал ему кольцо, но я сначала попросил заплатить — пятьсот рупий. Он выпучил глаза и стал уверять меня, что цена была назначена в семьдесят пять рупий. Тогда я спокойно сказал, что кольцо не отдам. Он разъярился и пообещал мне, что раджа меня накажет, после чего решительно вышел из комнаты, хлопнув дверью так, что даже стекла задрожали.

Я осторожно присел на диван и начал размышлять о том, что наверняка проиграю, пытаясь налететь ястребом на орла, но, с другой стороны, и отступать уже было некуда.

И вот взволнованно заколыхались шторы, служившие прикрытием внутренней двери, раздался шум торопливых шагов и...

Я склонился в глубоком поклоне, внутренне проклиная себя за это — я, сикх из Лахора, унижаюсь

перед каким-то раджой какой-то северной провинции!

— Этот сикх... — начал было советник, гневно поблескивая узенькими, заплывшими от жира глазками, но тут я решительно перебил его.

— Тебе бы лучше помолчать, советник, потому что ты пытался обмануть своего господина, ложно обвинив его гостя, — резко прервал я толстяка, глядя с почтением на раджу. — О великий и всемогущий господин, этот человек — твой советник или управляющий — обманывает тебя. Мой дядя, ювелир, сделал тебе кольцо, а он отказался заплатить полную цену — пятьсот рупий — и, видимо, захотел положить себе в карман ту сумму, которую вы выдали ему, чтобы выкупить кольцо. Мы, конечно, люди небогатые, но честные, и я не могу поверить, что сиятельный раджа Мирута откажется от кольца из-за злокозненных ухищрений слуги.

С этими словами я вручил перстень одному из придворных, который передал его правителю. Раджа тут же надел кольцо на палец и устоял на него с нескрываемым восхищением, которое подогревалось восторженным шепотом приближенных.

Но, полюбовавшись несколько мгновений, раджа резко опустил руку и повернулся к советнику:

— Ты, видимо, хочешь, чтобы за границей поползли сплетни о скупости владельца Мирута и о том, что раджа не может заплатить за кольцо, которое ему нравится? И все из-за советника, который попытался нагреть на этом руки! Да тебя казнить надо!

Управляющий, издав сдавленный крик, рухнул к ногам господина, моля о пощаде. Раджа, уперев руки в бока, некоторое время размышлял, глядя на плешивую макушку своего советника.

— Ладно, — сказал он, явно гордясь своим великодушием. — На этот раз я тебя прощаю, но с одним условием — неси сюда свои сундуки.

Бледный от страха, советник на ватных ногах вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся, неся два огромных ларца.

— Отсчитай пятьсот рупий, — приказал раджа. — И еще сверх того дай сикху пятьдесят.

Я, ощущая тепло в груди, засунул деньги глубоко в пояс и взглянул на раджу, которого раширало чувство благодарности за кольцо. Я уже готов был выслушать очередные восторженные славословия, как вдруг дверь резко распахнулась, и в комнату ворвался человек в довольно-таки неприглядной одежде, с которой ручьями стекала вода.

О, это был Махратта, которого я выбросил в окно! Он рухнул на колени перед раджей, слегка обрызгав его водами Ганга.

— О великий и всемогущий господин! — торопливо заговорил Махратта. — На меня напали воры, и кольцо пропало!

Он вдруг резко остановился, увидев кольцо на пальце раджи. Проглотив язык, он начал обводить взглядом комнату и, конечно же, тут же заметил меня. Молниеносно выхватив кинжал из-за пазухи, Махратта прыгнул было ко мне, но тут вмешался раджа:

— Стой, Ананда Лал, и объясни, что это значит!

— Этот сикх — преступник! — крикнул Махратта, не сводя с меня яростно горящих глаз. — Он украл кольцо!

— Нет, кольцо он принес сюда, — сказал раджа, переводя пытливый взгляд с Махратты на меня.

— Ну хорошо! — воскликнул Махратта, едва переводя дыхание. — Ты, великий раджа, послал меня

взять кольцо. Я сразу понял, что его несет вот этот сикх. Я пошел за ним, но вокруг нас беспрестанно крутились разные ворюги и мошенники, и я стал говорить с сикхом о посторонних вещах — например, я сказал ему, что хочу нанять его для какой-то там работы. Он сразу кивнул на это и пошел за мной, в дом Рамы Бакша. Там я попросил у него кольцо, но оказалось, что он попросту заманил меня в ловушку — негодяй выхватил у меня кошелек, а затем в комнату ворвалась толпа вооруженных людей. Я еще ничего не успел понять, как вдруг этот сикх схватил меня и, покружив в воздухе, бросил в окно. Я даже не успел вытащить свой кинжал, а то бы... — Он бросил злобный взгляд на меня и продолжал, обращаясь к радже: — Я оказался в реке, и течение унесло меня куда-то к окраине города; вот только сейчас я наконец вернулся.

Он гордо выпрямился, продолжая в упор смотреть на раджу.

— Так ты кто? — спросил я, так же в упор разглядывая Махратту.

— Я Ананда Лал, сикх, — сухо ответил он. — Первый министр раджи.

— Тогда почему ты пытался утаить от него кольцо? — насмешливо спросил я.

— Кто? Я? — Он прямо побелел от злости. — Что ты хочешь этим сказать, подлый сикх?

— Я хочу сказать, что ты заманил меня в ловушку, приведя в тот дом, где на нас напали какие-то люди, — сказал я, не сводя с него пристального взгляда. — Это ведь были твои люди, не так ли?

— Почему мои? — прервал он мои рассуждения пронзительным криком. — Да если хочешь, я могу...

— А ну-ка, спокойно, — нетерпеливо вмешался в наш спор раджа. — Ананда Лал — мой преданный

советник. Я никогда не поверю, что он из корыстных побуждений хотел утаить кольцо. А вот о тебе, Лал Сингх, мне будет интересно послушать.

— Ну что я могу сказать,— молвил я, бросив многозначительный взгляд на Махратту.— Отчасти он говорит правду. Я действительно пришел с ним в какой-то дом и уже начал подозревать, что это ловушка, как вдруг в комнату ворвалась целая шайка вооруженных грабителей. Я был уверен, что Махратта с ними заодно, поэтому первым делом избавился от него, а затем набросился на остальных. Разбойники покушались именно на кольцо, тут нет никаких сомнений, но негодяев было слишком много, и мне ничего не оставалось, как выпрыгнуть в окно.

Раджа несколько мгновений молчал, как будто обдумывая какую-то сложную мысль.

— А ты действительно племянник ювелира? — неожиданно спросил он, вскинув на меня проницательные глаза.

— Истинная правда,— ответил я.

— Ну хорошо,— задумчиво произнес раджа.— Ты хорошо поработал и заслужил награду. Я думаю...

— О раджа,— вдруг выступил вперед один из придворных.— Этот человек лжет. И он заслуживает веревки!

Поднялся невообразимый шум, каждый спешил высказаться и обратить на себя внимание раджи. Я обернулся и узнал говорящего.

— А, это ты говоришь о лжецах! — Я хотел рассмеяться в полный голос, но сдержался.— А как насчет Марендры Мукерджи, сагиб?

Он немного изменился в лице, но продолжал сохранять напыщенный вид.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, — произнес он дежурную фразу.

— Неужели твоя память так коротка? — почти ласково спросил я. — Ты что, забыл, как в Лахоре...

Но ему уже удалось взять себя в руки. И теперь он неотрывно смотрел на меня, явно пытаюсь понять, что за игру я затеял и как далеко зайду...

— Семьсот рупий, — весело сказал я. Придворный неуверенно кивнул и бросил тревожный взгляд на раджу.

Тот стоял и, казалось, не слышал нашей перепалки. Раджа гневно хмурился, видимо не в состоянии найти выход из сложившейся непростой ситуации.

— О всемогущий и великий владыка, — стремясь отвести от себя гнев господина, поспешил вмешаться Махратта, бросив еще один взгляд на меня, — тебе ничего не угрожает, раджа. Кроме сикхов.

Я, лишившись от ярости дара речи, все-таки сумел сдержаться и решил выждать время. А ситуация, надо сказать, была непростая: раджа препирался с советником по каким-то дурацким вопросам, но одно я ухватил четко — речь шла о деньгах.

— О великий и всемогущий! — глупо хлопая глазами, наконец выдавил из себя нечто вразумительное советник. — Думаю, этот человек говорит правду.

Лицо раджи прояснилось.

— Я все понял, — многозначительно сказал он. — И я рад.

— Но мой кошелек! — Махратта вновь набрал воздуха в легкие и завопил что есть силы. — Схватите сикха и общите, и вы наверняка найдете его!

Я тут же вспомнил о том, что неосторожно положил в кошелек и дядины десять рупий. Я весь

напрягся и вдруг услышал слова, ласкающие мой слух:

— Успокойся, Ананда Лал, если ты потерял деньги, то они вернутся. Тебе-то точно, Ананда Лал, триста рупий обернутся хорошими деньгами. Ты совестливый, жалеешь нас всех, вот и должно тебе за всех нас повезти...

Раджа приказал управляющему дать мне триста рупий.

— За тех трех бандитов,— сказал он,— которых ты убил, защищая золото раджи.

Я склонился в глубоком поклоне, потихоньку пятясь к дверям.

Советник вышел вслед за мной. За пределами дворца он окликнул меня.

— Ты кто? — резко спросил он.

— Я Лал Сингх,— отозвался я, спокойно глядя ему в глаза.— Я живу в Лахоре, мой дядя ювелир...

Он, казалось, не слушал меня, а обдумывал какую-то свою мысль.

— Похоже, ты закинул сеть и поймал рыбу-меч, чего совсем не ожидал: твои сети годятся только для мелюзги,— медленно произнес он, угрожающе поблескивая глазами.

— Может быть.— Я равнодушно пожал плечами.— Хоть я и далеко от дворцовых тайн, все же один секрет я знаю. Например, Марендра Мукерджи.

— Все правильно,— нетерпеливо отозвался он.— Здесь сто рупий. Уезжай по-хорошему из Мирута.

— Двести,— бесстрастно откликнулся я.

Он пробормотал что-то сквозь зубы, но дал мне ту сумму, которую я просил. Сагиб, я сделал, как он просил, задержавшись в Мируте только для того,

чтобы зайти к дяде и отдать ему оговоренную сумму денег.

Клянусь Вишну, сагиб, я пришел в Мирут нищим бродягой, не имея ни гроша за душой, а покинул его на собственной лошади, окруженный слугами и держа за пазухой увесистый кошелек, разбухший от денег.

После того как я покинул Мирут, испытывая в душе ощущение, что уношу с собой треть богатства города, я направился в Дели — лучшее место, где можно легко и беззаботно потратить деньги. Мне не пришлось там долго задержаться из-за того, что встретил несколько старых знакомых, имевших не лучшую репутацию, и отбыл в Бомбей.

Бомбей, пожалуй, самый интересный город Индии. У меня там есть друзья, но главное — там есть деньги, которые можно легко переложить из карманов богатых персидских купцов в мой собственный карман.

Итак, я прибыл в Бомбей и остановился в большой гостинице, как сагиб.

Цены там ужасные, и, кроме того, я держал при себе одного слугу, лошадей и повозку, так что, сами понимаете, деньги быстро кончились. Но даже когда они еще шуршали в кармане, я уже начал мечтать, как бы раздобыть их побольше.

Однажды, когда я не спеша ехал по улице в своей повозке, меня окликнул какой-то прохожий. Я велел вознице остановиться и с интересом стал поджидать торопливо подходящего к нам человека. И тут мне стало скучно. Это был Марендра Мукерджи, бабу, который покорно выложил мне денежки в Мируте.

— Здорово! — воскликнул он, выпрыгивая, к моему удивлению в коляску. — Простой и незатейливый бродяга-сикх разъезжает в карете, в то время как высокообразованный бабу плетется пешком! Поезжай вниз, к причалам, — приказал он вознице тоном, не допускающим возражений.

Послушный слуга подчинился, правда с недружелюбным видом оглянувшись на меня, своего хозяина. Бабу удобно откинулся на сиденье и неторопливо вытер пот с лица шелковым носовым платком. Я ничего не говорил, но поглядывал на него многозначительно. Наконец ему надоело ломать комедию, и он прямо спросил:

— Сколько у тебя денег?

Сначала я подумал, что он собирается меня шантажировать.

— А тебе-то что до этого? — свирепо спросил я. — Может быть, ты забыл, что кроме денег у меня еще есть меч?

— Да ну тебя! — с нескрываемой досадой произнес Марендра. — Сикхи только и знают, что говорить о мече. Но у меня есть интересное предложение.

— Какое? — равнодушно осведомился я.

— Начну издалека: благородный сикх покинул Мирут с огромным кошельком, в котором имелась значительная сумма, принадлежащая бабу. Естественно предположить, что сикх прибывает в Бомбей, имея цель потратить эти деньги, включая деньги бабу. У сикхов необыкновенно развит талант тратить деньги, поэтому они быстро исчезают. Старая сказка, знакомая до тошноты, — вино, карты, женщины.

— Насчет женщин ты не прав, — заметил я. — Никаких женщин в деле не фигурирует.

— Согласен,— с готовностью кивнул он.— Мы и не о них сейчас беседуем. Меня интересует другое: неужели благородный сикх, о котором у меня уже сложилось определенное мнение, не готов — или не расположен — достать еще побольше денег?

— Почему тебя это интересует? — бесстрастно спросил я, внутренне замирая от предвкушения хорошей добычи.

— Потому что сикхи ничего не понимают в деньгах. Они тут же тратят их на вино, карты, женщин. О, прошу прощения,— поспешно добавил он, с хитрецей поглядывая на меня.— Никаких женщин! Нетипичная история.

Так вот,— продолжал он.— Не скрою, я восхищаюсь выдающимися способностями самого благородного сикха из тех, кого мне приходилось видеть. Ну ладно, не буду долго рассуждать, спрошу прямо: у тебя еще есть какие-нибудь деньги? Кстати, я говорю при вознице — ему можно доверять?

— Он мой верный слуга,— ответил я, пытаюсь понять, что надо моему собеседнику.— Он индус из очень низкой касты, и для меня он сделает все.

— Понятно,— кивнул Марендра Мукерджи.— А теперь слушай меня. У меня тоже есть деньги, и я предлагаю вот что: мы входим в партнерство, как говорят европейцы. Поясняю — ты представляешь деньги и мускулы, я представляю некоторые деньги и мозги. Ты не дурак и в состоянии понять, что при таком раскладе мы скоро станем очень богатыми.

Я молчал, обдумывая это неожиданно свалившееся на меня предложение.

— Ты меня надуешь,— наконец сказал я, бросив пытливый взгляд на Марендру Мукерджи.— Если сумеешь, конечно.

— Клянусь Вишной! — воскликнул он, сам искренне веря в свои слова. — Я буду блюсти тебе верность!

Он уставился на меня таким честным взглядом, что даже каменное сердце дрогнуло бы. Клянусь Ганешей, я поверил ему, хотя что-то внутри меня отчаянно этому сопротивлялось.

— Ладно, — сказал я наконец. — Посмотрим. Ну, и каков же твой план?

— Вот это другой разговор, — не скрывая усмешки, проговорил бенгалец. — Так вот, я хочу сказать о том, что в Бомбее много торговцев-персов. Понял? И еще я хочу сказать, что их слишком много и они слишком богатые...

ЛАЛ СИНГХ — РЫЦАРЬ ВОСТОКА

И

а базаре было шумно и оживленно. Разноликая толпа, на первый взгляд казавшаяся беспорядочной и хаотичной, на самом деле уверенно двигалась вниз, к реке. В этой массе людей можно было разглядеть самые разные типы, населяющие необъятную Индию: вот группа паломников-индусов тихо, но твердо прокладывает себе путь вперед, без усталости работая локтями; вот огромный джат, не обращая внимания на толпу,

решительно перешагивает через любые скопления людей, которые при этом нисколько не сопротивляются, — ведь всем известно, что джаты драчливы и агрессивны, к тому же никогда не расстаются со своей любимой окованной железом дубинкой. В толпе мелькали еще акали¹, их длинные волосы и фанатично горящие глаза сразу привлекали к себе внимание; очень заметны были также и мусульмане, которые демонстративно подбирали фалды своих одеяний, чтобы ненароком не коснуться ими индусов, — при этом презрительные усмешки не сходили с лиц правоверных. У самой реки людской поток становился бурлящим водоворотом, в центре которого, погрузившись в глубокую медитацию, неподвижно сидел факир. Ему бросали монеты и складывали к его ногам различные подношения. Кружка для сбора денег была уже полна — никто не решился бы утащить оттуда хоть монетку, за исключением разве что мусульман, но сейчас и они не сделали бы этого, потому что в Бенаресе стоял самый разгар сезона паломничества.

Вместе с толпой к реке неторопливо двигался человек, который даже при первом взгляде разительно отличался от остальных. Это был рослый худощавый сикх, с высоким лбом, выдававшим в нем личность незаурядную, с тонким прямым носом, такими же тонкими губами и резко очерченными скулами — в отличие от большинства представителей его касты, он не носил бороды. Его лицо украшали лишь небольшие усики, постриженные на европейский или американский манер.

Одетый в простую одежду, с тяжелой саблей, висевшей у него на поясе, сикх задумчиво наблюдал

¹ Акали — последователь сикхского гуру Говинда.

за толпой. Можно было только гадать, какие причины побудили его прибыть в Бенарес. Само собой разумеется, он не появился здесь как простой паломник, ведь его каста соблюдает исключительную чистоплотность и воздерживается от сомнительного ритуала смывания своих грехов в водах Ганга одновременно с несколькими тысячами человек всех каст и национальностей. Вряд ли он приехал просто из любопытства или для знакомства с достопримечательностями города, хотя отчасти это было и верно.

Но главная причина, которая привела Лала Сингха в Бенарес, конечно же, оказалась совсем другой. Как известно, индийцы не очень охотно доверяют свои деньги банкам; обычно они прячут их дома, а когда совершают паломничество, то многие берут накопленное с собой. Естественно, подобные привычки привлекают к процессии паломников множество воров, людей хитрых и проникательных, обладающих определенной смелостью и знанием человеческой природы. Именно к такого рода знатокам людской натуры и принадлежал Лал Сингх, который чуял поживу, как никто другой, ведь недаром же он был сикхом!

По той же самой причине, что и Лал Сингх, в Бенарес прибыло немалое количество мусульман и индусов низших каст — в основном профессиональных воров и мошенников, которых называли здесь тхаги. Эти господа, как правило, сколачивали шайки, начиная от трех человек. Лал Сингх предпочитал оставаться одиноким волком; у него был, пожалуй, только один сообщник — бабу, по должности государственный чиновник, а по натуре — гениальный мошенник. Они заключили между собой договор о равноправном партнерстве, в западном пони-

мании этого слова. В данный момент бабу Марендра Мукерджи проворачивал какую-то аферу в Дели, поэтому Лал Сингх работал в Бенаресе в одиночку.

Пока что настоящего успеха не удалось достигнуть, да он особенно и не старался прилагать какие-либо усилия ради скромной награды. Это тхаги могли без зазрения совести отбирать у танцовщиц незатейливые украшения или убивать индусов из-за нескольких рупий — но не Лал Сингх. Он закинул свои сети для более крупной рыбы и мелочиться не собирался.

Поэтому, когда мимо него прошла группа людей, в которой он безошибочно распознал воровскую шайку, Лал Сингх тут же незаметно отправился следом за ними. Он знал, что у тхагов уже припрятана где-то немалая добыча, ведь они не теряли времени даром, грабя и ворую все, что попадалось под руку. Сикх следил за действиями воришек и выжидал, как тигр терпеливо ждет, наблюдая, как олень откармливается и жиреет, и только потом нападает на него. Он решил дать тхагам возможность собрать по крохам как можно больше денег, после чего броситься на шайку, как бросается птица-фрегат на ястреба, несущего в клюве только что пойманную сочную рыбу. Конечно, определенный риск тут имелся, но Лала Сингха это только притягивало и будоражило — почти так же сильно, как и мысль о деньгах.

Невидимой тенью следуя за тхагами, он напустил на себя как можно более беспечный вид, производя впечатление бесцельно бредущего куда-то человека. Шайка направлялась куда-то в центр города, нигде не задерживаясь и уверенно поворачивая в нужных местах, что говорило о хорошем знакомстве с городом. Сикх следовал за ними на достаточ-

ном расстоянии, перебегая от угла к углу, прячась за деревьями и выступами, подобно тигру, крадущемуся по джунглям за своей добычей.

Через некоторое время тхаги свернули в какой-то арочный вход, напоминавший дверь в некие сказочные владения, и пошли по спускавшейся вниз извилистой аллее, пока Лал Сингх не потерял их из виду. Прибавив шагу, он почти вбежал в маленький внутренний дворик — что было крайне неосторожно с его стороны — и тут же столкнулся с шайкой лицом к лицу! Семь мужчин и одна женщина, выстроившись полукругом, медленно приближались к сикху, смыкая вокруг него кольцо. Двор оказался наглухо отгорожен от внешнего мира высокими зданиями, и призыв о помощи вряд ли услышал бы кто-нибудь, кроме самих тхагов. Кроме того, жители Бенареса отнюдь не отличаются излишней торопливостью в реакции на подобные призывы; во всяком случае, на помощь Лал Сингх звать не стал.

Он просто прижался спиной к стене и вытащил саблю, окинув взглядом приближавшихся противников. Это были сильные, крепкого телосложения люди, вооруженные, правда, только кинжалами и дубинками.

Увидев, что сикх собирается оказать сопротивление, разбойники заколебались, вопросительно поглядывая на одного из них — высокого тхага с кастовой меткой Кали над бровью. Зловеще улынувшись, тот сделал шаг вперед:

— Что ты здесь делаешь, сикх?

— Я недавно в Бенаресе, — с наивным видом ответил Лал Сингх. — Ходил по улицам, заблудился — и попал в лапы к ворам!

Главарь шайки — а это был, несомненно, главарь — мрачно взглянул на Лала Сингха, остальные

столпились за его спиной, тихо перешептываясь. Лал напряг слух, и до него донеслись обрывки их разговоров: «Да он просто дурак...», «Нет, он явно хитрит...», «Вишну! О чем тут говорить? Надо просто убить его...», «Нет, видишь, он сильный воин — кто-нибудь из нас обязательно погибнет...», «К тому же в Бенаресе есть и другие сикхи, может быть, он здесь не один...».

— А ну-ка тихо! — грозно рявкнул на спорящих главарь и, повернувшись к Лалу Сингху, вкрадчиво заговорил: — Друг сикх, ты несправедлив к нам, мы всего лишь мирные паломники, пришли в Бенарес очиститься от грехов...

Все это время он продолжал медленно приближаться к сикху и вдруг, как будто непроизвольно, вытащил из-за пазухи шелковый платок.

— А ну, назад, жрец Кали! — сурово предупредил его Лал Сингх. — Или, клянусь Анандой, эта сабля освободит тебя от грехов гораздо быстрее и успешнее, чем это когда-либо делали воды Ганга.

Главарь остановился и, криво ухмыляясь, принялся размышлять. Он явно находился в затруднении, так как не мог понять, что в действительности привело сикха в их логово, — а может быть, он и вправду заблудился, хотя тхаг все же сильно сомневался в этом. С другой стороны, маловероятным казалось и то, что сикх в одиночку следил за целой шайкой и вторгся в убежище воров с корыстными намерениями. Скорее всего, следовало просто убить незваного гостя, а не ломать голову над причинами, по которым он оказался здесь, но главарю что-то не особенно нравилась эта мысль. Разбойник смотрел на саблю сикха, длинную и острую как бритва, и не сомневался, что тот, кто держал ее сейчас в руках, владел своим оружием весьма искусно.

Главарь перевел взгляд на горевшее решимостью лицо незнакомца и понял, что этот человек не ведает страха и будет сражаться до последней капли крови, пока рука его сможет держать саблю или кинжал. И кроме того — вдруг он действительно не один? Возможно, где-то поблизости прячется целая толпа вооруженных такими же острыми саблями сикхов, которые только и ждут сигнала, чтобы выскочить из укрытия и наброситься на тхагов! Эта мысль окончательно убедила главаря, что с сикхом надо быть поосторожнее.

— Мы рады гостю, который посетил наше скромное жилище, — мягко заговорил он, не спуская с Лала Сингха настороженных глаз. — Но если ты не желаешь воспользоваться нашим гостеприимством, мы сочтем, что ты вправе так поступить. Ты и ты, — повернувшись, он ткнул пальцем в двоих из шайки, — проводите господина, чтобы он снова не заблудился.

Те осторожно приблизились к Лалу Сингху, и он направился в сопровождении разбойников по аллее к выходу. Покидая двор, сикх бросил быстрый взгляд через плечо на остальных и заметил, как они начали входить в один из домов.

Клинок Лал Сингх вложил в ножны, но его рука продолжала сжимать рукоять, а другую он засунул за пояс, нащупав спрятанный там кинжал. В голове уже созрел план действий, и, выбрав подходящий момент, сикх не мешкая приступил к его выполнению. Внезапным движением толкнув одного из провожатых на другого, он со всех ног помчался по аллее в выходу. Оба рухнули на землю, но, немного побарахтавшись, вскочили и с угрожающими криками бросились следом, размахивая сверкающими кинжалами.

Лал Сингх с легкостью оторвался от погони, но продолжал нестись изо всех сил, пока не добежал до арки. Бросив быстрый взгляд назад, он убедился, что преследователей не видно. Не останавливаясь, сикх пробежал через арку и, высоко подпрыгнув, ухватился за выступающие резные детали свода, украшавшие строение согласно традициям индуистской архитектуры. Бенарес — очень старый город; он был уже старым, когда египтяне строили первую пирамиду, и может быть, сотни лет назад эта арка являлась входом в какой-нибудь древний храм. Одним словом, Лал Сингх висел, уцепившись за старинную резьбу, и наблюдал, как его преследователи подбежали к арке и, не останавливаясь, проскочили через нее, устремившись по улице, ведущей к базару.

Едва они исчезли из виду, как сикх спрыгнул на землю и помчался по аллее назад, к внутреннему двору. Отбросив всякую предосторожность, решительно вбежал во двор, повернув к дому, в который, как он заметил, вошли разбойники. Найдя свисавшую с крыши водосточную трубу, Лал Сингх ухватился за нее и полез, как кошка, наверх, упираясь ногами в ровную отвесную стену. Добравшись до крыши, он замер и прислушался, а затем осторожно пошел по ней, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук, который мог бы указать на местонахождение шайки.

Через некоторое время сикху показалось, что слышен приглушенный шум голосов, и, распластавшись на крыше, он начал искать какую-нибудь трещину или щель, через которую можно было бы заглянуть внутрь. Наконец ему повезло — щель оказалась как раз там, где надо, и, осторожно расковыряв ее кинжалом, Лал Сингх стал всматриваться

вниз. Он угадал правильно — прямо под ним находилась вся шайка, за исключением тех двух индусов, которые пустились за ним в погоню.

Правда, теперь к шайке присоединились и те, кого он видел впервые. Их было двое, поэтому общее число разбойников вновь стало восемь человек — семь мужчин и одна женщина.

Поскольку у Лала Сингха появилась возможность спокойно рассмотреть своих противников, он стал с интересом вглядываться в их лица. Рядом с высоким тхагом, с которым сикх уже имел счастье немного поболтать, сидел чем-то похожий на него, но более молодой разбойник, также имевший метку Кали на лбу. Он явно приходился родственником главарю — возможно, племянником, а может быть, и кем-то еще.

По левую руку юноши расположился огромный, мрачного вида джат, который насупившись поглядывал на предводителя шайки. Следом — пара индусов низшей касты, совершенно отвратительной наружности, подобные тем, что преследовали Лала Сингха. Внешность еще двоих указывала на мусульманское происхождение одного, скорее всего, турка из Хайдерабада, а другой — молодой человек с наглыми глазами, — видимо, был раджпутом, чье пребывание в воровской шайке казалось довольно странным.

И наконец, Лал Сингх окинул оценивающим взглядом женщину. Молодая и гибкая, отличавшаяся чувственной красотой, она явно была когда-то танцовщицей, а теперь, по всей видимости, прибилась к шайке из-за любви к юному раджпуту. Похоже, здесь женщину использовали как приманку, с помощью ее привлекательности завлекая жертвы в сети воров.

Внизу постепенно разгорался спор, который вдруг решительно прервал главарь, стукнув кулаком по столу:

— Будет так, как я сказал, и все тут! Разговоры о нас дошли до британского наместника — вы что, не понимаете, чем это нам грозит? Мы слишком засветились здесь, и выследят нас гораздо быстрее, чем вы думаете. Мы и так уже слишком долго торчим в Бенаресе, пора бы отсюда двигаться!

— А деньги? — спросила девушка.

Главарь повернулся к стене, плотно прижав к ней руку. Открылась потайная дверь, за которой находился сейф. Вытащив оттуда увесистую кожаную сумку, тхаг швырнул ее на стол, и комната тотчас огласилась звоном металла, что было самой сладкой музыкой для ушей Лала Сингха.

— Все деньги здесь, — произнес главарь. — Три тысячи рупий.

— Давайте их разделим, — нетерпеливо проговорил джат, облизывая губы и не сводя с сумки жадного взгляда. — Я хочу получить свою долю!

— Подожди! — жестом остановил его главарь. — Мы здесь не все в сборе — нет еще двоих наших.

Но в этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвались два запыхавшихся, вспотевших индуса — преследователи Лала Сингха.

Главарь поднял голову.

— Ну, что там с сикхом? — торопливо спросил он.

— Убежал, — едва переводя дух, ответил один из преследователей. — Мы неотступно шли следом, пока не потеряли его из виду в толпе на базаре. Он был страшно напуган и больше сюда близко не подойдет.

На крыше Лал Сингх скривился в презрительной усмешке.

— Зря мы все-таки отпустили его, дурачье! — подал голос джат. — Он еще накликает на нас беду.

— Но я не заметил, что ты очень уж рвался вступить с ним в бой, — язвительно заметил мусульманин. Джат вскинул на турка глаза и злобно пробормотал что-то себе под нос.

— Хватит! — приказал главарь. — Мы пришли сюда, чтобы поговорить о деньгах, а не о бродягасикхах. Итак, у нас три тысячи рупий...

— Мою долю! — грубо потребовал джат. — Дай мне мою долю!

— Некоторые желают разделить деньги и смыться, — сквозь зубы процедил главарь, даже не удостоив его взглядом. — А некоторые хотят остаться, чтобы заработать побольше.

— Мы устали от тебя, я и мой возлюбленный, — заявила девица. — Дай нам нашу долю, и мы уйдем.

Джат молчал, но продолжал пожирать глазами сумку, набитую золотом. Турок посмотрел главарю в глаза.

— Лично я остаюсь, — сказал он. — Три тысячи рупий — не такая уж большая сумма, чтобы разделить ее на десятерых.

— Давай возьмем нашу долю и уйдем, — прошептала девица раджпуту, который, однако, даже не шелохнулся.

— А теперь слушайте меня! — резко произнес главарь. — Гхулаб Расс, ты прав. Три тысячи рупий, разделенные на десять частей, — сумма просто смехотворная.

— А надо ли ее делить на десять частей? — вполне голосом спросил джат, постукивая пальцами по своей дубинке.

Главарь вытащил из-за пазухи носовой платок, который Лал Сингх уже видел.

— Убью всякого, кто попытается внести раздор в наши ряды,— спокойно сказал он, и джат, вздохнув, мрачно отвернулся.— А теперь слушайте мой план. Мы остаемся в Бенаресе, пока не наберем сумму в пять тысяч рупий. Потом мы разделим ее, и у каждого будет по пять сотен — а это уже совсем другое дело!

Все молчали, не сводя глаз с горсти золота, которую главарь высыпал на стол. Кроме монет Лал Сингх разглядел там еще несколько банкнот и ювелирных изделий разной степени ценности. Да, по всему видно, что шайка работала весьма усердно!

— Нам потребовалось несколько недель, чтобы собрать эти три тысячи рупий,— заговорил один из отвратительных индусов.— Я думаю, нам придется пробыть здесь дольше, чем ты хочешь, чтобы добыть еще две.

— Я думал об этом,— покачал головой главарь.— Теперь в Бенарес прибывают как раз самые богатые слои паломников — могущественные землевладельцы и ростовщики из Дакки, южных провинций и Мирута. А вот мы появились здесь слишком рано, так что полиция уже поглядывает на нас с подозрением. Поэтому мы уйдем отсюда, но сначала заглянем в кошельки этих паломников. Я думаю, наковырять оттуда две тысячи не займет много времени.

Ответом ему был одобрительный шепот. Главарь, прищурившись, оглядел членов своей шайки:

— Уверен, что у некоторых из вас есть еще кое-что при себе. Выкладывайте все на стол.

Переглянувшись, разбойники начали неохотно извлекать из карманов, поясов и из-за пазух монеты, банкноты и ювелирные изделия; джат при этом сделался мрачнее тучи, турок криво ухмылялся, рад-

жмут беззаботно улыбаясь, а остальные зорко поглядывали друг на друга, следя, чтобы никто не уклонился от неприятной процедуры.

Главарь сгреб все, что лежало на столе, засунул в сумку и, застегнув ее, вновь поместил в тайник.

— Последнее время некоторые из вас стали что-то слишком много болтать, — ледяным тоном произнес он. — И я не уверен, что теперь им можно доверять. Поэтому Гхулаб Расс и Джала Нош останутся здесь и будут днем и ночью стеречь золото. Остальные будут заниматься, как и прежде, нашей обычной работой. И пусть только кто-нибудь попытается припрятать добычу — обещаю, тому несдобровать! Сдавать мне все, до последней медной монеты, а после мы поделим общую сумму поровну.

Вновь раздался одобрителный гул. Главарь явно пользовался авторитетом и был весьма искусен в умении манипулировать людьми.

— Ну а сейчас отправляемся работать, — добавил он. — Гхулаб Расс и Джала Нош, как я уже сказал, остаются здесь и охраняют наше богатство. — Он взглянул на турка и своего родственника, и те молча кивнули.

Лал Сингх понял, что узнал достаточно и пора уходить. Беспшумно пройдя по крыше, он спустился на землю и через несколько мгновений уже летел по аллее к выходу. Выбежав на улицу, сикх замедлил шаг и пошел в сторону базара, размышляя об увиденном и услышанном. Он нашел то, что хотел, — место, где шайка прячет свои сокровища, — и теперь его мозг напряженно работал, обдумывая дальнейшие действия.

Внезапно Лал Сингх резко остановился, поняв, что решение готово, и на тонких губах заиграла хитрая усмешка. План был великолепен, но для его

осуществления сикху требовалась помощь, потому что он собирался не только захватить золото, но и перебить всю шайку, — ведь, как известно, Лал Сингх никогда не довольствовался маленькими победами! Шайку необходимо уничтожить, иначе разбойники могут попытаться помешать сикху унести добычу, и он начал размышлять о том, где найти помощника для выполнения этой непростой задачи. Конечно, в таком случае Лалу Сингху придется поделиться золотом со своим напарником, но тут уж ничего не поделаешь. Самое главное — не допустить попыток сообщника взять лишнее и отхватить себе долю побольше!

Сикх стал вглядываться в лица людей, толпившихся на базаре. Ему нужен был человек, умеющий владеть оружием, обладающий железными нервами и отчаянной смелостью. Лучше всего подошел бы какой-нибудь турок или афганец, ведь именно они, как правило, обладали перечисленными качествами в полной мере.

Кроме того, сикху было бы намного легче делить с таким напарником добычу, он не чувствовал бы больших угрызений совести, оставив ему меньшую часть, — но не смог бы так поступить по отношению к представителю своей касты.

Был бы сейчас здесь его друг турок Али Бер! Но, увы, он уехал в далекую Бокахару покупать ковры и лошадей, надеясь потом с выгодой сбыть товар на рынках Индии. И Лалу Сингху ничего не оставалось, как пристально вглядываться в лица людей, заполонивших улицы Бенареса, с надеждой отыскать подходящего человека. Вскоре он действительно увидел того, кто ему требовался, — свирепого вида, крепкого, плечистого афганца, праздно разгуливавшего по базару.

И Лал Сингх немедля направился к нему.

— О, достойнейший господин,— начал он на пушту, но афганец резко прервал его потоком проклятий, который он принялся извергать на назойливых индусов.

Затем афганец внезапно осекся.

— А, ты же сикх,— более миролюбиво произнес он, разглядев наконец своего собеседника.— Ну, это куда лучше, чем если бы ты был безмозглым индусом!

Но вид его оставался по-прежнему свирепым, и Лал Сингх решил не тратить больше слов попусту.

— Тысяча рупий,— глядя в сторону, как бы незначая прошептал он.

— А? — мгновенно оживился афганец, и в глазах его тут же появился жгучий интерес.— Тысяча рупий, говоришь?

Сикх неторопливо повернулся к нему, окинув афганца пытливым взглядом.

— Умеешь владеть мечом? — спросил он.

— Владеть мечом? Клянусь Аллахом, мне нет равных в этом деле! — торопливо воскликнул афганец.— Никто не сможет устоять передо мной! Всех изрублю! Всех разорву на куски! Клянусь Аллахом...

— Достаточно,— сухо прервал его Лал Сингх.— Не сомневаюсь в твоих достоинствах. Мне сейчас нужен человек, который принял бы участие вместе со мной в одном приключении,— соответственно, и участие в дележе награды. Возможно, ты как раз тот самый человек.

— Именно,— нетерпеливо кивнул афганец.— Там большие деньги?

— Приличные. Золото и драгоценности.

Глаза афганца алчно засверкали.

— Клянусь Аллахом, ты только покажи где, и я уж как следует поработаю мечом, чтобы заполучить их!

— Пошли, — коротко бросил сикх и указал направление, в котором надо было идти. — Следуй за мной, и я все расскажу тебе.

Он привел афганца к лавке, которую держал земляк сикха, и в одной из комнат, где — он точно знал — их никто не мог подслушать, изложил ему свой план.

— Дело обстоит таким образом, — рассказывал Лал Сингх. — В Бенаресе орудует некая шайка грабителей, в основном индусы из низших каст, промышляющие воровством, — мы их зовем тхаги. Они уже наворовали и награбили много денег, их главарь спрятал все в тайнике, а свою шайку заставил работать дальше. А теперь слушай мой план: мы с тобой будем болтаться по базару и изображать полных дураков, вслух разговаривать о нашем золоте. Затем ты пойдешь в дом, который я тебе покажу. Я устрою так, чтобы часть шайки последовала за тобой, а другую часть возьму на себя. Сначала я расправлюсь с ними, потом приду к тебе, и мы вместе уьем остальных и разделим добычу.

Лал Сингх уточнил еще некоторые детали, и афганец, которого звали Лутуф Абдулла, после недолгого размышления признал, что план хорош. Через некоторое время жители Бенареса уже могли видеть парочку бесцельно прогуливающихся в самых оживленных местах людей — сикха и афганца, которые, судя по их виду, искали место, где можно было бы потратить деньги. За ними по пятам неотступно следовала знакомая шайка.

Вскоре сикх повернулся к своему товарищу и сказал ему достаточно громко, так, чтобы мог услышать тхаг, находившийся неподалеку:

— Лутуф, отправляйся-ка в такой-то дом и пожди меня там. Будь осторожен, следи, чтоб тебя никто не ограбил. Две тысячи рупий — большая сумма.

— Меня? — гневно нахмурился афганец. — Да ни один индус не посмеет меня ограбить!

Сикх повернулся и исчез в толпе, а афганец зашагал в противоположном направлении. Если кто из прохожих и заметил бы шайку разбойников, идущую за афганцем, то ни за что не сказал бы об этом вслух — на лбу у главаря шайки красовалась кастовая отметка черной богини Кали.

Лал Сингх шел торопливо, почти бегом, пока не добрался до украшенной резьбой арки. Бросив быстрый взгляд назад и убедившись, что за ним никто не следует, он побежал по аллее, стараясь держаться поближе к стене. Беспрепятственно добравшись до внутреннего дворика, сикх уцепился за водосточную трубу и вновь, как и в прошлый раз, залез на крышу. Беспшумно дойдя до нужного места, он припал к знакомой щели и стал всматриваться вниз.

Оба разбойника, приставленные охранять сокровища, сидели в той же комнате, покуривая из длинных трубок. Лал Сингх внимательно осмотрел щель и вдруг сделал неожиданное открытие — это было не что иное, как люк, ведущий прямо в комнату! Тщательно замаскированный и плотно пригнанный — за исключением одной щели, — он был почти не виден, и сикх мог поклясться, что разбойники и не подозревают о его существовании; по крайней мере, они не пользовались им, потому что он был заперт на старый, совершенно про-

ржавевший замок. Лал Сингх достал из-за пазухи маленькую ножовку и пузырек с маслом и принялся за работу. Он перепиливал замок, постоянно смазывая дужку маслом во избежании скрежета. Сикх торопился, но движения его оставались точными и выверенными.

В комнате внизу тхаг, родственник главаря, наполнил заново свою трубку и со вздохом произнес:

— До чего же утомительно это долгое ожидание!

— Это точно, — откликнулся мусульманин. — Но зато, может быть, они принесут кучу денег. Хорошо бы еще привели с собой девчонку! Хотя эти индуски — барахло, вот мусульманские женщины...

И в этот момент прямо на них свалился Лал Сингх!

Молча и яростно, подобно леопарду, набросился он на своих противников. Молодой тхаг рухнул замертво, прежде чем успел вытащить оружие, но мусульманин отскочил в сторону и, выхватив свой меч, вступил в бой, отчаянно сражаясь с пляшущей в руках сикха саблей. Турок оказался довольно опытным бойцом, и противники закружили по комнате, опрокидывая мебель. Они не произнесли ни единого слова, и лишь звон стали да учащенное дыхание нарушали тишину. Наконец сикху удалось сделать точный выпад, и турок рухнул на пол, пронзенный острой саблей Лала Сингха.

Сикх с довольным видом огляделся и решительно шагнул к тайнику. В следующее мгновение сумка с золотом уже была у него в руках.

А на другом конце Бенареса, в заброшенном доме, Лутуф Абдулла сжимал в руках свою саблю и гадал, когда разбойники, увязавшиеся за ним, набросятся на него. Он был готов сразиться с ними и

не сомневался, что легко одолеет хоть половину всех индусов Бенареса.

Афганец вскочил на ноги и резко взмахнул саблей, когда дверь неожиданно распахнулась и в комнату вбежала молодая женщина. Лал Сингх предупредил его, что в шайке есть женщина, и это, несомненно, была она. Что ж, прекрасно! Он возьмет ее себе как часть своей доли.

Женщина подбежала к Лутуфу и, обхватив руками, почти повисла на нем, умоляя спасти ее.

— От кого? — недоверчиво спросил афганец.

— От тхагов! — выдохнула она. — Они идут сюда! О, они уже за дверью!

Лутуф резко повернулся к двери, но внезапно, будто что-то почувствовав, вновь обернулся к женщине. И как раз вовремя — девица уже занесла над ним кинжал, метя в незащищенную спину. Для афганца было делом одной минуты вырвать у сообщницы тхагов клинок и, заломив ей руки за спину, затащить ее во внутреннюю комнату. Девица яростно сопротивлялась, и, когда ей удалось высвободить одну руку, она тут же с силой ударила Лутуфа по лицу. В афганце немедленно вспыхнула дикая, неукротимая злоба, и он вонзил в красотку ее же кинжал. Она пронзительно вскрикнула, и в этот момент в комнату ворвались вооруженные люди.

Их было семеро. Разбойники набросились на Лутуфа, но не учли, что имеют дело с крайне разъяренным афганцем. Афганцы и так отличные бойцы, а в гневе они просто ужасны!

Одним движением, как это могло показаться со стороны, Лутуф молниеносно рассек череп одному индусу и насквозь пронзил другого. В следующее мгновение он отскочил к стене, увидев, как молодой раджпут рванулся к нему. Их сабли скрести-

лись, но лишь на миг — раджпут упал, обливаясь кровью, а Лутуф, поставив на него ногу, уже снес голову еще одному индусу.

Внезапно он и сам упал, сбитый с ног набросившимся на него сзади разбойником, который пытался кинжалом ударить Лутуфа по голове. Но лезвие застряло в бесчисленных складках афганского тюрбана, и Лутуф немедленно перекинул индуса через себя, тут же заколов его. Почти одновременно с этим увесистая дубинка джата опустилась на голову афганца, и вновь тюрбан спас его. Лутуф не глядя ткнул саблей в сторону врага, и джат рухнул как подкошенный.

Но теперь в бой ринулся главарь, которому удалось выбить оружие из рук афганца, — но при этом он и сам остался безоружным. Противники сцепились врукопашную. Лутуф был человеком довольно сильным, но все-таки тхаг постепенно начал одолевать его. Афганец яростно боролся, но неожиданно раджпут, который до этого казался бездыханным, шатаясь, поднялся на ноги и, схватив дубинку джата, со всей силы нанес Лутуфу страшный удар по голове. Афганец рухнул на пол и в тот же миг почувствовал, как вокруг его шеи обвивается шелковый платок. Тщетно пытаясь сорвать удавку, Абдулла увидел перед собой злорадно ухмыляющееся лицо разбойника. Туман уже застилал глаза Лутуфа, как вдруг сквозь пелену он увидел, что выражение лица главаря резко изменилось. Давление шелкового платка ослабло, тхаг качнулся вперед, а затем упал на пол и откатился в сторону. Ошеломленный Лутуф поднял голову и увидел Лала Сингха, вытиравшего о поверженного противника свою окровавленную саблю. Рядом с ним лежал раджпут, теперь окончательно сраженный сикхом.

Афганец поднялся на ноги и сел на скамью, наблюдая, как Лал Сингх обыскивает тела разбойников, вынимая из карманов и поясов деньги и драгоценности. Лутуф заметил, что сикх не прикасался к женщине, и, поднявшись, подошел к ней, решив обыскать; при этом он не спускал настороженного взгляда со своего напарника, следя, как бы тот не спрятал найденную добычу. Это, однако, совсем не входило в намерения Лала Сингха, который высыпал все деньги и драгоценности на стол.

— Всего каких-то триста пятьдесят рупий,— объявил он, пересчитав добычу.— Ну что, будем делить?

— Ну, уж нет, клянусь Аллахом! — воскликнул афганец.— Это я убил разбойников! А что сделал ты? Двести рупий и девчонкины драгоценности мне, а сто пятьдесят рупий тебе.

Сикх пожал плечами. Он ничего не имел против, чтобы Лутуф забрал себе всю добычу, потому что по праву заслужил ее. Но сикх также понимал, что афганец может заподозрить его в утаивании более крупной суммы, отобранной у остальных членов шайки. Как это и было на самом деле...

— Нет, клянусь пророком! — продолжал горячиться Лутуф.— Тебе, пожалуй, причитается только сотня рупий. А что там с остальными, которых ты собирався ограбить? Давай сюда и то, что ты взял у них!

— Нет,— покачал головой Лал Сингх.— У них оказалось совсем немного, но раз ты не хочешь поделиться со мной по справедливости, я оставляю те деньги при себе.

Афганец нахмурился, понимая, что его перехитрили, а сикх между тем разделил добычу, как того желал Лутуф.

— Ты действительно хороший воин,— заметил сикх.— Это было грандиозное сражение.

Афганец молчал. Лал Сингх обвел взглядом команду, остановив его на теле девушки.

— Но это неужели было так необходимо? — с упреком спросил он.

— Необходимости, может, и не было, а вот удовольствие было,— мрачно усмехнулся афганец.

Сикх с отвращением пожал плечами. Мужчины на Востоке не особенно переживают за женщин, но все же это дикое убийство девушки вызвало у Лала Сингха такое сильное чувство неприязни к афганцу, что он понял: поединка не миновать.

Это понял и Лутуф, который сжимал свой кинжал, злобно поглядывая на сикха. Он был в ярости оттого, что его надули, и к тому же жадность толкала мусульманина на то, чтобы захватить всю добычу. Афганец не сомневался, что Лал Сингх прячет где-то при себе крупную сумму денег. А то, что сикх спас ему жизнь, не имело для него никакого значения.

Лутуф считал, что Лал Сингх — всего лишь трусливый слабак: то, как сикх восхищался доблестью и отвагой афганца, и то, как он скривился при виде убитой женщины, указывало на его малодушие и трусость. Лал Сингх — не мужчина, решил афганец. В образ настоящего мужчины, каким его понимал Лутуф Абдулла, сикх совершенно не вписывался.

Но Лутуф очень мало знал сикхов. Если бы ему хоть когда-нибудь пришлось сражаться с сикхами, то сейчас он наверняка не стал бы и пытаться завязать драку.

А вот Лал Сингх знал афганцев намного лучше. Он знал, что афганцы отличаются свирепостью и

дикостью, поэтому не спускал пристального взгляда с Лутуфа. Афганец уже окончательно отдышался после сражения с разбойниками и теперь чувствовал себя в состоянии сразиться хоть с десятью индийцами. Подняв кинжал, он сурово взглянул на сикха.

— Я убил всю шайку. Мне полагается вся добыча. И я возьму ее! — И с этими словами он бросился на Лала Сингха.

Но сикх отскочил в сторону со скоростью пантеры и резко выхватил саблю, так что в воздухе раздался пронзительный свист. На него накатила волна ярости, хотя по природе своей он вовсе не был дикарем, как афганец. Напротив, Лал Сингх являлся настоящим рыцарем. Но он принадлежал к народу прирожденных воинов, а в душе каждого сикха всегда живет ярость к врагам, которая в нужный момент вспыхивает во много раз сильнее, чем ярость дикого курда или афганца. Афганцы узнали о ней во время своих набегов на Индию, англичане познакомились с яростью сикхов в Лахоре, германцы — во Фландерсе, а вот глупому Лутуфу Абдулле пришлось столкнуться с ней только сейчас, в заброшенном доме в Бенаресе.

Почти сразу же после того, как Лал Сингх перешел в наступление, афганец вынужден был занять оборонительную позицию. Уже не стараясь напасть на сикха, Лутуф лишь отчаянно защищался, все отступая и отступая. Противники спотыкались о тела разбойников, скользили по залитому кровью полу, но вот наконец афганец уперся спиной в стену и попросил о пощаде.

Лал Сингх опустил саблю, но в тот же миг Лутуф бросился на него с искаженным злобой лицом, нанеся удар, от которого сикх едва успел уклониться.

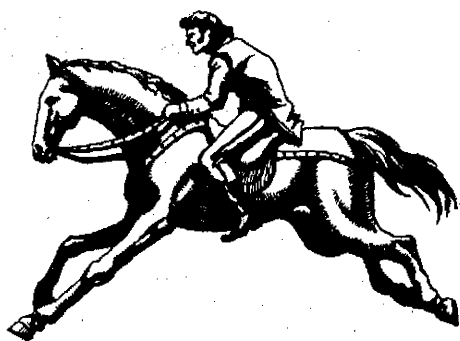
Афганец замахнулся еще раз, но тут сабля Лала Сингха пронзила его насквозь, и Лутуф тяжело рухнул на пол, вырвав оружие из руки сикха.

Лал Сингх извлек из тела убитого свою саблю и задумчиво посмотрел на бывшего напарника.

— Воистину странными бывают дары кармы, — сказал он самому себе. — Освободив мир от десяти грабителей и убийц и одного кровожадного афганца, я покидаю Бенарес с весьма приличной суммой — где-то около четырех тысяч рупий. Марендра Мукерджи, должно быть, изрядно позабавится, услышав мой рассказ, так что пора в Дели!

ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО

ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО

М

1

айк Костиган пристально рассматривал нечто, лежавшее на его ладони.

— Говоришь, нашел это на Восточном Пике? Именно там?

— Около, — ответил нищий мальчишка, тощий бродяжка с копной взъерошенных волос, из-под которых иногда мелькал странный взгляд маленьких глаз.

— Около, — повторил Майк неопределенно, сведя брови на переносице. — Пик большой. Ты

имеешь в виду северную сторону холма, на которой что-то взрывали?

— Да. — Глаза мальчишки коротко блеснули. — То самое место. Это у Лемме, да.

Майк положил вещь обратно в протянутую шерпавую ладонь со словами:

— Похоже на испанскую монету восемнадцатого века. Смотри, чтобы кто-нибудь не отобрал ее у тебя.

Он проследил за бродяжкой, который, ссутулясь и неуклюже ступая, уходил вниз по улице. Беспризорный ребенок, грязный и худой, которого в городе так и звали Скинни — доходяга и который считался умственно отсталым, — несчастный, выброшенный на обочину осколок нефтяного бума, пронесшегося когда-то над городком.

— Странно, если он нашел испанскую монету на Восточном Пике, — размышлял Майк, — я не видел ничего подобного, кроме как в музее частных коллекций. Наверное, какой-нибудь рабочий нефтепровода потерял, а мальчишка, болтаясь, как обычно, по окрестностям, случайно наткнулся на нее и подобрал.

Немного погодя Костигана окликнул приятель, и он мгновенно забыл и о всяких мальчишках, и об их монетах.

— Эй, Майк! Знаете, кто собирается в «Бороду»? Уверен, что и вы направляетесь туда!

— Нет, я просто вышел прогуляться, — ответил Майк.

— Ненавижу навязываться, но если вы никуда не собираетесь...

— Такое прекрасное утро, я с удовольствием прокатился бы куда-нибудь.

Вскоре их машина с грохотом неслась по дороге, идущей из Затерянной Долины на запад. Приятель Майка с любопытством взглянул на него:

— Как это вы решились провести отпуск в родном городишке? Вас же обычно носит по всему свету, тем более, что денег у вас с избытком.

Майк улыбнулся. Это был высокий молодой человек. Сутуловатый, но могучего телосложения, с массивными плечами и длинными мускулистыми руками. С открытым, слегка капризным лицом ирландца и живыми серыми глазами под гривой черных, почти смоляных волос. Выглядел он очень молодо, слегка за двадцать.

— Действительно, смешно сказать, но только теперь выяснилось, как много у меня здесь друзей. И потом, знаете, сюжет моей новой книги, которая сейчас разошлась по всей стране, да и всех моих ранее напечатанных рассказов, я искал и находил на нефтяных промыслах.

— Да, но нефтяной бум, когда-то имевший место в Затерянной Долине, вроде пошел на спад. А вы не слишком молоды для писателя?

— Что вы, мне уже за тридцать. Хотя согласен, — для писателя это возраст юности.

— И что вдохновляет вас сейчас?

— С тех пор как вернулся, пока ничего. — Майк улыбнулся. — Но вы знаете, после любого бума всегда что-нибудь да остается. По краям подобного водоворота всегда болтаются какие-то щепки, обломки, и я надеюсь отыскать среди всего этого необычную, нестандартную личность и потом использовать, как типаж, как характер.

— Тогда остановите свой взор на Восточном Пике и взгляните мельком на двух геологов, которые там работают.

— Геологи? На Восточном Пике?

— Так они себя называют, но только, что бы они ни говорили, это одна лишь видимость. Люди

Гальфа давно просверлили все горы вокруг и все-таки не обнаружили той нефти, ради которой стоило бы механизировать работы. А те парни не похожи на настоящих геологов или топографов. Может быть, они посланы сюда какой-нибудь Южно-Американской компанией, я не знаю, но выглядят они как испанцы; черноволосые, темнотицы мужчины с усами. Я слышал, они прилетели на самолете и сели на том поле, что севернее Восточного Пика, единственном поле, не обработанном в этом году.

— Не слишком-то много народу живет около этого холма, — никого на пару миль в округе. Остановившись там, они получили возможность делать все, что угодно, без каких-бы то ни было свидетелей. Удивительно только, где и как они берут пропитание, не знаете? Вы поможете мне их отыскать?

Восточный Пик маячил прямо перед ними милях в десяти на северо-запад от городка Затерянная Долина. Огромный холм, круто возносящийся над окружающей его равниной, казался очень высоким, эту иллюзию поддерживала общая безжизненность ландшафта. Несколькими милями дальше возвышался его двойник. Эти скалы-близнецы были известны окружающим как Пики Кэйдок и различались только тем, что одну из них называли Восточным, а другую Западным Пиком.

Они входили в состав общественных земель Центрального Западного Техаса и образовались самым типичным образом, как результат многовековой эрозии. Тысячи лет дождей и ветров вымыли и выдули широкие выходы на поверхность мягкой глины, сократив площадь плодородной земли равнины до размеров, не превышающих нескольких сотен футов. Эти холмы оставались и еще долго останутся в неприкосновенности из-за каменистых осыпей,

сплошь покрывающих холмы сверху донизу и служащих непреодолимым препятствием для всех празднующихся.

Восточный Пик, совершенно типичный для холмов такого рода, был все же довольно крутым и поднимался над окружающей равниной как обрывистая скала, снизу доверху покрытая огромными качающимися валунами, время от времени срывающимися с высоты. Торчащие здесь и там крутые утесы футов двадцати придавали холму вид подвигившего гуляки, и это впечатление усиливала большая роща растущих на его вершине дубов.

Дорога к «Бороде» возле Восточного Пика, окруженного пастбищами и полями, поворачивала к северу, проходя примерно в миле от его восточного плеча, и обрывалась.

Двое приятелей только что повернули на север, и спутник Костигана, обернувшись, заметил, что какой-то автомобиль догоняет их с намерением обогнать, подавая сигналы, чтобы привлечь внимание.

— Эти парни движутся к «Бороде», Майк. Сейчас машины сблизятся, а дорога узка, и мы можем угодить в кювет. Благодарю покорно!

Но обгон свершился благополучно, вторая машина умчалась. Майк начал осматриваться, чтобы отыскать на дороге место пошире для разворота в обратную сторону. Он медленно вел машину и в конечном итоге сделал разворот в том месте, где дорога ближе всего подходила к холму. И тотчас услышал, что его кто-то зовет. Майк выключил мотор и оглянулся на окрик. Человек приближался не спеша, и Костиган по описанию узнал в нем одного из мнимых геологов. Мужчина был высок, довольно сухощав, темноволос и весьма мускулист.

Майк усмехнулся. «Ну прямо Непреклонный Рудольф, или я Голландец,— сказал он про себя, сидя в ожидании приближающегося человека.— Если бы я писал мелодраму в стиле «Блестящих девяностых», то не подобрал бы типажа более злодейского. Высокий, тощий, черные усы,— какая гордая красота! Какая мощь, наконец! А на самом деле он, вероятно, учитель в воскресной школе родного городка и простодушный активист движения бойскаутов. Уж слишком выглядит головорезом, чтобы оказаться им на самом деле».

Человек перелез через проволочную изгородь и подошел к автомобилю:

— Вы любите делать деньги, а? — спросил он отрывисто, и Майк несколько удивился явственному акценту, настолько точно соответствующему всему облику мужчины, что кажушемуся даже чуть нарочитым, как специальный сценический эффект.

Парень несколько раз повторил свой вопрос, прежде чем Майк сумел восстановить свое душевное равновесие, на потерю которого все-таки имелись некоторые причины. Он механически заметил, что человек одет в форменную одежду геологов: армейская шляпа, защитного цвета брюки и бутсы. Но вещи казались снятыми с чужого плеча, и незнакомец явно чувствовал себя непривычно в подобном одеянии.

Майк переводил внимательный взор с одежды человека на его лицо и обратно. Все теории насчет воскресной школы унеслись прочь. Поражали немигающие глаза мужчины, поразительно яркие при смуглом цвете лица. Неприятная особенность взгляда незнакомца вызвала невольный холодок в позвоночнике Майка. При этом глаза «геолога» оставались неизменно холодны и абсолютно безжизнен-

ны и более походили на змеиные, чем на человеческие.

— Да, конечно, я хотел бы иметь деньги,— машинально ответил Костиган.

— Буэно. Вы ехать в эта Затерянная Долина и покупать бакалея,— я дать вам список. Потом вы возвращаться сюда, я вас встречать, брать пища и платить вам десять долларов.

— Ладно.— По своему обыкновению Майк был одет довольно просто, как всегда, когда не был занят «сбором материалов» или когда не происходило ничего интересного возле него и его рычащего автомобиля, самого соблазнительного среди автомобилей сельской молодежи. По внешнему виду его можно было принять за того, кем он хотел сейчас казаться: молодым дебоширом, работающим на нефтепромыслах.

— Как насчет того, чтобы выдать мне на покупку,— спросил Майк, поддерживая предложенную обстоятельствами игру.

— Каррамба! Я давать вам деньги? Нет, нет, мой друг! Вы купить жратву сам и представить мне счет. Я платить вам цену плюс десять долларов.

— Хорошо,— Майк кивнул и спохватился, что для пущего реализма он не должен был соглашаться так легко,— я вернусь, как можно скорее.

— Смотри, сделай.— Незнакомец покровительственно улыбнулся, отчего щеки Майка окрасились гневным румянцем, а с губ сорвался приличный случаю ответ, который, впрочем, затерялся в реве мотора.

— Конечно, может быть, он обыкновенный, не очень состоятельный горожанин, ну, скажем, просто не представился счастливый случай или сам не сумел сделать карьеру,— размышлял Майк, возвра-

щаяся в город,— но если я хоть что-нибудь понимаю в людях, то этот парень в душе преступник, потенциальный убийца. Во-первых, акцент звучит слишком фальшиво, это факт. Эти парни не мексиканцы, хотя... Ей-Богу, я теперь догадываюсь, как Скинни нашел монету,— фамильная реликвия одного из них, наверное. Я куплю ее у Скинни и отдам обратно парню. Он, конечно, грубая скотина, но с интересным характером. Любопытно, что он делает на холме? Вот уж поистине глаза, как у гремучей змеи, чтоб мне никогда не видеть этой погрёмушки!

И его живое воображение тотчас начало выстраивать сюжеты, один фантастичнее другого, о зловещем появлении латинос, да еще в пустынной местности, ну и так далее. Он знал одно — какой угодно, тем более подобный, случай в ходе изложения может сам по себе приобрести характер более странный и жестокий, чем любая история, написанная Майком Костиганом до сих пор.

2

Добравшись до Затерянной Долины, Майк отправился в бакалейную лавку и купил провизию по списку, заплатив за нее из собственного кармана. Выйдя из дверей, он заметил Скинни и подозвал его:

— Скинни, монета еще у тебя? — Угрюмый кивок. — Я дам тебе десять долларов за нее, вдвое больше, чем она стоит.

— Стив Лири покупал ее, я забыл, — ответил ребенок.

— Лири купил? На Лири было бы больше похоже, если бы он ее у тебя просто отобрал. Сколько же он заплатил?

— Пять долларов, потому что банковский кассир сказал — эта вещь ценная, — бормотал Скинни. — Я считаю, пять долларов вовсе не дешево для Лири, ведь он картежник и бутлегер.

— Когда ты ее нашел? — вроде бы равнодушно спросил Майк.

— Пару недель назад.

— Так давно?

— Угу.

Майк присвистнул. Судя по тому, что он слышал, испанцы были на холме всего несколько дней. Поэтому он расстался со своей идеей — вернуть людям на холме украденную, как Костиган подумал, у них монету. Но высокая стоимость раритета заставила его поразмышлять над другим: присутствием испанцев на холме, где была найдена старинная испанская монета. Все же он решил, что это простое совпадение.

Возможно, другой человек просто никогда и не задумался бы по такому пустяковому поводу, однако Майк находил свою писательскую интуицию отточенной столь блестяще, что был уверен, — она никогда не позволит ему искать связь там, где ее нет, и причину там, где все только дело случая; жизнь, как известно, и так полна шаблонных фрагментов, которые никогда не начинаются и редко заканчиваются.

Он попрощался со Скинни и зашел в магазин купить банку холодного лимонада, чтобы утолить жажду.

В это время прибыл автобус, совершающий рейсы из Форт Ворт в Эль Пасо и Санта Фе, и из него вышла единственная пассажирка: юная женщина, стройная, изящно одетая. Она вошла в магазин, и в душе Майка сразу запечатлелись белое личико, пух-

лые розовые губы, большие, полные жизни, темные, почти черные глаза и шелковистые, мягко вьющиеся волосы. Глаза их встретились, и он ощутил такое, совершенно непривычное, волнение, что его сердце начало давать заметные перебои.

Он никогда не являлся поклонником женских чар и до сего момента был очень далек от чего-то подобного: жизнь его протекала большей частью в тяжелой, грубой, экстремально напряженной атмосфере нефтяных промыслов и суете городов, возникавших на волне бума. А его дороги были дорогами сильного одинокого мужчины. Но что-то неуловимое в изяществе одинокой девушки привлекло его внимание, как магнит притягивает железо.

Он ощутил неясное, даже приятное, тепло где-то в груди и почувствовал огромное желание увидеть еще хотя бы раз девушку, так внезапно пробудившую в нем незнакомое чувство.

— Это Затерянная Долина, не так ли? — спросила незнакомка у управляющего магазином. — И есть ли в окрестностях города холм под названием Кабала Дьявола?

— Не знаю о таком, — ответил управляющий.

— Она имеет в виду Восточный Пик, — вступил в разговор Майк. — Испанцы дали ему старинное индейское название Холм Дьявольского Коня.

— Когда-то я такое название слышал, ведь я живу здесь почти всю жизнь, — сказал управляющий.

— Теперь никто холм так не называет, — ответил Майк, — он больше известен, как Восточный Кэйдок, с тех пор как американцы обосновались в этой местности. Но на старых картах он действительно называется Кабала Дьявола, и я думаю, вы видели его, когда подъезжали к городу.

— К северо-западу от города? — воскликнула она. — Да, я видела и надеялась, что это он.

Когда она повернулась и устремила свой взгляд на Майка, он заметил темные тени под глазами незнакомки — трогательное свидетельство общего, как ему показалось, тяжелого утомления, и физического, и морального. Она выглядела такой слабой и беззащитной, что в нем зашевелился инстинктивный протест.

Он ощутил смешное желание взять ее на руки и успокоить, как испуганного ребенка.

— Я должна отправиться туда немедленно, — вдруг сказала она. — Как это можно сделать?

Майк внутренне возликовал — лучшего шанса быть полезным этой странной девушке... и вдруг настроение его упало: несомненно, эта девушка, сама похожая на испанку, была невестой или женой одного из геологов, работавших на холме.

Тем не менее он торопливо заявил:

— Я сам туда направляюсь и был бы рад отвезти вас и привезти обратно, если пожелаете.

Ее лицо прояснилось:

— О, это прекрасно. Я заплачу вам, сколько скажете.

Майк почему-то слегка обиделся на ее последние слова, но, прежде чем он успел что-либо сказать, девушка повернулась к управляющему с вопросом, не сможет ли она оставить в его магазине вещи до своего возвращения. Во всяком случае, рассудил про себя Майк, провожая ее к машине, девушка вернется в город вместе с ним.

Девушка вся трепетала, словно в очень сильном волнении, но во время всего совместного путешествия едва ли произнесла пару слов, что отчасти разочаровало Майка. Он ехал осторожно, даже мед-

ленно, искоса наблюдая за ней, наслаждаясь ее красотой и пытаясь понять подоплеку очевидного смещения незнакомки. Он решил, что предвкушение встречи с любимым достаточно уважительная причина для волнения, — слишком много переживаний на пути к нему. В конце концов, он на этом и остановился, вынужденный довольствоваться тем, что имеет возможность просто находиться рядом с ней.

Эта девушка оказалась именно такой, какую он всегда мечтал и не надеялся встретить. Он представился, но она на это никак не отреагировала, напряженно наблюдая за приближающимся холмом, и чем ближе они подъезжали к нему, тем больше нарастало ее возбуждение.

— Мы подъедем к холму как можно ближе, — сказал Майк, останавливаясь в том месте, где он должен был передать продукты, — мы можем остаток пути пройти пешком, хотя это тяжело.

Она немедленно вышла из машины и направилась к изгороди, разгораживающей поля, затем остановилась, ее глаза расширились, лицо побледнело и она, обернувшись, посмотрела на Майка с такой ненавистью, что он опешил.

— Скотина! Предатель! — прошептала она.

У Майка от изумления отвисла челюсть, он, занятый пакетом с провизией, оглянулся, не понимая причины столь бурного проявления чувств, — человек, которого он называл про себя Рудольфом, стоял перед ним со злобной улыбкой, скрестив руки.

— Ах, сеньор, мы с вами торговались дольше, чем вы ездили, — он говорил с такими шипящими модуляциями, что это могло показаться дурным предзнаменованием. — Особенно приятно, что вы вернулись с сеньоритой.

Девушка медленно повернулась к нему и подняла руку, как бы защищаясь:

— Гомес! Не трогайте меня!

И Майк понял, что она смертельно напугана. Он слишком пристально наблюдал за неожиданным поворотом событий, чтобы обратить внимание на внезапно исчезнувший акцент «геолога» и такую же грамотную речь, как у него самого.

Гомес, продолжая все так же улыбаться, подходил бесшумной, странно извилистой походкой, чем напомнил Майку большого питона, скользящего навстречу своей жертве. Его длинные, тонкие пальцы жестко сомкнулись на тонкой девичьей руке, и она жалобно вскрикнула, покоряясь грубой силе.

Майк очнулся, сделал широкий шаг вперед, железной хваткой вцепился в запястье испанца и не слишком вежливо отшвырнул руку оскорбителя прочь:

— Не знаю, что это может означать, но, мне кажется, вы забыли, что перед вами леди.

— Что-о-о! — удлинненное слово тоже было похоже на шипение змеи, — разве это ваше дело, а?

— Эта девушка моя пассажирка, и мне не нравится ваше поведение, так что идите своей дорогой!

Какое-то мгновение они стояли лицом к лицу: темное лицо Гомеса перекосила злоба, глаза Майка медленно разгорались бешенством. Вдруг правая рука латинос метнулась к поясу, и в тот же миг кулак Майка врезался в его челюсть. Прямой удар оказался так силен, что опрокинул Гомеса на спину. Майк ударил ногой по руке с ножом, который Гомес успел выгащить, и, отступив, настороженно следил за поверженным, готовым к следующей атаке. Испанец, однако, не собирался продолжать сра-

жение, он, пошатываясь, поднялся, пытаясь справиться с головокружением, вытер кровь, выступившую в уголках рта, и размашисто запагал прочь, бросив перед этим совершенно убийственный взгляд на соперника и что-то пробормотав себе под нос.

Майк повернулся к девушке, и неуверенно спросил:

— Вас обратно в город, мисс?

— Да, пожалуйста.— Голос ее был слабым и безразличным. Встреча с Гомесом, казалось, повергла ее в шок; прежнее возбуждение пропало. Она вернулась в машину, тихо опустилась на сиденье и во время пути не произнесла ни слова.

Майк следил за дорогой, а мысли его вертелись вокруг случившегося; он чувствовал, что перед ним, с одной стороны, начало следующей книги, а с другой — какая-то таинственная драма.

Вдруг он почувствовал легкое прикосновение к своей руке и, обернувшись, встретил взгляд больших черных глаз, полных слез:

— Я сначала составила неверное суждение о вас, простите те грубости, что я наговорила. Я подумала...

Она еще не закончила, когда он прервал ее:

— Все нормально, мисс, я, я...— Вдруг обнаружилось, что он, никогда и ни при каких обстоятельствах не лезший в карман за словом, стал таким неуклюжим, что растерял их все. Отчаянным усилием он вернул себе былое красноречие:

— Я не хочу показаться назойливым, ведь даже не знаю вашего имени, но мне кажется, что вы в беде, и, если позволите... Я помогу вам, чем могу...

Каким бы бесполезным и дерзким ни казалось ему собственное предложение, он старался справиться с новыми эмоциями, вторгшимися в его жизнь.

Девушка нервно сплетала и расплетала пальцы, и было видно, что она почти готова обратиться за помощью к любому, кто покажется ей добрым человеком, даже к иностранцу.

— О, нет,— прошептала она.— Благодарю вас, но я не могу, не могу.

Майк, естественно, не настаивал, чувствуя, что он и так едва не переступил границы дозволенного.

Остаток пути они ехали молча, до самого магазина в Затерянной Долине. Там, выйдя из машины, девушка спросила, сколько стоят его услуги. Майк ответил, что он не оказывал никаких услуг, рывком выжал сцепление и мотор грубо взревел. Майк и сам не мог объяснить, почему не взял с нее денег. Принимая во внимание роль, которую он сам добровольно принял, его нынешнее поведение казалось совершенно неуместным.

Вернувшись в меблированные комнаты, в которых он остановился, Майк провел вечер в одиноких размышлениях, прервав их только для того, чтобы спуститься поужинать, а возвратившись обратно, снова принялся обдумывать сегодняшние события.

Он собрал все происшествия воедино: сначала Скинни нашел старинную монету, потом появились псевдогеологи на проклятом холме, затем приехала девушка... Кульминацией было нападение на нее Гомеса. Нет, он не мог связать эти события и вообще не понимал, связаны ли они друг с другом. Нетерпеливо пожав плечами, Костиган наконец отказался от затеи разобраться в этом каскаде загадок и решил, что его будущее произведение само расставит все по местам и свяжет случайную находку Скинни с людьми, выдающими себя за латинос.

«Во всяком случае,— подумал он,— человек, который теперь владеет монетой, картежник и бутле-

гер, наипоследнейший человек в мире, которого должна была заинтересовать антикварная монета».

Кроме того, Майк сомневался, что Скинни сможет рассказать, где нашел монету: смутная память больного ребенка не удерживала событий даже одного дня.

Майк лег, выключил свет и вскоре уснул.

3

Вдруг Костиган проснулся, сел на кровати и, бессознательно напрягая в темноте глаза, напряженно прислушался. Он не мог сообразить, что его разбудило. Может быть, ему приснилось, что где-то испуганно закричала женщина? Этот короткий, внезапно оборвавшийся, пронзительный крик! Он собирался лечь обратно, когда до его ушей донеслись неясные звуки какой-то возни: шарканье ног, шепот проклятий. Похоже, доносились они из комнаты напротив. Майк поднялся — это следовало проверить: по его сведениям, комната напротив пустовала.

Он пересек холл, на мгновение задержался у закрытой двери и прислушался. Сомнений не было: в этой темной комнате происходило что-то подозрительное. Наиболее правдоподобной казалась мысль, что в комнату проник грабитель, поскольку и поздний час — почти полночь — и окружающая мрачная обстановка располагали к таким подозрениям.

Разумеется, проснись на его месте какой-то другой, более разумный пансионер, услышав, как хозяйка зовет о помощи, он прежде всего постарался бы выяснить, что происходит и насколько это

опасно. Но Майк Костиган никогда не мог похвастаться благоразумием!

Поэтому он потрогал дверь и обнаружил, что она заперта. Тогда он всем телом налег на створку, и хлипкий замок немедленно сдался. Майк буквально влетел в комнату.

Из единственного окна струился лунный свет, создавая на полу причудливые узоры, но Майку показалось, что тень у окна слишком уж густа. В этот момент стукот разделился на две фигуры, одна из которых бесшумно бросилась к нему с явной угрозой.

Майк увидел отблеск стали, развернулся, инстинктивно выбросив вперед левую руку, и ловким движением отбил брошенный нож, летевший в предплечье. И все же он почувствовал, как лезвие вспарывает рукав. Заметив боковым зрением, что атакующее его привидение находится уже на полпути к нему, он вслепую нанес удар правой, но поскольку нож появился опять, то следом еще хорошо двинул левой.

Грабитель, пролетев через всю комнату, с грохотом приземлился возле окна. Лунный свет залил его лицо, и Майк мельком увидел грубые черты, редкую бороду и толстые губы, искривленные болью и ненавистью. Майк подхватил стул для новой атаки, но парень вскочил и исчез в проеме окна, перебросив свое тело через подоконник с ловкостью обезьяны. Майк бросился к окну и успел увидеть, как грабитель соскочил с приставленной к стене дома лестнице и исчез в темноте. Эту лестницу вчера возле дома напротив оставил плотник, который там что-то чинил.

Он включил свет и застыл от изумления, — на полу лежала девушка, которую он вчера подвозил к

Восточному Пику. Она скорчилась возле окна, одной рукой опираясь в пол, а другую прижимая к груди. Не сознавая, что делает, Майк бросился рядом с ней на колени и прижал к себе худенькое тело; и в этот миг он понял, что в его жизнь вошла любовь.

— Больно, девочка? — хрипло спросил он и содрогнулся, увидев, что ее ночная сорочка вся разрезана на полосы. Она учащенно и тяжело дышала, но на лице показалась выражение огромного облегчения, и все же она оставалась совершенно обессиленной не только физически, но и морально.

Майк бережно поднял ее на руки и уложил на постель. Он всегда отличался импульсивностью, а сейчас был так потрясен и расстроен, что встал у кровати на колени, обнял девушку и прижал к себе:

— Я даже не знаю вашего имени, а вы ничего не знаете обо мне, — прошептал он, — но мне все равно, сейчас я понял одно — я вас люблю и намерен заботиться о вас и помогать вам всем, чем могу, нравится вам это или нет.

Он смотрел на нее, сам путаясь слов, что произносил, но из черных, печальных глаз девушки постепенно уходил страх, а тонкая рука робко легла на плечо Майка.

Но в это время из холла донеслись тяжелые шаги и возбужденные голоса — это хозяйка с целой свитой явилась выяснить причину шума.

Девушка испуганно забилась под одеяло и торопливо зашептала:

— Не говорите о том, что здесь произошло!

Майк мгновенно отступил от постели и осторожно выглянул за дверь.

— Какого черта? — удивилась хозяйка. — Что вы здесь делаете в такой поздний час?

От смущения девушка похорошела еще больше:

— Действительно, очень плохо, что я всех перебудила, но огромный черный кот вскочил в окно сквозь рваную занавеску и ужасно напугал меня. Мистер Костиган услышал мой визг, вошел и прогнал его.

Хозяйка нахмурилась:

— Ну, не знаю, может занавеска и была порвана по чьей-то небрежности...

Девушка ответила ей простодушно-изумленным взглядом.

Хозяйка продолжала шарить глазами по комнате. Наконец ее взгляд остановился на порванной занавеске, неоспоримо подтверждающей правдивость представленного объяснения, а Майк подумал, что если расследование продолжится, то будет обнаружена и лестница, приставленная к окну. Тогда подозрения хозяйки возрастут еще больше.

Но лестница замечена не была, и чтобы ни думать вошедшие о присутствии Майка в этой комнате, вслух ничего сказано не было. Даже об усилиях, необходимых для того, чтобы выгнать какого-то слишком активного кота и вызвавших такой шум и разгром.

Выходя вместе со всеми из комнаты, хозяйка пробормотала:

— Кот! Ха! Какой нахальный кот!

Костиган, естественно, шел последним и чуть задержался, спросив шепотом:

— Вам больше ничего не грозит?

— Нет, — ответила она так же шепотом, — я оставлю свет, и он не осмелится явиться сегодня ночью.

Майк быстро вернулся и отбросил лестницу от окна. Та с шумом упала.

— На всякий случай, если я вам понадобится, моя дверь напротив.

— Спасибо.— Слабая улыбка осветила ее утомленное лицо.— Теперь, пожалуйста, идите. Я все объясню вам утром. Обещаю!

4

На следующее утро Майк встал рано, невыспавшийся и злой. Дверь напротив была закрыта, и он, не поддавшись искушению постучать, спустился вниз. Около столовой его встретила хозяйка с довольно кислой миной на лице.

— Какие-нибудь еще недоразумения с кошками? — не без сарказма спросила она.

— Нет,— спокойно ответил Майк.— Я слышал, как он лазал по деревьям и орал от ярости, что расстроились его планы, но человек всегда берет верх над животными, и остаток ночи прошел спокойно.

Хозяйка фыркнула; легкомысленное поведение Майка не вызывало ее благосклонности.

— Во всяком случае,— резко произнесла она,— должна заметить, что для молодой женщины она слишком привередлива. Явилась вчера поздно вечером, сняла комнату и с тех пор ни разу не вышла. Я двадцать лет кормлю самых разных людей от Талсы до Бодера, но меня первый раз попросили подать еду в номер. Я только что приготовила завтрак, чтобы отнести ей наверх, но если она не доплатит, я больше этого делать не буду!

— Как ее имя?— спросил Майк, не в силах удержаться.

— А, не знаю. Я не спрашиваю имен у людей, которые платят так много, а она, когда оплачивала

неделю, не представилась. Сдается мне, она скрывается от кого-то, потому как просила никому не говорить, что остановилась здесь. Надеюсь, я не приютила преступницу, которую разыскивает полиция.

Майк вошел в столовую и в полной мере отдал должное завтраку, стоявшему перед ним, вопреки тому факту, что у него было полно неразрешенных проблем, и главная из них — девушка. Сначала, после экскурсии на холм, он подозревал любовную историю, отвергнутого поклонника или ревнивого мужа, но после ночного нападения дело приняло зловещий оборот.

После завтрака Майк вышел в садик и первой, кого он увидел, оказалась девушка, сидевшая на траве. Белое легкое платье еще больше подчеркивало ее юность и хрупкую прелесть. Щеки девушки слегка порозовели в свете восходящего солнца. Он поразился тому, как грациозно она сидела, и как хороша была при этом. Когда Майк подошел, она встрепенулась и жестом пригласила сесть рядом.

— Во-первых, — сказала она, — я должна поблагодарить вас за вчерашнее и за сегодняшнюю ночь. И в том, и в другом случае вы спасли мне жизнь.

— Видите ли, — начал он, но она прервала его:

— Нет, правда. Эти люди хотели убить меня и попытаются снова сделать это. Вот почему я и решила рассказать вам все, как обещала этой ночью. Только после этого вы тоже окажетесь в опасности!

Майк сделал нетерпеливый жест:

— Видите ли, я, конечно, прошлой ночью был не в себе, говоря, что люблю вас, но я так чувствовал тогда и то же чувствую и сейчас...

Подняв руку, она опять остановила его. Ее губы не улыбались, глаза были непроницаемы.

— Нет, подождите, пока не выступате меня. Признание мужчины в любви — высокая честь для любой женщины, но я не могу сейчас об этом думать. Слушайте же!

Мое имя Мерилин ла Велон, моя родня — испанцы с обоих берегов океана, но большинство из них осели в Соединенных Штатах. Сама я родилась на Миссисипи.

Когда в 1882 году Мексика освободилась от испанского ярма, генерал Рикардо Марес, который в то время был в Санта Фе, заторопился на юг, стремясь поддержать роялистскую партию. Он вез с собой трофеи пушной и торговой экспедиций, а также часть своего собственного состояния, такую большую, что для нее потребовался не один мул.

Он был вынужден идти в стороне от своего маршрута, избегая встреч с мятежными солдатами, но где-то в центре Западного Техаса генерал исчез вместе со всей командой. Согласно историческим документам, ни о ком из них больше никогда не слышали, хотя мулов с клеймом Мареса видели потом у местных индейцев. Многое известно не только из документов, но и из фамильных преданий, потому что Рикардо Марес принадлежал к семейству моей матери.

Около года назад один мой друг познакомился в Оклахоме, а это старинные индейские территории, с вождем Кайоваса, очень пожилым человеком, а тот почему-то очень привязался к нему и показал много реликвий, принадлежавших племени, и среди них карту с еле различимыми красными линиями, сделанную на куске кожи, выделанной в Кордове. Кожа была такой же, какую раньше использовали для шитья обуви испанских солдат. Линии были тус-

клыми и надписи почти неразборчивыми, но мой друг сумел прочитать имя: Генерал Рикардо Марес.

Это очень заинтересовало моего друга, поскольку он знал историю нашей семьи, поэтому он убедил старого вождя продать ему карту, а позже передал ее мне. С помощью увеличительного стекла я сумела разобрать, что на ней изображен холм и, насколько я смогла различить надпись, он назывался Кабала Дьявола. Потом я заглянула в старую карту Техаса и обнаружила, что этот холм находится в графстве Кэйлоран в десяти милях к северо-западу от старого поселка, который теперь стал городом Затерянная Долина.

Старый вождь рассказал моему другу историю карты. Оказывается, он взял ее в бою с команчами, а те, в свою очередь, нашли карту на теле испанского офицера, который был убит со всеми своими людьми на холме Дьявольского Коня. Старик думал, что это какой-то амулет белых, и в этом качестве карта высоко ценилась индейцами. Ведь люди, до них владевшие ею, прославились высоким мужеством и бесстрашием. Позднее, из обрывочных замечаний вождя, стала понятна и дальнейшая судьба карты.

Сейчас вы видите здесь лишь фрагмент кальки, снятой с той карты. Генерал Марес, окруженный дикарями и понимающий, что обречен на гибель, спрятал золото и сделал чертеж тайника, заклиная всех святых, чтобы карта попала в чистые руки. Он погиб и с ним все его войско, а карта свыше ста лет хранилась краснокожими.

Мне кажется, что найти золото будет не очень сложно. И, конечно, я имею на него больше прав, чем кто-либо другой, поскольку генерал Марес умер, не оставив сына, а я и моя сестра — его единственные потомки. Но я и понятия не имею, как справиться

ся с трудностями, которые в связи с находкой возникнут потом. Видите ли, я не уверена, что удастся справиться с работами на холме, так как кожа почти истлела, линии совершенно поблекли и, единственное, что сохранилось четко, — это очертания самого холма, его название и имя хозяина карты. То есть, точное место тайника установить невозможно: на какой стороне холма, на вершине или у подножия. Все пометки, которые могли бы помочь, видны очень неотчетливо. Я думаю, мой единственный шанс — отправиться к этому холму и обыскивать его сверху донизу, пока сокровища не будут найдены. В теперешних обстоятельствах подобный труд представляется мне почти невыполнимым и по объему и по тяжести. Да и решимости приступить к работам мне не хватает. Пока я вынашивала всякие планы на этот счет, на сцене вдруг появились два моих врага. Это Гомес, которого вы видели вчера, и Эл Калebra, который попытался убить меня сегодня ночью.

Гомес — испанец, хотя большую часть жизни прожил в Мексике и Соединенных Штатах. Одно время он был индейским агентом в Соноре и там-то и наткнулся на историю о сокровищах Мареса. Эл Калebra, который слишком зверь, чтобы называться человеком, — потомок предателя мексиканца, принимавшего участие в бойне возле Кабалы Дьвола. И хотя он в свое время всячески уклонялся от какого бы то ни было образования, но тут сообразил, что карта может являться путеводной нитью к золоту, которое, как он знал, перевозилось на мулах и которого не нашли после сражения. Он пытался заинтересовать сокровищами индейцев, но в те времена никто из них деньгами не интересовался, и воин, которому эта карта принадлежала, занимаясь поисками отказался. Элу многое было извес-

тно из рассказов, которые в его семье передавались из поколения в поколение, но он не знал, где произошло сражение.

Гомес же к моменту встречи с Калемброй слышал только, что экспедиция Мареса пропала где-то в Техасе, но теперь, убедившись, что именно индейцы, а не восставшие мексиканцы, уничтожили генерала Мареса и его людей, готов был начать систематические поиски.

Он скопировал карту и ждал только удобного случая.

Майк Костиган восхищенно слушал; это была самая захватывающая история, которую он когда-либо слышал, читал или писал.

— Подумать только! Искать и, в конце концов, найти карту, которая около ста лет хранилась у индейцев, почти забывших о ней! Да ни один более или менее сведущий в истории и традициях индейцев человек никогда не взялся бы за такое дело.

— Гомес — крупный антрополог, знает индейские языки и обычаи, он много ездил по резервациям, а также беседовал с индейцами, живущими в городах, отыскивая следы карты от команчей до Кайовы и в конце концов нашел старого вождя, который видел ее последним.

Он нашел и расспросил моего друга, выяснив, что тот подарил карту мне, и потом обратился ко мне, претендуя на карту, но, зная свои права, я отказалась отдать ее.

Тогда они с Калемброй начали угрожать мне, а в том маленьком городке на Миссисипи, где я воспитывала свою младшую сестру, у меня не было друзей, к которым можно было обратиться за помощью. Наконец я решила приступить к поискам, а они стали следить за мной.

Они следовали за мной по пятам, покушались на мою жизнь, несколько раз обыскивали мою комнату, но я всегда держала карту при себе. Наконец, они заманили меня в пустующий дом на окраине города, обыскали и отобрали карту. Они добились своей цели, а я была так беспомощна в их руках, что не надеялась выбраться живой, но отчаяние придало мне неожиданные силы: пока Гомес рассматривал карту, я вырвалась из лап Эла Калебры, выхватила у Гомеса карту и выскочила из окна второго этажа. Я сильно расшиблась, но все же справилась с головокружением, прежде чем они сбежали по лестнице, и скрылась в кустарнике. Все, что я вам сейчас рассказала о поисках карты, разболтал мне Гомес, пока я была их пленницей.

Зная, что они и в дальнейшем будут угрожать мне, я отправила сестру к нашей тетушке в Вирджинию, надеясь избавить ее от преследований, а сама отправилась в Техас. Я думала, что опередила Гомеса, ведь после нападения на меня в городе их больше не видели. Поскольку карта ничего нового мне уже дать не могла, я оставила ее на хранение, но они, видимо, считают, что она все еще со мной.

Вчера, когда я увидела встречающего вас Гомеса, я... я подумала, — она слегка запнулась, — что вы один из его сообщников, и испугалась. А теперь считаю, что могу вам довериться, хотя и не встречала вас никогда прежде.

Можно было все рассказать вам еще вчера, но я боялась. Вы должны понять меня; я так много плохого узнала о людях за последние несколько месяцев, что теперь готова подозревать едва ли не каждого.

Вчера вечером я пришла в гостиницу очень поздно, сняла комнату, но была совершенно растеряна, потому что и уезжать не хотела, и оставаться

боялась. Ведь я думала, что опередила Гомеса, а он приехал первым; наверное, он все-таки успел прочесть название холма, прежде чем я вырвала у него карту.

Я сильно перепугалась, когда Эл Калебра ночью залез ко мне в комнату, чтобы заставить отдать карту, и, если бы она у меня была, я, конечно, отдала бы ее, но, как уже говорила, карта сейчас в сейфе банка Натчезе.

Он не поверил моим словам, вытащил длинный нож, а когда я вскрикнула, закрыл мне рот своей лапой. Мне удалось схватить его за запястье, но он разрезал мою ночную сорочку в лоскуты и собирався убить меня, но тут подоспели вы.

— Лучше бы мне знать все,— буркнул Майк, нахмутив лоб, кельтская ярость медленно разгоралась в нем.— Ну, он так легко не отделается!

— Вы появились как раз вовремя. А еще они опасаются, что я обращусь в правительство Соединенных Штатов и избавлюсь наконец от них.

— Почему же вы этого не делаете? Мне кажется, что, обратившись к юристам, вы и быстрее, и надежнее решили бы ваши проблемы?

— Я боюсь. На эти деньги претендует мексиканское правительство, и если о них узнают, то просто отберут, как собственность государства.

— Кто вам это сказал?

— Гомес.

Майк размышлял:

— Если богатство так велико, как предполагается, то произойти может все что угодно, и вполне допустимо, что правительство Мексики запросто сумеет конфисковать имущество своих верноподанных за неисполнение устаревших испанских законов.

— Кроме того, есть еще и владельцы земли,— добавила Мерилин.

— Сейчас землей владеет корпорация, для которой миллион долларов значит меньше, чем для меня какая-то сотня. На мой взгляд, деньги и права на них полностью ваши.

Вдруг она тронула его за рукав.

— Вы, может, думаете, что я очень жадная? — спросила она с легкой дрожью в голосе. — Просто я очень нуждаюсь в деньгах и не могу позволить себе связаться с долговременными тяжбами. У моей сестры туберкулез, и малышка может умереть, если я не вывезу ее в Аризону или Нью-Мехико, где сухой климат. Она совсем еще ребенок...

Ее голос прервался, из глаз полились слезы.

— Да вы и сами еще ребенок,— мягко сказал Майк,— вы — бедный ребенок, а вам досталось столько, что сломало бы и десяток мужчин.

— Моя семья старинного кастильского рода,— ответила она, вытирая слезы и возобновляя свое повествование. — Старики говорят, что у Велонов железная натура.

— А что вы собирались делать, если бы добрались вчера до холма? — спросил Майк, пораженный внезапной мыслью.

— Не знаю,— беспомощно ответила она,— последние несколько недель моя голова в каком-то тумане. Моим единственным стремлением было желание добраться до холма и при этом избежать встречи с Гомесом.

— А каким образом вы собирались найти золото и забрать его, не имея никаких инструментов? — мягко пожурил ее Майк. — Нет, вы определенно нуждаетесь в человеке, который мог бы присматривать за вами, и я собираюсь этим заняться.

Она подскочила, как ужаленная:

— Нет, нет! Зачем вам подвергаться такой опасности, я ведь просто описала положение дел, а для собственных нужд у меня достаточно денег.

— Пожалуйста, выслушайте меня, я не хотел вас обидеть; я люблю вас, здесь уж ничего не поделаешь, и хочу вам помочь. Я никогда не верил в любовь с первого взгляда, но, оказывается подобное случается. Сожалею, что ночью, видимо, напугал вас своими словами, но не позволяйте ложной гордости становиться на вашем пути. Поверьте, я не хулиган, не дебошир и ни в коем случае не отношусь к тому сорту мужчин, которых стоит опасаться молоденьким девушкам.

Она задумчиво опустила глаза, а потом тихо заговорила:

— Должна сказать, что вы не показались мне грубым ни в речах, ни в манерах, и я уверена в ваших добрых намерениях, но все же не могу принять ваше предложение, хотя и очень благодарна за заботу. И... и, пожалуйста, не возвращайтесь больше к этой теме, — тут она опустила взгляд и застенчиво договорила: — по крайней мере... по крайней мере, до тех пор, пока не закончатся эти ужасы.

Она ничего больше не сказала, но сердце Майка подпрыгнуло; ему показалось, что Мерилин тоже... Нет, он не был уверен. Просто она устала от перенесенных оскорблений и рада любой защите, кто бы ее ни предложил:

— Пожалуй, я сегодня загляну на Пик.

— Нет, нет. — Мерилин воскликнула так испуганно, что он остановился. — Нет, они убьют вас!

— Я тоже думаю, что опрометчиво рисковать в открытую, но у меня есть идея: существует старая дорога, она подходит к Пику с запада, ею давно уже

не пользуются. Я подъеду к холму на машине мили за две, а дальше незаметно пройду вдоль высохшего ручья, оттуда поднимусь на Пик и проведу свою собственную маленькую разведку — посмотрю, с какой стороны холма находятся эти негодяи.

— Но ведь, на поиски тайника уйдет несколько дней, а за это время они обязательно обнаружат вас, — запротестовала Мерилин.

— Я же сказал, у меня идея, — повторил он. — Думается мне известно немного больше, чем вашим знакомцам. Это, конечно, странно звучит, но источник моей уверенности — пока тайна.

— Тогда я пойду с вами!

— Вы? Зачем, детка. — Он опять разволновался и растроенно спросил: — Вы все еще не доверяете мне, Мерилин?

Она вспыхнула ярким румянцем:

— Дело не в доверии, ведь, рассказав о кладе, я полностью в ваших руках. Но, если уж мне не удастся отговорить вас от риска, значит, я должна разделить его с вами. Ну, неужели вы не понимаете, я все должна видеть своими глазами, до самого конца.

— Я не обману вашего доверия, — хрипло сказал Костиган. Тронутый ее беспомощностью и смелостью, он вынужден был слегка прочистить горло. — Уверен, что вам не следует идти на холм, но, если таково ваше желание, я ничего не могу поделать, чтобы помешать ему осуществиться.

5

— Есть у вас пистолет? — спросила вдруг девушка.

Они двигались, скрытые деревьями, по руслу высохшего ручья, о котором недавно упоминал Майк.

Машина была оставлена в двух милях отсюда, там, где старая дорога заканчивалась на одном из пастбищ, окружавших холм.

— Нет,— ответил Майк, поскольку, отправляясь на Пик, он позаботился совсем о других вещах.— Может быть, я и взял бы один, но у меня его нет. И, честно говоря, я никогда так далеко в схватках не захожу, но зато не ленюсь работать кулаками.

Девушка слегка улыбнулась, и на шутника пристально взглянуло дуло револьвера:

— Я приобрела его сразу, как вырвалась из плена.

— Спрячьте,— засмеялся Майк,— из этой штуки я никогда не попаду даже в стену дома, а кулаки мои более опасны. Просто смертельно опасны!

Мерилин заткнула оружие за пояс. Ловко сидевший на ней костюм для верховой езды, придавал ее облику что-то мальчишеское и тем не менее еще больше подчеркивал врожденное изящество испанки.

«Истинная дочь древней Кастилии»,— думал Майк, наблюдая как она с трудом, но мужественно пробирается вдоль ручья, устремившись навстречу такой опасности, что заставила бы спасовать немало мужчин. В Мерилин чувствовалась неукротимая сила духа, позволявшая предположить, что сейчас она в состоянии задержать и Гомеса, и его сообщников, отбросив условности и издержки воспитания в тепличных условиях.

Майк, разумеется, уделял ей гораздо больше внимания, чем происходящему вокруг. Вот и получилось, что, пока им нужно было наклоняться, уклоняться, обходить, перепрыгивать, они начисто забыли об осторожности и наткнулись совершенно неожиданно на странную сцену.

На насыпи, полого спускавшейся к руслу ручья, у сильно смахивающего на змеевик сооружения из металла и меди, под которым горел костер, колдовали трое мужчин. Прежде, чем Майк с девушкой пришли в себя от изумления, ружье в руках одного из них поднялось:

— Руки вверх!

Ничего не оставалось делать, как повиноваться, хотя Майк просто кипел, стыдясь той легкости, с какой он, так гордившийся собой, вдруг превратился в пленника. Он оглядел мужчин; ошметки городских низов, грязная накипь, сопровождающая лубой бум.

Старший из мужчин, картежник и мот Лири, великан с огромными руками и бочкообразной грудной клеткой, был очень характерной личностью для Техасских нефтяных промыслов, довольно широко известной своим безудержным нравом и всегдашней готовностью к свалке. Двое остальных оказались его сообщниками: Меркен, омерзительного вида подлец и тощий задира, и Эдвардс, человек с безвольным подбородком, выдающим предательскую натуру подонка.

— Визитеры, а? — насмешливо загремел Лири. — Нажми на них, Эдвардс. Да не трогай даму, только Костигана.

Глаза Майка вспыхнули яростью, но он подчинился, позволив связать себе руки за спиной. Потом его усадили спиной к дереву, росшему на насыпи. Мерилин с побелевшим лицом примостилась позади Костигана.

— Теперь вы, может быть, объясните, в чем дело? — Майк едва не рычал. — Я, знаете ли, хоть и не очень состоятельный человек, но вашим перестрелочным кубом не интересуюсь, да и леди тоже.

— Дело в том,— сказал, присаживаясь на валун, Лири,— что мы собираемся поймать хорошие деньги. Ну! Ваш друг Гомес! Мы следим за латинос уже несколько дней, с тех пор как они появились на холме. Нас все мучил вопрос, что это геологи копают да копают в камнях, вместо того чтобы изучать породы и все такое. Ну, мы пришли сюда, и встреча сначала была очень официальной, а потом я взял, да и выставил ту золотую монету, что так удачно купил у Скинни. Я говорю, не это ли ищете? Ну? Они поначалу взбесились, а потом выложили карты на стол. Да, вы ж знаете,— они явились за кладом. Миллион долларов золотом! Ну! Пытались выудить у меня, где я нашел монету, да Скинни почти ничего не помнит, твердит только, что на северной стороне Восточного Пика. Полудурок чертов! Ну!

Пока договорились с Гомесом и его партнером, что они будут искать сегодня ночью, а мы — выкапывать и грузить в самолет, потом все поделим... По крайней мере, они так задумали... А мы, может, думаем иначе. Ну! Решено встретиться сегодня к ночи. Он широко ухмыльнулся. Майк окинул его холодным взглядом, и в это время девушка бесформенным кулем упала на землю.

— Лири, ради Бога, отпусти девушку, Гомес убьет ее!

— И не сомневаюсь, прибьет. Он вроде говорил об этом.

— Я дам тебе десять тысяч, вышло, как только вернусь к себе, если ты позволишь ей уйти отсюда до появления Гомеса,— в отчаянии предложил Майк.

— Что такое десять тысяч для человека, собирающегося сделать хорошую партию на миллион? Ну? — презрительно фыркнул Лири. — Не дергайся из-за юбки. Я могу взять ее с собой.

— Ты, трусливая свинья! — На скулах Майка вздулись желваки. — Если у тебя есть хоть капля смелости, развяжи меня и давай биться один на один. Победителю достается все!

— Я бы с удовольствием поиграл с тобой, Костиган, но, ты же знаешь, сначала бизнес, потом удовольствия. Мы, может быть, потом к этому вернемся, если Гомес вас сам не прикончит. Ну!

Майк впал в уныние. День кончался, солнце клонилось к западу. Лири и Эдвардс ссорились по пустякам над игральными картами, сидя в тени на осыпи. Меркен, карауля пленников, не спускал ружья с колен, а взгляды, которые он время от времени бросал на девушку, были так выразительны, что у Майка от бешенства закипала кровь.

Майк выждал момент, когда Меркен слегка отвлекся, и прошептал Мерилин:

— Улучите момент, вытащите свою пушку и уложите Меркена.

Он ничего не сказал, когда в ответ она прошептала сквозь слезы:

— Я... я его где-то потеряла...

— Эй, чего это вы там шепчетесь? — Меркен опять был начеку.

— Мы дискутируем о погоде, — Майк всегда был вежлив, — что вы думаете о наших шансах на дождь, мистер Грязнуля?

Меркен криво усмехнулся:

— Я думаю, что если завтра пойдет дождь, то ты об этом не узнаешь, Красавчик, — слегка запнувшись, парировал он.

Костиган отчаянно искал выход. Как действуют литературные герои в подобных ситуациях? Обычно у них есть друзья, которые появляются как раз вовремя, — здесь на это рассчитывать не приходи-

лось. Еще идея! Конец веревки, свисающей со скалы! Он огляделся, подходящей скалы не было. И тут он воспрянул духом; дальше, где за насыпью скала выступала крутой стеной, в грунте была выемка, нечто вроде небольшой пещеры, почти незаметной. Она очень могла пригодиться в потасовке, если б только не веревка, связывающая руки.

— Только не нервничать! — предостерег он Меркена. — Мне нужно поменять положение — это дерево слишком неудобно, и я не собираюсь пролежать всю ночь под ним.

Девушке он шепотом велел оставаться на месте, отвлекая внимание Меркена. Затем прошелся по насыпи, присел в одном месте, в другом, все очень естественно, до тех пор пока не почувствовал под пальцами подходящий камень.

Время тянулось бесконечно, под бдительным оком Меркена он не решался делать резких движений, и работа по перетиранию веревки шла очень медленно. Слабое покачивание запястьями в моменты, когда внимание сторожа было занято девушкой, — вот и все, что мог себе позволить Майк.

От необходимости контролировать себя, Меркена и общую ситуацию испарина выступила на лбу Костигана. Его нервы были натянуты до предела, запястья разодраны в кровь, но веревка все еще держалась. Солнце, скрытое деревьями, уже склонилось к горизонту, скоро явится Гомес, а это грозило смертью и Майку, и девушке. Он стал более неосторожен в движениях, борясь с искушением разорвать веревку одним напряжением мышц, лицо одеревенело от усилий не выдать эмоции. Взгляд на девушку, которую постепенно покидало мужество, привел его в чувство, и наконец настал момент, когда Майк напрягся и дернул. Запястья были сво-

бодны. Он немножко посидел, разминая онемевшие руки.

Меркен, весь вечер сидевший, словно сфинкс, вдруг поднялся и потянулся, держа ружье одной рукой за ствол.

В то же мгновение Майк прыгнул, метнувшись в воздухе, как камень, пущенный из катапульты. Потерявший бдительность Меркен, заорал что-то нечленораздельное, замахнулся ружьем, но было уже поздно — Майк подскочил к нему и с такой силой врезал правой по косматой голове, что тело подонка, описав дугу, рухнуло на камни. Ружье отлетело за ручей.

Взглянув поверх головы Лири, с ревом карабкающегося к нему, на девушку, уже вскочившую на ноги, он крикнул:

— Бегите! Возвращайтесь в город! — И добавил, почувствовав, что она колеблется: — Идите, говорю вам! Если вы останетесь, — мы погибнем оба.

Тогда она повернулась и побежала.

Эдвардс направился к отлетевшему ружью, но Лири, глаза которого горели азартом драки, остановил его.

— Стой где стоишь! — заорал он и прыгнул навстречу Майку, подобно огромной обезьяне.

Костиган никогда не избегал драк и с той поры, как возмужал, ни разу не был повержен. Все его сто восемьдесят пять фунтов, казалось, состояли из стали и китового уса. Майк считался неплохим боксером, благо за его спиной были годы практики с самыми крепкими бойцами нефтяных промыслов; но он всегда знал, что если кто-нибудь в Затерянной Долине и способен победить его, так это именно Лири, чьи подвиги стали почти легендой среди населения разработок. И вот настал момент исти-

ны. Майк почувствовал дрожь боевого азарта, кулаки сжались, пока он поджидал гиганта, несшегося к нему, как разъяренный бык.

Лири был на дюйм выше и на двадцать фунтов тяжелее Майка, но двигался со скоростью боксера легкого веса. В одно мгновение он оказался возле Майка, запустив правую свингом в приподнятый подбородок противника — обычный упреждающий прием. Костиган уклонился, но, как только хук Лири просвистел возле виска, прошелся своей правой по его корпусу и завершил апперкотом левой, который чуть не снес челюсть гиганта. Лири пошатнулся.

Но тут же ответил свингом, рука его при этом походила на качающуюся балку. Майк сначала уклонился, а потом обрушил серию коротких ударов на голову великана. С Лири было довольно легко, — он действовал всегда в одном и том же стиле, полагаясь на свое умение держать удар и дышать через раз. Задача состояла в том, чтобы избежать сокрушительного хука бутлегера и в то же время чередой мощных ударов как можно больше измотать его.

Следующий свинг скользнул по локтю Майка, и он выбросил правую прямым ударом в небритую рычащую пасть с такой силой, что голова Лири дернулась, а из уголков рта начала сочиться кровь. Но бутлежер лез неустрашимо, голова опущена, плечи согнуты. Он свинговал свирепо и опасно. Майк отбивался, но не отступал, пропуская сильные удары поверх плеч или над головой, а сам в это время опять и опять короткими злобными тычками обрабатывал покрасневшую физиономию Лири.

Но все же свингующая левая Лири окончательно разрушила его оборону, и тогда Майк, обхватив

противника за талию, отбросил великана обратно к дереву. Лири был ошеломлен и чувствовал тошноту, но с ревом, перешедшим в тигриный рык, продолжал довольно энергично развивать успех.

Тогда Костиган нанес короткий прямой левой и тут же, как только голова Лири пошла назад, провел правой хук слева по корпусу. Его кулак, двинувшись от бедра, с ужасающей силой врезал бутлегеру под сердце. Рот Лири распахнулся, руки повисли, и он зашатался. Такой же удар ранее осадил Меркена.

Майк стоял перед Лири, как леопард, обрабатывая с двух рук перекошенную челюсть противника: левой, правой, опять левой. Потом в ход пошло колено, и Лири с грохотом полетел вниз.

Костиган остановился, поджидая, когда противник поднимется, хоть и казалось невероятным, что кто-то способен встать после столь грубой обработки.

Но Лири не был обыкновенным человеком; хитрый и коварный в свалках, он вдруг вихрем подлетел к Майку и крепко пнул его по ногам снизу вверх. Гориллы руки схватили Майка, бутлегер терял голову от злобы. А Костиган, ловко вывернувшись, освободился от хватки. Затем отпрыгнул, но не успел еще приземлиться, как противник неукломе качнулся и смачно приложился к скуле Майка. Боксер легкого веса зашатался, искры полетели из его глаз, а следующий свинг попал в висок Майка, и он рухнул как подкошенный. Все закружилось перед его глазами. Все же Костиган инстинктивно увернулся от удара Лири, нацеленного в лицо, схватил противника за штанину и подтянулся, не считаясь с градом крепких тычков, осыпавших его голову и плечи. Он получил сильный

удар в грудь, но сумел захватом связать руки Лири, подбородком ткнул в левое вражеское плечо и все это время старался справиться с головокружением.

Лири с проклятиями вырвал руку и жестко врезал Майку в глаз. А молодой человек вернул комплимент коленом в солнечное сплетение, что вызвало у жертвы очередной поток проклятий.

Потом с силой, равную которой трудно встретить, великан поднял Майка, окончательно освободив корпус от захвата, и бросил оземь. Только мягкая почва спасла кости ирландца, но все же Майк мгновение лежал ошеломленный падением, а Лири, торопясь закрепить успех, подскользнулся и шлепнулся плашмя, проехав брюхом по осыпавшимся камням.

Пока Лири карабкался обратно наверх, Майк поднялся, кое-как собрался и попытался, как какой-нибудь ущербный боксер, применить клинч. Лири неуклюже, плечом ударил его в лицо, Майк отшатнулся и упал бы, но натолкнулся спиной на дерево. Лири продолжал свинговать обеими руками.

На первое время Майк ушел в глухую оборону. Он нырлял и уклонялся так быстро, как еще был способен, и блокировал свинги локтями, чувствуя, что руки медленно немеют под тяжелыми ударами Лири. Разгром, казалось, близок, но Майк был боксером того типа, что не прекращает бой, покуда держится на ногах. Чтобы победить, его надо было свалить. Такой боксер, как Майк, стоил дюжины других.

Вот и теперь былая ярость вдруг охватила его, помогая восстановить силы. Отказавшись от обороны, все вложив в последнюю попытку, он выпря-

мился и, сквозь шквал свингов, двинул мощным правым хуком, усадив Лири на пятки, и, как тот ни уклонялся, прошелся левой по плечу. Наконец, Майк нанес удар всем корпусом и отскочил, а Лири свалился, как подрубленный, и сильно ударился головой о корни дерева.

Теперь они оба поднимались на ощупь, ошеломленные и крепко ослабевшие. Лири выглядел ужасно: один глаз совершенно заплыл, другой казался щелью среди кровоподтеков, губы превратились в кровавое месиво, лицо избито и изранено, на голове кровоточила глубокая рана, полученная при падении.

Кроме того, несмотря на его сверхчеловеческие силы, начал сказываться беспорядочный образ жизни,— его прерывистое дыхание со свистом вырывалось из груди. Майк был свежее, поскольку вел более правильный образ жизни, и тем не менее колени его подгибались, а дерево стремительно кружилось перед ним.

Обоим стало ясно, что битва близилась к завершению. Они ощущали крайний упадок сил. Лири, чей единственный видящий глаз губельно засветился, со всей свирепостью ринулся вперед, а Майк, оставшись на месте, встретил великана свингом правой, вложив в него каждую унцию угасающих сил и все их впечатления в подбородок Лири. И едва костяшки его пальцев коснулись челюсти Лири, как тот рухнул, сраженный силой последнего удара.

Майк стоял, качаясь. Сражение закончилось. И только тут он вспомнил об Эдвардсе. Оглядевшись, он увидел, что последний подонок, разинув рот, скрючился на противоположном берегу сухого русла с ружьем в руках. Увидев, что Майк смотрит на него, он бросил ружье и кинулся бежать.

Майк засмеялся и трясущейся рукой провел по лбу. Он не понял причины столь неожиданной ретирады, но был очень доволен тем, что не надо больше ни с кем драться, даже если это всего лишь Эдвардс. Вдруг полное изнеможение накрыло его, как половодье, он осел, потом повалился, почти лишившись чувств.

Когда он немного очухался, солнце уже село, и тени крались по дну ручья. Он с трудом поднялся и увидел ружье, брошенное Эдвардсом. Подняв его, он понял причину столь поспешного бегства — замок ружья был разбит Меркеном при падении, и теперь оно годилось разве что в качестве дубины. Очевидно, это было единственное оружие в лагере самогонщиков.

Все события заняли не более нескольких минут, ведь солнце уже садилось, когда Майк вырвался на свободу. Он взглянул на свою жертву — Лири все еще лежал там, где свалился; он получил слишком сильные побои, чтобы собраться с силами за короткое время. Майк подумал, что бутлегер умер, но, слава Богу, тот зашевелился, и Костиган с облегчением отбросил подобные мысли; люди иногда отключаются на часок, получив нокаут на ринге или в другой какой свалке.

Меркен, судя по всему, постепенно приходил в сознание, но все еще валялся и был не в себе.

Майк подумал, не связать ли парочку, но решил, что нет смысла, поскольку Эдвардс вернется и все равно освободит их. И необходимо было поспешить в город, где испанцы могли отыскать девушку.

Потом его осенило: Гомес собирался быть здесь к ночи и, предположительно, самогонщики должны

были стать его компаньонами на холме. Если верить Лири, двое латинос собирались встретиться с ним. Майк решил, что сейчас наступило время провести собственное расследование. Он поднял кирку, валявшуюся неподалеку, вскинул ее на плечо и отправился на холм.

Он шел осторожно, крадучись мимо деревьев, в темноте похожих на леших, но было еще кое-что потяжелее всяких там переживаний, ведь из лап Лири он вырвался не без ущерба для себя: одежда висела клочьями, рука едва действовала, глаза почти заплыли, кожа на лице и руках, казалось, отсутствовала, торс был сплошь в синяках. Смертельно уставший молодой человек, подошел к подножию Дьявольского Коня с первым проблеском звезды. Было бы правильное растянуться где-нибудь для хорошего отдыха, но он упрямо двигался дальше.

«Какая жалость,— думал он,— что Эдвардс — единственный свидетель столь жестокого и так блестяще закончившегося боя».

Вдруг где-то впереди себя он услышал приглушенную речь, которая, хоть ее и было неясно слышно, все же не походила на английскую. Он скользнул за дерево и затаился. Вскоре показались двое: один высокий и тощий, а другой — низкорослый, массивный, похожий на гориллу.

Когда они проходили мимо убежища Майка, кулаки его непроизвольно сжались так, что кровь отхлынула от суставов, и смертельная ненависть овладела ирландцем. Все самые древние, самые затаенные инстинкты поднимались в нем и приказывали убить этих двоих быстрыми, жестокими ударами орудия, которое Костиган держал на плече.

Потом, когда мужчины прошли совсем близко от него и удалились, не ведая того, что едва-едва

избежали смерти, Майк, трясущийся от злобы, вынужден был прислониться к дереву, чтобы взять себя в руки. Так сильны были его любовь и ненависть.

Никогда прежде он не испытывал желания убить человека. Какую бы враждебность он ни питал к противнику, он всегда вполне удовлетворялся ударом кулака по морде. Однако при взгляде на этих людей, что преследовали и избивали девушку, единственную, которую он любил, вернулись воспоминания о жалобном рассказе Мерилин, и, вместе с обретенной любовью, он познал и ненависть. Дикий гнев на мгновение обжег его. Он пошел своей дорогой, изрядно потрясенный пережитым, и не так уже, как прежде, уверенный в своей железной выдержке.

В ранних сумерках, проложив путь среди чахлых малорослых деревьев, он вскарабкался на отвесно вырастающий утес Восточного Пика. У него была определенная цель, и вскоре он оказался перед ней — на северной стороне холма. Склон здесь поднимался невероятно круто, но ближе к вершине так же круто падал вниз, образуя провал между склоном и довольно высоким утесом.

Кроме того, недавний взрыв поблизости вызвал небольшой оползень, и часть передней стенки утеса сползла вниз, образовав некое подобие подошвы. На этой-то подошве Скинни, этот «чудак», и нашел свою золотую монету, если верить его неопределенному описанию.

Майк остановился, — подъем отнял у него слишком много сил. Выше, там, где над ним поднимался утес, было зловеще тихо и мрачно. Перед ним лежало довольно широкое пространство, похожее на небольшое плато, пустошь, на которой ничего не росло.

Здесь, свыше ста лет назад, измотанные солдаты генерала Рикардо Мареса обрели свою последнюю обитель. Майк, с его живым воображением, как наяву, увидел то короткое и жестокое сражение: испанцев, сбившихся в кучу поблизости от подошвы утеса, с неуклюжими кремневыми ружьями и с гораздо более смертоносными саблями, пиками и кинжалами.

Их высокого бесстрастного командира, нашедшего, даже в тот тяжелый час, силы вырыть тайник и спрятать золото, которое его верность королю забросила так далеко от Санта Фе, нарисовать карту с обозначением места тайника на коже сапога кинжалом, который он обмакивал, несомненно, в свою кровь. Майк мысленно видел эту страшную сцену: грохот мушкетов, резкие взвизги сабель, сталкивающихся с томагавками, пение стрел. Потом последняя глава — неотразимые бешеные атаки пронзительно воющих краснокожих дьяволов с перьями на головах.

Он мысленно живописал кровавую сцену, как жестокую драму далекого прошлого: дикие наездники, несущиеся прочь на запад, — черная гравюра на ярком пламени заката, — их перевязи отвратительно украшены скальпами. А позади остались проигравшие — обнаженные, окровавленные, изувеченные.

Майк слегка передернул плечами. Страшный день!

Жуткий день, он до сих пор бросает свою мрачную тень на век нынешний, кровавым отблеском золота, побуждая людей совершать преступления, и потомки надменных кастильцев, которые владели этим золотом, борются за него с сыновьями тех самых дикарей.

«Очень может быть, и даже слишком может быть, что потомки первопоселенцев, изгнавшие и индей-

цев, и испанцев из страны, ставшей приютом для золота, знай об этом, тоже бы ввязались в драку,— думал Майк с чисто нордическим добродушием.

Он посмотрел на утес, сумрачный и зловещий в свете звезд; здесь Скинни нашел свою монету, и здесь же, по рассказам, первые поселенцы находили разбросанные кости скелетов, распавшихся в процессе гниения.

Майк не сомневался, что эти останки отмечали место последней стоянки экспедиции Маркеса. Знание этих двух фактов и привело его к утёсу. В сумерках он неотчетливо видел очертания двух огромных скал, примыкавших друг к другу. Он поднял кирку, содрогнувшись от острой боли в мышцах, тихонько качнул ее наугад, и она ударилась там, где скалы соприкасались. Посыпались осколки камней, обнажился небольшой проем. Это был неожиданный подарок, ведь к нему он мог вскарабкаться без особых усилий. Все складывалось слишком просто, слишком легко, чтобы быть правдой и, после стольких сражений, интриг и трудов казалось даже неприличным; случайный удар киркой, и открытие совершено. Он вскарабкался, у ног его на глине лежала кирка.

После всего происшедшего легко решить, что всеми поисками Мерилин управляла целая цепь случайностей. Майк был поражен, что случай может быть так слеп, как кажется в этом деле. Наверное, так проявилась забота тех высших сил, что опекают безумцев и беспомощных детей.

Держа в руке зажженную спичку, он обследовал бывший тайник. Показалась крошечная пещерка, обрамленная фрагментами гнилого дерева,— остатками сундука, в котором, несомненно, хранилось золото. Очевидно, испанцы вырыли в глине доста-

точно глубокий туннель, уложили туда сундук с золотом и завалили входное отверстие большими камнями, замазав их глиной, смешанной с почвой, чтобы замаскировать это место и придать ему первоначальный вид.

Шло время, сундук совсем сгнил, спрятанные монеты валялись небрежной грудой, готовой выпасть наружу в любой момент, как только тайник будет вскрыт. Оползень стащил вниз огромную часть почвы с лицевой стороны утеса и вместе с ней большую часть камней, оставив только те два, между которыми была щель, в этой-то щели и нашел Скинни монету, когда здесь спал после дневных шатаний.

Луна уже взошла, и в ее свете Майк выбирал из тайника монеты, блестящие просто фантастически. Сохранившаяся часть туннеля оказалась неглубока, и Костиган вскоре понял, что подобрал все сокровище Мареса. Величина его сильно преувеличилась по мере пересказов, и конечно, монет там было не на миллион, но все же на первый взгляд набралось на несколько тысяч долларов.

Большое счастье для девушки в стесненных обстоятельствах. Майк уныло размышлял, что найденный тайник, наверное, проложит пропасть между ним и Мерилин. Она никогда не говорила, даже не намекала, что отвечает ему взаимностью, и, следовательно, у парня не было ни малейшего повода думать, что прекрасная испанка разделяет его чувства. Майк решил, что неверно истолковал смятение девушки, вызванное его участием и заботой, и уж, конечно, он не собирался напрашиваться на благодарность.

По крайней мере, Майк испытывал известное удовлетворение, найдя для нее сокровища. Пусть это даже приведет к разлуке с любимой. Правда,

совесть не давала забыть, что он отправил Мерилин в город одну, но он убеждал себя, что так сложились обстоятельства. Он не успел бы перехватить ее по дороге и отправиться вместе с ней на поиски, как Мерилин того хотела. Теперь же, если его долгое отсутствие вызовет беспокойство девушки, то найденное золото послужит ему оправданием.

Рассуждая столь пессимистично, он опять повернулся к золоту, к которому начинал уже чувствовать некоторое отвращение. Он понимал, что все сразу ему не утащить, и решил до отказа набить карманы, сделать еще нечто вроде мешка из куртки, а остальное перепрятать поблизости и вернуться за ним позже. Конечно, это потребует времени, но другого выхода Майк не видел. Состояние, в котором он сейчас находился, не позволяло сделать большего.

Да и вообще, надо скорее покончить с этим. С тех пор как он обнаружил тайник, какие только ужасы не мерещились ему. Он внимательно всматривался в рощицу деревьев у края плато, не шевелится ли там что. Тени от окружающих камней, колеблющиеся в лунном свете, тоже давали богатую пищу воображению, а шепот ночного ветерка предупреждал, что кто-то подкрадывается.

Он стоял на коленях перед слабо поблескивающей грудой золота и трудился так усердно, что на какое-то время забыл об осторожности. И вдруг мир вокруг него с грохотом обрушился, и он провалился в черную пустоту, в один миг растеряв все, даже самые радужные, надежды.

7

Майк медленно возвращался к действительности, первым ощущением стала пульсирующая боль в

голове и онемевшие руки. Он силился припомнить, что произошло: сражение с Лири, найденный тайник... А что же потом? Решив, что оцепенение — это результат того, что веревка Эдвардса слишком туго стягивала руки и все это шуточки нарушенного кровообращения, он начал разминать руки и ноги, но неловко повалился набок.

Пытаясь опять сесть, он внимательно огляделся вокруг, — луна поднялась уже высоко и ее сияние ярко освещало всю площадку. Перед ним сидели четверо: Гомес, худое лицо его расплывалось в злобной улыбке, Эл Калебра, поблескивающий свинными глазками, Лири и Эдвардс. Прикрыв телом мешок с деньгами, Майк надеялся, что его скинут в пропасть вместе с ним.

— А! Опять визитер, — сказал Гомес.

Лири, обезображенное лицо которого теперь еще меньше напоминало человеческое, посмотрел на Майка.

— Ты здорово воткнул мне, Костиган, — сказал он без всякой злобы. — Второй раз за всю мою жизнь я отключился, а тот бой был с тяжеловесом. А вообще, тебе повезло, ведь когда я еще хорошо видел, я закинул в карман нож. А какова драчка, а!

— Да, — согласился Майк, уже не чувствуя к Лири ненависти и зная, что сейчас опаснее всех Гомес, который немедленно вмешался в разговор.

— Благодарю вас, сеньор Костиган, что вы нашли для нас золото. Мы тоже считали, что оно лежит на этом утесе, но решили посмотреть еще где-нибудь. Сегодня вечером мы собирались перерыть здесь все с помощью вот этих людей, а потом подумали, что слишком глубоко копаем. Кстати, сеньор Лири, почему это вас не было в назначенном месте и вы появились только сейчас?

— Мы отнесли Меркена в город, Костиган сломал ему два ребра. Эй, слышь, Костиган, я встретил одного парнишку, очень тобой интересовался. Мое имя Лири, и я никому не справочное бюро. Ну!

— Та-а-к,— присвистнув, начал латинос, но Лири заткнул его.

— Ну уж нет, черт побери, я признаю тебя только здесь, и все!

Атмосфера сразу опасно накалилась, Гомес улыбнулся и осторожно ее разрядил:

— Буэно! Пусть теперь наш друг, который так прекрасно найти нам золото, остаться здесь навсегда, а мы брать монеты и идти. Но что нам сделать с Майком?

— Подвесь на каком-нибудь дереве,— предложил Лири.

— И получить Федеральную Службу на хвосте? Глупо, сеньор. Но ведь может произойти несчастный случай, скажем при падении, если вы его уроните перед нашим уходом.

— Это пригодилось бы и для тебя,— невнятно буркнул Лири.— Но береженого...

— Вот именно. Мы будем в Южной Америке раньше, чем найти тело. Самолет моих друзей поднять только двоих.

— Нам с Эдвардсом это и лучше,— грубо ответил Лири.— Мы тоже быстро уберемся. Но, послушай, нам не с руки убирать Костигана. Ну?!

— Хватит! Тем более если здесь меньше золота, чем думать, мы не нуждаемся ваша помощь нести его в самолет.

— Согласен. Поделим здесь.

Майк почувствовал, что дело быстро движется к развязке. Тонкая улыбка Гомеса застыла, почти заледенела на его темном лице. Лири набылчился, этакий пригнувшийся монстр: запывшие глазки по-

сверкивают, огромные кулаки конвульсивно сжаты. Взгляд Эдвардса заметался из стороны в сторону, и только Эл Калебра, сидевший в одиночестве, оставался спокоен.

— Нет, сеньор,— Гомес задышался, и голосом, чуть выше шепота, членораздельно произнес: — Нет, я не думаю, что мы будем делить деньги на всех.

На мгновение повисла напряженная тишина, затем Лири со злобным рычанием подпрыгнул, как разъяренный тигр, и растопыренные пальцы его походили на когти. Рука Гомеса мгновенно поднялась, сверкнув металлом автоматического пистолета, и в темноте раздался щелчок. Лири приостановился, пьяно покачнувшись, потом медленно сложился, и, раскинув руки, неуклюже улегся возле ног своего убийцы.

Эдвардс что-то пискнул, заметался и попробовал спастись бегством вниз по склону, но Эл Калебра швырнул свое обезьяноподобное тело следом. Эдвардс оглянулся и пронзительно завизжал. Уже возле деревьев он вдруг споткнулся, и в тот же миг Калебра настиг его. Что произошло там, в тени ветвей, Майк не увидел, но блеснула сталь, и визг Эдвардса оборвался на запредельной ноте.

Эл Калебра поднялся на плато, вытирая лезвие кинжала о грязный рукав.

— Теперь,— с сардонической улыбкой сказал Гомес, стоявший в ожидании Калебры,— остается только взять золото — и в Южную Америку! Дурак Лири думал, что загнал меня в угол, я же знаю, он хотел забрать все найденное, а не забрал бы, так и молчать согласился бы только при условии дележа.— Гомес уже не думал об акценте, а Майк, вспомнив про нож в кармане Лири, понял, что испанец скорее всего прав.

— Дурак! Я только хотел получить еще и девушку, а потом смыгться. Приди он на полчаса позже, то мог бы спокойно проваливаться, ведь нас здесь уже бы не было, но глупец пришел вовремя и умер. А теперь и вы не будете мешать нам больше. Я сейчас закончу то, что Эл Калебра не довел до конца, когда подобрался к вам по камням и свалил с ног, пока вы были поглощены сокровищами.

Майк похолодел, но справился с собой, не моргнув глазом встретив насмешливый взгляд Гомеса. Медленно, с изысканной жестокостью пистолет испанца поднялся и нацелился Майку в лицо. Костиган смотрел в черное дуло, от которого до его, Майка, смерти был всего один щелчок. Единственное, пусть небольшое удовлетворение, ему доставляла мысль, что убийца никогда не увидит слабости Майка Костигана. В нем опять кипел недавний гнев, подстегиваемый еще и яростью бессилия сильного мужчины, умирающего без единого шанса покончиться.

Глаза Гомеса прищурились, палец на курке напрягся.

— Руки вверх! — как удар хлыста раздалась команда.

Гомес вздрогнул и поднял взгляд, курок дернулся, и Майк почувствовал, как пуля опалила его щеку. Пронзительный крик слился с эхом выстрела, и второй пистолет сказал свое слово.

— Номбре де Диас! — открыв рот от изумления и заикаясь, проговорил Гомес. — Не стреляйте!

— Ты скотина! Ты дьявол! Ты убил его!

Лежавший Майк неловко вывернул голову, — позади него стояла Мерилин. В ее широко открытых глазах стояли ужас и отвращение, лицо было бледное, но пистолет в руке не дрожал.

— Ты убил его,— повторила она гневно,— и я убью тебя!

Следующая пуля прошла мимо испанца, целиться Мерилин все же не умела, но Гомес закричал, увидев свою смерть в темных глазах. Эд Калебра стоял, задрав руки вверх, явно ошарашенный подобным сюрпризом.

— Мерилин,— обрел наконец голос Майк,— я не убит.

Девушка вздрогнула, взглянула вниз и тут же бросилась перед ним на колени, пытаясь поднять его голову, целуя и всхлипывая одновременно, со всей страстью кастильской натуры, совершенно позабыв обо всем остальном.

— Разрежьте веревки! Скорее, девочка!— то-ропил он Мерилин, полузадушенный объятиями, и она начала пальцами рвать узлы.

В этот момент Гомес и Эл Калебра, с отчаянием загнанных в угол крыс, подскочили, подхватили мешок с монетами и ударились в головокружительный бег, волоча мешок между собой. Рванувшись из веревок, Майк неистово выругался, но Мерилин удержала его.

— Нет, нет, пусть бегут,— просила она,— не хочу никогда больше видеть это золото! И так уже все промокло от крови! О, Майк,— причитала она,— я нашла свой пистолет, потом пошла обратно, а там уже никого не было, и я потеряла ручей и появилась только сейчас.

Закончив свой бессвязный отчет, она зарыдала, как убитый горем ребенок, вся ее буйная свирепость мгновенно улетучилась. Что за девушка! Истинная дочь древней Кастилии, в гневе она могла запугать даже банду головорезов, а потом опять стать хрупкой и нежной, и трогательно краснеть,

как школьница. Майк не мог понять, как ей удалось проскользнуть мимо латинос незамеченной, видимо, они слишком увлеклись разговором со своей жертвой. Вдруг рев самолета, который садился на невозделанное поле к северу от подошвы холма, разорвал тишину. А вскоре самолет взмыл «свечкой», чиркнув по звездам в южном направлении.

Гомес, несмотря ни на что, выиграл,— подумал Майк.— Повезет ли ему и дальше?»

Вдруг позади них раздались проклятия и еще какие-то булькающие звуки. Они повернулись,— Лири изо всех сил пытался подняться на ноги. Грудь его была фактически разорвана на куски, но в руках он держал ружье. Поднимая его к небу, бутлегер морщился от боли. Самолет все еще жужжал над ними, и ружье в руках умирающего грохнуло раз, другой... Самолет изменил направление, мотор заглох, раздался тягостный вой, потом тяжелый удар. Это на другой стороне холма рухнул пронесшийся, как пылающая комета, самолет.

А Лири, шатаясь, смеялся страшным, каким-то квакающим смехом, и кровь толчками вылетала из его рта. А затем, опрокинувшись, он умер, прежде чем упал на землю.

Мерилин дрожащей рукой отерла лоб и вдруг упала без сознания Майку на руки; драма окончилась, но слишком дорого обошлась.

Майк бережно отнес ее подальше от жуткого места и осторожно уложил на случайный клочок мягкой травы. Вскоре девушка пришла в себя и внимательно на него поглядела.

— Я как-нибудь достану золото, Мери, девочка,— сказал Майк тихо.— Я заберу его из разбившегося самолета и...

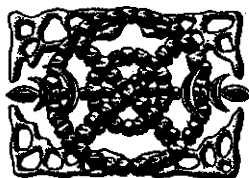
Она содрогнулась:

— Ох, не говорите об этом!

— Мери, малышка, может быть, я совсем дурак, но мне начинает казаться, что вы меня действительно любите.

Костиган прочел ответ в темных глазах, привлёк девушку к себе, и шепот Мерилин донёсся до него, как дуновение ветерка:

— Я люблю вас, Майк!

НОЖ, ПУЛЯ И ПЕТЛЯ

Стивен Элиссон, известный также как Сонора Кид, одиноко торчал у стойки бара «Золотой песок», когда туда влетел Джонни Элкинс. Он мельком взглянул на бармена и, тронув Элиссона за локоть, невнятно пробормотал сквозь зубы:

— Стив, они добиваются тебя!

Тот и виду не подал, что расслышал. Кид был очень молод, среднего роста, стройный, но сильный, как пума. Кожа его

лица потемнела, видно, солнце и ветры немало потрудились над этим. Сонора выглядел совершенно так же, как и множество других ковбоев, участвующих в ежегодных скачках в Чизхольме. Если бы не глаза. Внимательные серые глаза, временами поблескивающие холодом стали из-под широких полей шляпы.

Две пушки, с рукоятками под слоновую кость, в потертых кобурах висели на бедрах явно не просто для вида.

Кид осушил стакан и спросил:

— Кто добивается?

Стрельнув глазами на дверь, Элкинс тревожно прошептал страшное имя:

— Гризли-Простак! Город кишит охотниками за бизонами и они как на шиле! Эти парни не трепачи, и я носом чую, за кем они охотятся на этот раз. За тобой!

Кид подбросил монетку, проследил, как она покатилась зигзагами по стойке бара, стриб сдачу и повернулся на выход. Кривоногий коротышка Элкинс поспешил следом, стараясь подстроиться к широкому шагу приятеля. Они вышли из салуна и протопали несколько ярдов, прежде чем заговорили снова.

— Эй-богу, Кид,— пыхтел Элкинс,— ты меня бессишь! Я тебе говорю, кто-то в здешнем коровнике подначивает этих шкуродеров на всякую чертовщину!

— Кто?

— Откуда я знаю? Ну, хотя б Майк Конноли. Помнишь, как ты увел у него парней, которых он укрывал, когда мы ошивались здесь в прошлом году. Ведь он тоже когда-то охотился на бизонов. Его ребята держатся с ним заодно, так что, если тебя посадят в лужу, он и пальцем не пошевелит.

— Его никто и не просит шевелить пальцами! — обозлился Элиссон, и глаза его блеснули. — Я не нуждаюсь в каких-то скотоводах, чтоб разогнать банду охотников!

— Да чего ждать! — убеждал Элкинс. — Ребята ж вчера отправились.

— Ну, ты ж знаешь, — ответил Элиссон. — Мы пригнали в город большое стадо, самое большое в этом году, и продали скот Блейну — новому перекупщику. А он еще не полностью рассчитался: у него не хватило наличных, но дал достаточно, чтобы расплатиться с гуртовщиками, да еще я кое-что послал в Абилену. Полный расчет будет сегодня. Вчера я отправил ребят вниз по тропе, а то ведь продуют все деньжата с этими охотниками! Вот я и прогнал их на юг от греха подальше. А сам получу остальные деньги и догоню ковбоев в Арканзасе.

— Старик Донноли иногда так напивается в дологе, прям до невозможности. Почему бы Блейну не послать ему чек или еще как-нибудь?

— Старик Донноли не доверяет банкам. А знает, он держит все деньги в огромном сейфе на ранчо и всегда требует, чтобы с ним расплачивались большими купюрами.

— Мало того, что ребята рвут жилы, гоняя скот с низу Рио-Гранде до Канзаса, — проворчал Джонни, — так еще каждый сосунок должен рисковать своей шкурой, перевозя кучу налички. Черт, Стив, по двадцать долларов за голову — это ж какая куча пачек! Мула задавить можно! Да любой грабитель за такое продырявит шкуру кому хошь и не задумается!

— Я должен сейчас же встретиться с Блейном, — резко прервал его Кид. — И с деньгами или без, но я не выметусь отсюда, пока Гризли не откроет кар-

ты. Он не будет хвастаться, что выставил меня из города!

Элиссон повернул в сторону правления, некрапеного строения, заодно служившего и офисом и жильем для деловых людей города.

Когда Кид вошел, Блейн разулыбался, он явно был рад встрече. Перекупщик скота был крупным мужчиной, холеным, упитанным и хорошо одетым. Выглядел он, как самый типичный представитель племени перекупщиков, одного из многих племен авантюристов, пронесившихся железными осколками с Запада через Канзасские равнины, где, как от волшебного прикосновения этого железа, в одну ночь возникали новые города, открывались новые каутауны — торжища крупного рогатого скота.

До того как из западных районов протянули сюда железную дорогу, с чего и начался бум ското-торговли, Блейн был картежным шулером на рудниках Невады. Сейчас он не носил оружия в открытую, но поговаривали, что во времена его картежной карьеры ему не было равных в искусстве владения пушкой.

Умный, честолюбивый, образованный, этот человек являлся центральной фигурой в новоиспеченном городке, быстро разрастающемся в надежде не только успешно конкурировать, но впоследствии и затмить такие старинные каутауны, как Абилен, Ньютон и Вичита.

— Я думал, вы будете позже, Элиссон, — улыбнулся Блейн. — Ну вот, они здесь, пришли сегодня утром!

Он дотянулся до огромного сейфа и выложил на стол объемистую пачку денег.

— Пересчитайте!

Кид потрянул головой:

— Вы дали слово.

Он вытащил из кармана черный кожаный мешок, затолкал туда деньги и туго перевязал веревкой, стараясь сделать пакет менее громоздким.

— Вы собираетесь везти с собой эти деньги? — поинтересовался Блейн.

— Прямоиком на ранчо Томагавк, — осклабился Кид. — Старик Донноли распорядился, чтоб только так.

— Вы сильно рискуете, — грубовато сказал Блейн. — Почему вы не хотите, чтобы я выписал чек на Первый Национальный Банк Канзас-Сити?

— Старик не хочет иметь дела ни с какими банками. Предпочитает иметь наличные всегда под рукой.

— Что ж, это его и ваше дело, — ответил перекупщик. — Документы о продаже мы оформим в другой раз, но, думаю, вы не откажетесь подписать квитанцию: у меня останется доказательство, что я заплатил вам оговоренную сумму в должном виде.

Кид подписал квитанцию, а Блейн, закинув бумагу в пасть сейфа, заметил:

— Я так понял, что ваши гуртовщики отбыли вчера?

— Ага, так.

— Значит, вы намерены ехать в одиночку со всеми этими деньгами? — удивился Блейн.

— Ага! Думаю, все будет в порядке! Поверьте, на тропе в прерии, с деньгами или без, все же спокойнее, чем здесь, в городе.

Кид, естественно, умолчал, что его будет сопровождать Джонни Элкинс, помощник хозяина Томагавка. Джонни появился в Канзасе в прошлом году и теперь, утомленный северными просторами, двинулся на юг со своим старым приятелем.

— Но, пожалуй, я ненадолго оставлю пакет у вас. Мне еще надо уладить одно дельце, а потом загляну к вам: поздно вечером или завтра утром.

Как только Элиссон вразвалочку вышел из офиса Блейна, и его шпоры небрежно зазвякали в уличной пыли, к нему бочком приблизилась какая-то облаченная в неописуемые лохмотья личность и едва слышно произнесла:

— Гризли-Простак с ребятами хотят знать, хватит ли у тебя характера заглянуть в Буффало Хамп?

— Вернись и скажи им: я там буду, — так же тихо ответил Кид.

Личность тут же растворилась в сумерках, а Кид заторопился в отель, а потом в платную конюшню. Вскоре он опять появился на улице, но уже верхом на крепком мустанге.

Каутаун еще не спал, ночная жизнь была в полном разгаре. Жестяно бренчали пианино в дансингах, каблуки отбивали остервенелую дробь на дощатых настилах, двери салунов неистово хлопали. Шумное веселье кутил сопровождалось визгливым женским хохотом, а иногда и выстрелами; гуртовщики выплескивали накопившуюся в тяжелой работе нервную энергию.

Ничто не сдерживало, не смягчало, не облагораживало эти сцены. Все было дико, безвкусно и примитивно, как безвкусны и примитивны были голые стены домов, неряшливо разбросанных под звездами прерии.

Майк Конноли с ребятами шествовали от дансинга к дансингу, свирепо оглядывая каждый салун. Они поддерживали порядок в заведении с помощью револьверов и не испытывали никаких симпатий к тощим, бронзоволицым объездчикам, которых, зло подшучивая, называли «чизхольмами».

Среди объездчиков и в самом деле было немало темных личностей. Тяжелая жизнь воспитывала жестких людей. На первых порах погонщикам скота не раз приходилось в поисках спокойного рынка сбыта прокладывать свой путь через земли, кишящие индейцами и белыми бандитами. В Канзасе они рассчитывали найти отдых, безопасность и самые простые удовольствия.

Но вскоре каутауны переполнились шулерами, авантюристами, профессиональными убийцами и прочими паразитами, масса которых всегда двигалась вслед за любым бумом; золотым ли, серебряным, нефтяным или бизонным. И наивных ковбоев на перегонах в прерии ждали опасности гораздо меньшие, чем в городе, возникшем на волне бума.

Но парни они оказались крепкие и, подвесив револьверы низко на бедра, научились в любой миг быть готовыми к каким угодно разборкам: с индейцами или белыми преступниками на тропах перегона, с шулерами или полицейскими в городах. Истребители же, прежде обретавшиеся в среде шулеров и полицейских, заняли свое место среди гуртовщиков.

К племени истребителей принадлежал и Стив Элиссон, поэтому старик Донноли назначил его боссом на перегоне своего стада.

Кид привязал коня к столбу возле Буффало Хамп и широким шагом направился к пятну золотистого света у входа. Его встретил звон стекла, пьяное веселье и орущие песню голоса:

Июль месяц, помню, стоял на дворе.
Шел поезд на Денвилл по звездной поре.
Сейф полный два парня тихонько открыли...
И золота нету в казенной норе!

Кид приостановился у дверей, правая рука его тихо скользнула к револьверу, но тут он услышал шипение:

— Стив, ты чего, спятил?

Пальцы Джонни стиснули руку Элиссона и он понял, что малый нервничает. Лицо объездчика бледным пятном расплывалось в тусклом свете.

— Не ходи туда, Стив! — убежденно прошептал Джонни.

— А кто там? — тихо спросил Кид.

— Самые отпетые! Гризли-Простак клялся и божил, что вырвет твоё сердце и съест его сырым! Я говорил тебе, Стив, они знают, что это ты убил Билла Гелта. Охотники с тебя скальп снимут!

— Что ж, пусть снимут, если кишка не тонка!

— Но ты ж знаешь их манеру, если войдешь и сцепишься с Простакон, они стрельнут тебе в спину. Вырубят свет и пойдёшь разберись, кто это сделал!

— Знаю! — Никто лучше Кида не знал штучки каутаунских головорезов. — В прошлом месяце несколько хвастунов так же свалили Джо Орда, старшего гуртовщика Триппла. Наверное, они же и ограбили, потому что при парне не нашли денег, полученных за скот. Но то были картежники, а не охотники.

— А какая разница?

— Никакой, если дело дойдет до пули, — ухмыльнулся Кид. — Слушай, Джонни! — сказал Элиссон и перешел на шепот.

Элкинс напряженно слушал, согласно кивая головой, и, когда Кид зашагал к освещенной двери, кривоногий ковбой покатился следом.

Едва фигура Кида показалась в дверях, шум в зале мгновенно затих. Поющие, точнее, режущие парни тотчас прекратили свои жалобы на Джесси

Джеймс и, словно огромные медведи, развернулись в сторону входа.

Кид окинул взглядом весь салун, забитый охотниками и снующими между ними официантами. Кроме них да бармена, в салуне находился еще один человек — начальник полиции Майк Конноли, широкоплечий мужчина с большим неподвижным лицом и тяжелым револьвером на бедре.

Охотники — все как один здоровенные бородастые мужики. Глаза сверкают в свете ламп, одна рука всегда около огромного мясницкого ножа, притороченного к поясу. Многие в штанах из оленьей кожи и индейских мокалинах. У них темные, как у индейцев, лица и длинные волосы. Живя невероятно примитивной жизнью, охотники были жестоки и свирепы, как краснокожие, но намного опаснее.

В центре зала угрожающе возвышался косматый грома, больше похожий на медведя, чем на человека — Гризли-Простак. Он хохотал во все горло, но когда повернулся в сторону вошедшего, глаза его сверкнули, а руки потянулись к оружию.

— Что ты здесь делаешь, Элиссон? — его голос, казалось, заполнил все помещение и даже керосиновая лампа замигала.

— Слышал, ты мечтал со мной встретиться, — спокойно ответил Кид, ни на миг не отводя взгляда от зверской морды Простака.

Гризли-Простак взревел почище буйвола, замолтал головой и схватил оружие. Большинство охотников обычно носили револьверы и ножи, но тот длинный мясницкий нож с широким лезвием, который Гризли неизменно подвешивал к ремню слева, выглядел просто чудовищно.

— Ты убил Билла Гелта! — заорал он, и толпа его друзей угрожающе загудела.

— Ага! — согласился Кид.

Лицо Гризли потемнело, вены набухли. Он выкинул вперед обутую в мокасин ногу, словно пытаясь ударить, и завопил:

— Ага?! Ты убил его до смерти!...

— Я застрелил его за дело, — огрызнулся Кид, и его серые глаза вдруг заledenели. — В прошлом году, когда клеймили стадо у хозяина Томагавка, он крепко повздорил с одним ослом, пригнавшим на ранчо гурт. Парни взяли с собой одного из помощников хозяина и отошли за сотню шагов на обрыв, и Билл разделал того осла, как отбивную. Когда в этом году мы гнали скот, я встретил его в Канаде и навсегда погасил... Но у него все-таки был шанс...

— Врешь! — рявкнул Гризли. — Ты выстрелил ему в спину! Гуртовщик, которому ты хвастался, все рассказал. Ты убил его и бросил валяться, как собаку!

— Собаку я не бросил бы валяться! — ухмыльнулся Кид. — Когда я отъезжал, Гелт стал уже падалью для стервятников и не было особой надобности прикрывать его. Но я не стрелял в спину!

— Ты не выйдешь отсюда! — взвыл Гризли, размахивая огромными кулачищами.

Кид бросил беглый взгляд в зал и увидел потемневшие от ярости лица и напряженные позы. Это было нечто большее, чем застарелая вражда между охотниками и ковбоями. Майк Конноли молча стоял поодаль...

— Ну, что ж вы не начинаете! — поинтересовался Кид, слегка пригнувшись и положив руки на обе кобуры.

— А мы не убийцы, как ты, — презрительно хмыкнул Гризли. — Конноли должен увидеть честную игру. Ты ж вооружен. Или тебе не хватит пороха на драку с нами?

— Честную? Гризли, выбирай оружие сам. Я не боюсь встретиться с тобой.

— Хорошо! — рыкнул охотник, сбросив портупею к ногам Майка Конноли. — Ах да, ты ж не носишь ножей. Джо! Дай ему один!

Бармен нырнул под стойку, где у него был целый арсенал смертоносного оружия, заложенного в разное время безденежными посетителями, и выложил несколько ножей. Кид вытащил оба револьвера, отдал их Джонни Элкинсу, который, как бы случайно, отступил к дверям. После короткого осмотра Элиссон выбрал нож с тяжелой рукояткой и узким, сравнительно коротким лезвием, безошибочно определив испанскую работу.

Остальные расположились вдоль стен, очистив место для драки. Кид не испытывал никаких иллюзий по поводу того, что сейчас произойдет. Он знал о своей репутации отличного стрелка, и понимал, что ему подстроили ловушку: петлю затягивали так, чтобы в первую очередь избавиться от столь опасных в его руках револьверов. А вот если нож Гризли потерпит неудачу, то не миновать Элиссону пули в спину. Кид немного потоптался по опилкам, словно проверяя опору для ног, чуть-чуть передвинулся и... оказался возле раскрытого окна. Наконец он повернулся и изготовился.

Гризли рывком выхватил свой нож и был готов рвануться в атаку, как медведь, с которым его обычно и сравнивали. При всей своей массивности охотник был ловок, как кошка, и ногами орудовал не хуже, чем руками. А противостоял ему сильно уступающий по комплекции ковбой в ботинках на высоких каблуках, совершенно непригодных для быстрого передвижения по полу, засыпанному опилками. Да и нож в руке Стива казался игрушечным по сравне-

нию с клинком противника. Но охотники не ушли или просто не знали, что Кид был родом из местности, где буквально толпами бродили мексиканцы, великолепно орудовавшие ножами.

Кид, стоявший лицом к лицу со своими оскорбленными, орущими врагами, знал, что если дело дойдет до рукопашной — он погиб. Гризли держал нож в левой руке, поскольку правое плечо его было когда-то задето ковбойской пулей. Вдруг он подпрыгнул, как огромный зверь, взмахнул ножом, целясь прямо в сердце врага, и, зарывчав, бросился на противника. Рука Кида ушла назад и вдруг резко вылетела вперед. Испанский клинок сверкнул пучком голубого света и вошел в грудь Гризли — рукоятка дрожала под самым его сердцем. Гигант запылулся и зашатался, изумленно разинув рот. Кровь хлынула потоком... И он рухнул, головой вперед.

Тело Гризли еще не успело коснуться пола, а левая рука Кида, спрятанная до того под рубашкой, вынырнула с небольшим двуствольным крупнокалиберным пистолетом. Не глядя, Санора дважды выстрелил в сторону лампы; свалился охотник, успевший поднять шестизарядный револьвер, со звоном разлетелась лампа, поливая толпу горящим керосином. В наступившей темноте охотники и вовсе сорвались с цепи: началась дикая стрельба, треск мебели смешался с воплями и проклятьями. раздался зычный голос Майка Конноли, требовавшего зажечь свет.

Едва зал погрузился во тьму, Кид развернулся и кинулся в окно. Он, как кошка, приземлился на ноги и помчался к столбу, у которого был привязан его конь. Вдруг перед ковбоем возникла чья-то тень, он инстинктивно вскинул пистолет, но тут же признал Элкинса:

— Джонни! Мои револьверы?

Две гладкие, хорошо знакомые рукоятки ткнулись Киду в руки.

— А я сразу пошел в обход посмотреть, что делается вокруг, а то мало ли что.— Джонни даже слюной брызгал от возбуждения.— Ты пригвоздил его, Стив? Да? Ух, ей-богу!

— Берись за дело — топчи свою тропу, Джонни! Страхни городскую пыль и жди меня у ручья, на развилке в трех милях к югу. Я буду там, как только заберу деньги у Блейна. Ну! Катись!

Несколько минут спустя, перебросив поводья через голову коня, он скользнул к освещенному окну и увидел работающего за письменным столом Ричарда Дж. Блейна. Услышав свист ковбоя, тот оглянулся, раскрыл рот и побагровел. Кид толкнул приоткрытую створку окна и прыгнул в комнату.

— У меня нет времени обходить дом вокруг,— извинился он.— Как только вы отдадите деньги, я немедленно дам тягу из города.

Чем-то изрядно сконфуженный, покрасневший Блейн поспешно скомкал лист бумаги, на котором только что писал, и попытался запихнуть его в карман, потом повернулся к сейфу, стоявшему открытым за его спиной. В глубине разверстой пасти сейфа Элиссон увидел свой черный кожаный мешок. Блейн вдруг обернулся:

— Какие-нибудь неприятности?

— У меня — никаких. Если только у тех придурков — охотников за бизонами.

— О! — Казалось перекупщик понемногу приходит в себя. Во всяком случае лицо его постепенно приобретало нормальный цвет.

— Вы меня здорово напугали, Кид. Мне померещилось, что сам дьявол явился за мной! Так что с теми охотниками?

— Их возмутило, что я убил клеймовщика Гелта. Не пойму, как они это раскопали — ведь я никому в городе не рассказывал о Билле, кроме вас и Джонни Элкинса. Наверное, кто-то из моих приятелей развонил. Не то, чтобы меня это рассердило, но просто я не имею привычки трепаться повсюду о койотах — я в них стреляю, если надо. А эти кретины решили поквитаться со мной. — И в нескольких словах Кид рассказал о происшествии в Буффало Хамп. — Теперь, думаю, парни постараются меня линчевать и при этом будут еще клясться, что я — убийца!

— Ну, это вряд ли, — улыбнулся Блейн. — Можете отдохнуть здесь до утра?

— Не могу, я сейчас же отправляюсь.

— Ну, хоть выпьем на дорожку, — настаивал Блейн.

— У меня совсем нет времени. — Кид прислушался, нет ли погони. Могло случиться так, что обезумевшие от ярости охотники уже напали на след, а Кид знал, что Майк Конноли не стал бы защищать его от толпы.

— Ну, несколько минут ничего не изменят. Подождите, сейчас я принесу выпивку.

Местные правила вежливости в подобном случае отказа не допускали. Блейн вышел в приемную, и Кид слышал, как он что-то ищет. Кид стоял посреди комнаты нервный, настороженный и по привычке внимательно оглядывал все вокруг. Вдруг он заметил на полу смятый комок бумаги, очевидно, часть письма, поспешно скомканного и отброшенного Блейном. Он не обратил бы на листок никако-

го внимания, если бы среди каракулей не увидел случайно свое имя.

Он наклонился, поднял бумагу и, разгладив ее, быстро прочел. Оказалось, что это послание к Биллу Донноли.

Ваш старший гуртовщик Элиссон убит сегодня в баре во время потасовки. Я рассчитался с ним за скот и получил квитанцию с его собственной подписью. Однако денег при нем не нашли, это может засвидетельствовать начальник полиции Конноли. Ваш человек сильно проигрался и, вероятно, воспользовался вашими деньгами. Это, конечно, тяжело, но...

Дверь открылась и появился Блейн с бутылкой виски и двумя стаканами. Увидев свое письмо в руках Кида, он мертвенно побледнел и выронил ношу.

Бутылка и стаканы разлетелись вдребезги. Рука Блейна только метнулась к поясу, а в правой Кида уже блеснул «тексан». Двойным эхом прозвучали выстрелы, но сорок пятый грохнул первым. За спиной Элиссона звякнуло окно, а Блейн рухнул на пол и остался лежать в растекающейся красной луже. Кид схватил свой черный мешок, засунул его под рубашку и выскочил в окно. Потом взлетел на коня и понесся к развилке. За его спиной к привычным звукам ночного города прибавился и все нарастал зловещий рев: бушевали охотники. Надо признаться, что Элиссон, как, впрочем, и каждый, даже самый последний, человек в Канзасе, не задумываясь, повесил бы такое чудовище, каким сейчас выглядел сам в результате столь неудачного стечения обстоятельств. Кид стиснул зубы — нож, пуля, петля — всего хватало этой ночью.

Джонни Элкинс ждал его в условленном месте, и ковбои сразу же отправились в свой обратный путь — на тысячу миль по Южной тропе.

— Ну? — Джонни прямо корчился от любопытства.

Элиссон коротко рассказал обо всем, что произошло.

— Теперь я все понял. Блейн делал капитал на грабеже, получая и скот и деньги. Понимаешь, он думал, что я в городе один, и нарочно задержал расчет за стадо. Потом напустил на меня охотников. И у Блейна оставалась квитанция, доказывающая, что деньги мне переданы. Если бы меня убили, а денег при мне не оказалось... Он даже постарался задержать меня, наверное, надеялся, что подоспеют охотники.

— Но он же не мог заранее знать, что ты оставишь баксы в его сейфе, — деловито заметил Джонни.

— Ну, если б не оставил, то Конноли забрал бы деньги, стоило охотникам меня прикончить. Он человек Блейна. Должно быть, так же обстояло дело и с Джо Ордом.

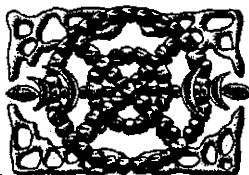
— А все считали Блейна таким большим хозяином, — протянул Джонни.

— Ага. И вспомни, сколько крупных гуртов пропало даром. Я думаю, что, вообще-то, он мог и впрямь стать большим хозяином. Однако большой или маленький — сорок пятому все равно.

И это суждение заключало в себе всю философию «истребителя».

ПЕВЕЦ В ТЕНИ

Как только Морфей мне подаст свою руку,
Я вновь вместе с ним устремляюсь туда,
Где каменный идол, внимающий звуку
Струн лютен алых, что не молкнут года,
Где смерти коса замахнулась над троном
Владычицы страшных крылатых зверей,
Что к мрамору неба, замывая со стоном,
Уносят когтями невинных детей.
В полете железные перья расправив,
Могучие птицы спиралью кружат,
И демоны злые, свой замок оставив,
На тайную оргию страха спешат.
О, если б хоть часть этих ярких видений
Я смог донести до сознания людей!
Но шепот лоснешный зовет сновиденья
Забить и проснуться как можно скорей.
И все же под солнцем, очи слепящим,
Сердце мое всегда унисоном
Бьется в ритме тамтамов, бурлящем
В том королевстве сонном.

(Перевод И. Мостового)

Роберт Говард оказался беспокойным соседом. Он продолжал фанатично писать, частенько просиживая за работой всю ночь напролет. В теплую погоду доносящийся через открытые окна стук его пишущей машинки мешал спать Батлерам. Миссис Батлер жаловалась на это миссис Говард, но жена доктора не терпела никакой критики в адрес своего сына. Она попросту исключила Батлеров из числа своих друзей, и когда в следующий раз молодой Лерой Батлер без всякого злого умысла заглянул поболтать с Робертом, Эстер недвусмысленно дала ему понять, что юноше не место в их доме.

Роберт по-прежнему работал днем и печатал по ночам. Отдыхая от этих занятий, он сидел, расслабившись, на крыльце, распевая песни, — при этом его зычный голос разносился чуть ли не по всему Кросс Плэйнс. Одной из его самых любимых песен была *«Прощай, черный дрозд»*. На ее мелодию он обычно импровизировал стихотворные строки, приходившие ему в голову. Возбужденный чем-либо — радостью, гневом или горячительным напитком, — он иногда выбегал из дому и мчался как угорелый, подпрыгивая и испуская дикие вопли.

Роберт много гулял. Каждый будний день его можно было видеть шагающим пыльной дорогой по направлению к почте, находящейся в центре города. Частенько он заходил и на маленький рынок, что держали Энни Ньютон Дэвис и ее муж, откуда нес домой сумки, набитые продуктами. Перенос тяжестей не только развивал его мускулатуру, но и увеличивал аппетит, который появился у Роберта еще в молодые годы. Он в большом количестве пил молоко, любил сыр и испытывал особую слабость к блинам. Кэйт Мерримэн, которая вела хозяйство Говардов во время болезни Эстер, утверждала: «Быюсь об заклад, что я испекла ему не менее миллиона горячих блинчиков. Он мог есть их на завтрак, на обед и на ужин». Из напитков Роберт выказывал несвойственное большинству техасцев предпочтение чаю перед кофе.

Результат такого гаргантюанского аппетита не замедлил себя ждать: вес Роберта достиг 200 фунтов, иногда даже превышая эту цифру. Его широкое лицо округлилось и слегка обрюзгло. В конце 1928 года он хвастался Прайсу, что, ограничивая себя, подобно спартанцу, снизил свой вес до 184 фунтов для участия в матче по боксу. Эта борьба между

аппетитом и ненавистью к тучности продолжалась до конца жизни Говарда.

Как только позволили средства, Роберт стал коллекционировать оружие. Особо ценные экземпляры украсили стену ванной комнаты, а не поместившиеся на ней хранились в стенном шкафу. Эта коллекция включала в себя пару рапир, кавалерийскую саблю времен гражданской войны, латиноамериканское мачете, бумеранг и несколько ножей и кинжалов, одним из которых был траншейный штык-нож времен Первой мировой войны с треугольным лезвием и зубчатой гардой. Говард также приобрел длинный французский штык, изогнутый на манер турецкого ятагана.

Роберт и Линдсей пытались фехтовать, насаживая на концы рапир пару пустых патронных гильз и не надевая обычных фехтовальных масок, жилетов и перчаток. К счастью, ничьи глаза от этих неосторожных действий не пострадали. Иногда Роберт фехтовал и с Эрлом Бэйкером. Мы можем с определенностью утверждать, что Роберт Говард не был знаком ни с одним опытным фехтовальщиком и никогда не читал книг, посвященных этому искусству. Вероятно, он получил понятие о том, как обращаться с рапирой, из фильмов, в которых Дуглас Фэрбенкс успешно изображал из себя блистательного фехтовальщика.

Представляя беспристрастный обзор жизни Говарда в годы, последовавшие за окончанием колледжа Говард Пэйн, мы допускаем, что его существование может показаться скучным и бедным яркими событиями. Когда завершился нефтяной бум, в городе снова воцарились прежние богопослушные обычаи и былое спокойствие, граничащее со спячкой. Прогнозы погоды, сообщения о смертях и рождениях, случившихся в округе, да грядущее покрытие асфальтом главной улицы — вот те события, что могли волновать умы жителей Кросс Плейнс.

Но для Роберта Говарда то, что происходило вокруг, никогда не казалось более важным, чем его собственные мечты и фантазии. Для него годы, которые он провел в крошечной комнатке, сторбившись над клавишами пишущей машинки, были временем, полным чудесных событий и приключений. Суматоха и суета нефтяной лихорадки, с буровыми вышками на зад-

них двориках, скандалящими подсобными рабочими, нефтяными магнатами, норовящими выхватить из-под носа друг друга лицензии, размалеванными девицами в откровенных нарядах, беззастенчиво предлагавшими свои тела на улицах, были ему совершенно неинтересны.

В своем творчестве Говард мог воплотить в жизнь любую невероятную идею или по-иному описать событие, привлекавшее его внимание. Воображение писателя заставляло обыкновенные эпизоды повседневной жизни сверкать, подобно фейерверку на темном бархате ночного неба. Можно привести один пример. За два дня до Рождества 1927 года в городе Чиско четверо грабителей ворвались в Первый Национальный банк, причем их главарь был наряжен в костюм Санта-Клауса. В завязавшейся перестрелке были убиты комиссар полиции и семеро граждан. Захватив заложников, налетчики скрылись. Один из них был ранен и вскоре скончался. Через три дня были пойманы остальные грабители; двоих приговорили к смертной казни. Один из смертников попытался совершить побег, но был пойман и растерзан возмущенными горожанами. Главарь банды — Хелмс — был казнен на электрическом стуле. Президент банка упоминает, что когда Хелмса вели на казнь, он сопротивлялся, но смерть принял молча. Говард же описывал этот эпизод гораздо более красочно: «Хелмс... опускался на сиденье, рыча и изрыгая проклятия, сопротивляясь неизбежной судьбе так отчаянно, что наблюдавшие за этой картиной пришли в ужас».

В год, когда отец выделил ему определенное содержание, чтобы он смог попробовать свои силы на литературном поприще, Роберт работал не только над *Пост-Оукс и Сэнд-Рафс*, который можно счесть автобиографическим романом, но и над рассказами *Змея из ночного кошмара* и *Под пологом кровавых теней*, опубликованными в «Сверхъестественных историях». *Змея из ночного кошмара* — одна из наименее запоминающихся работ Говарда. Ее сюжет достаточно прост. Один человек рассказывает своим друзьям о повторяющемся сне, в котором его преследует огромный африканский змей. Каждую ночь монстр, извиваясь, ползет сквозь высокую траву и с каждым разом подбирается к нему все ближе и ближе. После того как друзья уходят — и такой поворот событий мог предугадать

любой читатель «Сверхъестественных историй», — они слышат раздающийся из-за двери крик и, ворвавшись в комнату, видят скорчившегося человека, как будто сдавленного в смертельных объятиях боа-констриктора. Впоследствии читателям Говарда стало известно, что огромные змеи очень часто присутствуют в его рассказах, являясь причиной страшной смерти многих несчастных жертв.

Рассказ *«Под пологом кровавых теней»* первоначально носил название *«Соломон Кейн»*, по имени главного героя. В нем гораздо больше смысла и действия. Это первое повествование о Соломоне Кейне, впоследствии ставшем героем одного из самых популярных циклов Говарда. Роберт придумал его, еще учась в старших классах школы, — образ этого воинственного пуританина родился в сознании Говарда задолго до того, как появиться на свет и прославить своего двадцатидвухлетнего создателя.

Действия, описанные в рассказе, как и во многих других ранних произведениях Говарда, происходят в Западной Африке. Именно в этом произведении появились зачатки того отличительного стиля Говарда, который особенно ярко выражен в его поздних творениях, изобилующих зверствами и жестокостью. В прозе Говарда присутствует много элементов, встречающихся, как правило, в поэтических произведениях: ритм, аллитерация, стремительные, рвущиеся вперед глаголы, запоминающиеся метафоры, щедрое использование персонификации — отношения к неодушевленным предметам и безличным силам так, как будто они были живыми существами.

Когда Кейн впервые попадает в Африку, мы ощущаем ритмы черного континента в каждом слове, которым Говард описывает этот эпизод:

«Бам, бам, бам! — доносился до него монотонный звук барабанов. «Война и смерть! — говорили они, — кровь и похоть, человеческая жертва и человеческий пир! Душа Африки, — пели барабаны, — дух джунглей, песня богов запредельной тьмы — богов, известных людям еще тогда, когда солнце было юным, богов со звериными глазами, распахнутыми в грозном рыке ртами, огромными животами и окровавленными руками, Черных Богов!» — гремели барабаны».

Эта тяжеловесная, пульсирующая проза напоминает поэзию Эдгара Аллана По и современника Говарда В. Линдсея — вы-

чурный драматический стиль письма, который десятилетием позже совершенно вышел из моды, замененный хемингуэвским стилем коротких рубленых фраз, неприкрашенных фактов и немногословности. Но переворот, произведенный в литературе Хемингуэем, еще только грядет. Для того рода фантазий, которые создавал Говард, его крепкий причудливый стиль определенно подходил гораздо больше — хотя с выразительными картинами черной Африки он был знаком исключительно благодаря чтению беллетристики в дешевых журналах. В них имеется лишь намек на истинное положение туземцев в свете современной этнографии.

Между 1928 и 1931 годами Говард написал девять рассказов о Соломоне Кейне и три посвященных ему стихотворения. Говард также начал еще четыре подобных рассказа. Истории становились длиннее по мере того, как он привыкал к объемам, соответствующим повести: от 10 до 20 тысяч слов — весьма выигрышный размер для описания фантастических приключений.

В одном из рассказов под названием *«Клинка Братства»* отсутствует сверхъестественный элемент, непременно являющийся атрибутом остальных историй о Кейне. Его достойной заменой стал красочно описанный поединок на мечах. Хотя Говард и надеялся продать этот рассказ одному из тех журналов, которые платили более щедро, и *«Приключения»*, и *«Аргос»* отвергли его. Он увидел свет лишь совсем недавно, опубликованный в двух вариантах — первоначальном и переработанном Джоном Почсиком, который добавил все-таки в него штрихи сверхъестественного.

Другой рассказ о Кейне, *«Десница судьбы»*, также не удалось опубликовать при жизни Говарда. В центре истории находится рука мертвеца, которая, подобно зловещему пауку, подкрадывается, чтобы отомстить убийце. Идея, впервые появившись в беллетристике, казалась впечатляющей, но к тому времени, когда ею воспользовался Говард, она уже достаточно приелась, чтобы вызвать какой-то особый интерес.

Одна из лучших повестей о Кейне, *«Холмы смерти»*, появилась в *«Сверхъестественных историях»* в августе 1930 года. В ней Говард неожиданно показывает свое благосклонное отношение к африканским неграм. Н'Лонга — чернокожий колдун, кото-

рого Кейн встретил еще в рассказе *«Под пологом кровавых теней»*, присоединился к пуританину, чтобы победить племя бессмертных людей-вампиров, напавших на жителей соседних деревень. Чтобы совершить это, душа Н'Лонга оставляет его тело и вселяется в тело Крана, молодого возлюбленного местной девушки, которую Кейн спас от вампира. После того как вампиры терпят поражение, Н'Лонга возвращает Крану его тело, замечая, что Кейн крайне мало знает о возможностях магии:

«Мой друг, ты воображаешь, что все духи злые, но если бы мое колдовство всегда действовало во зло, разве я, получив столь прекрасное юное тело, не оставил бы его себе?»

Весной 1928 года, в то время, когда Говард трудился над *«Лост-Оукс»*, он попробовал свои силы в еще одном экспериментальном направлении. В ответ на настоятельные советы друзей описывать те события и места, что известны ему из личного опыта, Говард создал повесть, озаглавленную *«Испанское золото на дьявольском коне»*. В ней он предпринял попытку изложить традиционную западную приключенческую историю, действие которой разворачивалось в его родном городе. Как и в *«Лост-Оукс»*, Кросс Плэйнс превратился в Лост Плэйнс; главный герой по фамилии Костиган на сей раз носит имя Майк — он молодой писатель, уже успевший достичь успеха, опубликовав несколько книг и журнальных статей, и имеющий солидный счет в банке. Майк помогает прекрасной девушке испанского происхождения одержать верх над парой мерзких авантюристов, имевших намерение отнять принадлежавший ей участок земли.

История написана живым языком и привлекает внимание читателя, но в числе ее недостатков можно отметить определенный налет дилетантизма. В первую очередь это касается фигур злодеев — они получились настолько гадкими и жестокими, будто у каждого на лбу вытатуирована буква «V». Глаза главаря, к примеру, были «нечеловечески холодны и лишены какого бы то ни было выражения, больше походя на глаза змеи, нежели человека».

К тому же Говард здесь прибегает к совершенно невыигрышному приему — его героями временами овладевают приступы невероятной тупости. В одном месте контрабандист Лири упускает возможность застрелить Майка только для того, чтобы доставить себе удовольствие схватиться с ним на кулаках.

Эта уловка предоставила автору возможность подробно изложить собственные познания о боксерских ударах, а также в деталях описать злобную физиономию контрабандиста.

На наш взгляд, эти изъяны не оказались губительными для истории, предназначавшейся для журнала, в котором обычно печатались произведения традиционной направленности, чаще всего написанные словно по шаблону. Тем не менее она была отвергнута редактором. Говард прекратил попытки опубликовать это произведение и вернулся к созданию историй с местом действия в Африке, Афганистане, исчезнувшей Атлантиде и других экзотических регионах, которые имели одну общую черту — были более чем достаточно удалены от того маленького городка, где жил писатель.

Роберт также продолжал писать для «Хунты» — анонимного ежемесячного листка, который распространялся среди его товарищей по литературному поприщу. Несомненно, эти вещи создавались им исключительно для развлечения. В большинстве своем это были небольшие стихотворные произведения и маленькие заметки того рода, что сейчас заполняют страницы многих журнальчиков, издаваемых для чтения в узком кругу. Среди многочисленных обзоров кинофильмов, сделанных Говардом, появляется статья, в которой внезапная слава, постигшая летчика Линдберга, приписывалась автором тщательному созданию культа героя, заметка о правильном употреблении пива и тому подобное.

Несколько таких статей вызывает нечто большее, чем мимолетный интерес. В заметке под названием «Гравюра на эбоните» Говард описывает воображаемую картину садомазохистских отношений с черной женщиной. «Ее пальцы, скрюченные, подобно когтям, раздирали кожу на моем лице, это продолжалось до тех пор, пока я не ударил кулаком по губам и не стукнул ее лицом о свои колени — так, что из уголка рта женщины потекла кровь. Я бил ее по лицу снова и снова. Каждый удар был безумной лаской — она знала это и счастливо смеялась».

Этот отрывок показывает то крайнее неистовство, которым, под своей обычной маской внешнего спокойствия, бывал временами охвачен Говард. Он придерживается традиционно-

го представления о том, что чернокожие более чувственны и обладают гораздо большей сексуальной потенцией и мощью, чем белые люди. Здесь явно отражена сексуальная неудовлетворенность автора, который в течение многих лет имел возможность общаться только с одной женщиной — своей матерью. Маловероятно, что Говард со времен своего детства хотя бы разговаривал с негритянками. Он восхищался светловолосыми девушками нордического типа, однако мысли о чернокожих женщинах пробуждали в его охваченном лихорадкой воображении жестокость и страсть.

Другая заметка, *«Ночные беседы»*, пересказывает — возможно, не полностью — вымышленную беседу между Клайдом Смитом, Труэттом Винсоном и Робертом Говардом, где каждый рассказывает о своих сокровенных желаниях. Смит хочет купаться в роскоши, иметь яхту, на которой он будет совершать дальние круизы. Винсон желает изменить мир, уничтожить притворство и ложную стыдливость, способствовать возрождению искусств и запретить войны. Что же касается Говарда, то про себя он пишет: «Я хотел бы быть самым сильным человеком в мире... Я хочу знать все неведомые, тайные вещи... хочу познать все тайные культы и демонические мистерии... Я хочу писать произведения, от которых будет холодеть кровь... И я желаю, чтобы у меня было четыреста женщин, которые бы читали, что понимают меня».

В отличие от этих султанских фантазий, не таких уж странных для молодого человека, менее экзотическое отношение Роберта к женщинам отражено в статье под названием *«Кое-что о Еве»*. Эта короткая заметка является рецензией романа под тем же названием, написанного Джеймсом Бранчем Кэбеллом (1879—1958), вирджинским аристократом, чья писательская деятельность начиналась с сентиментальных романов.

В первое десятилетие этого века Кэбелл создал серию изящных аллегорических фантазий о воображаемой средневековой стране. Эти произведения были полны дерзкого юмора и остроумных замечаний, касающихся войны между полами. Яркое и в то же время тонкое творение, полное каламбуров, анаграмм и мифологических аллюзий, привлекло внимание ограниченного круга поклонников, но среди широкой публики было практически неизвестно, пока Джон С. Саммер из Нью-Йоркского

общества по пресечению порока» не попытался запретить Юргену за якобы имеющиеся в этом произведении непристойности. Это дело 1919 года сделало имя писателя широко известным, продажа его книг резко возросла. Однако вскоре его произведения почти на десяток лет снова были преданы забвению.

Роман Кэбелла *«Кое-что о Еве»*, которым так восхищался Говард, был опубликован в 1927 году. В нем рассказывается, как в 1805 году сверхъестественное существо по имени Глаум убеждает Джеральда Месгрэйва, молодого поэта из Вирджинии, поменяться с ним телами. Глаум стремился в результате обмена избавиться от любовницы, которая, доставшись Джеральду, вскоре надоедает и ему. Джеральд на чудесном серебряном жеребце Калки мчится в город Антан, чтобы править там, подобно богу. Но по дороге ему встречается женщина средних лет, в обществе которой ему становится на редкость тепло и уютно — настолько, что он отказывается от мысли продолжить путь. Эта женщина, как оказывается впоследствии, является Евой, то есть прародительницей всех женщин на Земле.

В этой аллегории Кэбелл затрагивает свои любимые темы: тщетность всех стремлений, мужские мечты о совершенной, а потому недостижимой женщине, столкновение между подчинением и господством. В предисловии автор размышляет: «Антан остается, говорят они, прибежищем всех настоящих поэтов. Однако нет ни одного человека, который мог бы полностью посвятить себя поэзии. Какой-то своей частью он продолжает оставаться мужем или отцом, и для такого человека Антан недостижим. ...Много людей пишет стихи в молодости, однако с приходом зрелости почти все забрасывают это занятие. Я подчеркну, что не осуществиться как поэт — это очень по человечески. Джеральд не достиг Антана, но он получил наиболее достойную компенсацию».

Говард горячо поддерживал стиль Кэбелла, утверждая, что тот «пишет бриллиантовым пером». Он указывал, что автор привлекает к себе внимание критиков «изящным умением быть утонченно вульгарным и скрывать от большинства косвенными намеками наиболее торжествующую развращенность».

Восхищение Говарда вызвала классификация Кэбеллом женщин на два типа. Эвадна — опасная вампириша, колдунья; Мэй — «хорошая жена», по-паучьи затягивающая мужчин в лип-

кую паутину обывденной жизни. Впоследствии Роберт объяснял собственную неловкость в общении с дамами тем, что Кэбелл ясно дал понять, что женщины — все равно, «домашние» они или «дикие» — губят мужчин, которые соглашаются с ними:

«В объятиях Эвадны мужчина теряет только свою мужественность, достоинство, честь и, возможно, жизнь. С Мэй же он теряет единственно ценное, что у него есть, — идеалы и стремления... Что ж, к счастью, меня ничто не привлекает ни в дочери Евы, ни в дочери Лилит — и я беспрепятственно пройду долгий путь к Антану и к судьбе, что ожидает меня там, тогда как большинство из вас, мои ухмыляющиеся мужественные читатели, будут сидеть у домашнего очага, сквозь розовые очки поглядывая на шалости своих наследников...»

Несмотря на подобную браваду, Говард все-таки пал жертвой женщины, уничтожившей его так же, как острые зубки кэйбелловской Эвадны уничтожили бы Джеральда Месгрэйва, если бы тот не успел избавиться от нее. Этой женщиной была его мать.

Члены «Хунты» продолжали свою деятельность два года. В конце 1928 года Муни вернулся в колледж и вскоре понял, что учеба препятствует продолжению издательской деятельности. Сестра Приса Линор, студентка Техасского университета, взяла эту обязанность на себя и продолжала заниматься «Хунтой» до марта 1930 года. Затем издание скончалось естественной смертью. Во-первых, наступила Депрессия, во-вторых, мисс Прис должна была усваивать учебную программу, в-третьих, у членов «Хунты» появились другие, не связывающие их друг с другом интересы. Муни (1912—1977) впоследствии продолжал работать в газетах, во время Второй мировой войны служил в Воздушных силах США, а после войны стал помощником Линдона Б. Джонсона и автором около десятка книг.

Хотя нефтяная лихорадка уже миновала свой апогей, падавший на начало 1928 года, в Кросс Плейнс все еще не хватало жилья. Говарды, испытывавшие, как обычно, недостаток денег, сдали две комнаты в своем доме — гостиную и столовую — молодой семейной паре по фамилии Оливер. Опал Оливер была одной из пациенток доктора Говарда, ее муж Натан —

рабочим на нефтяной скважине. Две семьи делили ванную комнату, и Говардам теперь приходилось обедать в кухне.

Разумеется, изменение бытовых условий в маленьком домике не могли не повлиять на отношения в семье Говардов. Годом позже Оливеры переехали в меблированные комнаты, но Говарды еще какое-то время продолжали сдавать комнаты в аренду. В середине 1930 года, когда Роберт начал переписку с Лавкрафтом и другими собратьями по перу, он уже не упоминает о жильцах. Из этого можно сделать вывод, что к тому времени Говарды снова имели в своем распоряжении весь дом.

Летом 1928 года Роберт и Линдсей Тайсон отправились в путешествие. Они доехали на поезде до Гэлвестона — города, который Роберт и Труэтт Винсон посетили годом раньше. Молодые люди сняли хижину у моря и совершали длительные морские прогулки на взятой напрокат лодке. Морские картины в очередной раз сильно взволновали Роберта. Он ночи напролет просиживал на берегу, сочиняя стихи. Одним из этих произведений был, вероятно, *«Зов моря»*.

Белые брызги сверкают
Над морем седым и пенным.
Слышу я воли песнопенье:
Они меня призывают:
«Следуй путем нетленным
За морем без промедленья!»

(Пер. А. Еропова)

Позже Роберт признавался Тайсону, что хотел бы, чтобы после смерти его кремировали и рассеяли пепел над морем с кормы корабля.

До конца 1928 года Роберт Говард написал еще одну историю о Соломоне Кейне — *«Череп среди звезд»*. В ней повествуется о том, как Кейн, переходя ночью через торфяное болото, сталкивается с призраком убитого безумного лунатика, который разрывает на куски каждого, кто попадает ему в лапы. Этот рассказ, хоть и вполне профессионально написанный, можно сравнить с теми, что печатались обычно в «Сверхъестественных историях», тогда как предыдущие истории о Кейне выглядели гораздо более самобытными.

В это время Говарду также удалось продать повесть *«Королевство теней»*, написанную годом раньше. Эта яркая, стремительная, насыщенная действием повесть в 13 000 слов предшествовала последующему литературному успеху Говарда — саге о Конане из Киммерии. Хотя *«Королевство теней»* показывает определенную осведомленность автора в литературных описаниях Атлантиды, в частности, в трудах лорда Дансени и Уильяма Морриса, это, несомненно, детище собственного буйного воображения Говарда.

История разворачивается в пору расцвета Атлантиды, происходившему, по мнению автора, более 15 000 лет назад. Действие происходит не в самой Атлантиде, а на континенте Турия, который можно соотнести с Евразией. Название Говард позаимствовал у Марка Эдгара Райса Бэрроуза. Центральное государство этого фантастического континента — Валузия — близится к своему упадку.

Кулл, атлант, изгнанный из родной страны, нанимается солдатом в валузийскую армию и вступает в сражение за трон этого королевства. Создавая образ Кулла, Говард, вероятно, был вдохновлен легендами о германских вождях Гензерике, Одовакаре, Кловисе и нескольких Теодориках, которые в V веке покорили западную часть Римской империи и разделили ее на несколько королевств.

При жизни Говарда им были проданы три повести о Кулле. Говард говорил, что они «писались на едином дыхании, как будто без особого участия с моей стороны». Он также упоминал, что сначала этот герой появлялся в его грезах, после чего он переносил свои впечатления на бумагу. Все это может быть правдой. Но хотя Говард любил утверждать, что при создании своих произведений не пользовался заранее составленными планами, на самом деле он почти всегда достаточно серьезно их обдумывал, записывая краткий конспект до того, как приступить к каждой отдельной истории.

Атлантида из цикла о Кулле представлена центром цивилизации, но тем не менее ее жители облачены в шкуры варваров и вооружены копьями с кремневыми наконечниками. Кулл, один из этих дикарей, был воспитан в джунглях тиграми точно так же, как Маутли — волками. Несмотря на низкое происхождение, Кулл описывается автором как весьма культурный

человек. Достаточно существенным является тот факт, что Говард несколько раз настойчиво упоминает, что Кулл совершенно не интересовался женщинами.

В изложении Говард придерживается теории Льюиса Спенса, связывающей атлантов с кроманьонцами последнедикувой Европы. В армию Кулла входят также отряды лемурийских стрелков с континента Му. В повести утверждается, что люди-змеи с головами рептилий некогда сражались за место под солнцем с прародителями современных людей. Победенные, но не уничтоженные, люди-змеи задумали захватить Валузию. Используя свою гипнотическую силу, они принимали облик обычных людей. Столкновение с людьми-змеями — всего лишь одно сражение в череде войн между людьми и монстрами. Подобные идеи, несомненно, почерпнуты из сочинений мадам Блаватской. Друг Кулла по имени Брул рассказывает об этой битве в выражениях, напоминающих слова де Монтюра, которые он использует, обращаясь к Пьеру в рассказе *«Когда восходит полная луна»*.

Позже, когда Кулл завоевывает трон, Брул становится его правой рукой, поскольку пикты — союзники валузийцев. Говард произвел имя «Брул» от «Brude» — имени, которое носили ряд пиктских королей, о чем упоминалось в средневековых рукописях, называемых Хрониками пиктов. Другие герои этой повести носят имена Ка, Ка-ну, Кануб и Ту. А в одном из рассказов о Кулле упоминается имя Канану.

Здесь проявляется один из слабых моментов в творчестве Говарда. Из-за лингвистического невежества — или же автор просто не давал себе труда обеспокоиться данным вопросом — Говард обычно дает своим героям неблагозвучно звучащие и часто похожие друг на друга имена. В саге о Конане в различных рассказах чудовища именуются Так, Таут и Тог. Такое любопытное пренебрежение Говардом звучанием слов напоминает нам подобное же отсутствие воображения в выборе им имен для своих современных героев. Именно поэтому у него встречается такое изобилие Стивов, Майков, Костиганов, Эллисонов и Гордонов. Скорее всего, причиной этого являлась небывалая рассеянность Говарда. Выбор имен в его поздних фантастических произведениях, относящихся к доисторическим временам, гораздо более разнообразен и интере-

сен. Для наречения своих персонажей из выдуманных стран он использует слегка измененные имена реальных личностей. Лавкрафт, кстати, неодобительно относился к подобному методу.

Испытывая небывалый восторг от положительной оценки *«Королевства теней»*, Говард быстро сочинил еще восемь историй о Кулле и начал, но не успел закончить еще три. Некоторые из них лишь с определенной натяжкой можно отнести к фантастике — место их действия выдуманно автором, но элементов сверхъестественного почти не присутствует, или же их нет вообще. Одна из них — *«Сим топором я буду править!»* — рассказывает о заговоре против Кулла недовольных аристократов. Заговорщики нападают на него темной ночью, но успевший выхватить оружие гигант-король одного за другим укладывает нападающих. Хотя этот рассказ о Кулле был отвергнут и *«Приключениями»*, и *«Аргосом»*, нам еще не раз предоставится возможность упомянуть о нем.

После того как рукопись была возвращена, молодой автор присоединил ее к другим рассказам о Кулле и отправил посылку в *«Сверхъестественные истории»*. Райт выбрал только один из них, вернув остальные обратно. Говард еще не знал, что к публикации никогда не принимается больше одного произведения за один раз. Если вечно занятые издатели получают несколько рассказов, они практически всегда выбирают из них тот, что понравился больше других. Так что печальная судьба рассказов о Кулле была почти предreshена.

Вторым рассказом о Кулле, принятым *«Сверхъестественными историями»*, был *«Зеркала Тузун Тхуна»*. Некоторыми критиками это произведение считается одним из лучших, возможно потому, что автор вложил в него больше личного, чем в другие свои доисторические фэнтези. Когда Кулл устал быть королем, его убеждают посетить Дом Тысячи Зеркал колдуна Тузун Тхуна. В одном из зеркал маг показывает Куллу видения далекого прошлого. В другом король видит будущее, когда после гибели Атлантиды все континенты изменяют свои очертания. Король Кулл настолько зачарован увиденным, что пренебрегает своим королевством и проводит долгие часы перед зеркалами, слушая рассказы колдуна. *«Живи сейчас, Кулл, живи сейчас»* — убеждает Тузун Тхун. — Мертвое — мертвым, нерожден-

ные — не рождены. Много ли стоит людское забвение, если ты сам забудешь себя в тихом омуте смерти?»

Достоинно искреннего сожаления, что, разделяя идею о мгновенности бытия, Говард не отнес ее к самому себе и не отказался вовремя от мысли умереть от собственной руки.

Увидев свое отражение в магическом кристалле, Кулл задается вопросом, кто — настоящий Кулл, а кто — его отражение, и выражает желание пройти сквозь зеркало, чтобы познать другую сторону мира. Тогда его верный друг Брул убивает колдуна и поднимает восстание против иноземного правителя, занявшего трон Кулла. После того как ему удастся покинуть «зазеркалье», Кулл недоумевает: что могло заставить ученого аскета стать предателем? Говард устами Брула отвечает: «Золото и власть... Чем быстрее ты поймешь, Кулл, что люди остаются людьми, кем бы они ни были — колдунами, королями или рабами, тем лучшим правителем ты станешь».

Подверженный сомнениям Кулл, как и Соломон Кейн, имеет гораздо больше общего со своим создателем, чем тщательно выписанные образы таких героев, как Конан и Вулли.

Позже Говард создал еще одну историю про Кулла — *«Роли ночи»*. Ее центральным персонажем является впервые упоминаемый в творчестве Говарда Бран Мак Мори — король пиктов времен Римской империи. Чтобы противостоять вторжению римлян в Каледонию, Бран — далекий потомок друга Кулла, копыеносца Брула, — создает союз бриттов, галлов, пиктов и северян-викингов, хотя в действительности в те времена викингов в Британии не было. Чтобы завоевать победу, маги вызывают из прошлого короля Кулла, и Мак Мори с его помощью одерживает победу над римлянами.

Двадцатидвухлетний Роберт воспеет сильных и мудрых воинов. Как заметил его друг по переписке Лавкрафт, Говард вкладывал в свои произведения много личного. Именно о такой жизни мечтал писатель, склонившись над пишущей машинкой в крохотной комнатухе, за трехстворчатыми окнами которой простирались невыразительные серовато-бурые луга. К счастью, Роберт Говард умел мечтать. Он мог видеть, как над открытым пространством широкого поля, окрашивая травы в красный цвет, вспыхивает зарево битвы. И когда ночью на темном небе зажигались алмазы звезд, он населял

землю таившимися во тьме чудовищами, подстерегающими свою добычу.

...

Помимо фанатичного творческого труда в жизни Роберта были и другие занятия. В 1928 году он ведет оживленную переписку с Гэрлдом Присом. Несколько писем этому адресату, в отличие от остальной корреспонденции Говарда того периода, сохранились. В них много юношеского цинизма (по крайней мере, можно было бы навесить подобный ярлык, если бы не было известно, к чему привели подобные размышления автора писем). Говард писал:

«Я убежден в полной, безусловной, абсолютной и всеобъемлющей тщетности человеческих усилий и достижений. Человеческое — просто доказательство существования слепой энергии, его действия находятся под полным контролем. Это все игра — жизнь со смертью в качестве платы от Дьявола, поддерживающего огонь».

В письмах Роберт делится впечатлениями от увиденных фильмов, рассказывает о пиве, которое выпил, боксерских матчах, в которых участвовал, неудачной попытке сделаться импресарио боксерских состязаний, о встречах со Смитом и Винсоном. Он открыто завидует их успеху у женщин, сетуя, что хотя его друзья и привлекают внимание девушек, те проходят мимо, даже не останавливаясь поболтать, когда с ними находится он. Говард печально добавляет: «Мне кажется, в моей внешности есть что-то отталкивающее...».

Из этого и подобных ему замечаний становится ясно, что отсутствие контактов с женщинами не являлось добровольным выбором Роберта, как было в случае с королем Куллом. Вспоминая посещение мола в Чиско, где он наблюдал за купающимися, Говард находит их сложение великолепным — настолько, что он «упивался их совершенством», до тех пор пока не понял, что эти беззаботные создания были полной противоположностью таких мечтателей, как он. Глядя на их грацию и самоуверенность, «я ненавидел их — как слабый, должно быть, всегда ненавидит сильных. Я думал, что эти прекрасные животные могли совершенством своей физической красоты и своей сильной волей подавить любые фантазии мечтателей. Но очень

скоро, когда до меня дошло, что я не вижу перед собой ни одного парня, которому я бы не мог переломать ребра, ко мне вернулась моя обычная самоуверенность».

Любой намек на чувственность вызывал в душе Говарда мысли о кровавом насилии, и здесь снова присутствует подсознательная ненависть к красивым мужчинам, более счастливым в любви, чем он.

Но в жизни Роберта бывали не только драматические, но и комические моменты. В одном письме он дразнит Прису за его приверженность такому совсем несвойственному техасцам в те времена времяпровождению, как гольф. Он рассказывает своему другу случай, который юмором напоминает истории одного из его героев, ковбоя Брекенириджа Элкинса. Роберт описывает, как он остановился посмотреть на игрока в гольф, который собирался ударить по мячу. Поскольку, как ему было известно, игрок в гольф, прежде чем совершить удар, всегда кричит: «Вперед!» — а этот почему-то молчал, Роберт решил ему помочь:

«Воодушевившись идеей помощи, я вскричал: «Вперед!» — и этот тип тоже вскрикнул и подпрыгнул футов на семь вверх. Потом он неприязненно взглянул на меня, но ничего не сказал — возможно, потому, что я был куда крупнее, чем он. Это относится и к тебе».

В другом письме к Прису Боб с насмешкой отзывается о высшем образовании: «У меня предубеждение к всяческим колледжам — да пошли они все к дьяволу!» И он рассказывает о своей встрече со Смитом и Винсоном, когда они втроем разделись, оставив на себе лишь импровизированные набедренные повязки, и, дурачась, делали вид, что угрожают друг другу пистолетами, ножами и самодельными копиями — это было очень похоже на то, как он и его школьные друзья десять лет назад играли в пиратов. Глядя на сохранившуюся тусклую фотографию этой сцены, мы замечаем, что очки на носу Смита несколько не соответствуют его роли воинственного пещерного жителя.

После Рождества 1928 года Роберт съездил в Браунвуд, чтобы повидать двух своих старых друзей, и Гэролд Прис при-

ехал из Форт Уорта, чтобы присоединиться к ним. Они отправились в лесистую долину за городом, Боб выставил бутылку спиртного, приобретенную в аптеке в качестве лечебного средства. Прис позже вспоминал: «Я помню, как он орал во весь голос строки из революционной ирландской песни *«Восход луны»*, однако почему-то на мелодию сентиментальной народной баллады *«Там, где течет река Шэннон»*.

Роберту доставляло удовольствие просвещать своих друзей. Он познакомил их с гипотезой британского египтолога Маргарет Элис Мюррэй, изложенной в ее книге *«Культе ведовства в Западной Европе»*, изданной в 1921 году. В соответствии с этой гипотезой существовали недоступные места, где обитали аборигены карликового роста, которых загнало туда вторжение современных европейских народов. Для каждого писателя любая новая идея становится зерном, дающим пищу его фантазии. Роберт Говард воспользовался гипотезой Мюррэй в своих рассказах пиктского цикла.

В письмах к Прису Боб давал волю своей страстной кельтомании, рассказывая ему о кельтских языках, генеалогии ирландских кланов, и однажды дошел до того, что представил свое имя в галльском варианте как *«Raibeard Eiarbhin hui Howard»*. Говард изучал польскую фонологию и орфографию кельтского и часто давал героям своих произведений ирландские имена, — такие, как Костиган, Дорган, Кирован и О'Доннел.

Хотя иногда, в минуты раздражения, Говард провозглашал, что кельты — вредный и подлый народ, проклинал текшую в его жилах ирландскую кровь, которая превращает его в лес, что борется во время сплава с волнами и не дает мне спокойно ни бодрствовать, ни спать, ни скакать верхом, ни путешествовать, ни мечтать, ни ухаживать за женщинами, пьян я или трезв, она нагоняет на меня гнев и дремоту... Да что там! Мои предки мало думали об Ирландии, когда навсегда покидали ее. Однако в более рассудительном настроении Говард признает, что «все люди — свиньи, в большей или меньшей степени; у каждого народа есть свои подлецы и свои святые».

После того как Прис окончил колледж и где-то в начале 1930 года переехал в Канзас, Говард виделся с ним редко, но продолжал поддерживать оживленную переписку. Однажды, когда Прис пренебрежительно отозвался о женщинах, утверж-

дая, что великих среди них можно пересчитать по пальцам одной руки, Роберт категорически с ним не согласился. Он взял под защиту женщин, упоминая о величайших умах мира, среди которых называл Сафо, Аспазию и Гипатию.

Другие письма к Прису свидетельствуют о том, с какой легкостью у Говарда вспыхивала совершенно необоснованная ненависть. Он объявляет Канзас, новую родину друга, задворками ада, хотя никогда там не был. Он ненавидел Джорджа Бернарда Шоу, чьи произведения никогда не читал, но усы которого мечтал «выщипать по волоску». Говард одобрительно цитировал из повествовательной поэмы Г. К. Честертона *«Баллада о Белой лошади»*, выделяя заглавными буквами или восклицаниями строку: «И только ненависть права».

Страх перед старостью сквозит в письмах Говарда. Он чувствовал, что «юность уходит, и к 24 годам я начну стареть... Годы подкрадываются ко мне холодом осени, и хотя я еще молод, моя душа стара и трепещет, как ветхое одеяние...».

Последний раз друзья виделись в День Святого Патрика в 1936 году в Сан-Антонио. В честь этого дня Говард выставил напоказ двухфутовый бумажный трилистник. Прис с горечью отмечает, что его старый приятель «почти не проявлял ко мне дружеского расположения в ту последнюю встречу...».

...

К концу 1928 года Говард обнаружил, что он заработал своим сочинительством всего 186 долларов. Тем не менее он получил много воодушевляющих обещаний от журналов, которые пока еще не опубликовали его рассказов и не заплатили за них. Два рассказа о Кулле и два о Соломоне Кейне, которые принял Райт, принесли ему 170 долларов. Однако более существенным должен был стать ожидаемый гонорар за новеллу *«Лицо-черепа»* в тридцать три с половиной тысячи слов — это была его вторая попытка создать произведение такого объема. Когда в конце 1929 года она появилась в *«Сверхъестественных историях»*, Говард получил за нее три сотни долларов, почти по центу за слово, тогда как обычные журнальные расценки составляли полцента за слово.

Критики тем не менее обычно считают *«Лицо-черепа»* второсортной историей. Она, очевидно, была стилизацией под

«Коварного доктора Фу-Манчу» Сакса Ромера. Вместо супер-злодея-китайца, описанного Ромером, у Говарда действует Катулос, бессмертный колдун-атлант с такими же, как у китайского мудреца, «высокими худыми плечами». В *«Лице-черепа»* Джон Гордон заменяет элегантного английского детектива Ромера, черкесская девушка — восточную героиню, а Стивен Костиган — доктора Петри, не очень сообразительного друга гениального детектива, выступающего в роли рассказчика. Гордон на пару с Костиганом пытаются расстроить замыслы атланта объединить цветные расы против правящих в мире белых.

В героях Говарда чувствуется тот же идиотизм, что одолевает персонажей произведений Ромера. Однако Говард всегда оставался на высоте, следуя собственному вкусу, а не повторяя сюжеты других писателей. К тому же стремительное действие и фонтаны крови неизменно привлекали внимание читателей «Сверхъестественных историй».

...

Помимо *«Лица-черепа»* и других таинственных историй с восточным колоритом, рассказы Роберта Говарда условно можно отнести к трем периодам. Поскольку в своей профессиональной деятельности Говард выступал всего в трех жанрах, такая достаточно грубая классификация может оказаться полезной для тех, кто хочет лучше понять его как человека и как творца. Боксерский период писателя приходится на конец двадцатых годов, период «фэнтези» — на начало тридцатых, а период «западных» рассказов — на середину тридцатых.

После неоднократных в течение нескольких лет попыток попробовать себя в различных видах беллетристики Говард преуспел, сумев пристроить три своих рассказа о боксе. Так начался период его спортивных историй. Первый из них, *«Случай на ринге»*, был опубликован в апреле 1929 года под псевдонимом Джон Таварел. Строго говоря, эту историю можно с таким же успехом отнести к жанру «фэнтези», хотя главным героем выступает профессиональный боксер-негр по имени Эйс Джессел.

Хотя рассказ и не является шедевром, для биографов Говарда он весьма интересен. Эйс, «эбеновый гигант», умный, храбрый, добросердечный, упорный и альтруистичный, показывает на возможность компромисса в оценках Говардом чер-

нокожих или, по крайней мере, на терпимость, которую он, хоть и не всегда, начинает испытывать по отношению к представителям других рас. Противник Джессела, «чистокровный сенегалец», описан Говардом (в присущей ему манере, в которой сквозит пренебрежение к «низшим народам») как человек с круглой головой, массивными плечами и густым волосатым покровом по всему телу. В финальной схватке на ринге Джесселу является, вдохновляя его, призрак Тома Молино, существовавшего в действительности боксера XIX века — первого чемпиона Америки в тяжелом весе.

В рассказе Эйс Джессел говорит на ломаном английском. Описание его противника грешит многими неточностями. В действительности сенегальцы высоки, стройны и практически лишены волосатого покрова на теле. Можно только предполагать, какие причины побудили Говарда воспользоваться в этом случае псевдонимом. Не исключено, что, зная о достаточно распространенной в графстве Каллахан неприязни к чернокожим, он хотел избежать обвинения в «любви к неграм».

Вторым из удачных рассказов о боксерах является *«Зменная яма»*. В нем встречается третий по счету персонаж с фамилией Костиган — моряк Стив. Впоследствии он стал героем ряда выпусков комиксов.

Боксерские рассказы Говарда делятся на серьезные и юмористические. Серьезные ничем не выделяются среди обычной журнальной продукции, однако этого нельзя сказать об его юмористических рассказах. Они свидетельствуют о наличии у писателя живого чувства юмора, которое позже проявилось в его комических вестернах. В этих прекрасных рассказах герои, преимущественно моряки, увлекающиеся боксом, участвуют в матчах во время стоянок их кораблей в портах. Это непобедимые буяны с железными кулаками, мускулами из стали, золотыми сердцами и дубовыми лбами. Автор объясняет причины своего обращения к этим твердолобым героям с пудовыми кулаками: «Они простые люди. Ты ставишь их в затруднительное положение, и никто не ожидает, что ты будешь напрягать мозги, изобретая для них хитроумные пути выхода оттуда».

Действие юмористических спортивных рассказов в основном разворачивается на боксерских рингах в портовых городах Востока. Их фоном является красочное воспроизведение

Шанхая, Сингапура и подобных экзотических мест человеком, который никогда там не бывал. Действие наполнено заговорами, погонями в стиле Мака Сеннета и торжеством добродетели. Герои — неисправимые простаки, которые клюют на душещипательные истории о тяжелой судьбе, особенно если ее рассказывает прекрасная, но коварная дама. Эти легковесные байки теперь вряд ли смогли привлечь к себе интерес издателей, если бы их не написал автор историй о Конане. Однако в них все же, невзирая на определенную тривиальность, можно увидеть мастерство и юмор писателя.

После того как Говарду удалось продать *«Змеиную яму»*, он продолжал развивать эту тематику. К концу 1930 года ему удалось пристроить еще шесть рассказов о моряке Костигане. Всего же этот герой выступает в 29 рассказах, два из которых Говард не успел завершить.

Говард сочинял рассказы о моряке Стиве быстрее, чем журналы успевали их печатать. По этой причине в 10 рассказах, где он выступал как главный герой, редакторы давали ему другие имена. Когда в конце 1930 года Фарнсуорт Райт стал издавать наряду со *«Сверхъестественными историями»* еще один журнал под названием *«Восточные рассказы»*, Говард продал ему несколько длинных рассказов (или коротких повестей), отражающих тему Востока. Затем у него родилась блестящая идея: добавить в уже написанные рассказы о моряке Стиве восточного колорита, переименовать в них некоторые персонажи и предоставить на суд Райта. Так, матрос Стив Костиган превратился в Денниса Доргана, белый бульдог Стива по кличке Майк стал Спайком, а корабль Стива *«Морячка»* поплыл по морям под названием *«Питон»*.

К несчастью, журнал *«Восточные истории»*, начавший выходить раз в два месяца, не окупил себя. Вскоре он стал выходить ежеквартально, поменяв название на *«Волшебный ковер»*, но это не помогло ему удержаться на плаву, и в январе 1934 года он завершил свое существование. В связи с этим из принятых Райтом четырех рассказов о Деннисе Доргане опубликован был только один — *«Дороги тьмы»*, подписанный псевдонимом Патрик Эрвин.

Полный цикл рассказов о Деннисе Доргане был опубликован совсем недавно в сборнике *«Невероятные приключения»*

Денниса Доргана. Эти произведения представляют собой блистательные пародии на «серьезные» морские рассказы. Два из них, «В высшем обществе» и «Рыцарь Круглого стола», приводят Доргана в светское общество Сан-Франциско. Дети Маммоны размахивают холеными руками, пристально взирают на матроса сквозь лорнеты и монокли и употребляют только самые изысканные выражения. Они, очевидно, отображают представление автора о высшем свете, в котором он никогда не бывал.

«Серьезный» рассказ о боксе «Собрание ужасов» был продан Говардом «Аргосу» и вышел в номере от 20 июля 1929 года. За 8000 слов автор получил гонорар в сотню долларов. В то время это считалось весьма щедрой оплатой. Страстным желанием Говарда было продать какое-нибудь свое произведение журналам высокого класса, к которым относился «Аргос». То, что «Собрание ужасов» приняли, вселило надежду в Говарда. Однако обстоятельства обернулись так, что ему долгие годы не удавалось пристроить в этот журнал ни одного рассказа — вплоть до последнего месяца своей жизни.

В рассказе «Собрание ужасов» говорится о том, как истинная любовь помогла молодому добродетельному боксеру в матче за чемпионский титул. Очередной герой с фамилией Кости-ган, на этот раз Клайд, как и большинство героев Говарда, являвшийся его идеализированным двойником, имеет шесть футов роста, у него тонкая талия, длинные стройные ноги, удивительно широкие плечи и крепкие руки. Его соперник — смуглый, с узкими холодными глазами серого цвета и гривой черных волос, спадающих на низкий лоб.

К концу 1929 года общая сумма гонораров, которые Роберт Говард получил за свои труды, составила 772 доллара 50 центов. Хотя эти деньги нельзя было назвать особенно большими даже в год банкротства скотного рынка и спада Великой депрессии, многие местные фермеры могли бы позавидовать заработкам Роберта. И Говарды-старшие уже не предпринимали попыток подыскать сыну какую-нибудь «настоящую работу», например, в качестве библиотекаря.

Леон СПРЭГ ДЕ КАМП

СОДЕРЖАНИЕ

КРОВЬ БОГОВ

*Перевод с англ. И. Хохловой,
Г. Подосокорской*

Кровь Богов.	7
Страна кинжалов.	76
Сын Белого Волка.	164
Появление Эль Борака.	205
Рассказ Хода Хана.	218
Железный воин.	308
Рассказ о кольце раджи.	326
Лал Сингх — рыцарь Востока.	343

ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО

Перевод с англ. Н. Барковой

Испанское золото.	369
Нож, пуля и петля.	423
<i>Л. Спрэг де Камп. Певец в тени.</i>	<i>439</i>

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

КРОВЬ БОГОВ

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Елены Посадовой*

Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.01.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36. Тираж 7000 экз. Заказ 619.

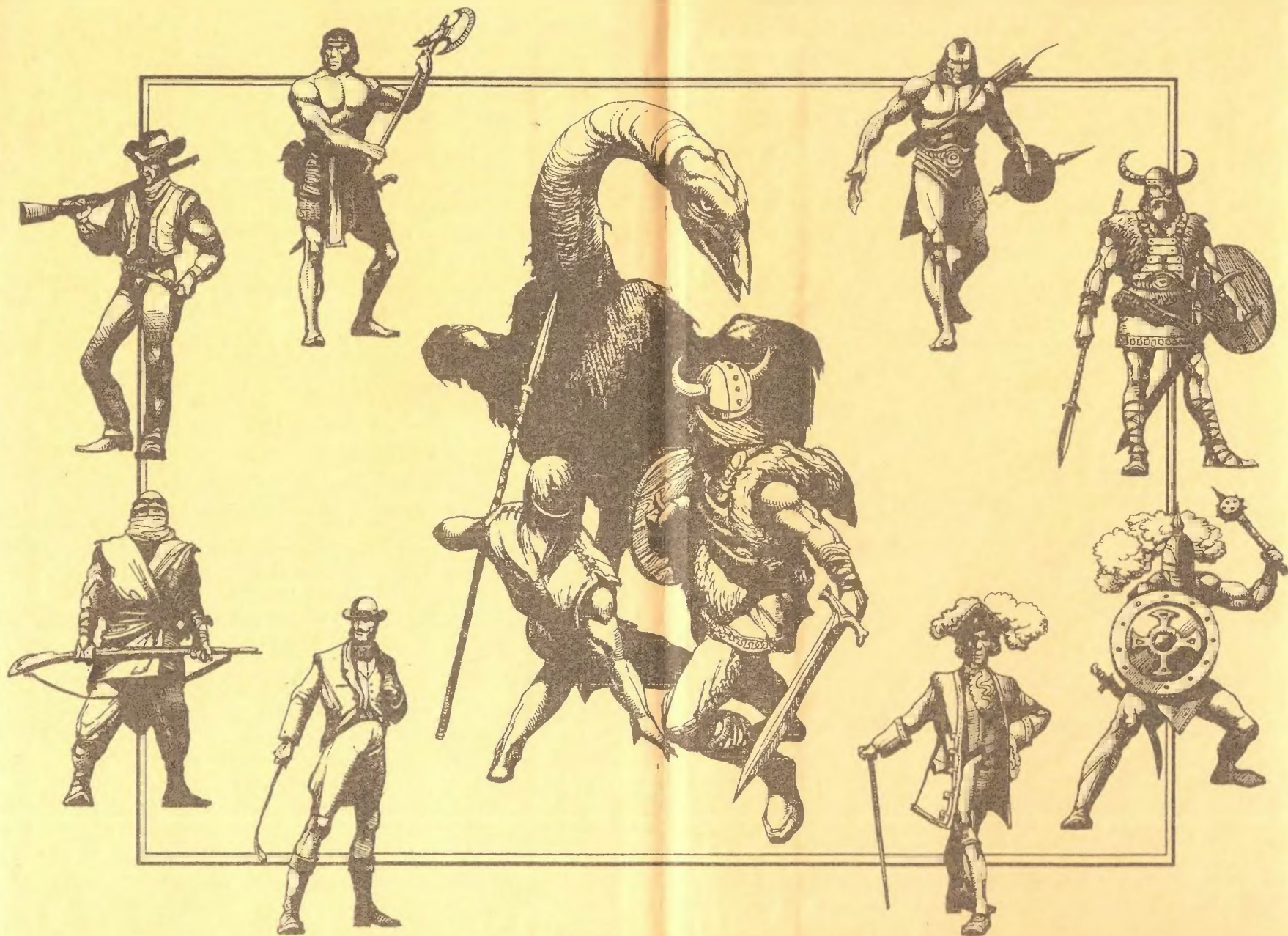
Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР 071380 от 20.01.97 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ №32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

собрание сочинений

Гюберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мифических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

Засада!

Отряд игновенно сдвинул щиты, ошетилился копьями. А из расселин в них уже летели стрелы, оперенные черным и алым. Эл-Борак усмехнулся, обнажая тулвар.

...Земля в ущелье дрогнула. Скалы разомкнулись, точно зияющая пасть Преисподней. Огромный черный скорпион, кроша камень, выбрался наружу. Асгулы бросились в насыпь — но чудовище не замечало их. Его целью был один человек.

•Северо-Запад®